Krasniiâ arkiv; istoricheskiiâ zhurnal...
947
K8

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ВТОРОЙ (ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ)

27

1928

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД

ОТПЕЧАТАНО

в 1-й Образцовой типографии
Гиза. Москва, Пятницкая, 71.
Главлит А-11553. П. 12. Гиз 26408.
Заказ 1004. Тираж 1750 экз.

Lib. Com. (Hist. Lit.)
Harvard
5-11-29
19652

Ставка и министерство иностранных дел.

Продолжение [1]).

Письмо Кудашева 14 (1) февраля 1915 г. [2]).

Ставка. 1 февраля 1915 г.

Совершенно частное.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Нехорошие известия принес нам сегодняшний день. Мы не только уходим из Восточной Пруссии, но, кажется, бежим. Я решительно не понимаю, чем объяснить такое неумение у нас предвидеть события. Под Летценом мы уже 3 месяца окопались, укрепились, говорят, не хуже немцев, и вдруг все бросили и стремительно удираем [3]). Зачем же было «огород городить»?! На-днях мне Данилов говорил, что надо ожидать неприятных вестей из Восточной Пруссии, я его тогда спросил, почему же нельзя предупредить события. На это он ответил так: «Это всегдашняя участь обороняющегося; почему мы не наступаем, вы знаете. Обороняясь же, мы предоставляем противнику инициативу. Где он ее проявит, мы сказать не можем, а превосходство его в путях сообщения дает ему возможность всегда быстрее сосредоточить свои силы на том или другом пункте, где и оказаться сильнее нас». — Не знаю только, думал ли он тогда (разговор я с ним имел в пятницу вечером), что удар немцев окажется уж таким действительным...

Насколько известно, немцы идут в обход правого фланга нашей X армии (от Вержболово) и левого (у Серпена). У Лыка они действуют

---

[1]) См. «Красный Архив», т. XXVI, стр. I—VIII и 1—50.

[2]) Письмо Кудашева от 1 февраля 1915 г., равно как печатаемые ниже письма его от 10 февр. 1915 г. и от 11 февр. 1915 г. были опубликованы в сборнике «Константинополь и проливы», т. II, стр. 123—124, 145—146 и 146—147.

[3]) Очищение Летцена явилось результатом предпринятого 24 янв. (ст. ст.) германским командованием (ген. Гальвиц) наступления и последовавших вслед за тем неудачных для русских армий боев, известных под именем «боев у Мазурских озер». Телеграммой от 3 февраля Кудашев сообщал с большею определенностью о крупном поражении под Августовом X армии ген. Сиверса, об исключительно тяжелом положении, создавшемся на сев.-зап. фронте и об опасениях по поводу возможности отстоять Гродно.

менее энергично. — На восточном их фронте идет чуть ли не 6 корпусов, а если сосчитать всю линию вдоль восточно-прусской границы, то наберется до 10 корпусов! — Пока их крайний восточный (левый) фланг загибает на юг, но, в сущности, им все пути открыты, и они легко могут снова подойти к Ковно и до Гродно. — Как бы оптимистично ни смотреть на дело, положение серьезное, и едва ли при таких условиях можно рассчитывать на выступление новых союзников.

Ген. Янушкевич мне сказал, что вопрос об отозвании Поклевского государем решен. При этом он делал такие инсинуации по поводу Поклевского, что я только руками разводил[1]). Я постарался защитить Поклевского, указывая, по каким простым логическим причинам не могу допустить (даже не упоминая о личном моем знакомстве с ним) действий, будто прямо направленных против его отечества. На это генерал ответил: «Если бы только один Веселкин это говорил, то я бы склонен был признать, что тут или неверная оценка или личные счеты. Но меня предупреждали дважды, притом чины вашего же министерства, в декабре 1913 г. и в марте 1914 г., что Поклевский человек ненадежный и... опасный» (он только не сказал слова предатель).

Я мог только ограничиться замечанием, что, несмотря на свою дружбу и родство с Веселкиным, только сожалею, что он, подобно стольким морякам, любит вмешиваться в политику и не в свои дела...

Кроме решения государя о Поклевском, ген. Янушкевич мне еще сообщил волю государя: чтобы дело о завладении проливами сосредоточилось в ставке и что государь признает только одно решение этого вопроса: присоединение обоих проливов.

Так как проливы еще в руках турок (или германцев), то, конечно, взятие их — дело пока военных; но он заблуждается, если думает, что такой крупный вопрос может быть решен одной только силою. Дай только бог, чтобы была сила!

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 23 (10) февраля 1915 г.

Ставка. 10 февраля 1915 г. № 334.

Секретно.

Милостивый государь
Сергей Дмитриевич.

Вчера вечером я был приглашен генералом Даниловым присутствовать на собеседовании, которое он имел с адмиралом Ненюковым [2]) и целью которого было выяснение того, что мы в силах сделать в слу-

---

[1]) В подлиннике подчеркнуто карандашом.

[2]) К.-адм. Д. В. Ненюков — начальник военно-морского отд. при штабе верх. главнокомандующего.

чае, если бы черноморскому и англо-французскому флотам удалось, прорвавшись через проливы, подойти к столице Турции [1]).

Все то, что я слышал от генерала Данилова, вполне совпадает с тем отзывом штаба верховного главнокомандующего, о котором я имел честь докладывать вашему высокопревосходительству и устно и письменно (мое донесение 12 января с. г.). Если в отношении нашего флота с тех пор произошла некоторая перемена к лучшему (удостоверены аварии, понесенные «Гебеном»), то в отношении сухопутных войск перемен к лучшему нет, и никакой десантной операции мы и ныне не в состоянии сделать на Босфоре, даже если бы там появились наш и союзные флоты. (Я не говорю, конечно, о симулированной посадке на транспорты ополченцев, проектируемой адмиралом Эбергардтом.)

Изложенное наводит на серьезные размышления. В случае, — пока еще гадательного, — прорыва проливов мы окажемся лицом к лицу со следующим положением.

Константинополь будет, правда, под выстрелами трех эскадр, но завладеть им ни мы, ни союзники наши не будем в состоянии. Наступит момент, когда надо будет использовать то, несомненно, большое, нравственное впечатление, которое произведет появление военных судов союзников у стен Константинополя. Сделать это придется спешно, пока не обнаружится наше бессилие завладеть берегами Босфора и городом. Я не сомневаюсь в том, что наши союзники, памятуя свои обещания, тут же предложат нам осуществить наши намерения на Босфоре. Но так как мы не сможем этого сделать, а использовать успех, который будет добыт Англией и Францией, вероятно, большими жертвами, можно будет с тем большей выгодою, чем скорее будут предприняты последующие действия, то самым естественным домогательством наших союзников явится заключение мира с Турцией, с приобретением соответственных экономических и иных выгод, упразднением германского влияния и т. д. Между тем какими бы жертвами для Турции этот мир ни был обусловлен, совершенно ясно, что пожертвовать своею столицею, содержащей многочисленные мусульманские святыни, турки под одним давлением флота никогда не захотят и не смогут.

Таким образом разрешения вопроса о проливах «в согласии с нашими интересами», как понимаем это разрешение все мы, дорожащие историческими заветами нашей родины, не последует. С этим неумолимым фактом надо не только считаться, но, по моему глубокому убеждению, надо с ним примириться, подготовляя к нему постепенно и наше общественное мнение. Ничто так не опасно, как закрывать глаза перед действительностью и обольщать себя неосуществимыми мечтаниями, как бы дороги они ни были для нас. Завладение же нами Константинополем не только теперь, когда столько внешних обстоятельств

[1]) Телеграммой от 9 февраля 1915 г. за № 706 Сазонов сообщал о начатом союзным флотом форсировании проливов и о выраженной Делькассэ надежде на то, что русский Черноморский флот в свою очередь предпримет действия против Босфора.

для нас сложилось благоприятно, но и на долгое время останется мечтою, так как оно не соответствует ни нашей нравственной, ни нашей военной мощи.

Высказываясь так определенно в вопросе, в котором мое чувство расходится с выводами рассудка, — которому, однако, в политике всегда следует давать предпочтение, — прошу вас верить, что я не делаю это под тяжелым впечатлением неблагоприятных вестей, получаемых за последнее время с театра войны, а на основании прочно создавшегося у меня убеждения.

Кн. Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 24 (11) февраля 1915 г.

Ставка. 11 февраля 1915 г.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Я думал ограничиться письмом от вчерашнего числа и не писать более ничего о проливах ввиду вашего телеграфного распоряжения явиться в Петроград [1]). Но я только что узнал об одном факте, проверить который я еще не мог (так как ген. Янушкевич сегодня поглощен работою и визитом военного министра) [2]), но который находится в противоречии с исходным пунктом моего вчерашнего официального письма: в штабе мне сказали, что ген. Данилов вдруг находит возможным посадить один из кавказских корпусов на транспорты и выслать его к Босфору на случай удачи прорыва проливов. Если это верно, то, конечно, картина может измениться, и затруднительность нашего положения ко времени подхода эскадр к Константинополю несколько уменьшится. Конечно, одним корпусом взять и задержать Константинополя нельзя, но наличие десанта значительно усилит впечатление на турок от появления эскадр и даст возможность союзникам, заключая мир с турками, взять и удержать какой-нибудь залог исполнения ими их обязательств. Это поставит нас в более достойное положение по отношению и к нашим союзникам. Но сущности разрешения вопроса о проливах посылка этого корпуса не изменит и не поколеблет моего убеждения в том, что мы ни духовно, ни материально не подготовлены к завладению проливами. Когда я говорю «духовно», или «нравственно», неготовыми, то я разумею следующее: утвердиться в Константинополе, как некие крестоносцы для провозглашения торжества православия, совершенно немыслимо ввиду наших славянских симпатий и течений, антипатии к грекам, да и едва ли достаточного авторитета морального нашей церковной иерархии в глазах греческих иерархов. Взять же на себя роль, которую Англия так блестяще выполнила в Египте, нам

---

[1]) Кудашев был вызван в Петроград телеграммой Сазонова от 10 февраля № 1773, причем временно замещать его должен был Муравьев.

[2]) Военный министр Сухомлинов прибыл в ставку 11 февраля.

совершенно не по силам. Что же случилось бы, если бы мы волею судеб завладели Константинополем, проливами и пр.? Между прочим, мы восстановили бы применением наших отсталых методов управления и, особенно, взглядами на инородцев все местное население да, кроме того, и Болгарию и Грецию, имеющих определенные взгляды на проливы, и особенно на Константинополь и... Румынию, которую мы стараемся вовлечь в свою орбиту и которую едва ли к ней привлекут толки о нашем намерении утвердиться на Босфоре, что для нее означает полную закупорку в Черном море.

Как только мне удастся увидать начальника штаба, я осведомлюсь у него относительно кавказского корпуса и вам протелеграфирую [1]). Заодно условлюсь с ним о дне моего отъезда в Петроград.

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 25 (12) марта 1915 г.

Ставка. 12 марта 1915 г.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

После разгрома нашей X армии [2]) около месяца тому назад принято было решение, подсказанное, как я думаю, ген. Ивановым, — держаться по отношению к Германии оборонительного образа действий и направить все усилия, чтобы окончательно разбить Австрию. С этой целью перевели IX армию Лечицкого в Восточную Галицию. Туда же предполагалось направить сформированный новый корпус (32?) с тем, чтобы вести наступление на Австро-Венгрию с крайнего левого фланга и проникнуть в Венгрию приблизительно в направлении Мармарош — Сигет. Взятие Перемышля [3]), приподняв наш дух, внушило более смелый план наступления на Венгрию, чрез перевалы между Дуклой — Бартфельдом и Тухлою. Это направление более быстрое и действительное, но так как его общее направление — с севера на юг, то оно требует больше сил, ибо необходимо будет, по мере движения вперед, заполнять все увеличивающееся пространство между правым флангом наступающей части (VIII армии) и левым флангом III армии, расположенной по Дунайцу и остающейся там стационарно. Откуда взять необходимые для этого подкрепления? Взятие Перемышля, конечно,

---

[1]) Телеграммою от того же 11 февраля за № 83 Кудашев сообщал, что вопрос о посылке десанта на Босфор обсуждается, но еще не решен окончательно. Телеграммою от 16 февраля за № 92 Муравьев сообщал, со слов начальника штаба, что будет сделано все возможное для посылки войск с Кавказа и что Черноморскому флоту дано распоряжение быть готовым к отплытию в направлении Босфора.

[2]) Потери X армии определялись — приблизительными цифрами — 100 000 пленных и 300 орудий.

[3]) Взятие Перемышля последовало утром 9 марта 1915 г.

освобождает осадную армию Селиванова. Но эта армия не так уж велика (все же 80 000, а не 30 000, как я писал Шиллингу со слов Янушкевича) и состоит, главным образом, из второочередных войск и ополченцев. Все же из нее будет взято, что можно. Кроме того нашли еще два корпуса, один заамурский, другой (32?) — вновь формируемый, которые также из России подтягиваются на усиление армий ген. Иванова. Если только удастся подвести эти войска в Галицию и выполнить план Иванова, то можно ожидать в скором будущем решительных успехов на и за Карпатами. Но этот план, который держится в глубокой тайне и мне сообщен не ген. Даниловым, может быть, и не будет приведен в исполнение и вот почему. На сев.-западном фронте наше положение хорошее, но не безусловно обеспеченное. Пока у германцев между Вислой и Неманом $15^1/_2$ корпусов (на Пилице — $7^1/_2$), т.-е. приблизительно столько же, сколько у нас. Но получены сведения, что у них сформированы 2 новых корпуса (42-й и 43-й) и что они отправлены на наш фронт. Если это подтвердится, то нам придется все, что только возможно, спешно послать на германский фронт, иначе превосходство германцев на 2 корпуса может составить для нас настоящую угрозу. — Но пока план Иванова выполняется, и довольно успешно, как вы можете убедиться из сегодняшнего сообщения штаба.

Вчера вечером я спросил ген. Данилова, как он оценивает положение после взятия Перемышля. Он мне ни полслова не сказал об изложенном выше плане наступления, но подтвердил, что штаб твердо решил сперва покончить с Австрией, а потом, чрез труп ее, добраться и до главного противника — Германии. На энергичном действии на Австрию он настаивает и из политических соображений (увлечь нейтральных). В общем, он мне сказал, что считает наше положение лучшим, нежели германское, но просит не ждать быстрых и эффектных последствий падения Перемышля. Из этих последних слов я заключаю, что, как человек осторожный и, вероятно, не доверяющий талантам и звезде Рузского, он имеет в виду использовать все свободные силы для парирования удара Германии и примириться с длительным, но верным наступлением на Венгрию чрез Мармарош — Сигет.

И. Кудашев.

Письмо Кудашева 7 апреля (25 марта) 1915 г.

Ставка. 25 марта 1915 г.

Личное.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Прибыв в ставку во вторник около полудня, я тотчас же отправился к генералу Янушкевичу, чтобы успеть вам доставить, до вашего доклада у государя императора, последний отзыв великого князя по

вопросу об уступках в Адриатике Италии взамен ее выступления с нами [1]).

Поводом к срочному разговору по сему вопросу (пришлось прервать деловой разговор начальника штаба с председателем Совета Министров, прибывшим в ставку на один только день) была не вполне ясная редакция последней телеграммы Янушкевича (№ 164), и я ему сказал, что вы, быть может, ее поймете, как безусловное veto великого князя на уступку Сабиончелло. Янушкевич мне сознался, что в сущ-

---

[1]) Телеграммой от 22/III 1915 г. за № 1533 Сазонов сообщал в ставку о положении вопроса о переговорах по поводу выступления Италии. Он говорил, что Россия согласилась на значительное большинство итальянских домогательств, которые, по его словам, были «чрезвычайно велики» и что разногласия обнаружились, главным образом, вокруг вопроса о разграничении Далматинского побережья между Италией, Сербией и Черногорией. Сазонов запрашивал великого князя, считает ли он целесообразным пожертвовать некоторыми сербскими интересами и пойти навстречу расширенным притязаниям Италии, главным образом, в вопросе о полуострове Сабиончелло и об островах Курсола и др. Телеграммой от 23/III 1915 г. № 161 Янушкевич передавал мнение великого князя о необходимости возвратить Черногории земли, уступленные Австрии Александром I, и прежде всего Катарро, а также о необходимости предоставить Сербии выход к Средиземному морю. Телеграммой от 23/III 1915 г. № 102 Сазонов подчеркивал, что к данному времени весь спор сосредоточился на вопросе о Сабиончелло и островах, что несогласие России в этом вопросе может сорвать переговоры, и еще раз запрашивал вел. князя, считает ли он возможным сделать Италии такую уступку. Телеграммой Янушкевича от 23/III 1915 г. № 163 передавался ответ вел. князя, полагавшего, что «некоторые уступки еще необходимы», но отмечавшего, что «все-таки не следует в смысле уступок впадать в крайность», и возражавшего, в частности, против уступки Италии полуострова Сабиончелло. В телеграмме от 24/III 1915 г. № 164 Янушкевич говорил о крайней желательности сделать все возможное для сохранения полуострова.

В телеграмме от того же числа за № 166 вел. князь признавал возможным «в крайности, если бы из-за этого мог бы произойти перерыв в переговорах», уступить Сабиончелло, «но под условием выступления [Италии] в скорейший, чем до сих пор предполагался, срок, так как военные операции находятся в такой стадии, что именно теперь выступление Италии особенно важно для обеспечения скорейшего и еще более решительного успеха». Вместе с тем вел. князь решительно возражал против нейтрализации Катарро, что, по его мнению, шло «прямо в ущерб интересам России».

Телеграммой от 24/III 1915 г. № 1553 Сазонов сообщал о полученных им от царя директивах: согласиться на уступку Италии спорных пунктов, продолжая настаивать на присуждении Сербии Сабиончелло; в случае крайней необходимости и на уступку Сабиончелло Италии под условием его нейтрализации и обязательства Италии выступить против Австрии не позже конца апреля н. ст. Сазонов указывал, что вопрос о нейтрализации Катарро является одним из основных требований Италии, возражать против которого не приходится. Телеграмма заканчивалась указанием на необходимость участия штаба верх. главнокомандующего в выработке военного соглашения с Италией. В записи разговора по прямому проводу, происходившего 24 марта 1915 г. между Кудашевым и Шиллингом, значатся следующие слова Кудашева: «...в конце концов великий князь согласен на все уступки, но надеется, что, соглашаясь на них, нам удастся выторговать некоторые соответственные уступки. Говоря о полуострове Сабиончелло, генерал Янушкевич мне заявил: «Из-за этого лишаться союза Италии нельзя».

ности «из-за этого нельзя лишаться союза с Италиею», но что вел. князь не желал это сказать слишком определенно. Он тогда пошел к вел. князю, который немедленно пришел в вагон, где я ждал, и я повторил его высочеству то, что я уже сообщил Янушкевичу, а именно — о необходимости срочно иметь точный отзыв по этому важному вопросу. Вел. князь сказал, что сам составит новую телеграмму вам, и ушел к себе. Через $^1/_2$ часа меня позвали к нему, и мне была прочтена телеграмма, которую вы получили во вторник около 5 ч. Она сперва была редактирована так, что требовалось выступление Италии «через от трех до семи дней» и отмена нейтрализации Боки Катаррской ставилась непременным условием. Когда я объяснил, что Италия раньше 1 мая ни за что не выступит и что новое требование, относящееся до Катарро, менее приемлемо, чем уступка о. [1]) Сабиончелло, то вел. князь (который сам составлял телеграмму, ее только перебелил при мне Янушкевич) изменил редакцию. Вместо 3—7 дней получилось условие о «возможно скорейшем» сроке, а о Каттаро он упомянул, как о с в о е м мнении.

Я позволяю себе передавать вам эти подробности, потому что они, по-моему, свидетельствуют о значении, приписываемом ставкою выступлению Италии. Если бы не так дорожили им, то не так легко изменялась бы редакция наших требований. Впрочем, я и до поездки в Петроград слышал от обоих наших генералов мнение, что выступление Италии для нас очень важно. Не сомневаюсь в том, что оба они в этом смысле воздействовали на верховного главнокомандующего, на которого, вероятно, в обратном смысле влияла прибывшая сюда на праздники великая княгиня.

По поводу слухов о желании Австрии с нами примириться я в очень общих выражениях рассказал их происхождение, прибавив, что переданному вам государем письму вы не придали слишком большого значения, «так как было слишком много анонимов» (я даже не упомянул имени М. А. Васильчиковой [2]), а ведь последняя тоже никого не называла). На это вел. князь заметил: «Напрасно! Надо, чтобы министр всякую такую мелочь, всякий симптом отмечал. Я не говорю, что надо всему давать ход, но... il faut enregistrer, il faut enregistrer. Dites cela au Ministre de ma part quand Vous lui écrivez» [3]). Я ответил вел. князю, что, поскольку было возможно, письмо было использовано. Но его высочество продолжал настаивать на том, что необходимо все «enregistrer».

Н. Кудашев.

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) М. А. Васильчикова — фрейлина, жившая до объявления войны в Австрии и там оставшаяся после начала войны. 25/II (10/III) 1915 г. ею было послано из Клейн-Вартенштейна на имя Николая II письмо, в котором она сообщала о посещении ее влиятельными лицами — двумя немцами и одним австрийцем, — просившими довести до сведения царя о желании центральных держав заключить мир с Россией.

[3]) «Нужно отмечать, нужно отмечать. Передайте это министру от меня, когда будете ему писать».

Письмо Кудашева 11 апреля (29 марта) 1915 г.

Л и ч н о е. *Ставка. 29 марта 1915 г.*

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Вчера мне была передана для набора и отправления телеграмма великого князя генералу Жоффру [1]). В ней высказывается пожелание, чтобы, в зависимости от обстоятельств, были приняты на французском фронте меры, способные в той или другой степени способствовать затруднению переброски германских войск на нашу границу. Факт такой переброски подтверждается разными сведениями и симптомами, и если она осуществится, то нам может не удаться наш план, о котором Жоффру известно и который состоит в нанесении окончательного поражения Австрии.

Сегодня я расспрашивал ген. Данилова, что он думает о ближайших предположениях германцев, которые сравнительно замерли за последнее время, а такое замирание обыкновенно у них предшествует жестокому удару, который они нам наносят. Генерал не хотел высказать никаких предположений; но из разговоров с офицерами штаба я заключаю, что удар может быть направлен опять на Вислу по Пилице. Но это возможно только при условии подвоза новых германских войск, так как находящиеся на Млавском направлении и на левом берегу Немана части оттуда не отводятся и, повидимому, предназначены для того, чтобы там держаться. Этим опасением подвоза новых сил и объясняется вчерашняя телеграмма.

Я также спросил генерала Данилова: верит ли он в возможность для французов преодолеть германские окопы и повести серьезные наступательные действия. На это он мне ответил — о т р и ц а т е л ь н о. Он думает, что проявление активности французов может задержать на их фронте части, предполагаемые к переброске на наш фронт, но и только. На пролом линии французами он не рассчитывает вовсе. Такая оценка положения наводит на печальную мысль, что немцы, в конце концов, не дадут себя запугать французскими «демонстрациями» и преспокойно переведут потребное число войск на наш фронт для нанесения нам нового поражения, объектом коего мог бы быть, напр., Ивангород или даже Варшава.

Ввиду этого необходимость скорейшего выступления Италии делается все более ясною. Только вооружив действительно всю Европу против Австро-Германии, возможна победа над последнею. Ген. Данилов, и ранее неоднократно настаивавший на важности роли Италии, сегодня еще раз указал мне на нее. Будем надеяться, что выступление Италии не заставит себя долго ждать, — даже если за это нам и пришлось бы пожертвовать... австрийскими или венгерскими землями.

Н. Кудашев.

---

[1]) Телеграмма была послана Кудашевым 28/III 1915 г. за № 170 на имя русского посла в Париже.

Письмо Кудашева (30) 17 апреля 1915 г.

Ставка. 17 апреля 1915 г.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Хотя штаб вернулся из Галиции уже более четырех дней тому назад [1]) и я имел возможность беседовать со всеми участниками этой поездки, я затрудняюсь сообщить вам что-либо интересное о вынесенных им впечатлениях. С одной стороны, поездка была очень скорая, с другой — присутствие государя создавало такую своеобразную обстановку, при которой и впечатления получались особенные, вероятно, более праздничные и приподнятые, нежели глубокие, проверенные размышлениями. Генерал Данилов в данном случае, как и во всех прочих, оказался наиболее интересным моим осведомителем. Он сказал мне, что виденные им в Галиции войска произвели на него самое отрадное впечатление и что Кавказский корпус, который штаб инспектировал, настолько ему понравился, что он его ни за что на Кавказ обратно не отпустит. На некоторые невеселые размышления зато навели его, Данилова, города Галиции, начиная с самого Львова. Они настолько ополячены, а полякам в «подъяремный период» в Галиции, повидимому, жилось так хорошо, что даже после окончательного, закрепленного договорами, присоединения к нам Галиции последняя явится источником бесконечных хлопот и трудностей...

Что касается ген. Янушкевича, то, со времени его возвращения из Галиции, я в нем заметил перемену не к лучшему. Он мне кажется особенно нервным и чем-то недовольным. Он мне, между прочим, жаловался на принятые нами обязательства по отношению к южной Буковине и о своих сетованиях и сожалениях довел до сведения государя. «Его величество, — сказал мне Янушкевич, — считает, что все эти обязательства предполагали участие Румынии в войне (?) и что они нас более не связывают. Впрочем, государь, вероятно, сам об этом заговорит с Сергеем Дмитриевичем».

В сущности ген. Янушкевич недоволен тем, что и в деле нашего соглашения с Румынией и в вопросе об определении района наших вожделений на проливах решения были приняты без предварительного запроса ставки. Но, конечно, не это недовольство объясняет несколько изменившуюся attitude генерала. Я думаю, что мы опять накануне неприятных событий на театре войны. Признак некоторой нервности я усмотрел и в телеграмме великого князя вам, посланной вчера с вопросными пунктами (телеграмма вся проредактирована собственноручно вел. князем) [2]). Ведь на некоторые эти вопросы

---

[1]) В телеграмме от 8 апреля 1915 г. за № 187 Кудашев сообщал об отбытии того же числа в Галицию Николая II и великого князя со всем штабом, причем указывал, что предполагается посетить Львов и Перемышль.

[2]) Телеграмма вел. князя от 16/IV 1915 г. за № 197 на имя Сазонова гласила: «Мне крайне необходимо получить ответы: 1) когда будет обнародовано подписан-

я бы мог дать ответ сам; на чисто военные же вопросы накануне была получена исчерпывающая справка из Рима. Копию с нее при сем прилагаю [1]). Впрочем, как мне вчера вечером разъяснил Данилов, — и я эти разъяснения сообщил Шиллингу, — нетерпеливый запрос произошел от того, что Щегловитов уверял, что от вас самих слышал, что Италия выступит через 48 часов (т.-е. объявит войну), между тем этого сведения здесь не было получено, ну и, как говорится, «пошла писать губерния!» [2]).

Хотя это последнее объяснение достаточно для понимания происхождения обращенного к вам запроса, оно не способно развеять дурные предчувствия о возможных новых неприятностях на театре войны. Последние сведения, которые мне удалось собрать, сводятся к следующему. Происходит переброска германских войск с западного берега Вислы на наш юго-западный фронт (к Дунайцу в Западной Галиции) и, главным образом, на Карпаты. Из 26 дивизий, бывших в Завислинском районе, германцы отправили $9^1/_4$ дивизий в район между Вислою и Неманом и $5^3/_4$ дивизий на Карпаты. На направление к Дунайцу, где происходят перегруппировки австрийцев, ожидаются посылка новых германских формирований из ландштурма и переброска двух корпусов с французского фронта. На этом последнем фронте, вероятно, будет происходить только крупная демонстрация. Тот же характер, по мнению штаба, имеют действия германцев на нашем сев.-западном фронте. Набег на правый берег Немана в сторону Россиены, Калькуны, Ковно — хулиганский набег вроде нашего на Мемель. Ген. Данилов мне вчера сказал, чтобы я готовился ко всяким неприятным известиям для конца апреля и начала мая; но он, повидимому, к ожидаемым событиям относится хладнокровно и не видит опасности даже в крупных наступательных операциях немцев.

Очень утешительно также то, что приходится слышать об Алексееве. Он, оказывается, написал приказ, в котором описывает положение и указывает войскам, что действия, направленные против них,

---

ное в Лондоне соглашение с Италией. 2) Известно ли Австрии и Германии, что соглашение подписано. 3) Состоялась ли в Италии предварительная секретная мобилизация и в каком размере. 4) Когда фактически произойдет в Италии общая мобилизация. 5) Когда Италия будет готова и начнет военные действия. 6) Когда последует объявление войны Италии — Австрии, Германии и Турции.

Генерал-адъютант *Николай*».

[1]) Копия указанной справки при письме отсутствует. Справка эта была послана в ставку поверенным в делах в Риме Поггенполем телеграммой от 14/IV 1915 г. за № 82. В ней сообщалось, что Италия намерена выставить до 40 дивизий, не считая берсальеров и альпийских частей. В ней сообщалось также о предположительных сроках мобилизации и о первоначальном плане действий итальянских сил.

[2]) Телеграммой от 14/IV 1915 г. за № 1905 Сазонов сообщил в ставку о том, что соглашение с Италией только что подписано в Лондоне, что по настоянию итал. правительства оно должно храниться втайне, но что существуют надежды на возможность ускорить выступление Италии.

не что иное, как демонстрация, что главная борьба на юге и что им не следует пугаться «обходов» и прочих успехов германцев на сев.-западном фронте. Этим пониманием о б щ е й картины войны ген. Алексеев, как говорят, выгодно отличается от Рузского, который всегда жаловался, что ослабляют его армию, и думал, что только на него нападает противник.

Н. Кудашев.

В только что полученных мною литографиях я нашел телеграмму из Рима с данными полковника Энкеля для здешнего штаба, так что прилагать копию с нее я не буду. Моя телеграмма (№ 82) [1]), на которую отвечает Поггенполь, не что иное, как перечень вопросов, адресованных генералом Даниловым Энкелю.

Письмо Кудашева 6 мая (23 апреля) 1915 г.

Ставка. 23 апреля 1915 г.

Л и ч н о е.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Полковник Ропполо [2]) приехал в понедельник на ставку, и в тот же день начались с ним переговоры. Ген. Янушкевич мне сказал, что дело у них идет на лад, гладко. Между тем он сам, Раполло, повидимому, смущен количеством обращенных к нему вопросов, на которые он ответить не может и по которым ему пришлось в тот же день запросить Рим. Сегодня я еще не имел случая видеться с ген. Янушкевичем, а потому не могу еще сообщить вам, договорились ли до чего-нибудь окончательного или нет. Повидимому, наш штаб доволен, что Италия намерена все свои силы направить на австрийский фронт, а не подкреплять французов [3]).

Относительно Румынии [4]) продолжает держаться взгляд, изложенный в телеграмме великого князя вам. Копия с этой телеграммы была отправлена государю императору. Сегодня за докладом я покажу теле-

---

[1]) «№ 82» приписано в скобках рукою Кудашева над строкой. Повидимому, это ошибка: номером 82 помечена, как указано выше, телеграмма Поггенполя, пересылавшего справку, составленную полковником Энкелем.

[2]) Итальянский военный агент в России.

[3]) В телеграмме на имя Сазонова от 18/IV 1915 г. за № 204 вел. князь между прочим писал: «...Раз директива для итальянской армии есть Вена с заслоном на Триент, то это вполне меня удовлетворяет, и тогда согласования деталей в смысле связи с нашими действиями без ущерба для дела могут вестись при посредстве Ропполо в ставке...»

[4]) В телеграмме от 20/IV 1915 г. за № 211 на имя Нератова вел. князь развивал свой взгляд по вопросу о выступлении Румынии. По его мнению, выступление Италии дает такой «существенный плюс», что выступление Румынии получает уже второстепенное значение. Румынии необходимо дать понять, что выступление ее может быть допущено, но что требования ее чрезмерны и неприемлемы. Фактом запоздалости румынского выступления следует воспользоваться для исправления будущей границы Закарпатской Руси, Буковины и Венгрии.

грамму Поклевского, в которой говорится о непреложной решимости Румынии требовать линию Прута или — не втягиваться в войну. Боюсь только, что, как исходящая от Поклевского, эта оценка не будет здесь достаточно принята в соображение. По-моему, Румынии все можно было бы обещать, лишь бы она поскорее выступила. Но к Буковине здесь относятся особенно страстно и почему-то надеются на возможность неисполнения даже того, что Румынии обещано за ее нейтралитет. Между тем с военной точки зрения Румыния важнее Италии. А события показывают, что без всеобщей коалиции против Австро-Германии война кончится вничью (это в лучшем случае).

Вчера и сегодня известия очень неважны. Если относительно германского набега на Курляндию получены лучшие сведения (немцы начали уходить, и их было не так уж много), то с Дунайца они очень неприятны. Позорного отступления, конечно, нет, и немцы понесли жестокие потери, но все же, несмотря на то, что к удару именно там (как я о том вам писал) готовились, его не смогли принять, как следует, и отступили на Вислоку. На помощь Р. Дмитриеву посланы две дивизии. Надеются, что с этим ему удастся удержаться на Вислоке.

Должен сообщить вам о неприятном для меня обстоятельстве. У нас, в нашей канцелярии, имеется юрисконсульт, проф. Грабарь. По своим политическим убеждениям он — типичный «либерал 60-х годов», хотя ни к какой партии официально не принадлежит. Против него велась интрига, чуть ли не исходившая от самого Кассо; какие-то его письма были перлюстрированы, в которых он сетовал на допущенные нашими войсками нарушения международного права, и его решили отсюда удалить. Поводом к этому послужил конспект (составленный Грабарем еще в ноябре) документам о германских зверствах, присланным нам с фронта и отправленным мною (вместе с этим конспектом) в министерство. Конспект этот на-днях только был прочитан ген. Янушкевичем, которого он поверг в большое негодование. Мне насилу удалось отстоять профессора, чтобы его не прогнали со службы «по 3-му пункту». Решено, что он подаст рапорт о болезни и будет отчислен из штаба. Мне это потому неприятно, что Грабарь вел себя очень тактично и наказания не заслужил. Объективность же его «конспекта» — только смешна.

Н. Кудашев.

Копия письма сербского королевича Александра в. к. Николаю Николаевичу 5 мая (22 апреля) 1915 г. [1]).

Ниш. 22 апреля 1915 г.

Дорогой дядя.

Я получил ваше письмо, которое доставило мне большое удовольствие. Спешу сообщить вам, что все подготовительные мероприятия

[1]) Перевод с французского. Публикуемая копия письма королевича Александра хранится в деле при письме Кудашева от 23 апреля 1915 г.

для перехода сербской армии в наступление находятся в стадии выполнения.

Я рассчитываю, что в назначенный срок мы двинемся против неприятеля, и что к тому времени все затруднения, о которых я упоминал в моей последней телеграмме, будут преодолены.

В ту самую минуту, когда я взял перо, чтобы поблагодарить вас за ваши столь лестные слова, с которыми вы обратились ко мне и моей армии, я узнал, что интересы славян, во имя которых началась эта война, принесены в жертву Италии, как плата за вступление ее в войну.

Согласно договору, заключенному между нею и тройственным согласием, до сих пор тщательно скрываемому от нас, Италия должна получить все австрийское побережье с соответствующим hinterland'ом. Это составило бы приблизительно более полутора миллионов чистейших славян (сербов, кроатов, словинцев), иначе говоря, 150 000 превосходных солдат и моряков. Это означает также, что Италия получает все заливы, все военные порты, все стратегические пункты и все торговые пункты в Адриатике. По отношению к нам она во всем занимает место Австрии, от которой, мы надеялись, эта война навсегда освободит нас.

Я не хочу говорить вам обо всех осложнениях и опасностях, к которым угрожает привести в будущем это внедрение Италии на Балканы на место Австрии.

Я хочу обратить ваше внимание, внимание верховного главнокомандующего русской армии, у которого в руках судьба славян, на вопрос о боевом духе, который является чрезвычайно существенным для армии, желающей победить, и которому подобные факты наносят непоправимые удары. Вначале моя армия была наэлектризована вашими словами, с которыми вы обратились к австро-венгерским народам и которые позволяли им надеяться, что час полного освобождения славян этой монархии пробил. Я требовал у моих солдат, чтобы они соединили свои усилия с могущественной русской армией, чтобы достичь той священной цели, ради которой лилось так много славянской крови! Я не могу требовать от моих солдат продолжения борьбы с той же преданностью и самопожертвованием, которые до сих пор составляли их силу и были истинной причиной одержанных ими успехов. До сих пор мои солдаты сознавали, что требуемые от них жертвы — необходимы, и они мужественно переносили их, теперь никто не сможет разубедить их в том, что они не покинуты их великими союзниками и что славянские идеалы не принесены в жертву выгодам итальянцев.

С другой стороны, Румыния, кажется, поставит условием своего вступления в войну, чтобы ей гарантировали, помимо Трансильвании, весь Банат, в большей части населенный сербами.

До сих пор дипломатия хотела принудить Сербию сделать очень важные территориальные уступки Болгарии.

В то же время все нейтральные страны, которые до сих пор спешили оказывать величайшие услуги нашим врагам и были с самого начала враждебными нам, просят и получают от держав тройственного согласия гарантии, наносящие ущерб их скромному, но верному союзнику, который до сих пор воевал по мере сил своих с успехом благодаря божьей помощи.

Я считаю своим долгом изложить вам все эти вопросы и затруднения, которые возникают в исключительно трудное для меня и моего народа время, когда мы в наибольшей степени нуждаемся в моральном подъеме, который ныне грозит уступить место отчаянию и подавленности. Армия, находящаяся в таком душевном состоянии, заранее и безнадежно побеждена.

Тысячу наилучших и почтительных пожеланий счастья и славы шлет вам ваш преданный племянник

Александр.

Письмо Кудашева 8 мая (25 апреля) 1915 г.

Ставка. 25 апреля 1915 г.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Штаб вернулся вчера вечером из Холма, где было совещание главнокомандующих, т.-е. верховного, генерала Иванова и Алексеева. Удар, нанесенный нам на Дунайце, — очень силен, но это не то, что Сольдау или разгром X армии. Немцы и австрийцы сосредоточились с большими силами, и под их напором пришлось отступить. Потери наши очень велики, но велики и потери немцев. Неприятно то, что, повидимому, наше наступление на Карпаты совсем остановлено: мы сами взорвали Лупковский туннель (на магистрали, соединяющей Венгрию с Перемышлем). Этим мы затрудняем наступление на нас, но и, в будущем, наше собственное наступление.

Вчера вечером, одновременно с посланной вам телеграммой, были отправлены того же содержания телеграммы Китченеру и Жоффру [1]). Последнему было только прибавлено, что последний успех наших противников не может изменить общего хода операций, «в виду тем более de l'offensive décisive que Vous avez promis d'entreprendre et si l'envoi tout à fait indispensable des projectiles promis par le G-t. Français a lieu sans retard» [2]).

Сегодня я зашел к ген. Данилову, чтобы спросить его об его последних впечатлениях. Он мне сказал, что «положение наше упрочи-

[1]) Телеграммы от 24/IV 1915 г. — Жоффру за № 225 и Китченеру за № 226. Телеграммы эти начинаются с указания на то, что последние неудачи имели место в связи с произведенною недавно германцами переброскою четырех дивизий с западного фронта и их концентрацией в районе Дунайца.

[2]) «Обещанного вами решительного наступления и если обещанная французским правительством совершенно необходимая посылка снарядов будет иметь место без замедления».

вается»,—что я вам немедленно передал,—и прибавил: «Это улучшение продолжается и после вчерашней телеграммы Сергею Дмитриевичу». Вполне прочным оно названо быть не может, но Данилов п о ч т и ч т о готов поручиться, что оно скоро станет таковым. В общем настроение на ставке не такое подавленное, какое я видал после прежних наших неудач.

С Ронполо переговоры задержались, так как в ответ на его запросы в Рим ему было отвечено, что не все его телеграммы могли быть разобраны. Перед отъездом штаба в Холм я показал Данилову телеграмму Поклевского о требовании Румынией линии Прута и просил его обдумать хорошенько, насколько допустимы уступки наши Румынии и насколько следует упорствовать в том положении, которое указано в телеграмме вам великого князя? Конечно, в настоящую минуту, под впечатлением известия о нашей неудаче на Дунайце, круто повернуть на уступки Румынии — неловко; но следует взвесить последствия слишком непримиримого тона по отношению к Румынии. Данилов понял мою мысль и обещал ее продумать. Ген. Янушкевич, которому я перед тем показывал ту же телеграмму Поклевского, ничего определенного не хотел мне сказать...

Сейчас мне передали вашу телеграмму о ген. Мартиновиче, скорее передачу телеграммы Обнорского [1]). Сознаюсь, что не знаю, как ее доложить начальнику штаба, который откажется и показать великому князю, так как в ней указывается на интриги черногорской королевской семьи. Я, впрочем, постараюсь подробно объяснить Янушкевичу, в чем тут дело и какие чувства вызывают эти «комбинации» черногорцев у сербов (на основании телеграмм Трубецкого) [2]). Но ясно, что выписанный сюда по инициативе самого великого князя (или его жены) генерал Мартинович останется здесь столько, сколько пожелает великий князь. А пока он здесь, никто не может ему мешать доводить до сведения его высочества все то, что ему будет писать король черногорский.

Н. Кудашев.

---

[1]) Обнорский — первый секретарь русской миссии в Цетинье. В телегр. от 25/IV 1915 г. за № 2229 Сазонов передавал сообщение Обнорского о намерении черногорского правительства превратить военно-техническую миссию ген. Мартиновича при верх. главнокомандующем в «миссию постоянного до конца войны осведомления обо всем, что король Николай задумает довести до сведения его имп. выс-ва в целях осуществления политического плана, выработанного членами черногорской королевской семьи... и направленного ... к возможно большему обособлению Черногории от Сербии при помощи итальянцев, опасающихся слишком большого усиления сербского королевства». Сазонов находил такой способ сношений «совершенно недопустимым», а самые тенденции, проявляемые черногорским правительством, «крайне опасными» и настаивал на «возможном сокращении пребывания генерала Мартиновича в России».

[2]) Телеграммой от 25/IV 1915 г. за № 2141 Сазонов передавал последнее сообщение Трубецкого, сводившееся к тому, что Италия, действительно, нащупывала почву в Черногории о совместных военных действиях, но что Сербия посоветовала отнестись к этим запросам с большею сдержанностью и ожидать указаний ставки.

Письмо Кудашева (14) 1 мая 1915 г.

Ставка. 1 мая 1915 г.

Л и ч н о е.

О д н о п р и л о ж е н и е [1]).

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

При сем прилагаю текст военной конвенции, выработанный на ставке начальником штаба и Ронполо. Поведение последнего здесь очень комментируется, он всех поразил своею нервностью и озабоченностью. Объяснения, данные ему Янушкевичем о нашем положении, о которых я вам вчера протелеграфировал [2]), по-моему, очень убедительны. (Убедительнее, конечно, были бы факты, но таковых в нашу пользу было мало.) Но не подлежит сомнению, что, если итальянцы так трясутся за успешную первоначальную свою концентрацию, то при обстановке настоящего момента она могла бы произойти с наименьшей опасностью, ибо, с одной стороны, атаки французов задерживают германцев, находящихся на западном фронте, а действия против нас (увы, для нас неблагоприятные) не дают австро-германцам возможности отвлечь что-либо с нашего фронта. По этим причинам итальянцам выгодно выступить теперь; для нас же уже не имеет такого значения их выступление сегодня, а не через неделю, ибо помочь армии Р. Дмитриева итальянцы уже не могут.

Что касается нашего положения, то оно, кажется, слава богу, опять улучшилось. Отступление Р.-Дмитриева произошло примерно хорошо, и на Сане он, вероятно, удержится. Во всем винят Драгомирова [3]), который дошел до невероятного нервного утомления. Его сменили, заменив ген. Саввичем, приятелем Данилова. Потери наши в людях огромны — говорят, до 150 000 человек! 10-й и 3-й кавказский корпуса почти что уничтожены. Но не было ни паник, ни позорных сдач. Орудий и снаряжений потеряно очень мало. Р.-Дмитриев

---

[1]) Приложение — проект военной конвенции с Италией — при письме отсутствует. Текст письма опубликован в сб. «Константинополь и проливы», т. II, стр. 170—172.

[2]) В телеграмме от 30/IV 1915 г. за № 235 на имя Сазонова Кудашев между прочим писал: «Видя проявленную Ронполо нервность и озабоченность, генерал Янушкевич успокоил его насчет нашего военного положения, указав, между прочим, что в данном случае наше отступление не опасно для Италии, так как неприятель не станет снимать своих войск с нашего фронта и лишать себя выгод от достигнутого успеха для того, чтобы напасть на Италию. Он указал также на усилившуюся деятельность французов».

[3]) Драгомиров — начальник штаба юго-западного фронта. Необходимо отметить, что он еще 22/IV 1915 г. настаивал перед ставкой на намедленном отводе армии ю.-з. фронта за р. Сан, но ставкою, преследовавшей цели вовлечения Румынии в войну и обязавшейся перед готовившейся к выступлению Италией, настояния эти были отклонены (см. Бонч-Бруевич, ст. «Карпатская операция» в сборнике «Кто должник», стр. 251).

сознается в следующей ошибке: когда обнаружена была колоссальная сила артиллерии наступавших германцев, то он не приказал во-время отступить и этим подставил под убийственный расстрел свои войска; он также плохо выбрал направление контр-атаки и опять подставил под обстрел тяжелых орудий наши войска, пущенные в атаку.

Драгомирова винят в том, что он плохо вообще сгруппировал наши силы: войска наши из-под Перемышля он рассыпал по всему фронту, нигде ничего серьезно не подкрепив и собрав все на границе Буковины, откуда их никуда двинуть быстро нельзя! Впрочем, повторяю, на Сане мы теперь сидим крепко; наступление германцев продолжается, но уже не стремительно, а осторожно. Армия Дмитриева получает подкрепления отовсюду. Между прочим, кавказский корпус Истомина, бывший в Одессе, уже во Львове. Но в Одессу уже прибывают другие войска, так что обещанный нами англичанам корпус для десанта всегда был и будет наготове, когда потребуется.

Сегодня очень всех взволновало известие, полученное Laguiche'м [1]) о министерском кризисе в Риме [2]). Неужели это способно все повернуть назад?! Это было бы фатально, так как только образованием коалиции, в которой участвовало бы по возможности больше государств, возможно осилить Германию. А потому я глубоко убежден, что всякие жертвы дешевы для создания коалиции, особенно когда жертвы берутся за счет еще незавоеванных неприятельских земель.

Н. Кудашев.

Давая мне для снятия копии текст военной конвенции, начальник штаба просил, чтобы я переслал вам этот текст исключительно для вашего личного сведения.

Письмо Кудашева 20 (7) мая 1915 г.

Ставка. 7 мая 1915 г.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Прилагаю при сем копию с разговора по аппарату ген. Янушкевича с полк. Ропполо. Содержание его вам, несомненно, уже известно от Ропполо [3]) или Карлотти [4]). Вел. князь отказывается обязывать Италию снабжать продовольствием сербскую армию, но на словах

---

[1]) Лагишем.

[2]) 1 (14) мая 1915 г. кабинет Саландры, проводивший внешнюю политику, направленную к разрыву с Тройственным Союзом, подал в отставку, мотивируя ее отсутствием единодушной поддержки политики кабинета со стороны партий. После ряда манифестаций в честь Саландры кабинет остался у власти и 20 (7) мая был облечен чрезвычайными полномочиями на случай войны.

[3]) Ропполо выехал в Петроград 30 апреля.

[4]) Маркиз А. Карлотти — итальянский посол в Петрограде.

маркиз Карлотти должен заверить как вас, так и Спалайковича [1]), что, в пределах возможного и с помощью нашею, Италия окажет при случае посильную помощь сербским войскам. Дело, таким образом, сделано, и завтра ждем Ронполо для подписания соглашения.

Янушкевич передал вел. князю вашу благодарность за сообщение вам частного письма к е. и. в. королевича Александра. Вчера вечером, когда мы расходились после обеда у государя, вел. князь меня подозвал и сказал, что, так как вы с интересом прочли письмо королевича, то, быть может, вам интересно будет знать его ответ, а потому даст мне списать этот ответ для сообщения вам. Ответ этот на русском языке при сем прилагаю в копии.

Я сообщил Янушкевичу и Данилову о переданном Поклевским aide-mémoire румынам, но самого документа не показал, объяснив его содержание в общих выражениях. Я к этому прибавил, что вы думаете, что наши предложения будут отклонены. Повидимому, так оно и есть, судя по сегодняшним литографиям. Будем ждать, как теперь повернут события. Мне н и ч е г о не удалось узнать о военном положении ни вчера, ни сегодня. Все хранится в глубокой тайне, и ни о чем не хотят говорить. На все вопросы один ответ: «пока еще ничего нельзя сказать!..» Спрашиваешь: «Ну, что — Перемышль немцами взят?» — отвечают: «П о к а — нет. Но ничего нельзя еще сказать». — В общем, настроение напряженное, а положение, повидимому, критическое. Чувствуется, что если, бог даст, теперь задержим напор немцев (хотя, говорят, два их корпуса, в том числе гвардейский, перешли через Сан), то все спасено — и Перемышль и Галиция. Если же нет, то дело плохо, и придется, вероятно, лишиться всех наших завоеваний. Впрочем, это мое личное заключение из тех немногих отрывочных фраз, которые удалось услышать от некоторых генералов и офицеров штаба. Будем только надеяться, что выступление Италии последует скоро, раньше, чем нам нанесен будет решительный удар, а то итальянцы будут выставлять себя нашими спасителями, а это уж слишком обидно было бы!

Н. Кудашев.

Копия частного письма в. к. Николая Николаевича на имя королевича Александра сербского 17 (4) мая 1915 г. [2])

Я получил твое письмо в ответ на мое. Радуюсь, что положение сербской армии таково, что ты мог отдать соответственные распоряжения для подготовки к началу активных действий.

Что касается до вопроса об общей политической обстановке, о которой ты подробно говоришь в твоем письме, то я ясно понял твой взгляд. Этот вопрос вне моей компетенции. В одном ты можешь быть

[1]) Спалайкович — сербский посланник в Петрограде.

[2]) Копия приложена при письме от 7 мая 1915 г.

совершенно уверенным, что все, что будет в моих силах и возможности, все мною будет сделано. Я твердо верю, что с помощью божьей все, в конце концов, устроится в желательном смысле.

С подлинным верно *Н. Кудашев.*

Письмо Кудашева 22 (9) мая 1915 г.

Ставка. 9 мая 1915 г.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

О военном положении мне все еще не приходится вам сообщить что-либо особенно утешительное и даже определенное [1]). Самое опасное п о к а благополучно миновало — это прорыв германцев чрез наши позиции на правом берегу Сана. Германцы, завладев Ярославом и tête de pont на правом берегу реки против Ярослава, стали переходить реку густой фалангой, несмотря на наш энергичный обстрел с высоких позиций, доминирующих на правом берегу этот переход [2]). Понеся большие потери, они, перебравшись на правый берег, пошли вдоль реки на юг по направлению к Перемышлю, засим на пол-пути до Перемышля повернули на восток и стали долбить наш фронт и успели пробить его. Тут-то угрожала опасность как нашим войскам, находящимся на высотах против Ярослава, так и Перемышлю. Тогда была собрана вся имевшаяся кавалерия и брошена на то место, где случился прорыв. К счастью, ей удалось отбросить пробившихся германцев и сомкнуть опять наш фронт. Будь у нас еще свежие силы в резерве, этот успех мог бы быть использован, и немцы брошены в Сан. Но резервы должны были оставаться для оказания помощи Брусилову, которого сильно прижимали австро-германцы юго-восточнее Перемышля. Одно хорошо — это то, что сильный удар германцев (это были лучшие их войска — 2-я гвардейская дивизия) осекся. Надолго ли? В этом весь вопрос. Данилов мне сказал, что только по прошествии нескольких дней возможно будет решить, прочно ли наше положение или нет. Беда в том, что германцы могут увозить сколько угодно войск с французского фронта совершенно безнаказанно, так как там они укрепились совершенно прочно.

Бог даст, с выступлением Италии окажется возможным найти новый театр военных действий. Кажется, англичане помышляют о нашествии на Австрию с юга, но это только слухи, и за их достоверность я не поручусь.

Очень нас всех поразила немилость, постигшая Р.-Дмитриева: его Иванов лишил командования армиею за то, что он будто доносил,

---

[1]) В течение времени с 19 апреля по 9 мая (ст. ст.) 1915 г. III армия была отброшена за реку Сан и затем далее в направлении на Люблин — Холм. Соседние с нею армии и все армии юго-западного фронта вынуждены были также к отступлению.

[2]) Так в подлиннике.

что имеет заранее заготовленные позиции за Дунайцем, на самом же деле их не имел и принужден был отступить прямо на Сан. Но здесь все очень недовольны таким крутым обращением с таким доблестным генералом, и ему, вероятно, дадут какую-нибудь армию на северо-западном фронте, так как сам вел. князь желает его огородить.

Вчера вечером была подписана конвенция в редакции, которую я вам сообщил. В ней только выпущен параграф, обязывающий Италию заботиться о продовольствии сербской армии. Слово s e r a [1]) заменено словом e s t [2]) в фразе «Il est désirable que l'armée serbe et l'armée montenégrine se portent dans la direction Nord-ouest etc.» [3]).

Ронполо был очень взволнован заключением конвенции [4]). Ее подписали также француз и англичанин. Серб и черногорец подписались лишь как с в и д е т е л и [5]).

Государь остается, говорят, до 12 мая.

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева бар. Шиллингу 24 (11) мая 1915 г.

11 мая 1915 г. —

день объявления Италией войны Австрии!

Дорогой барон.

Возвращаю при сем письмо № 90 Сукина. Пометка «Да» на нем Янушкевича свидетельствует об его сочувствии к высказанным Сукиным предположениям. Ввиду сего мне казалось бы полезным, чтобы эти предположения были высказаны гр. Бобринским [6]) официально Янушкевичу. Быть может, вы внушите это Бобринскому чрез Олферьева.

Сегодня настроение несколько приподнялось: известие об объявлении войны Италиею этому способствовало. С приездом государя

---

[1]) «Будет».

[2]) «Есть».

[3]) «Желательно, чтобы сербская и черногорская армии были двинуты в направлении к сев.-западу и т. д.».

[4]) Военная конвенция между высшим командованием русской и итальянской армиями была подписана 8 мая 1915 г. ст. ст. Основные пункты конвенции сводились к следующему: итальянское командование обязалось выступить не позднее 26 мая 1915 г. н. ст., три союзные армии обязались принять энергичные военные меры, чтобы помешать германцам сконцентрировать силы на итальянской границе; Россия и Италия взаимно обязались сосредоточить максимум своих сил на линии между Карпатами и составляющими итальянскую границу Альпами; сербская и черногорская армии должны были предпринять действия в сев.-западном направлении для связи с правым крылом итальянской армии, направлявшейся на Лайбах. Текст конвенции был опубликован в сб. «Царская Россия в мировой войне», стр. 294—295.

[5]) Подписали конвенцию представители высшего командования армий: французской — ген. Лагиш, английской ген.-м. Дж. Хенбюри Вилльямс, сербской — подполк. Лонткевич, черногорской — ген. Митар Мартинович.

[6]) Гр. Г. А. Бобринский — временный ген.-губернатор оккупированной русскими войсками Галиции.

мне трудно бывает иметь продолжительные разговоры с начальником штаба, которого более чем когда-либо разрывают на части. Но сегодня он мне сказал, что не только вел. князь, но и сам государь против дальнейших уступок Румынии [1]). (Я ему сообщил о нашем согласии на линию Серета.) Данилов мне успел сказать, что мы имели успех на юге от Перемышля, в очень важном месте, в районе Самбора, где атака австро-германцев грозила отрезать Перемышль от Львова. Идет, повидимому, переброска германских войск от линии Сана на юго-запад: но неизвестно, на итальянский ли фронт или на Карпаты. Но части германцев, перешедшие через Сан у Ярослава и одно время пробившие нашу линию, на левый берег не переведены и укрепляются на месте.

Приехал сегодня сенатор Кривцов, представлялся вел. князю.

Сергею Дмитриевичу я сегодня не пишу за недостатком материала для письма.

Крепко жму руку.

Искренне ваш *Н. Кудашев.*

Если будет что-нибудь из Румынии, сообщите. Завтра барометр будет, может быть, ниже, и тогда опять будут мечтать о скором выступлении Румынии.

П о - м о е м у, его необходимо добиться.

Письмо Кудашева Базили 24 (11) мая 1915 г.

Ставка. 11 мая 1915 г.

Дорогой
Николай Александрович.

Хотя мне очень жаль порывать о ф и ц и а л ь н у ю связь с вами как с вице-директором вверенной мне канцелярии, но я думаю, что это полезно будет сделать в интересах службы и, главное, наших сослуживцев. — О вашем желании снять с себя обузу вице-директората я докладывал начальнику штаба, и он, скрепя сердце, примирился с этою мыслью. Остается оформить это дело. Так как мысль принадлежит вам, да и с моей стороны было бы неуместно возбуждать о сем переписку, то не могли бы ли вы взять на себя инициативу ее? Если бы министерство написало в ставку, извещая о необходимости вас «вер-

[1]) В телегр. от 9/V 1915 г. за № 2387 бар. Шиллинг сообщал в ставку, что Делькассэ, учитывая рост требовательности румын, просил Сазонова согласиться на дальнейшие уступки, а именно — на линию Серета в Буковине и на предоставление Румынии сев.-вост. части Торонтальского комитата в Банате, и что Сазонов согласился на это под условием, чтобы Румыния сама сделала соответствующие предложения и чтобы она выступила не позже 13/V. Бар. Шиллинг выражал, однако, при этом сомнение в том, что Братиано отступится от своих чрезмерных притязаний.

нуть в ваше первобытное состояние», то оно могло бы заодно предложить Муравьева вам в заместители, на место Муравьева — Валуева, а на место последнего — Солдатенкова, который очень хорошо работает. При этом Муравьев должен был бы быть и. о. (для сохранения своего министерского жалованья), а оба секретаря могли бы попасть на .....[1]) ставки.

Вполне полагаясь на ваше умение устраивать эти дела, поручаю их вашему благосклонному вниманию.

Искренне преданный вам
Н. Кудашев

Письмо Кудашева 28 (15) мая 1915 г.

Ставка. 15 мая 1915 г.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Только что вернувшийся из Петрограда Валуев сказал мне, что моя последняя телеграмма [2]) об ухудшившемся военном положении произвела тяжелое впечатление. Могу только сказать, что, редактируя ее, я пытался не слишком мрачно передать то, что удалось узнать о наших военных делах. На самом деле положение таково, что третьего дня вечером мне ген. Янушкевич сказал, что он думает, что нам придется очистить Перемышль — не сегодня, то завтра! Этого я вам не телеграфировал, чтобы преждевременно не печалить вас. Я потом узнал, что такое мрачное предсказание было основано на телеграммах ген. Иванова, в которых последний доносил, что «в эту ночь начинаю выводить войска из Перемышля». К счастью, до сих пор он этого не сделал, так как каким-то чудом наши войска смогли удержаться на тех позициях, от которых зависит участь Перемышля. Но положение еще не считается прочным. Беда в следующем: 1) немцы могут подвозить еще и еще войска с французской границы, 2) они так умело оперируют и так хорошо обо всем осведомлены, что не несут таких больших потерь, как мы, и 3) наши пополнения снарядами прибывают в недостаточном количестве.

Сегодняшнее сообщение штаба очень уж хорошее, но я не имел возможности расспросить, насколько все публикуемые успехи указывают на действительное улучшение наших дел.

Я думаю выехать завтра, в субботу, в Петроград для свидания с Трубецким [3]) и постараюсь привезти вам новые и, бог даст, лучшие известия.

---

[1]) Вследствие повреждения подлинника одно слово неразобрано.

[2]) Имеется в виду, повидимому, телеграмма от 13/V 1915 г. за № 254, где сообщалось о тяжелом положении и об «огромных потерях», понесенных русской армией на Сане.

[3]) Кн. Гр. Ник. Трубецкой — русский посланник в Сербии.

Вчера приехал сюда Веселкин [1]). Мне кажется, что в связи с этим приездом следует поставить странную телеграмму к вам великого князя о генерале Христеско [2]).

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 3 июня (21 мая) 1915 г. [3]).

Ставка. 21 мая 1915 г.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Я вам только что послал телеграмму [4]) весьма неутешительного свойства. Собственно говоря, ее дополнять нечем: благодаря своему превосходству в артиллерии и, главное, в снарядах, германцам удалось, — правда, ценою значительных жертв, — овладеть более чем половиною укреплений Перемышля, причем самый город нами уже очищен. За нами сохранилось еще несколько фортов, но теперь ясно, что нам и эти форты придется отдать. Конечно, все это делается с б о я, нет ни паники, ни позора, но... все же поражение!

Стрый тоже взят германцами. Не знаю, удастся ли нам удержать Львов [5]).

При таком положении вещей на главном театре военных действий даже странно говорить о Константинополе, десанте и т. д. Тем не менее я вчера вечером доложил начальнику штаба о сделанном нами шаге в Софии [6]), который, при благоприятном исходе перегово-

---

[1]) Контр-адмирал свиты е. в., состоял во главе специальной дунайской экспедиции.

[2]) В телеграмме от 14/V 1915 г. (без номера) верх. главнокомандующий, основываясь на данных о частной беседе, которую вел русский военный агент в Румынии с помощником начальника румынского генерального штаба Христеско, предупреждал, что, если дело дойдет до переговоров, он будет поддерживать кандидатуру Христеско на должность начальника штаба румынской армии.

[3]) Письмо опубликовано в сб. «Константинополь и проливы», т. II, стр. 176—177.

[4]) В телегр. от 21/V 1915 г. за № 262 Кудашев сообщал, что окончательное завладение крепостью неприятелем является лишь вопросом нескольких дней и что одержанный на нижнем Сане успех не может спасти Перемышль.

[5]) Львов был эвакуирован русскими войсками 22 (9) июня 1915 г.

[6]) Россия приняла участие в совместном выступлении посланников в Софии 29 (16) мая 1915 г. Болгарии был предложен ряд территориальных компенсаций — Вост. Фракия до линии Энос-Мидия, Македония в границах 1912 г., а также обещано было добиваться уступки Кавалы от Греции и благоприятного разрешения вопроса о Добрудже и, наконец, оказать Болгарии финансовую поддержку — все это должно было явиться платою союзников за вступление Болгарии в войну против Турции. В телеграмме от 21/V (3/VI) 1915 г. за № 308 Савинский характеризует отношения болгарских общественных кругов к союзническому предложению, как недостаточно определившиеся. Ответ Болгарии последовал только 15 (2) VI 1915 г., причем, указывая на ряд неясностей в заявлении держав, болгарское правительство заявляло, что до выяснения последних не может принять окончательное решение.

ров с Болгариею, легко может поставить на очередь нашу военную кооперацию с последней. Генерал Янушкевич мне сказал на это, что, е с л и только Болгария выступила бы, то наш десантный корпус, конечно, был бы готов присоединиться к болгарским войскам; при этом корпус будет состоять, если не из «x», то из «y», а если не «y», то «z». — Этим он хотел сказать, что в Одессе наготове всегда будет находиться столько войска, сколько мы обещали для англичан. Но что до той поры, когда эти войска фактически выступят, ими будут пользоваться по мере надобности, заменяя забираемые части новыми. Совершенно ясно, что в критические минуты нет никакой возможности «замариновывать» войска, необходимые на опасных местах; их берут и заменяют другими. — Все это — пол-беды. Беда же в том, что с голыми руками никакие войска драться не могут, а у нас прямо «голод» снарядный! Не знаю, успеет ли комиссия, образованная Сухомлиновым, что-нибудь сделать. Дай-то бог! — Янушкевич говорит, что Литвинов-Фалинский обещал, что через шесть недель Путиловский завод увеличит на 80% свою производительность [1]). Он сожалеет о том, что великий князь Сергей Михайлович не покидает свой пост: вел. князь много сделал для обучения офицеров, но в вопросах технических, повидимому, слаб и слушается недостойных советчиков.

Прошу прощения за более чем минорный тон настоящего письма.

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 13 июня (31 мая) 1915 г.

Ставка. 31 мая 1915 г.

С о в е р ш е н н о с е к р е т н о.

Л и ч н о е.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Хотя за последние два-три дня мы имели некоторый успех, нельзя сказать, что дела наши поправились. Дело, главным образом, конечно, в ужасном состоянии материальной части нашей армии. Снарядов, пушек, винтовок — ничего нет в достаточном количестве. Расход превышает приход. При таких условиях инициатива не перейдет в наши руки и не может перейти. Чем скорее мы все примиримся с этой истиною, тем лучше, так как только сознание безвыходности нашего положения может нас достаточно встряхнуть, чтобы побудить нас принять героические средства. Последний победоносный набег немцев, вынудивший нас отступить к позициям, находящимся лишь в 30 верстах от Львова, конечно, их утомит, и они, быть может, не нанесут нам в б л и ж а й ш и е дни нового поражения. Но имеются сведения, что у них имеется еще один запасный «кулак» из 3—4 корпусов (а, быть

[1]) О том же см. «Переписка» Сухомлинова с Янушкевичем, «Красный Архив», т. III, стр. 63.

может, и еще 2 кулака?), и весь вопрос в том, куда они его направят? Они могут его использовать для немедленного изгнания нас из Галиции. Это может случиться в ближайшие две недели. Они могут направить его и к Риге и, наконец, к Варшаве. Все это серьезно учитывается штабом, и, какие можно, принимаются меры.

Вопрос о защите Петрограда обсуждался на-днях на особом совещании, на которое были приглашены начальники штабов сев.-зап. фронта и VI армии (Фан-дер-Флита). Как мне сказал на-днях Данилов, стратегия может быть теперь совсем упразднена, так как мы ничего предпринимать не можем. Единственным занятием наших войск может быть — отбиваться, чем можем, как можем и где можем. Надежда только на утомление самих германцев, на случай и — на св. Николая чудотворца! При этом я не постигаю следующего: о том, что война затянется до будущего лета, теперь никто не спорит, ни Янушкевич, ни Данилов, ни офицеры штаба (а мне в ноябре Янушкевич говорил, что до мая все должно быть кончено, с чем я тогда уже не соглашался). Возлагается надежда на получение снарядов из-за границы зимою. Но вот, я узнаю стороною, что 2 недели тому назад Китченер предложил нам контракт на поставку снарядов (10 миллионов), могущие быть поставлены [1]) начиная с ноября. Время бежит, на предложение нет ответа! А насколько позднее мы подпишем контракт, настолько позже начнется поставка нам снарядов, т.-е. оттяжка войны! — Кто здесь виноват, я не знаю, но боюсь, что здесь кому-то надо дать взятку, и этого не делают.

При такой печальной обстановке надежды на дипломатический успех, могущий служить коррективом наших военных недочетов, мало. Если нас выгонят из Галиции, Румыния бесповоротно для нас утрачена в качестве союзницы. Останется еще некоторая надежда на Болгарию. Из сегодняшних литографий я вижу, что ответ последней обещан был на вчера. Не знаю, получен ли он. Если бы удалось ликвидировать Турцию поскорей, то очистились бы три наших кавказских корпуса. Это такие войска, которые могли бы послужить противовесом упомянутому выше германскому «кулаку», которому мы теперь ничего противоположить не можем...

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 22 (9) июня 1915 г. [2]).

Ставка. 9 июня 1915 г.

Личное.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Хотя сегодняшние известия с театра войны как будто и лучше, никакого настоящего поворота или перелома они не знаменуют. Даль-

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Текст письма опубликован в сб. «Константинополь и проливы», т. II, стр. 178—180.

нейшее отступление будет продолжаться, так как даже в случаях временного успеха мы, за неимением снарядов и винтовок, не сможем использовать такой успех.

Из вопросов дипломатических здесь более всего еще озабочены положением Румынии [1]). Все еще надеются на ее помощь. Еще сегодня утром генерал Данилов меня спрашивал, какой результат дала телеграмма генерала Янушкевича № 285 от 7 июня, в которой высказывалась необходимость примириться с требованиями Румынии при условии ее выступления не позже, как чрез пять недель после сделанного нам Братиано предложения. Мне лично (редактировавшему эту телеграмму) кажется, что мы со своими уступками опоздали. Но кто знает? Быть может, нет. Лишь бы нам не оказаться по отношению к Румынии в положении Германии по отношению к Италии в момент объявления последней войны Австрии.

Сегодня я имел с генералом Даниловым разговор и по другому предмету: о посылке нашего отряда из Владивостока к Дарданеллам [2]). Заговорил я с ним об этом по просьбе помощника английского

---

[1]) После военных неудач в Галиции в ставке заметно возрастает интерес к румынскому вопросу. В телегр. от 25/V 1915 г. за № 265 на имя Сазонова верх. главн., между прочим, писал: «...Выступление Румынии при теперешней обстановке на театре военных действий является весьма желанным, так как дает основание надеяться, что при немедленном выступлении Румынии произойдет оттяжка войск с галицийского фронта, и ее фланговое положение к галицийскому театру усугубит важность ее выступления...» 29/V 1915 г. телеграммой за № 276 Кудашев просит от министерства срочного ответа на телеграмму великого князя, посвященную вопросу о выступлении Румынии.

Русская дипломатия, в свою очередь, решает проявить в румынском вопросе дальнейшую уступчивость. В телеграмме Сазонова от 30/V 1915 г. за № 2769 на имя верх. главнокомандующего сообщалось, что Поклевскому дана директива вести с Румынией переговоры «на почве уступки румынам Черновцов, стараясь выговорить, в свою очередь, некоторые уступки с их стороны в отношении Угорщины и Баната».

В телеграмме от 6/VI 1915 г. за № 2915 на имя Кудашева бар. Шиллинг, останавливаясь на дальнейших переговорах с Братиано, признавал возможность дальнейших уступок: «Мы тоже думаем, — писал он, между прочим, — что наши уступки должны включить принятие линии Костинеско в Буковине и отдачу Сербии лишь площади длиной в несколько десятков километров к северу от Дуная в Торонтале».

Узнав о выраженной Братиано готовности на военное выступление против Австрии в течение двухмесячного срока с момента заключения общеполитического соглашения (телегр. Поклевского от 5/VI 1915 г. № 340), верх. командование, примиряясь с указанным сроком, снова настаивает (телегр. Янушкевича от 7/VI 1915 г. № 285): «не упустить момента для закрепления Румынии в нашем лагере, так как переход ее в лагерь противника, в случае возможного нашего отступления из Галиции, несомненен...»

Телеграммой от 11/VI 1915 г. за № 3000 Базили сообщал о выраженной Братиано глубокой радости по поводу предоставления Румынии Буковины по Прут с городом Черновцами. А 10 июля (27 июня) Сазонов пошел и на дальнейшие уступки — в вопросе о Банате.

[2]) Отправка войск из Владивостока была по настоянию английского командования отменена. См. телегр. адм. Русина морскому агенту в Японии и

генерала Вилльямса, капитана Маккоу. Дело, оказывается, в том, что лорд Китченер очень недоволен посылкою нашего отряда. Провезти 4 500 человек с лошадьми, пушками, обозами причинит англичанам массу хлопот, а пользы делу не принесет. Я предупредил о таком отношении к вопросу генерала Данилова. Последний отнесся к нему с необычайной горячностью. Он мне сказал, что, как русский человек, не может допустить мысли, что, при взятии Константинополя, не будет русских войск и что если англичанам наш отряд и причинит хлопоты, то это не беда, этим стесняться не надо, так как они попросту не желают, чтобы мы вошли в Константинополь вместе с ними. «Это вопрос политический, а не военный, — заметил он, — и в нем и верховный главнокомандующий, и начальник штаба, и я чувствуем одинаково». Тогда я сослался на вашу телеграмму от 20 мая [1]), в которой вы довели до сведения великого князя ваши соображения в этом вопросе. Из этой телеграммы я вынес впечатление, что вы не сочувствуете посылке слишком слабого отряда. На это генерал Данилов возразил: «Так пусть С. Д. Сазонов так категорически скажет. Если он возьмет на себя объяснить России допустимость взятия Константинополя без всякого участия наших войск, то это его дело. Но мы (военные) не хотим, чтобы нам было поставлено в упрек, что мы не могли уделить даже 4 000 человек для этой операции». В заключение он мне сказал, что отказывается понять мои возражения. Я ответил, что только хотел его предупредить о тех трудностях и трениях, которые мы встретим по этому поводу в сношениях с англичанами.

Как мне кажется, мы все воодушевлены одними и теми же чувствами в этом вопросе и все бы желали, чтобы Константинополь был взят исключительно или преимущественно нашими собственными силами. (С этим легко примирились бы и англичане.) Но, за невозможностью удовлетворить это чувство, мы находим различный к нему «дериватив»: Данилов примиряется с мыслью «символического» участия нашего, в виде четырех-с-половиной-тысячного отряда. Лично же мне скорее неприятно навязывать России в этом деле роль мухи на рогах вола, которая может сказать: «и я пахала». Я предпочел бы полное неучастие в этом наших войск и тем более, если т а к о е участие будет достигнуто ценою кислых разговоров и трений с союзниками.

От генерала Данилова я, между прочим, осведомился об очень основательном его доводе, который он привел, возражая на высказанную англичанами мысль, что, если мы желаем «символически» участвовать во взятии Константинополя, почему мы не ограничимся посылкой

Китае Вознесенскому от 24/VI 1915 г. — сб. «Константинополь и проливы», т. II, стр. 182.

[1]) В телеграмме Сазонова Кудашеву от 20/V 1915 г. за № 2583 отмечалось, что посылка русских войск к Дарданеллам будет целесообразна лишь при условии, что отряд не будет слишком незначителен. Вместе с тем выражалось опасение по поводу того, что появление союзников в Константинополе состоится ранее того, как русские войска смогут подоспеть из Владивостока к Дарданеллам.

отряда из Одессы. Оказывается, что, по расчетам генерала Данилова, взятие Константинополя может состояться и б е з з а в л а д е н и я Б о с ф о р о м. Укрепления на Босфоре теперь уже, вероятно, не те, что были тому шесть месяцев, и теперь его форсировать с юга может оказаться очень нелегким, к тому же и ненужным. Но, так как наш десант из Одессы может быть высажен т о л ь к о на Босфоре, то ясно, что взятие города Константинополя состоится до прибытия нашего одесского корпуса, а потому, если мы хотим участвовать в церемониале взятия города, то наши войска должны прибыть с юга...

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 6 июля (23 июня) 1915 г.

Ставка. 23 июня 1915 г.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Телеграммы А. П. Извольского [1]), в которых передается желание Делькассэ достигнуть большего согласования действий союзников, обратили на себя внимание начальника штаба. Он мне сказал, что мысль Делькассэ справедлива, но что установить более близкий контакт между союзными верховными командами, без которого невозможна и согласованность действий, — невозможно. Возможно, по его мнению, разве только объединить дело снабжений. Так как во время присутствия государя в ставке очень трудно бывает спокойно и обстоятельно объясняться с ген. Янушкевичем, которого еще больше раздирают на части, чем в обычное время, то я не мог с ним окончательно переговорить об этом предмете. Но, приняв то немногое, что от него слышал, исходной точкою для поднятия очень важного вопроса — сношения между верховными командами — я составил проект письма на ваше имя на эту тему и послал его Янушкевичу на одобрение. При следующем свидании он мне сказал, что еще не кончил чтением моего писания, но в чем-то коренным образом не согласен со мною. С тех пор я все жду случая договориться с ним по этому поводу. Надеюсь найти его сегодня вечером.

Вчера вечером штаб вернулся из Седлеца, куда собрался совершенно неожиданно. Такой внезапный отъезд сперва нас напугал, но потом оказалось, что не было особенных поводов тревоги: поехали обсуждать с Алексеевым разные вопросы об эвакуации. Это еще,

[1]) Содержание телеграмм Извольского за № 408 и 409 передавалось в ставку из министерства ин. дел телеграммами от 21/VI 1915 г. № 3196 и 22/VI 1915 г. № 3201. В связи со сделанным французским правительством союзникам предложением обсудить во французской главной квартире ряд вопросов по согласованию действий союзных армий, русское правительство запрашивалось о том, будет ли послан генерал для участия в сказанном совещании, и уведомлялось, что, за отсутствием специального представителя русского верх. главнокомандующего, к участию в совещаниях будет приглашен гр. Игнатьев.

однако, не означает отступления из Варшавы и Польши. Повидимому, Варшаву решено отстаивать, и для этой цели стягивают большие силы в направлении Ковеля, откуда можно будет ударить германцам во фланг, если они удачно протиснутся до Люблина. В общем, положение еще тяжелое, но есть некоторые признаки утомления и германцев, и возможно, что сила колоссального напора, веденного со времени дунайцевского удара, израсходована. Если это так, то напор на Варшаву может приостановиться. Немцы укрепятся на местах и дождутся прибытия новых сил. — Все же ближайшее будущее едва ли принесет с собою большие и утешительные события. В случае же дурного оборота дел, то до взятия Варшавы немцами еще пройдет, вероятно, не менее месяца.

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 18 (5) июля 1915 г.

Ставка. 5 июля 1915 года.

Л и ч н о е.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Трубецкой вчера выехал в Ниш, пробыв в ставке сутки. Так как он едва ли успеет вам написать с дороги о своих впечатлениях здесь, то я решаюсь доложить вам о них. В общем он остался очень доволен оказанным ему приемом и всем тем, что ему пришлось услышать от высшего военного начальства. Он имел три разговора: с начальником штаба, с генералом Даниловым и с великим князем. На последнем я не присутствовал. Относительно положения русского комиссара в Константинополе ему было сказано, что, само собою разумеется, так как наше участие во взятии Константинополя будет скорее политическим актом, а не военным (военное дело сделают союзники), то военной власти придется подчиниться комиссару. Иначе дело могло бы обстоять лишь, если бы наши войска преимущественно участвовали во взятии Босфора. Относительно лица, поставленного во главе нашего экспедиционного отряда, генерал Янушкевич сказал следующее. Великий князь отлично сознавал, назначая генерала Каульбарса [1]) в Одессу на подготовление десанта, что в д а н н о м с л у ч а е лучше не иметь во главе наших сухопутных сил генерала с немецкой фамилией. Но выбора пока не было, так как для подготовительных работ в Одессе, на которые Каульбарс, несмотря на свой возраст и высокое положение, пошел с восторгом, было нежелательно брать с западного фронта кого-либо из лучших генералов с русской фамилией. Генерал

[1]) Ген. Каульбарс занимал в 1882/83 г. должность военного министра княжества болгарского. Учитывая непопулярность имени его в болгарских правительственных кругах, Сазонов скептически относился к мысли поручить ему руководство десантной операцией; в этом смысле он высказывался в своем письме к Янушкевичу от 20/VI 1915 г. № 699.

Янушкевич прибавил, что назначение Каульбарса вовсе не исключает возможности его замены другим лицом, когда дело дойдет до фактического осуществления плана десанта. В зависимости от того, когда случится десант и какими силами (нашими), будет оставлен или заменен Каульбарс: если наш десант явится лишь, как это, вероятно, и будет, только теоретическим участником занятия Константинополя, тогда будет послан генерал с русской фамилией. Если же обстоятельства так сложатся, что, в конце концов, не союзники, а мы сами окажемся завоевателями Константинополя, тогда имя генерала не так уже важно, особенно не важно впечатление этого имени на болгар. Трубецкой был несколько удивлен и приятно поражен таким отношением к этому делу ставки. Косвенным образом я отчасти способствовал принятию ею такой точки зрения. Найдя не так давно в литографиях телеграмму Савинского о непопулярности имени Каульбарса в Болгарии, я ее показал генералу Данилову (не докладывая ее начальнику штаба) и не спрашивал потом о результатах моей indiscrétion. Дело это, во всяком случае, налажено, ибо, считаясь с патриотизмом и благородством характера Каульбарса, здесь не побоятся при случае принести его самого в жертву необходимости. Что касается Сербии, то Трубецкому было сказано следующее. Великий князь дал знать королевичу Александру, что мы в настоящее время не требуем наступления сербов в сторону Лайбаха или куда бы то ни было. Но что мы рассчитываем на их готовность наступить в Сирмию, как только мы о том подадим им знак. Такие указания им даны в соответствии не только с нашим положением, но и, главным образом, с пассивностью итальянцев.

Трубецкой привез с собою нотку бодрости и оптимизма, которая нас несколько приободрила. Но, в сущности, настроение наше далеко не радостное. Дела не театре войны идут плохо. Со всех сторон на нас наступают, и, хотя войск у нас достаточно, — приблизительно столько же, сколько и у немцев, — дух у них несколько упал. Пехота, недостаточно поддержанная артиллерией (которой мало), не выдерживает стремительных натисков, отступает, а иногда сдается... С другой стороны, германцы, даже плохие ландштурмисты, воодушевлены верою в успех, в защитницу — артиллерию и работают, как старые солдаты. Не думайте, что это измышления моего пропитанного пессимизмом воображения: мне это говорил один из наиболее толковых здешних офицеров, притом — не из числа пессимистов.

В разговоре с генералом Даниловым Трубецкой его спросил, имеются ли серьезные основания опасаться за участь Варшавы и Риги. На это Данилов не пожелал дать прямого ответа. Он только заметил, что в настоящее время немцы напрягают все свои силы, чтобы достигнуть тут успеха; к этому он прибавил, что, будь он немецким генералом, то ни одного солдата не переводил бы на западный фронт, а все стягивал бы против нас. Этим он как бы косвенно признавал, что на нашем фронте имеются все данные для успеха, в то время как на западном фронте всякое наступление — дело рискованное. Дело,

в общем, обстоит так, что на с в о й успех мы пока не рассчитываем, но надеемся устоять напору [1]) германцев, прилагая к тому все усилия. Вчера была послана телеграмма Жоффру и Китченеру [2]), в которой указана опасность нашего положения. В ней великий князь просил наших союзников указать итальянцам на своевременность развития ими более активного наступления.

Вопрос о заказах снарядов в Америке чрез посредство англичан, насколько мне известно, находится в следующем положении. Мы заказали 12 000 000 снарядов на общую сумму около 400 000 000 рублей. К сожалению, снаряды будут поступать не так быстро, как бы мы того желали. Первая партия — всего только 50 000—в октябре. В ноябре—270 000, в декабре — около 500 000 и так далее. Самые же крупные партии будут получены лишь во второй половине 1916 года. Янушкевич страшно негодует на Китченера, находя, что он недобросовестно исполняет свою роль «честного маклера», даже заподозривает его в намеренных промахах ради корыстных целей. Я не имею основания верить этим обвинениям; признаю также, что некоторые критики англичан на нашу медлительность основательны. Но я разделяю мнение Янушкевича о том, что англичане нам навязали невыгодную сделку, заменив ею, под очень «хромым» предлогом, более выгодную, которая была с в о е в р е м е н н о принята Янушкевичем. Я это говорю после того, как подробно ознакомился у помощника здешнего английского военного агента с перепиской его по этому делу. Злого умысла, конечно, не было, но у с л у г и особенной нам Китченер не оказал.

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 22 (9) июля 1915 г.

Ставка. 9 июля 1915 г.

С е к р е т н о. Л и ч н о е.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Недавняя поездка штаба в Седлец, несомненно, имела целью обсуждение тяжелого нашего положения и в связи с ним эвакуации Варшавы. Как мне передавали, в совещании этом участвовали только великий князь, генерал Янушкевич и генерал Алексеев. Даже генерал Данилов не присутствовал на нем. Вчера вечером я поэтому обратился к начальнику штаба с просьбой сообщить мне, для доклада вам, заключение, к которому пришла по вопросу о Варшаве наша верховная команда. Вот что мне на это ответил генерал Янушкевич.

Как было сообщено Жоффру и Китченеру, наступление, которое ведут на нас германцы, ставит нас, действительно, в тяжелое поло-

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Телеграмма вел. князя была послана Кудашевым 17 (4) июля 1915 г. за № 313 на имя русских послов в Париже и Лондоне.

жение, но только ввиду недостатка у нас снарядов и винтовок. Будь у нас таковые, то мы бы сейчас же перешли в наступление; другими словами: и численностью войска и духом мы сильны; слабы лишь материальною частью. При таком положении вещей германцы могут продолжать нас теснить, но мы отступаем медленно, сражаясь все время. Эвакуация Варшавы решена в случае, если наступит один из следующих весьма возможных случаев: 1) либо если на буго-наревском фронте германцам удастся прорвать нашу линию, но прорвать так, что ее восстановление окажется невозможным; 2) либо если германцам удастся, продолжая теснить нас на люблинском фронте, дойти до линии Ивангород — Брест. В обоих случаях положение Варшавы будет безнадежно, и ее придется эвакуировать, причем предполагается сосредоточение всех наших сил на линии Брест — Белосток. При этом Новогеоргиевск очищен не будет, а будет предоставлен, как сильная крепость, для обложения противником. Взятие немцами, например, Холма или даже Люблина еще не вынудит нас к отводу войск из Варшавы, но дальнейшее их движение приведет к этому. Впрочем, эвакуация запасов, мирного населения и т. д. из Варшавы уже давно происходит.

Вчера, не знаю почему, настроение ставки было несколько лучшее, несмотря на совсем неутешительные сведения, опубликованные в сообщении.

Как кажется, положение под Ригой очень нелегкое. Я слышал стороною (но не от генерала Янушкевича), будто Плеве пришлось отходить и что немцы — под самой Ригой. Если они завладеют Ригой, то очень затруднится положение нашего флота, которому придется искать базы в Ревеле... Как будто все больше обозначается, что война принимает характер «отечественной» войны. Это тяжело, так как такая война разорит наши коренные губернии. Но это единственная, которую мы способны вести победоносно, как показали опыты петровских и александровских войн. Кампания 1914/15 г. показала, что на чисто завоевательные войны мы неспособны.

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 24 (11) июля 1915 г.

Ставка. 11 июля 1915 г.

Личное.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Вчера вечером во время моего доклада начальнику штаба полученных с последним фельдъегерем литографий в вагон вошел великий князь. Я как раз показывал ген. Янушкевичу телеграмму Извольского и aide-memoire Палеолога о возможности существования австро-сербских негласных переговоров [1]), причем со своей стороны высказывал

[1]) В секретной телеграмме от 16 (3) VII 1915 г. за № 436 Извольский сообщал о заявленном сербским посланником в Париже Весничем франц. министру ин. д.

сомнение в основательности подозрений французов. На это великий князь заметил, что и он этому не верит. При этом он мне вручил полученное им вчера же и переданное ему прибывшим из Сербии полковником Милоевичем письмо к нему королевича Александра. Он мне поручил снять с этого письма копию и прислать ее вам для л и ч н о г о в а ш е г о сведения, так как письмо это указывает на истинную ориентировку Сербии в настоящую минуту. Великий князь просил только, чтобы никому не было известно, что то, о чем пишет королевич, исходит от него и изложено в его письме к великому князю.

Копию эту при сем прилагаю.

Великий князь меня очень благодарил за исполнение вами его просьбы относительно Обнорского [1]) и приказал мне передать и вам его искреннюю признательность.

После ухода великого князя я еще разговаривал с ген. Янушкевичем о возможном выступлении балканских государств, о военном положении и т. д. По поводу роли Румынии [2]) Янушкевич сказал: теперь ее выступление, конечно, уже не так важно; лишь бы только она не выступила против нас и лишь бы не пропускала военные грузы в Турцию.

Относительно военного положения он только вздохнул, заметив: «Придется испить чашу до дна!» Затем, на мой вопрос, откуда он ждет наибольшую опасность для судьбы нашей армии и Варшавы, он ука-

---

протесте по поводу уступок, делаемых союзническою дипломатией Румынии. «Во время разговора, — сообщал Извольский, — Веснич, между прочим, упомянул о предложениях, будто бы делаемых Сербии со стороны австро-германцев...»

В секр. тел. от 18 (5) VII 1915 г. за № 442 Извольский передавал мнение Дѣлькассэ о том, что «проявленное в последнее время сербской армией, вопреки требованиям великого князя, полное бездействие на австрийском фронте внушает здесь подозрение, что между Сербией и Австрией состоялось на этот счет молчаливое соглашение — entente tacite, но что он отказывается этому верить». В памятной записке Палеолога от 20 (7) VII 1915 г. указывалось на проявляемую на австрийском фронте полную инертность сербской армии, ограничивающейся лишь операциями в пределах Албании; вместе с тем отмечались факты приезда в Ниш некоего лица, подданного нейтрального государства, принятого Пашичем и представителями сербских военных кругов, а также циркулировавшие в связи с тем в Софии слухи о том, что в результате имевших место в Нише переговоров Сербия не оставит своей выжидательной позиции до тех пор, пока не определится судьба нейтральных держав.

[1]) Первого секретаря российской миссии в Черногории Обнорского министр ин. д. имел в виду назначить на должность первого секретаря посольства в Нише, но по настоянию верх. главнокомандующего Обнорский был оставлен в своей старой должности.

[2]) Позиция Румынии в данный момент определялась полученным союзниками от Братиано ответом, гласившим, что «Румыния готова заключить с державами политическое соглашение, которым закреплялось бы обещание удовлетворить все ее требования, в силу которого Румыния сама обязалась бы выступить против Австро-Венгрии, когда наступит благоприятная к тому обстановка, но без всякого определения срока». Содержание ответа Братиано было переданс в ставку Шиллингом телеграммой от 12/VII 1915 г. за № 3578.

зал на риго-шавельское направление. В случае дальнейшего наступления там немцев придется очистить Варшаву и — отступать.

Движение немцев, повидимому, ожидается по направлению к Вильне.

Н. Кудашев.

Копия письма королевича Александра великому князю Николаю Николаевичу 17 (4) июля 1915 г. [1])

Крагуевац. 4 июля 1915 г.

Дорогой дядя.

В моей последней телеграмме я сообщал вам, что пошлю к вам одного из моих офицеров, чтобы изложить вам детально все, что касается военных действий нашей армии. Я возложил эту миссию на полковника генерального штаба Д. Милоевича, который вручит вам это письмо. Он изложит вам все причины, которые помешали нашему наступлению в момент, когда немецкое наступление приняло такие решительные формы в Галиции. Он напомнит, что наше наступление должно было быть одновременным с наступлением французской, английской, бельгийской и итальянской армий; что сербская армия слишком слаба численно, чтобы она могла одна оперировать на таком растянутом фронте, не подвергаясь риску быть быстро уничтоженной; что она истощила все резервы; что она должна во что бы то ни стало предотвратить переход немцев через Дунай, в случае если бы они решились выступить на помощь туркам. К этим доводам присоединяются другие, равно важные. Одним из них явилась позиция Румынии, которая в минуту общего наступления должна была вступить в военные действия и защищать наше правое крыло, но которая, вместо того, чтобы действовать таким образом, затягивала переговоры с тройственным согласием, все время увеличивая свои требования, в особенности касающиеся уступки Баната в целом. Нужно также принять в соображение позицию Болгарии, которой страны четверного согласия предложили лучшую часть нашей южной территории за вступление ее в войну. Это предложение только повысило неуступчивость болгар, тогда как известие о том, что вновь подготовляется дробление нашей территории, оказало в высшей степени подавляющее действие на воинственный дух армии и народа, который и без того уже сильно упал со времени уступок, сделанных итальянцам в Далмации. Тот факт, что наши могучие союзники не предприняли энергичного наступления в тот момент, когда это наступление требовалось от Сербии, может быть рассматриваем, как показатель того, что наши союзники намеревались отложить наступление до позднейшего времени, что, впрочем, как вы знаете, и было действительно решено на совещании в Калэ.

Прося вас обратить ваше внимание на вышеперечисленные соображения, а равно и на дополнительные разъяснения, которые сделает

[1]) Перевод с французского. Копия получена при письме Кудашева 11 июля 1915 г.

полковник Милоевич, я считаю своим долгом снова заверить вас, что Сербия и я полны решимости до конца остаться верными на стороне России, так как мы убеждены, что наша судьба неразрывно связана с судьбой великого и братского русского народа.

Сердечно вас обнимаю, дорогой дядя, ваш искренне любящий вас племянник

Сандро.

Письмо Муравьева 28 (15) июля 1915 г.

Ставка верховного главнокомандующего.

15 июля 1915 года.

Доверительно.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Известия с театра войны, к сожалению, продолжают быть неутешительными. За последнее время наше положение значительно ухудшилось вследствие прорывов нашего фронта в двух местах, около Поневежа и на Нареве. Движение немцев в обход нашего правого фланга возбудило особенную тревогу. Для отражения этого удара принимаются меры, посылаются, как я слышал, войска. Есть сведения, что в риго-шавельском районе появились новые германские силы, состав коих еще не выяснен. Всего в этом районе теперь действует около 10 немецких пехотных и 5—6 кавалерийских дивизий. Большая часть этих сил наступает к востоку от Шавель. Против Риги же, повидимому, оставлен заслон. По самым последним сведениям, в движение этой армии, находящейся под командой генерала Белова, произошла некоторая остановка, объясняемая здесь большим пространством, в котором ей приходится действовать.

Центральным вопросом остается судьба Варшавы. Повидимому, здесь главную роль играют события на наревском фронте. Здесь замечены усиление германцев на рожанском и остроленском направлениях и сосредоточение их с намерением, повидимому, развить главный удар в направлении на Вышков. Вышков лежит на Буге, и, в случае прорыва, здесь получается опасность для наших линий сообщений, и отход армий, обороняющих Варшаву, может быть значительно затруднен. Некоторые офицеры генерального штаба уже теперь считают положение в этом отношении опасным. Как вам, вероятно, известно, в руках Алексеева теперь объединено командование всем фронтом за исключением трех лево-фланговых армий (VIII, XI и IX), которые продолжают быть подчиненными Иванову. Алексееву подчинена и новая XIII армия Горбатовского, действующая на ковельском направлении. Говорят, Алексеев давно решил эвакуировать Варшаву. Оттуда все время вывозят все, что возможно вывезти. Выезжает и часть населения. Принимаются меры и для уничтожения посевов. Здесь считают, что Варшава может продержаться еще несколько дней. Се-

годня верховный главнокомандующий выехал в Седлец для совещания с Алексеевым. Мне сообщили, что туда вызван также Иванов, причем это связано будто бы с намерением усилить центр силами, взятыми с левого фланга. Это совещание решит, должно быть, окончательно, следует ли начать отход. Пока я знаю, что вчера в Петроград была послана телеграмма с указаниями подготовить общественное мнение и печать к такой возможности.

На фронте Люблин — Холм мы, повидимому, держимся, и это направление признается менее опасным. Здесь во время последних боев произошло столкновение между командующим III армией Лешем и командиром гвардейского корпуса. Ходят об этом различные версии, но, повидимому, генерал Безобразов отказался исполнять данные ему приказания и в настоящее время смещен. На его место назначается генерал Олохов, командир 23-го корпуса.

В общем, положение наших армий очень тяжелое. Потери достигли неслыханных цифр, причем нет возможности пополнить части вследствие отсутствия ружей. В одной из лучших дивизий насчитывается сейчас 1 100 штыков.

Я знаю из английских источников, что наши союзники очень боятся нашего предстоящего отступления. Они считают, что сокращение германского фронта, достигнутое их продвижением до нашей линии крепостей, даст возможность немцам перебросить на запад несколько корпусов. Здесь относятся к этим опасениям с пренебрежением, в котором сказывается накипающее неприязненное отношение наших военных кругов к союзникам, в особенности англичанам, за их бездействие. Нужно надеяться, что обещанное наступление Жоффра рассеет это настроение. Я считаю тем не менее долгом его отметить, так как оно во всем проявляется, в особенности же в переговорах о снабжении. Английское военное представительство здесь поставлено в высшей степени ненормально. О нашем военном агенте Ермолове нечего говорить. Теперь, наконец, удалось убедить отправить отсюда для собрания сведений во Францию офицера, но выбор пал на полковника Стаховича, самого неподходящего из офицеров штаба, который ничего не в состоянии улучшить, но может только напортить. Я далек от мысли, что союзники наши в этом вопросе не делают ошибок. В Лондоне либо не отдают себе отчета в положении, либо не умеют организовать с нами связи. Я думаю, что было бы в высшей степени полезно для дела, если бы вы нашли возможным, в случае разговоров с Поливановым [1]) на эти темы, обратить его внимание и на политическую сторону вопроса. Могут настать в ближайшем будущем минуты, когда события подвергнут взаимное доверие союзников еще бóльшим испытаниям, и желательно не расшатывать отношений мелкими трениями. Я был бы вам благодарен, конечно, за неуказание меня как источника сведений об

[1]) Ген. А. А. Поливанов после отстранения Сухомлинова от должности военного министра был поставлен во главе военного ведомства.

этих неладах. Я знаю о них частным образом, отчасти из английской официальной переписки.

Считаю долгом упомянуть о разговоре, который я имел на-днях с генералом Даниловым по вопросам об общественном мнении у нас и за границей. Генерал Данилов жалуется, что нет никакого органа связи между правительством и нашим общественным мнением, а также, что правильное осведомление общественного мнения за границей совершенно не организовано. Он спросил меня, между прочим, почему не была осуществлена мысль о создании для этой цели специального учреждения под председательством Шебеко. Теперь, когда весь исход войны будет зависеть от моральной выдержки воюющих, особенно важно быть в состоянии знать, какие существуют настроения, и, если нужно, влиять на них в известном смысле. Мне кажется, что этот вопрос в самом деле заслуживает самого серьезного внимания. Война входит в столь серьезный фазис, что правительству будет необходима живая и постоянная поддержка общества и народа. Здесь это хорошо сознают. Но вместе с тем сталкиваются с чисто практическими трудностями, невозможностью за отсутствием соответствующего органа иметь постоянное общение, с кем следует из общественных деятелей и журналистов.

Следует отметить также, что сведения, получаемые нами из иностранных газет, поступают к нам неравномерно и случайно. Насколько я знаю, есть нейтральные страны, за прессой которых мы вовсе не следим. Посланникам же на местах и корреспондентам Телеграфного Агентства работа эта не всегда доступна, так как они не всегда знают, что в данную минуту особенно важно. Между тем в нейтральной печати попадаются иногда статьи весьма интересного содержания. Препровождаю с этим курьером барону Шиллингу появившуюся недавно в шведской газете статью о мирных течениях в Германии [1]).

В. Муравьев.

Письмо Муравьева 28 (15) июля 1915 г. [2])

15 июля 1915 г.

Дорогой барон.

Посылаю вам при сем очень интересную статью, переведенную с шведского Карасевым, о мирных течениях в Германии. Вопрос о мире с некоторого времени усиленно стал обсуждаться в печати наших противников. Здесь на это обращают внимание, но, я думаю, полезно подчеркивать в глазах военных, что это пока только имеет значение как симптомы, и то весьма неясно выраженные.

Ген. Данилов очень обрадовался, прочтя ответ Братиано. Он мне сказал, что для него особенно важно то обстоятельство, что румыны идут на соглашение с нами теперь, когда наши дела неважны. Это до-

---

[1]) Статья, о которой идет речь, в деле отсутствует.

[2]) Письмо адресовано бар. Шиллингу.

казывает, что по их мнению Германия, несмотря на свои временные успехи, не может выиграть войну. Иначе румыны не высказывались бы так открыто. Сведения же о состоянии наших врагов у них должны быть. Я согласился с этим, но сделал оговорку, что здесь есть и другая сторона. Румынам очень выгодно сейчас, когда мы слабы, получить от нас обещание больших уступок. С выступлением же они еще помедлят.

Посылаю вам также переданный мне помощником английского военного агента aide-memoire по вопросу о железной дороге через Кольский мыс.

Англичане придают очень большое значение этой дороге и боятся, что мы не выстроим ее во-время, в каковом случае подвоз из Англии в зимние месяцы будет крайне затруднен. Этот aide-memoire представлен Янушкевичу. Мне же копия дана частным образом, с просьбой, если возможно, повлиять в министерстве для оказания поддержки этому предприятию. Об этом, кажется, уже был разговор у Сергея Дмитриевича с английским послом, но сейчас вопрос снова заглох, и желательно было бы его поднять. Главное — время не терпит. Я спрашивал об этом наших инженеров и получил ответ, что к зиме будет готова только перешивка на широкую колею Архангельского пути и новая дорога до Петрозаводска; между тем, конечно, самое важное иметь сообщение с свободным портом, каковым является Александровск. Paulings — серьезная фирма, строившая дороги в Африке и других экзотических странах.

В. Муравьев.

Письмо Кудашева 30 (17) июля 1915 г.

Ставка. 17 июля 1915 г.

Личное.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

По моем возвращении в ставку вчера я не замедлил повидаться с генералами Янушкевичем и Даниловым, успевшими во время моего пребывания в Петрограде съездить для свидания с генералом от-инфантерии Алексеевым в Седлец. На мой вопрос о том, как следует определить в настоящую минуту военное положение, генерал Янушкевич мне сказал, что оно не улучшилось за эти дни, но что настроение у Алексеева вполне бодрое. Великий князь ему заявил, что, если он считает отдачу Варшавы своевременной, то пусть на нее решится, не колеблясь, так как великий князь возьмет на себя ответственность за это решение. На это генерал Алексеев ответил, что считает момент сдачи еще не наступившим. Генерал Данилов, которого я тоже расспрашивал об его впечатлениях от поездки, мне сказал, что генерал Алексеев спокоен и тверд. Что же касается сохранения за нами Варшавы, то он, ген. Данилов, заявил, что это возможно, но шансы такие же, как выиграть 200 000 рублей... Генерал Данилов меня спросил, говорил ли

я в Петрограде, что на ставке настроение все-таки бодрое? Я ответил, что не мог скрыть от вас, что, по моим впечатлениям, оно, напротив, было подавленное. Не знаю, потому ли что в Петрограде все, с кем я виделся, показались мне удрученными, но штаб на меня произвел лучшее впечатление, чем я ожидал. Быть может, свыклись с идеею об уходе из Варшавы и довольны, что еще не настал для того момент.

Последние три дня было сравнительное затишье на всех фронтах. Я склонен присоединиться к мнению тех, кто предсказывает вслед за этим «затишьем» энергичное и общее наступление немцев по всей линии.

Кн. Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 3 августа (21 июля) 1915 г.

Ставка. 21 июля 1915 г.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Сегодня великий князь со штабом выехал в Ровно для совещания с ген. Ивановым. Предмет совещания, — как мне передавали, — обсудить вопрос о том, возможно ли сделать еще одну попытку, чтобы удержать Варшаву и как подготовить отступление на линию Брест — Белосток — Гродно. Только на этом последнем фронте возможно будет войскам подтянуться, отдохнуть и подготовить дальнейшие действия. Беда в том, что эта главная линия нашей обороны уже обойдена с правого фланга (в направлении Митава — Рига), так что, отступив на нее, все же положение окажется не из хороших. Надо думать, что на совещании в Ровно в первую голову будет выработан план ликвидации этого наступления немцев.

Отдача Варшавы, таким образом, является более чем вероятною, ибо я не верю в возможность приискания плана отражения здесь немцев теперь, что они и с севера и с юга так продвинулись вперед.— Лучшее, что можно бы предпринять,—это переброска войск с юго-западного фронта для изгнания немцев из Курляндии, а также своевременный уход II армии (Варшавы) назад. Но, оказывается, это отступление тоже дело нелегкое, а войска и без того ропщут на постоянное отступление, при котором, конечно, мы теряем гораздо больше народу, нежели неприятель.

Несмотря на печальное наше военное положение, надежда на его поправление не покидает генерала Янушкевича. Я ему сообщил вкратце мирные предложения, переданные Неклюдову [1]) директором Deutsche Bank, но он к ним отнесся очень отрицательно. Я думаю, что здесь, как и всюду в России, чувствуется, что остановиться, окончить войну на неудаче — немыслимо.

Н. Кудашев.

---

[1]) А. В. Неклюдов — русский посланник в Стокгольме.

Письмо Кудашева 7 августа (25 июля) 1915 г.

Ставка. 25 июля 1915 года.

Л и ч н о е.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Оставление нами Варшавы, конечно, не могло приподнять настроение ставки, и оно попрежнему остается подавленным. Насколько можно судить по отрывочным суждениям офицеров штаба, — генерал Янушкевич уклонился от разговора со мною на тему нашего ухода из Варшавы, — опасность еще не миновала для нашей армии. Из Курляндии германцы продолжают свой натиск, а успех этого натиска означает обход нашего правого фланга на новой, еще не занятой нами, линии Брест — Белосток — Ковно. На этом фронте наши силы почти равны германским; с очищением Варшавы и укорочением фронта представится возможность их увеличить. «А там, — как выражается Янушкевич, — что бог пошлет».

Самое большое, на что можно надеяться, — это оттеснение неприятеля вглубь Курляндии и упрочение положения на упомянутой линии обороны. Каким образом могут сложиться обстоятельства, — пока загадывать рано.

Как вчера вечером, при докладе мною литографий Янушкевичу, так и три дня тому назад, когда я ему докладывал полученные бумаги в присутствии великого князя, и верховный главнокомандующий и генерал Янушкевич проявляли, главным образом, интерес к вопросу о Румынии. «Почему до сих пор не заключено с нею политическое соглашение, — спросил меня великий князь, — раз мы все согласны на потребованные от нас уступки?»

На основании имеющегося у меня материала я дал нижеследующее разъяснение по этому вопросу, о котором докладываю и вам на случай, если бы потребовалось корректирование моего понимания его.

Братиано, очевидно, желает, главным образом, заручиться нашим письменным согласием на все то, чего он добивается для Румынии, с тем, чтобы замедлить фактическое ее выступление и даже определение срока этого выступления при помощи разных затруднений, которые он сумеет создать при переговорах о подписании военной конвенции. Мы же повинны в замедлении переговоров, только поскольку стараемся определить срок выступления и поставить конкретные условия в деле запрещения провоза военных грузов в Турцию. Из того, что я слышал от самого великого князя и от начальника его штаба, я заключаю, что, с их точки зрения, заключение хотя бы одного политического соглашения в достаточной мере ответило бы нашим военным надобностям, так как им определилась бы, во всяком случае, ориентировка Румынии не против нас, а за нас, и достигнуто было бы стеснение в доставке военных припасов в Турцию. Я еще не успел ознакомить

штаб с телеграммою Поклевского № 446 [1]) о предполагаемом соглашении Румынии с Австро-Германией о взаимном вывозе необходимых предметов, но думаю что с этим соглашением ставка примирится, лишь бы вопрос о транзите был решен в желаемом для нас смысле и, конечно, если не будут допущены к вывозу в Австро-Германию предметы, непосредственно необходимые для военных целей.

По поводу оставления нами Варшавы и возможного поворота настроения поляков мне генерал Янушкевич высказал следующую мысль: заявление И. Л. Горемыкина об автономии Польши было сделано очень своевременно. Теперь пусть поляки выбирают между нами и немцами. Если выяснится, что они предпочитают последних, то это избавит нас от всех наших обещаний им, теперешних и прежних. В этом замечании сказывается, как я думаю, истинное, недружелюбное отношение генерала к полякам и несочувствие каким бы то ни было уступкам их политическим стремлениям.

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 16 (3) августа 1915 г. [2]).

Ставка. 3 августа 1915 г.

Совершенно личное.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Наши неудачи, так ясно определившиеся с 19 апреля, когда начался натиск немцев на Дунайце, все продолжаются, и невольно задаешь себе вопрос: чем они вызваны, могут ли они быть приостановлены и на что можно разумно надеяться? Не будучи военным, я все же стараюсь разобраться в этих вопросах, расспрашиваю окружающих меня офицеров и мог сделать кое-какие выводы. Мне кажется, что есть причины наших поражений слишком глубокие, чтобы можно было надеяться их устранить в эту войну; хотя именно теперь надо начать их искоренение. Есть и случайные, могущие быть удалены во всякое время.

К первым принадлежат закоренелые привычки, объяснимые нашим народным характером и историей (кто скажет: «режимом» — в кавычках). Это, главным образом, — боязнь инициативы и ответствен-

[1]) «№ 446», несомненно, проставлен ошибочно. За этим номером имеется тел. Поклевского, посланная 28/VII (10/VIII) 1915 г. и не касающаяся вопроса о предполагаемом соглашении. В телеграмме же Поклевского от 23/VII (5/VIII) 1915 г. за № 436 приводится сообщение Костинеско о намерении Румынии заключить с Австрией и Германией соглашение о пропуске в Румынию идущих из Австрии и через Австрию товаров, имеющих для Румынии значение предметов первой необходимости и всегда служивших предметом ввоза в страну из Австрии и Германии. Костинеско уверял вместе с тем, что из действия конвенции будут исключены оружие, всех видов военные припасы и металлы, могущие послужить военным целям, и обещал ознакомить Поклевского с проектом конвенции.

[2]) Настоящее письмо, равно как и публикуемые ниже письма, от 13 и 17 августа 1915 г., печатаются с копий, хранящихся в деле.

ности и известная лень или беспечность, заставляющие рассчитывать на то, что все как-нибудь «образуется» при помощи усилий другого, по распоряжению соответствующего начальства. Эти недостатки присущи нам всем и в частности нашей армии, которая плоть от нашей плоти и кровь от нашей крови, но особенно опасны и вредны у начальствующих генералов всех степеней. Солдатам нашим можно поставить в минус (конечно, не в упрек) их неразвитость и обычную приниженность. Следствием ее является то, что, лишившись офицеров, они в большинстве случаев совершенно теряются и сдаются в плен под влиянием чувства своего ничтожества перед «немцем», культура которого, что там бы ни говорили, им импонирует: «немец» в представлении русского простолюдина — барин, и это чувство не так легко из него вытравить. Относительно строевых офицеров я менее всего слышал упреков: они грешат, главным образом, тем, что их так мало. Хуже всех — наши руководители генералы. В них указанные недостатки наши выражаются самым роковым образом. До сих пор, несмотря на то, что их сменяют и назначают с большой легкостью, война за целый год не выдвинула ни одного Суворова. А так как большинство генералов берется из офицеров генерального штаба, то приходится вывести заключение, что академия, их порождающая,— не на высоте своего призвания. Этот вывод подтверждается наблюдением над некоторыми офицерами генерального штаба, у которых преувеличенное самомнение и ничем не оправдываемая самоуверенность прикрывают редкое умственное убожество и полную безличность.

Обращаясь к причинам наших поражений, менее глубоким и более конкретным, приходится снова упомянуть недостаток вооружения и находящееся в тесной связи с этим ухудшение качества наших войск.

До войны, оказывается, ни мы, ни наши союзники не подозревали о том, какие имеются пушки у германцев. А хотя и знали про некоторые, думали, что они для осады крепостей, а тем более для полевой войны не применимы, ибо их невозможно провозить по дорогам, особенно по грунтовым, а для стрельбы из них необходимы платформы, установка коих требует много времени. Между тем германцы придумали и средства перевозки этих орудий и систему переносных платформ (из железа или чугуна — я точно не знаю). Вследствие этого все бетонные сооружения наших крепостей, рассчитанные на обстрел из 8-дюймовых орудий (снарядами в 5 пудов), обречены на разрушение, как были разрушены первоклассные форты Бельгии, снарядами в 40 пудов из 16-дюймовых пушек.

Подавляющее преимущество в артиллерии противника, естественно, приводит к громадным потерям у нас, значительно превосходящим германские. Пополнения приходится делать наспех, призывая недоучившихся солдат, а это прямо и непосредственно отражается на качестве наших войск, которое все понижается. Если это так будет продолжаться, то наша армия представит из себя не что иное, как одетую в военную форму, плохо вооруженную толпу. Приходится,

значит, улучшить способ комплектования войск, то-есть достигнуть того, чтобы для пополнения убыли имелись запасы действительно обученных людей (теперь попадают на фронт люди, не умеющие зарядить ружье!).

По мнению генерала Янушкевича, необходимо сейчас же сразу призвать б о л ь ш о е число людей (примерно 1,5 миллиона) с тем, чтобы одна часть этих людей, призываемая, в первую очередь, для пополнения выбывших, обречена была, вследствие своей необученности, верной погибели, но дала бы время остальным подучиться. (Например: при одновременном призыве 1 500 000 человек сперва вольются в строй 300 000 человек, которые и лягут костьми в первый же месяц. Через месяц появятся 300 000 человек, слабо обученных, получивших месячное образование; их заменят солдаты с двухмесячным образованием и так далее, так что материал солдатский будет все время улучшаться).

Не берусь судить о достоинствах такой системы, по расточительности человеческих жизней представляющейся мне очень жестокой. Против нее опытные офицеры возражают, что она фатально приводит к расстройству и ослаблению самих кадров; против единовременного призыва такого числа ратников 2-го разряда протестуют также Кривошеин [1]) и Щербатов [2]), так как он внесет расстройство в жизнь страны, особенно чувствительное в период сбора урожая. Итак, нашими главнейшими недочетами являются недостаточное вооружение и неподготовленный человеческий материал. Оба между собою тесно переплетены, и второе является последствием первого. Для устранения этих бед лучшим средством была бы передышка в военных операциях, которою можно было бы воспользоваться для изготовления оружия и обучения рекрутов. Но здесь возникают вопросы стратегические, инициатива в разрешении коих пока в руках нашего противника.

На что же мы можем разумно надеяться? На этот вопрос мне всего труднее ответить, так как на мои расспросы я получаю уклончивые ответы. Генерал Данилов, которого я спросил, что можно теперь ожидать в смысле улучшения военной обстановки, мне ответил: «Ничего не могу сказать, положение выяснится не ранее, как через неделю или даже две». Приходится делать личные догадки, цена которым, как не-военного, не может быть особенно велика. Мне кажется, однако, что можно исходить из трех следующих положений: 1) целью германцев должно быть уничтожение нашей армии, 2) выбор направления их удара зависит только от них самих и 3) нам следует считаться с тем, что для нас наиболее невыгодно и опасно. Можно, конечно, предположить, что, продолжая свой натиск с запада, германцы удовольствуются этим движением и занятием нашей линии фортов (Брест, Белосток, Гродно, Ковно). Взять эти форты они могут благодаря указанному выше преимуществу в крупной артиллерии. (Кстати:

---

[1]) Управляющий землеустройством и земледелием.

[2]) Министр внутренних дел.

насколько сильна и действительна эта артиллерия, показывает участь передового форта Новогеоргиевска, р а с п л ю щ е н н о г о одним ударом из 42-сантиметрового орудия!) Но едва ли это для них будет выгодно: такое движение потребует все-таки достаточно времени, и его необходимым продолжением должно было бы быть перенесение войны на западный фронт. Но это и даст нам столь необходимую для восстановления нашей армии передышку, а этого немцы, конечно, не сделают. Вот, почему я думаю, что, параллельно с движением своим с запада, немцы попытаются приналечь на нас из Курляндии. Перерезав сообщение армии с Петроградом, они все сделают, чтобы оттеснить нас на юг, дабы потопить нашу армию в Пинских болотах. Пока же они еще только не дают нам отдыха, дабы продолжать процесс разжижения нашей армии. Указанная операция, весьма смелая и грандиозная, не невозможна при условии быстроты ее выполнения, и результаты ее, в случае удачи, неисчислимы. К счастью, как я думаю, немцы при всех своих достоинствах и превосходствах во всем ошибутся в своих расчетах. Конечно, это только догадки, даже только чувство, но я верю в непобедимость нашу при оборонительной о т е ч е с т в е н н о й войне, когда и время, и пространство, и самые черты нашего народного характера (привычка к испытаниям и всяким обетам, самое наше смирение, которое я выше назвал, говоря о солдатах, их приниженностью) должны нас спасти от превосходного по культуре нашего врага. Мой скептицизм, когда речь шла о завоевании нами Пруссии, то-есть наступательной войне, сменится оптимизмом, и, изложив в довольно мрачных красках картину нашего положения, я искренно верю в просвет в будущем, — правда, еще отдаленном.

Н. Кудашев.

Сегодня ставка уехала в Волковыск на совещание с генералом Алексеевым. На-днях штаб Алексеева переедет в Барановичи, а мы переселимся в Могилев.

Письмо Кудашева 26 (13) августа 1915 г.

Могилев. 13 августа 1915 г.

Л и ч н о е.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Вчера вечером часть штаба, в которую была включена дипломатическая канцелярия, прибыла, наконец, в Могилев. Хотя, в конце концов, мы не можем жаловаться на недостаток в удобствах при этом перемещении ставки, самый процесс ее переноски из Баранович в Могилев мне показался довольно странным, свидетельствующим о полном отсутствии организаторских способностей тех органов военного ведомства, коим поручена административная часть дела. Одной из особенностей этого переезда было то, что сам великий князь и «стратеги-

ческая» часть его штаба, т.-е. генерал-квартирмейстерская часть, выехали первыми, оставив позади всех остальных [1]). (Ввиду отхода назад мне бы казалось более логичным оставлять «стратегическую» часть ближе к войскам, а отослать остальные для заготовки нового места нахождения ставки.) Результатом этого произошла путаница, и, вместо того, чтобы уже быть на месте, я, после суток пребывания в Могилеве, пишу вам еще из вагона, так как помещение для канцелярии еще не готово. Это не имело бы значения, если не служило бы показателем общей сумятицы, объясняемой, между прочим, и упадком духа наших генералов.

Сегодня я видел великого князя и Янушкевича, — в первый раз после 6 дней, в течение которых я не мог иначе, как по телеграфу, сноситься с ними. (Это обстоятельство и объясняет мое долгое молчание: в Барановичи после отъезда великого князя не приходили никакие известия, даже сообщения верховного главнокомандующего нам туда в первые дни не передавались!)

Великий князь имеет сегодня вид бодрый и даже веселый: очевидно, он в моем присутствии желал скрыть чувства горечи и разочарования, которые не могут не вызывать в нем события на театре военных действий. С Янушкевичем я заговорил о наших тяжелых неудачах, и он высказал мне довольно откровенно невозможность улучшения нашего положения. Исходною точкою нашего разговора послужила ваша телеграмма относительно необходимости подготовления общественного мнения Европы к сдаче Бреста. Ген. Янушкевич мне сказал, что материал уже им был сообщен для помещения статей в газетах (я текст этого, довольно неубедительного, материала сообщил барону Шиллингу письмом 7 августа № 682), а затем высказал, между прочим, следующее: падение Ковно — для штаба было полною неожиданностью, так как Ковно обложена не была и могла держаться. Если она сдалась, то только вследствие малодушия коменданта Григорьева. Относительно Новогеоргиевска он сознался, что думал, что крепость эта сможет продержаться, по крайней мере, 2 месяца. Разрушительное действие германской артиллерии разрушило и этот расчет. «Впрочем, — прибавил генерал, — бог знает: действительно ли одни германские пушки тут виноваты. Если бы сдалось 10 000 человек, а погибло 80 000, то я бы это так и объяснил себе. Но сдалось 80 000 человек, а погибло лишь 10 000. При таких условиях нельзя сказать, чтобы Новогеоргиевск добросовестно исполнил свою задачу». После падения этой крепости и было решено не защищать крепостей, а эвакуировать их и отступать.

В заключение ген. Янушкевич снова заговорил о снарядах и о недостатках нашего вооружения. Он горько жаловался на то, что все его требования о присылке побольше снарядов (он с конца августа уже хлопотал об этом) оставлены были без внимания, так что даже наши союзники были введены в заблуждение, полагая, со слов ген. Сухомли-

---

[1]) Великий князь выехал в Могилев 7 августа 1915 г.

нова, что у нас в с е г о достаточно! С большою горечью он также отозвался о Думе, о ген. Маниковском, много говорящих и мало делающих.

Лично я разделяю отчасти его неудовольствие Думою. Вместо того чтобы заняться делом, Дума политиканствует: борется с германским засильем в то время, когда германцы завоевывают Россию! Разрабатывает какие-то подоходные налоги, когда скоро ни у кого доходов больше не будет!— Среди офицерства я слышал суждения, являющиеся и отголоском того, что говорят в армии: что союзники наши нам изменяют, взваливая всю тяжесть борьбы на нас; что они хотят дождаться момента, когда Россия будет окончательно расслаблена, большая часть нашей территории (включая даже, если не обе, то одну из столиц) занята немцами, — чтобы произвести свое давление на западный фронт в надежде, что, отбросив немцев, они (т.-е. наши союзники) постараются примириться с ними за наш счет.

Я по мере сил стараюсь вкоренить убеждение, что союзники наши, особенно англичане, слишком заинтересованы в действительном ослаблении Германии, чтобы поступить так предательски.

Великий князь этих подозрений не питает, доказательством чего служат телеграммы, обмененные им с королем Георгом (чрез Китченера) и Мильераном и Жоффром, тексты которых я вам сообщил по телеграфу сегодня, по специальному приказанию великого князя [1]). Последний хотел было послать эти тексты вам с с п е ц и а л ь н ы м фельдъегерем, чтобы было точно установлено, что он продолжает неуклонно считать необходимою дальнейшую полную солидарность союзников и их верховных команд. Вследствие случайной задержки фельдъегерь послан не был, и вместо этого тексты телеграмм были вам сообщены по телеграфу.

Хотя я с ген. Янушкевичем просидел довольно долго, он ни одним словом не обмолвился о предстоящем уходе своем или Данилова. Между тем здесь открыто об этом говорят, называют Алексеева заместителем Янушкевича и Эверта (ком. IV армии) заместителем Алексеева. Только, говоря о наших недостаточных боевых запасах, он заметил, что вследствие этого печального обстоятельства безразлично, кто будет руководить операциями: «Я ли, дурак, или кто либо-другой, кто поумнее, — а голыми руками побеждать нельзя». К тому же, — добавил он, — надо считаться с моральной стороною дела: наши войска

[1]) Телеграмма вел. князя на имя короля Георга явилась ответом на телегр. Китченера от 10(23) VIII 1915 г., передававшего выраженные королем чувства восхищения перед мужеством, проявленным русскою армией при отступлении.

В своем ответе вел. князь благодарил короля и выражал уверенность, что согласованные всегда и во всем действия союзных армий приведут войну к победоносному концу.

Тем же выражением уверенности в победе в результате согласованности действий верховных командований заканчивалась телеграмма вел. князя на имя Мильерана и Жоффра, являвшаяся ответом на приветственную телеграмму последних от 25/VIII (н. ст.).

деморализованы, отвыкли от мысли, что у них достаточно патронов и артиллерии, и, если бы все необходимые запасы свалились с неба, то и тогда невозможно рассчитывать на наступательные действия наших армий. Моральная возможность перейти к наступлению возникнет не раньше, как месяца через 2—3 после пополнения всех наших запасов снарядами и винтовками.

Я не могу скрыть от вас, что, в общем итоге, все мои впечатления от новой ставки как нельзя более мрачны. Одно утешение я находил во время нашего путешествия сюда: в сознании беспредельности нашей родины и физической невозможности завладеть ею по всем направлениям. Мысль — несколько теоретическая, правда, но все же неотвязчивая и утешительная — напрашивалась, когда я наблюдал из окон вагона наши пространства, мысль, что германские полчища должны, в конце концов, раствориться в российской беспредельности!

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 30 (17) августа 1915 г.

Ставка. 17 августа 1915 г.

Личное.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Настроение в ставке продолжает быть каким-то неопределенным — выжидательным. О предстоящих переменах в высшем командном составе все говорят, но под секретом, и, в сущности, никто не знает, что кого ожидает.

Вчера я имел случай переговорить о положении с ген. Даниловым. Он мне отчасти подтвердил то, что я уже слышал от ген. Янушкевича, т.-е. что при недостатке боевых припасов и упадке духа, который является следствием постоянного отступления, ни на какое существенное улучшение нашего положения мы рассчитывать не можем. Тем не менее он не считает дело потерянным. «Как я говорил Сергею Дмитриевичу, — сказал он, — окончательная победа все же может остаться за нами при двух условиях: 1) чтобы мы не отчаивались и бодро переносили испытания и 2) чтобы у нас не было революции». В настоящее время он считает особенно важным движение германцев на Вильну. Туда посланы большие подкрепления, и Данилов надеется, что удастся избегнуть окружения армий ген. Алексеева, что могло бы случиться, если германцы прорвут нашу линию в этом месте [1]). Он меня иронически спросил, скоро ли французы начнут свое наступление? Я ему повторил известные соображения, по которым трудно рассчитывать на активные действия наших союзников. Данилов при-

[1]) Это приблизительно тот план, о котором я вам писал раньше, когда высказывал опасение, как бы германцы нас не оттеснили к Пинским болотам. (*Прим. в подлиннике.*)

знал, что переброска с нашего фронта на западный нескольких корпусов не изменит плана действий и общего положения германцев на нашем фронте. — В общем же, я ожидал более пессимистического настроения у Данилова, признавшего, между прочим, возможность захвата немцами Риги, но уверенно говорившего о нашем наступлении будущею весною...

Гораздо более нервно себя держит ген. Янушкевич. Но оба генерала как-то притихли и точно не находят себе занятий. Янушкевич, который, бывало, по целым суткам просиживал за бумагами, теперь открыто говорит, что у него дела нет. А Данилов иногда по часам отсутствует из своего управления! Я не знаю, заменят ли этих генералов другими, но думаю, что «plus cela changera plus ce sera la même chose»[1]), — разве что отыщется какой-нибудь до сих пор неизвестный Наполеон или Суворов. Лишь бы кризис прошел скорее, а то отсутствие начальства дает себя остро чувствовать и действует деморализующе на всех. По моему личному впечатлению, новая метла не будет лучше старой. Лишь бы нам держаться и не малодушничать. У немцев, насколько я могу судить по всему тону германских газет, имеется двойной лозунг: 1) «Durchhalten!» и 2) р а з б и т ь н а ш у а р м и ю. Соответственно этому и нам следует принять решение не итти на мировую до оттеснения германцев из России и стараться сохранить кадры нашей армии. Это понимается здесь. Лишь бы не было иного лозунга у наших думских кругов! Вчера газеты писали о предстоящем перерыве сессии Думы. Надеюсь, что этот слух верен. На военных очень действует и раздражает их вся эта думская болтовня, совершенно лишняя после того, как Дума свое отношение к вопросу о продлении войны определила в утвердительном смысле. Жалуются также на то, что «общественные организации» тоже много говорили, а дела не сделали: обещали, как мне говорил Янушкевич, довести доставку снарядов до 70 парков в месяц, а доставляют их 27.

По поводу поставок в нашу армию я слышал от здешнего английского офицера, что импортеры, ввозящие товары чрез Архангельск, очень жалуются на тамошние беспорядки. Оказывается, что назначенный в Архангельск ген.-губернатор Балуев, успевший ввести известную планомерность в дело направления прибывающих в Архангельск грузов (давал предпочтение военным поставкам), ныне смещен и заменен адм. Угрюмовым. Последний внес страшную путаницу, и злоупотребления и взяточничество, против которых, я помню, что вы так восставали прошлою зимою, — снова возобновились. Я доложил о сем Янушкевичу, думая, что смена архангельского начальства — его рук дело. Но он мне сказал, что он тут не при чем; что город Архангельск изъят из театра военных действий и что там теперь орудует комиссия, находящаяся под председательством ген. Поливанова. О последнем Янушкевич говорил с некоторою горечью...

[1]) «Чем больше будет перемен, тем меньше будет изменений».

Вел. князя я видел вчера довольно продолжительное время и сделал ему небольшой доклад (на словах), на основании последних литографий, о положении вещей на Балканском полуострове. У него вид довольно бодрый и веселый. Не знаю, чем это объяснить.

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 4 сентября (22 августа) 1915 г.

Могилев. 22 августа 1915 г.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

20 августа к вечеру прибыл сюда генерал Алексеев, и в тот же день генерал Янушкевич сдал ему должность и поселился в вагоне. При моем последнем свидании с бывшим начальником штаба он мне сказал, что уедет через день после сдачи должности, так как ему повелено, прежде чем ехать на Кавказ, явиться в Царское. Ввиду желания государя его видеть и ввиду предстоящего высочайшего приезда ген. Янушкевич останется здесь лишних дня 2—3. Если же, как я не перестаю надеяться, вел. князь останется верховным главнокомандующим, то очень вероятно, что он настоит на том, чтобы и Янушкевич остался при нем «для распоряжений». Впрочем, это — личная моя догадка, основанная на известной мне привязанности великого князя к своему бывшему начальнику штаба.

У Алексеева я был один только раз, вчера, с докладом по делу об арестованных трех шведах [1]). По манерам — это прямой контраст с Янушкевичем, но нельзя его упрекнуть в недостатке любезности и корректности. Он меня спросил, в чем собственно заключается моя деятельность; я вкратце рассказал ему, что мы здесь делали и для чего здесь находимся. Он мне разрешил приходить к нему во всякое время и, повидимому, не без интереса выслушал мой доклад о настоящем положении переговоров с балканскими государствами, но, конечно, с первого раза я не мог установить таких непринужденных и откровенных отношений, какие установились у меня с ген. Янушкевичем. Последнего в штабе все очень любили и сожалеют об его уходе. Об Алексееве иронизируют так: сдал все до единой наши крепости и приехал в ставку. В таком отношении к нему отражается, конечно, отчасти страх за собственную судьбу, ибо говорят, что весь штаб будет обновлен. До сих пор неизвестно еще, кто заменит ген. Данилова, но уход его решен. Вообще, этот «штабный кризис», как и всякий кризис, плохо отражается на делах. К тому же он очень затянулся, и неудивительно, что действует на нервы всех. — При всем этом безупречно,

[1]) Речь шла об арестованных по подозрению в шпионстве шведских подданных Сильвельгиерма, Флейшера и Френкеля, дело о которых находилось в производстве начальника Двинского военного округа. По ходатайству шведского посольства, министерство ин. д. настаивало на скорейшем рассмотрении их дела. См. телеграмму Нератова Кудашеву от 20/VIII 1915 № 6300.

великолепно, с полным самообладанием держался и держится великий князь. Он, безусловно, считает себя уже смещенным, даже не желает подавать вида, что желал бы сохранить верховное командование.

О военных делах не могу сообщить ничего нового. Я буду ждать удобного случая, чтобы ознакомиться со взглядами ген. Алексеева на положение. Но думаю, что план действий будет принят — если можно рассчитывать на существование плана — во время пребывания здесь государя.

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 6 сентября (24 августа) 1915 г.

Могилев. 24 августа 1915 г.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Вчера, 23 августа, в 10-ю годовщину подписания портсмутского мира, совершилось другое очень, важное для России, событие: отрешение от командования вел. князя.

До приезда сюда государя мы все надеялись, что вопрос этот будет перерешен в смысле оставления вел. князя во главе армии, что могло бы быть очень легко оформлено, так как по закону, в случае принятия государем верховного командования, вел. князь ipso facto[1]) сделался бы начальником штаба его величества. — К сожалению, повидимому, этого не желали, и вел. князь завтра едет на Кавказ с остановкою на несколько дней в своем имении. Насколько мне дано судить об этом событии, оно будет иметь громадное отрицательное значение и результаты. Вел. князь очень популярен не только в армии, но и в стране, и его немилость будет, несомненно, широко и успешно использована для поколебания престижа государя и всего монархического начала. Уже теперь среди офицеров слышно такое суждение: «Вел. князь стоял за войну à outrance[2]). Свергла его немецкая партия, и что бы ни говорили, а партия эта желает мира, который и будет заключен в октябре». Если даже это не так, то важна возможность такого толкования у офицеров, причем под офицерами я отнюдь не подразумеваю приближенных к вел. князю или лиц, им особенно облагодетельствованных, а среднюю серую массу офицерства...

Дай бог, чтобы мои дурные предчувствия не оправдались, но я с особенной грустью должен ими поделиться с вами.

Уход генералов, конечно, не имеет значения. Теперь ожидать победы невозможно. Дай бог только, чтобы Алексееву удалось дальнейшее спасение армии (ценою территории). Это ему удастся, как кажется. Во всяком случае, для ближайшего будущего надо готовиться к новым отступлениям. Как я вам телеграфировал вчера, уже

---

[1]) Тем самым.
[2]) До конца.

говорят о перенесении ставки в Москву [1]). Но я вчера не мог видеть начальника штаба и потому авторитетного подтверждения этого слуха не имею. — Вообще до сих пор не выснилось, в какую форму выльется наш «новый режим», и я не знаю, каково будет при нем мое положение...

Прощаясь с уходящими генералами, которые, понятно, особенно удручены, мне приятно было услышать от ген. Данилова (несмотря на совершенный даже физический свой collapsé), утверждение, что мы все-таки сможем одолеть Германию: лишь бы не падали духом, а мир заключать было бы громаднейшею ошибкою. Мне понравились эти слова не только, как соответствующие и моим убеждениям, но и как оправдывающие мое мнение о личности этого непопулярного, но твердого генерала.

Н. Кудашев.

Письмо Кудашева 8 сентября (26 августа) 1915 г.

Могилев. 26 августа 1915 г.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Вчера был день отъездов и прощаний. Утром меня принял великий князь, и я с ним простился. В 2 часа он собрал весь штаб и простился со штабом. При этом, скрывая свое волнение, он сказал приблизительно следующее: «За всю мою службу за мной утвердилось мнение о моей требовательности и строгости. Между тем вы со мной прослужили целый год, и никому из вас ни разу не пришлось услышать от меня упрека или замечания. Это лучшее доказательство того, как хорошо вы исполняли ваши обязанности. Но теперь, что вы будете иметь счастие служить под верховным командованием самого государя императора, [2]) я уверен, что вы с еще большею энергиею приметесь за работу, и я глубоко убежден в ее плодотворности и в конечном успехе ее. За прошлые труды сердечно благодарю, и в лице Михаила Васильевича (Алексеева) позвольте поцеловать вас всех». Подчеркнутые слова были им сказаны с большим подъемом — вероятно, отчасти, чтобы скрыть свое волнение, — и это вышло очень красиво и произвело глубокое впечатление на всех.

В 3 часа уехал ген. Данилов, а в 6 сам великий князь. Провожать вел. князя приехали: начальник штаба и начальники отдельных частей, в том числе и я. Затем подъехал в автомобиле государь со свитою. Отъезд вышел очень простым и очень торжественным.

---

[1]) В телеграмме от 23/VIII 1915 г. № 366 Кудашев сообщал о предстоящем отъезде вел. князя вместе с ген. Янушкевичем на Кавказ; вместе с тем он передавал, как слух, что Алексееву будут даны права верх. главнокомандующего, что ставка будет переведена в Москву, куда переедут также двор и министры.

[2]) Набранное разрядкой подчеркнуто в подлиннике.

Вечером я был прглашен к высочайшему обеду. Приглашены были также французский и английский генералы, вел. князь Дмитрий Павлович, губернатор, предводитель дворянства, протопресвитер. Настроение было подавленное. Даже Воейков [1]), который обыкновенно оживляет эти обеды шутливой болтовнею, приуныл и молчал. Я потом из разговора с некоторыми из лиц свиты узнал, что в царском вагоне (государь еще живет в поезде) царят полное уныние и растерянность, и никто, собственно, не знает, как выльется новая обстановка и как наладится командование. Царский поезд в 5 верстах почти от управления начальника штаба, и сам Алексеев просил уволить его от царских завтраков и обедов, так как это влечет за собою слишком большую потерю времени. Таким образом государь только раз в день принимает доклад, для чего приезжает в губернаторский дом. Остальное время он разобщен со штабом. Поговаривают о скором отъезде государя, в каковом случае он передаст ген. Алексееву полномочия верховного главнокомандующего. Сам Алексеев очень огорчен отъездом вел. князя, так как видит, что на него взваливается огромная ответственность. Это мне передавал М. Куракин, с которым Алексеев близко знаком и который приехал вчера из штаба Иванова.

Лично мне еще не пришлось ближе познакомиться с новым начальником штаба, который еще налаживает свою работу. Сегодня я пойду к нему, чтобы переговорить об экспедиционном отряде в Македонии [2]) и заодно о журналистах и других делах, и надеюсь, что мне удастся составить себе непосредственное мнение о нем.

Происходящая ломка очень энервирует [3]) всех и, конечно, задевает многие личные интересы, так что неудивительно, что в штабе царит полное уныние. Весь вопрос, самый существенный из всех, конечно, тот: каков окажется Алексеев как стратег? Особого огня, искры божией пока не чувствуется в нем; но — это только впечатление, притом поверхностное. Быть может, теперь для отступления и оборонительной войны достаточно благоразумия, осторожности и последовательности. Если удастся сохранить кадры армии (увы, сама армия растаяла до 900 000 штыков, как говорят) и не дать немцам зайти слишком уже далеко до зимы, — то и то придется сказать: слава богу.

О переводе ставки на новое место ничего не решено, но говорят, что перемена будет недели через 2—3. О Москве — больше не слышно.

Н. Кудашев.

---

[1]) Ген.-м. В. Н. Воейков — дворцовый комендант.

[2]) Телеграммой от 25/VIII 1915 г. за № 4364 Сазонов запрашивал Кудашева о принципиальном согласии ген. Алексеева на отправку из Одессы в Бургас отряда в 250 чел. для участия во временном занятии союзниками части Македонии на восток от Вардара. Телеграммой от 26/VIII 1915 г. за № 369 Кудашев сообщал о выраженном ген. Алексеевым на то согласии.

[3]) Так в подлиннике.

Письмо Кудашева 10 сентября (28 августа) 1915 г.

Могилев. 28 августа 1915 г.

Глубокоуважаемый
Сергей Дмитриевич.

Работа в штабе при новом начальстве начинает налаживаться. Со мной ген. Алексеев был весьма любезен и выказал большую предусмотрительность, когда я заговорил с ним о корреспондентах Вашбурне и Грендисе[1]), которым он разрешил приезд в ставку. Он также поспешил выразить согласие на откомандирование, в случае, если того потребуют обстоятельства, 250 человек для участия в занятии Македонии. При этом он удивился малочисленности нашего отряда. Политикою вообще он, кажется, не так интересуется и отказался ознакомиться с подробностями последнего фазиса наших переговоров и даже с ответом сербов на наш коллективный шаг. Быть может, он не желает обременять себя никакими побочными заботами и довольствуется по вопросам, не относящимся до стратегии, быть осведомленным в самых общих чертах. Это, в общем, довольно мудро, но, пожалуй, сведет мои доклады к нему к решению лишь мелких текущих дел. Впрочем, ввиду пребывания в ставке самого государя, получающего всю дипломатическую переписку, такое отношение ген. Алексеева к вопросам политики никакого вреда не причинит, а, может быть, и наоборот.

В общем, несмотря на его непривлекательную наружность, он мне нравится своей простотою. С государем он, как мне говорили, обращается очень не по-п р и д в о р н о м у. Я вам уже писал, что он отказался от ежедневных обедов у государя, так как это отнимает у него много времени. После утреннего доклада Алексеев провожает его величество до соседней комнаты, а затем приказывает дежурному офицеру провести государя далее до автомобиля. Когда пришла от Иванова телеграмма об успехе армии Щербачева[2]), Алексеев просто переслал ее государю (другой бы сам поскакал, чтобы быть первым, принесшим хорошую весть). Результатом этого было то, что государь, желая подробнее разузнать, в чем дело, какие войска отличились и пр., убедился в неудобстве жить в вагоне за 5 верст от штаба и вчера переехал в губернаторский дом. В отношении к иностранным генералам эта перемена имеет большое значение. Генералы приглашены ежедневно к высочайшему столу, и государь с ними вошел в непосредственный контакт, советуясь с ними и обмениваясь мнениями. Генералы от этого в восторге, и это понятно, ибо при вел. князе они говорили только с Янушкевичем, так как вел. князь, кажется, из осторожности избегал откровенностей с ними.

---

[1]) Грендис — голландский журналист.
[2]) У Тарнополя.

Третьего дня я вам вкратце протелеграфировал, что военное положение считается несколько улучшившимся [1]). Я это сделал, так как с о о б щ е н и я штаба стали выходить так поздно, что едва ли попадают в утренние газеты. Мне трудно сказать, насколько такая оптимистическая оценка действительно оправдывается обстоятельствами. Для выражения такой оценки могли быть самые разнообразные мотивы и побуждения помимо искреннего желания говорить то, что есть: желание подбодриться самому (вера в успех иногда дает успех), желание поднять дух у самого государя, который все же смущен впечатлением, произведенным сменою великого князя, наконец, подействовать на общественное мнение. Быть может, все эти элементы участвовали в определении положения в несколько розовом свете. Лично я, несмотря на свой скептицизм, хочу верить, что, помимо всяких «подкладок», Алексеев, действительно, сам думает, что напор германцев слабеет. В этом меня укрепляет как указанная мною выше простота обхождения с государем (т.-е. отсутствие притворства) у Алексеева, а также тон, которым он мне вскользь высказал свое убеждение, что мы вернемся в Галицию. Конечно, и при всей искренности высказываемого суждения может быть ошибка в самом суждении. К таким ошибкам меня приучили прежние наши генералы, но только события могут показать, насколько новые лучше и прозорливее прежних...

Н. Кудашев.

(*Продолжение следует*.)

---

[1]) Телеграммою Кудашева от 26/VIII 1915 г. за № 370 сообщалось о том, что одновременно с немаловажным успехом Щербачева у Тарнополя по всему фронту атаки германцев ослабели и всюду взяты пленные.

Московская Городская Дума после Октября.

Октябрьская революция, знаменовавшая низвержение буржуазного общества, разрушила до основания государственный аппарат старой власти, в том числе и аппараты городских управлений — городские думы и городские управы. В то время как в ряде уездных, отчасти и губернских городов городские управы, иногда в несколько измененном составе, продолжали в течение нескольких месяцев после Октябрьского восстания (до марта — июля 1918 г.) работу по заведыванию городским хозяйством, в Москве Военно-Революционный Комитет на другой же день после Октябрьской победы постановил «избрать орган из пяти лиц («комиссары городского хозяйства»), которому поручить временное ведение дел городского самоуправления и хозяйства» [1]). Через несколько дней (7/XI) заведывание городским хозяйством было передано выбранному еще до Октябрьского восстания — 27 октября — на общем собрании гласных всех районных дум Москвы Совету районных дум, органу, представлявшему рабочий класс г. Москвы и состоявшему, в своем громадном большинстве, из рабочих-большевиков. Из состава его был выделен исполнительный орган — Бюро районных дум, которое было пополнено еще шестью рабочими городских предприятий, представителями тогдашнего «Центрального союза городских служащих и рабочих».

Бюро районных дум, заменившее прежнюю городскую управу, взяло на себя, вместе с районными управами, трудную задачу восстановления городского хозяйства, разрушенного и доведенного до банкротства в течение четырех месяцев существования эсеровско-меньшевистской управы.

Старая городская управа, возглавлявшаяся эсером Рудневым, состоявшим в белогвардейском штабе в дни Октябрьского восстания, пыталась в течение двух-трех недель после своего поражения мешать работе по восстановлению самими рабочими городского хозяйства, организуя саботаж городских служащих и поддерживая их забастовку материально (за счет полученных обманным путем из государственного банка шести миллионов). Органам власти рабочего класса — творца нового социалистического строя — городская управа пыталась противопоставить «социалистическую» Городскую Думу, где собрались представители «социалистических» партий (эсеры, эсеры-интернационалисты, меньшевики — просто, меньшевики-оборонцы, меньшевики-интернационалисты, объединенцы с.-д., объединенцы — сегодня и меньшевики — завтра и т. п.), которые раньше, чем попасть на «живодерню истории», еще раз на «заседаниях Московской Городской Думы» продемонстрировали ненависть к рабочему классу мещанских партий, полити-

---

[1]) См. протокол Моск. Военно-Рев. Комитета от 3/XI 1917 г. «Красный Архив», т. XXIII, стр. 97.

ческое убожество «соглашательских» групп и полную растерянность, граничащую с трусостью, тех и других. Напрасно представители кадетской партии, партии крупной буржуазии, партии антантовского шпионажа и контрреволюционных заговоров против Советской власти, призывали их к более решительным действиям — напоминая об их революционном прошлом («вы сами знаете, как нужно действовать в решительные моменты»), играя на их патриотизме («немецкие шпионы») и их религиозности мелких мещан («осквернённые кремлевские святыни») и взывая к их классовым инстинктам мелких собственников («большевики уничтожили суд с его документами, с его завещаниями, иногда невосстановимыми изъявлениями воли умерших»).

Растерянность «социалистических» партий перед лицом победившего и с каждым днем все больше укреплявшего свою победу пролетариата росла с каждым «заседанием Думы» и привела их к сдаче своих позиций даже по отношению к тем группам населения, интересы которых они отражали: городских служащих и растерявшихся интеллигентов.

Первое «заседание Городской Думы» было созвано 6 ноября. Накануне в Военно-Революционный Комитет работниками Совета районных дум было внесено предложение распустить Городскую Думу и, в случае ее отказа подчиниться распоряжениям Советской власти, арестовать главных руководителей. Военно-Революционный Комитет постановил: «Признать необходимым явиться на заседание Городской Думы, назначенное на 6 ноября, предложить разойтись и, в случае неповиновения, разогнать управу вооруженной силой» [1]).

Предложение об аресте было отклонено. На другой день «законно избранные представители населения», как они себя называли, а на самом деле представители только что разбитой в бою контрреволюционной буржуазии, явились в здание, где помещалось Бюро районных дум. Дальше «швейцарской» их не допустили и разговаривать с ними отказались. Они расположились, было, составлять протокол «о захвате большевиками здания городского самоуправления», но вызванный отряд советской стражи быстро выпроводил их из помещения.

Второй акт комедии происходил 15 ноября. За несколько дней до этого Военно-Революционный Комитет постановил:

«1. Обратиться к членам управы [с требованием] о немедленной передаче дел Совету районных дум.

2. В случае продолжения ими своей деятельности, путем военной силы: а) не допускать собрания старой Думы, б) не допускать работ старой управы, в) не останавливаться перед самыми решительными мерами — вплоть до ареста членов управы, независимо от их партийной принадлежности, а только в зависимости от их действий» [2]).

По требованию представителя Военно-Революционного Комитета, заседание Городской Думы было председателем закрыто, и открыто частное совещание. После ухода отряда солдат вместе с представителем Военно-Революционного Комитета, — храбрые думцы переименовывают «частное совещание» в «пленарное заседание Думы», пользуясь тем, что несколько солдат из отряда остались в зале, устраивают «живую картину» единства с солдатскими массами.

Но на следующем — последнем — «заседании Думы» бывший городской голова Руднев должен был признать, что только городские служащие идут за ними, а «рабочие

[1]) См. протокол ночного заседания Моск. Военно-Рев. Комитета 5 ноября. «Красный Архив», т. XXIII, стр. 117.

[2]) См. там же, стр. 135, протокол от 10 ноября 1917 г.

массы идут стихийно за Военно-Революционным Комитетом». Более того, испуская свой последний вздох, Дума отказала в политической поддержке даже тем городским служащим, которые цеплялись за нее в борьбе с Советской властью. Московская Городская Дума «не умерла, не была убита, она просто сгнила».

Революция потребовала только, чтобы все эти обломки «революционных» партий «не только делом [на стороне белогвардейцев в дни восстания], но и фразой отреклись от своих старых фраз и, смешавшись, наконец, в отвратительный клубок, оказались выброшенными народом на живодерню истории». (К. Маркс.)

М. Владимирский.

Собрание Думы 6 ноября 1917 года [1].

ЛИЧНЫЙ СОСТАВ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ

на 1917—1918 гг.

№№ по порядку	Фамилия, имя, отчество, адрес и указание на № списка фракции	Отметки
	1. ГЛАСНЫЕ:	
1	Абрамович Дора Симовна, Владимиро-Долгоруковская, 9, кв. 150 (III).	*Д. Абрамович.*
2	Авинов Николай Николаевич, Трубниковский, 32 (I).	*Н. Авинов.*
3	Александров Степан Николаевич, Софийская наб., 6, кв. 18 (IV).	*С. Александров.*
4	Алферов Александр Данилович, 7-й Ростовский, 21 (I).	*А. Алферов.*
5	Аносов Михаил Степанович, Б. Пресня, д. 44-а, кв. 34 (III).	*М. Аносов.*
6	Анохин Алексей Сергеевич, 4-я Мещанская, 3-й Троицкий пер., 15, кв. 1 (III).	
7	Антонов Василий Григорьевич, Самарский пер, 20, кв. 8 (III).	*В. Антонов.*
8	Арманд Инесса Федоровна, Арбат, Денежный пер., 14, кв. 13 (V).	
9	Арманд Лидия Марионовна, Плющиха, 4-й Ростовский, 2, кв. 35 (III).	*Л. Арманд.*
10	Артемьев Николай Иванович, Волхонка, 6, кв. 20 (III).	*Н. Артемьев.*
11	Астафьев Михаил Гаврилович, Ново-Лесной, Миняевский пер., 16, кв. 7 (III).	*М. Астафьев.*
12	Астров Владимир Иванович, Яуз. ч., 2 уч., М. Казенный, 6, кв. 1 (I).	
13	Астров Николай Иванович, Покровка, 42, кв. 15 (I).	*Н. Астров.*
14	Бахрушин Сергей Владимирович, Арбат, Денежный пер., д. 7 (I).	*Серг. Бахрушин.*

[1]) АОР, фонд 379. — Весь список напечатан на пишущей машинке; надпись сделана чернилами; в графе «Отметки» — собственноручные подписи гласных и членов управы, присутствовавших в заседании 6/XI 1917. Дата по старому стилю. Римские цифры обозначают номера списков партий, по которым производились выборы в Думу: I — номер списка партии нар. свободы (к.-д.); II — народн. соц.; III — партии с.-р.; IV — объедин. списка РСДРП (меньш.), объедин. и интернац.; V — большевиков.

№№ по порядку	Фамилия, имя, отчество, адрес и указание на № списка фракции	Отметки
15	Безель Владимир Яковлевич, 3-й Самотечный пер., 10, кв. 48 (III).	*В. Безель.*
16	Беркенгейм Александр Моисеевич, Бахрушинский туп., д. Зейберта (III).	*Ал. Беркенгейм.*
17	Богданов Николай Николаевич, уг. Каланчевской и Домниковской, 25/27 кв. 22 (III).	*Н. Богданов.*
18	Бондаренко Иван Петрович, Преображенская площадь, 1-й Петровский, 50 (V).	
19	Бонч-Осмоловский Анатолий Осипович, Петровский парк, Дворцовый пер, 9 (III).	*Бонч-Осмоловский.*
20	Борщевский Александр Степанович, Александровский п., 40, кв. 6 (V).	
21	Брюхатов Лев Дмитриевич, 7-ой Ростовский, 15, кв. 20 (II).	*Л. Брюхатов.*
22	Бурышкин Павел Афанасьевич (товарищ городского головы), Антипьевский, 7 (I).	*П. Бурышкин.*
23	Бухарин Николай Иванович, Б. Ордынка, д. Александро-Мариинск. уч., кв. 5 (V).	
24	Белорусов Семен Сергеевич, за Крестовской заставой, Лебедевский пер., д. 7 (V).	
25	Белостоцкий Владимир Львович (член городской управы), Б. Молчановка, 17 (III).	*Белостоцкий.*
26	Ведерников Алексей Степанович, 7-й Ростовский переулок, 15 [1]).	
27	Велихов Павел Аполлонович, Бахметьевский, 15 (I).	*П. Велихов.*
28	Виноградский Михаил Николаевич, Волхонка, 6, кв. 20 (III).	*Мих. Виноградский.*
29	Виткович Станислав Антонович, Владимиро-Долгоруковская, 9, кв. 150 (III).	*С. Виткович.*
30	Вишняк Марк Вениаминович, М. Лубянка, 9, кв. 23 (III).	
31	Владимиров Александр Владимирович, 2-й Крутицкий пер., 21, кв. 2 (III).	*А. Владимиров.*
32	Владимирский Алексей Николаевич, Патриаршие пруды, д. 12, кв. 7 (III).	
33	Вознесенский Александр Николаевич, Благовещенский п., 3, кв. 19 (III).	
34	Волов Марк Аркадьевич, М. Екатерининская, против ворот Старо-Екатерининской больницы, д. 16, кв. 3 (III).	
35	Воскресенский Алексей Сергеевич, Волхонка, 9, кв. 37 (III).	
36	Гаврилов Сергей Тимофеевич, Гагаринский, 23, кв. 34 (III).	
37	Гавронский Дмитрий Осипович, Мясницкая ул., 24, кв. 108 (III).	
38	Гальперин Лев Ефимович, Солянка, 1, кв. 70 (IV).	

[1]) В подлиннике отсутствует номер списка фракции.

№№ по порядку	Фамилия, имя, отчество, адрес и указание на № списка фракции	Отметки
39	Гальперин Роза Израилевна, Новослободская, 26, кв. 3 (III).	*Р. Гальперин.*
40	Гедеоновский Александр Васильевич (член городской управы), Б. Патриаршие пруды, 12, кв. 6 (III).	*А. Гедеоновский.*
41	Гейликман Тевель Борухович, Покровка, Введенский пер., д. 14, кв. 11 (IV).	*Т. Гейликман.*
42	Гельфгот Александр Павлович, Сокольники, Б. Бахрушинская ул., 4, кв. 4 (III).	*А. Гельфгот.*
43	Гендельман Михаил Яковлевич (он же Якобий), Борисоглебский пер., 8 (III).	*М. Гельдельман.*
44	Глазунов Александр Васильевич, Донская, 21, кв. 10 (III).	*А. Глазунов.*
45	Голицын Михаил Владимирович (член городской управы), Спиридоновка, Георгиевский пер., 14 (I).	*Голицын.*
46	Голоухов Иван Иванович, Земляной вал, 65, кв. 26 (III).	
47	Горохов Александр Алексеевич, Ольховка, 9, кв. 10 (III).	
48	Горохов Дмитрий Егорович, Сад.-Кудринская, 15 (I).	*Д. Е. Горохов.*
49	Грановский Лев Борисович, Б. Тверская-Ямская, 45, кв. 4 (IV).	*Л. Грановский.*
50	Грацианов Петр Владимирович, Остоженка, 1-й Ильинский пер., д. 5, кв. 6 (III).	*Грацианов.*
51	Гриневецкий Василий Игнатьевич, Н. Басманная, 10, кв. 86 (I).	
52	Гросман Виктор Азриэлевич, Сретенский бульвар, Стрелецкий пер., 3, кв. 3 (III).	
53	Гусев Сергей Александрович, Коровий вал, 6, кв. 15 (III).	
54	Данилов Флегонт Александрович, Смоленский бульвар, 24, кв. 31 (III).	*Ф. Данилов.*
55	Девяткин Александр Федорович, Щипок, 20, кв. 1 (IV).	
56	Дементьев Федор Федорович, 2-я Сокольническая ул., 7/9, кв. 25 (III).	*Дементьев.*
57	Демме Егор Егорович, Арбат, Староконюшенный пер., 15, кв. 1 (на церковн. дворе) (III).	
58	Домбровская Лидия Антоновна, Петроградское шоссе, 17, кв. 18 (III).	*Домбровская.*
59	Дорф Давид Яковлевич (член городской управы) Олсуфьевский пер., 1, кв. 9 (III).	*Дорф.*
60	Евтихиев Иван Иванович, Б. Никитская, 58 (III).	*И. Евтихиев.*
61	Егоров Иван Иванович, Покровская, 53 (IV).	
62	Ельяшевич Александр Борисович, Пятницкая, Климентовский пер., 27, кв. 64 (III).	
63	Ельяшевич Зиновий Борисович, Пятницкая ул., Климентовский пер., 27, кв. 64 (III).	*З. Ельяшевич.*
64	Ершов Сергей Петрович, Шабловка, 50, кв. 19, (IV).	
65	Есин Василий Захарович, Ольховский п., 6 (V).	

№№ по порядку	Фамилия, имя, отчество, адрес и указание на № списка фракции	Отметки
66	Заблоцкий Станислав Иосифович, Семеновская, 21 (III).	
67	Закс Бернард Генрихович, Б. Молчановка, д. 28, кв. 12; служебн. адрес: Тверская, д. бывш. генерал-губернатора, Совет Рабочих Депутатов, бухгалтерия (V).	
68	Залкинд Лазарь Борисович, 2-й Волконский пер., 3, кв. 20 (IV).	*Л. Залкинд.*
69	Зарецкая София Моисеевна, М. Гнездиковский, 9, кв. 41 (IV).	
70	Земкевич Станислав Людвигович, Симоновский, Кам.-Коллежский вал, 32, кв. 16 (III).	*С. Земкевич.*
71	Зимовский Федор Яковлевич, Донская ул., 21, кв. 40 (III).	*Ф. Зимовский.*
72	Злобин Дмитрий Иванович, Ново-Басманная, 23 (III).	
73	Знаменский Андрей Александрович, 2-я Тверская-Ямская, 29 (V).	
74	Кабанов Борис Владимирович, Садовая, близ Красных ворот, д. Афремова, кв. 101 (III).	*Б. Кабанов.*
75	Кабанов Николай Александрович, Никитский бул., д. 15, кв. 16 (III).	
76	Канель Вениамин Яковлевич, Мамоновский пер., 6, кв. 5 (IV).	
77	Карачевский-Волк Василий Васильевич, уг. Долгого и Новоконюшенного п., 12/16 (II).	*В. Карачевский.*
78	Катуар Лев Львович, Петровский бульв., 8 (I).	
79	Кафенгауз Леон Борисович, Б. Якиманка, 35, кв. 8 (IV).	*Кафенгауз.*
80	Кизеветтер Александр Александрович, Моховая, 10 (I).	*Кизеветтер.*
81	Кишкин Николай Михайлович, Б. Молчановка, 12 (I).	
82	Кобяков Сергей Артемьевич, Трубниковский пер., 4, кв. 15 (III).	
83	Коварский Борис Николаевич, Тихвинский пер., д. 9, кв. 40 (III).	
84	Коварский Илья Николаевич (товарищ городского головы), Петроградское шоссе, 17, кв. 18 (III).	*И. Коварский.*
85	Козлов Василий Иванович, Ст. Триумфальн. вор., Оружейный пер., 15, кв. 25, служ. адр.: Александровский вокзал, район. Прод. Ком-т (III).	*В. Козлов.*
86	Козлов Иван Яковлевич, Серпуховский пр., 7 (V).	
87	Козлов Николай Васильевич, Знаменка, 9, кв. 27 (III).	*Н. Козлов.*
88	Колокольников Павел Николаевич (К. Дмитриев), 1-й Волхонский, 1, кв. 2 (IV).	
89	Комиссаров Михаил Герасимович, Сивцев-Вражек, 24 (I).	*М. Г. Коммиссаров.*
90	Коновалов Александр Иванович, Б. Никитская, 43 (I).	

№№ по порядку	Фамилия, имя, отчество, адрес и указание на № списка фракции	Отметки
91	Королев Борис Данилович, Кудринская, 11, кв. 29 (III).	
92	Красильников Яков Александрович, Зубовский бульвар, Дворцовский пр., 3, кв. 6 (III).	*Як. Красильников.*
93	Крафт Даниил Павлович, Божедомский пер. 5, кв. 21 (III).	*Д. Крафт.*
94	Кузнецов (он же Морев) Александр Антонович, Селезневская, 44 (III).	
95	Литошенко Лев Николаевич (член городской управы), Б. Кисловский, 1, кв. 14 (I).	*Л. Литошенко.*
96	Лифшиц Семен Яковлевич, Б. Бронная, д. Полякова, 6, кв. 3 (III).	*С. Лифшиц.*
97	Лукьянов Василий Матвеевич, 2-й Бабьегородский пер., 22, кв. 7 (III).	
98	Любопытнов, Алексей Петрович, Старо-Конюшенный п., 2, кв. 7 (III).	*А. Любопытнов.*
99	Магеровский Дмитрий Александрович, Б. Дмитровка, 9, кв. 36 (III).	
100	Мазинг Карл Карлович, М. Знаменский, 7 (I).	
101	Маклаков Василий Алексеевич, Новинский бульв., 32 (I).	
102	Малиновская Софья Петровна, Сокольники, Ермаковская, 6, кв. 28 (III).	*С. Малиновская.*
103	Маленков Емельян Михайлович, Сокольники, Митьковская, 11 (V).	
104	Мамот Елизавета Борисовна, Сретенка, Колокольников пер., 24, кв. 38 (III).	*Мамот.*
105	Мамонтов Николай Сергеевич, 1 Самотечный п., 22, кв. 3 (IV).	
106	Мансветов Федор Северианович, Каретный ряд, Петровские казармы, кв. 12 (III).	*Мансветов.*
107	Мануилов Александр Аполлонович, Скатертный, 22 (I).	*А. Мануилов.*
108	Маслов Семен Леонтьевич, Б. Козихинский пер., 22, кв. 1 (III).	
109	Матвеев Павел Филиппович (он же Малец Яков Васильевич), 2-й Яким. уч., Дровяная пл., д. Андреева, 44, кв. 103 (III).	*Я. Малец.*
110	Минор Осип Соломонович (председатель Городской Думы). Петровские казармы, кв. 16 (III).	*О. С. Минор.*
111	Монахов Александр Иванович, 2-я Сокольничья, 8, кв. 7 (V).	
112	Морозов Василий Селиверстович, Пресненская застава, Звенигородское шоссе, 10, кв. 9 (III).	*В. Морозов.*
113	Мухин Александр Арсеньевич, Б. Татарская ул., Руновский пер., д. 10, кв. 8 (III).	*А. Мухин.*
114	Нестеровский Борис Юрьевич, Введенский пер., 17, кв. 3 (III).	*Б. Нестеровский.*
115	Нечкин Дмитрий Иванович, Кремль, М. Николаевский дворец (III).	

№№ по по-ку	Фамилия, имя, отчество, адрес и указание на № списка фракции	Отметки
116	Никитин Алексей Максимович, 2-й Знаменский, 9, кв. 1 (IV).	
117	Новгородцев Павел Иванович, Зубовский бульв., 15, кв. 8 (I).	*П. Новгородцев.*
118	Новиков Михаил Михайлович, Новослободская, 13 (I).	*Новиков.*
119	Новиков Михаил Семенович, Пименовская, 31, кв. 34 (III).	
120	Немцов Яков Васильевич, Б. Серпуховская, 42, кв. 8 (III).	*Я. Немцов.*
121	Овчинников Борис Михайлович, Воздвиженка, Ваганьковский пер., 3, кв. 20 (I).	
122	Овчинников Иван Максимович, Таганка, Гончарная ул., Стар. Козьма-Демьянский пер., 4, кв. 4 (III).	
123	Орлов Александр Семенович, М. Афанасьевский, 6, кв. 2 (IV).	
124	Орлов Валериан Иванович, Б. Полянка, 44, кв. 15 (III).	
125	Орлов Вячеслав Иванович, Серебряный пер., 1, кв. 19 (III).	*В. Орлов.*
126	Оруджиев Джевад Гасанович, Поварская, 10, кв. 17 (III).	*Д. Оруджиев.*
127	Павлов Владимир Евгеньевич, Ново-Воротниковский пер., 4, кв. 2 (III).	
128	Пантелеймонов Борис Григорьевич, Бутырки, Вятский пер., 8, кв. 3 (III).	
129	Перевозников Петр Васильевич, Маросейка, Б. Златоустинский, 8, комн. 84, Исполнит. бюро делегатских собр. рабочих (III).	
130	Подбельский Вадим Николаевич, М. Козихинский, 10 (V).	
131	Подпалый Александр Федорович, Столовый п., 3, кв. 4 (III).	*Подпалый.*
132	Попова Надежда Ивановка, М. Грузинская, Расторгуев пер., 4, кв. 11 (III).	*Н. Попова.*
133	Пржевальский Владимир Владимирович, М. Дмитровка, 3 (I).	*В. Пржевальский.*
134	Пешкова Екатерина Павловна, 1 Яузск. уч., Машков пер., 1, кв. 16 (III).	*Ек. Пешкова.*
135	Рабинович Михаил Николаевич, Хлебников пер., 19, кв. 23 (III).	*М. Рабинович.*
136	Радзивиллов Александр Викторович, Покровская заст., Б. Александровская, 17, кв. 3 (V).	
137	Радциг Владимир Федорович, Б. Екатерининская, д. 5-б, кв. 19 (III).	*В. Радциг.*
138	Ракчеев Матвей Захарович, Покровская застава, Брошевский пер., 21, кв. 1 (III).	
139	Ратнер (Элькинд) Евгения Моисеевна, Петровский парк, Дворцовый проезд, 9.	*Е. Ратнер.*

№№ по порядку	Фамилия, имя, отчество, адрес и указание на № списка фракции	Отметки
140	Робустов Валентин Александрович, Б. Козихинский, 6, кв. 17 (III).	*В. Робустов.*
141	Розанов Сергей Петрович, Петровско-Разумовское, Ивановская, 7 (III).	*С. Розанов.*
142	Розенблюм Дмитрий Самуилович, Поварская, Борисоглебский пер., 8 (III).	
143	Романов Алексей Богданович, Долгоруковская, 29 (IV).	
144	Ростовщиков Павел Васильевич, Гороховская, 20, комн. 8 (V).	
145	Рындин Федор Константинович, Волхонка, 11, кв. 32 (III).	
146	Руднев Вадим Викторович (московский городской голова), Тихвинский пер., 9, кв. 40 (III).	*В. Руднев.*
147	Руднев Иван Петрович, Мясницкая, Почтамт, кв. 7 (III).	*Ив. Руднев.*
148	Сабашников Михаил Васильевич, Тверской бульв., 6, кв. 8 (I).	*М. Сабашников.*
149	Садырин Павел Александрович, Александро-Невский, 5, кв. 34 (I).	*П. Садырин.*
150	Саркисян Айк Тамразевич, М. Бронная, 22, кв. 16 (III).	
151	Сахаров Василий Васильевич, Ст.-Слободская, 14 (V).	
152	Сахаров Василий Федорович, Сокольники, Охотничья, 13, кв. 7 (III).	*В. Сахаров.*
153	Свавицкий Николай Андреевич, Плющиха, 30, кв. 9 (IV).	*Н. Свавицкий.*
154	Сегаль Михаил Львович, Николо-Ямская, 50, кв. 8 (III).	*Врач М. Сегаль.*
155	Сейфульмулюков Мустафа Камалетдинович, Садовническая ул., 9, кв. 34 (III).	*М. Сейфульмулюков.*
156	Серапионов Роман Васильевич, Пресненская застава, Звенигородское шоссе, завод. санит.-техник., контор. стар. табельщ. (III).	*Р. В. Серапионов.*
157	Сережников Виктор Константинович, Знаменка, 1, кв. 35 (IV).	
158	Скворцов (Степанов) Иван Иванович, Лосиноостровская, Север. ж. д., 1-й Ватутинский пер., дача Кабановой (V).	
159	Смидович Петр Гермогенович, 7-й Ростовский, 15, кв. 9 (V).	
160	Смирнов Александр Николаевич, служ. адр.: Тверская, д. б. ген.-губ., Комиссариат Министра Труда (IV).	*А. Смирнов.*
161	Смирнов Владимир Иванович, Климентовский пер., 12, кв. 1 (III).	
162	Смирнов Сергей Алексеевич, Шереметьевский, 5, кв. 153 (I).	

№№ по порядку	Фамилия, имя, отчество, адрес и указание на № списка фракции	Отметки
163	Соловьев Василий Иванович, Скобелевская пл., «Дрезден», 155, Моск. Обл. Бюро Совета Раб. и С. Депутатов (V).	
164	Сосновский Владимир Федорович, 4-я Тверская-Ямская, 18, кв. 20 (III).	*Сосновский.*
165	Сперанский Сергей Васильевич, Пятницкая, 20, кв. 50 (I).	
166	Ставровский Василий Федорович, Колокольников пер., 10, кв. 11 (III).	*Ставровский.*
167	Степанищев Гавриил Егорович, Бутырская застава. Новопроектированный пер., д. Никитина, кв. 3 (III).	*Г. Степанищев.*
168	Сторожев Василий Николаевич, Ленивка, 1/7, кв. 39 (IV).	
169	Студенецкий Сергей Александрович (товарищ городского головы), Тихвинский пер., 9, кв. 29 (III).	
170	Сударов Михаил Никитич, Покровский мост, Б. Семеновская, 39, кв. 7 (III).	
171	Сысин Алексей Николаевич, Мясницкая, 13, кв. 59, (IV).	*А. Сысин.*
172	Танильский Александр Никифорович, Б. Лубянка, д. 15, Центральн. Т-во Льноводов (III).	
173	Телешев Александр Николаевич, Усачевская, 26 (V).	
174	Тесленко Николай Васильевич, М. Власьевский, 7 (I).	*Н. Тесленко.*
175	Третьяков Сергей Михайлович, Остоженка, Молочный пер., 7, кв. 8 (III).	
176	Третьяков Сергей Николаевич, Плющиха, Неопалимовский, д. 11 (I).	
177	Тукманкин Сергей Петрович, Красносельская, 62, кв. 10 (III).	*Тукманкин.*
178	Турубинер Александр Миронович, Долгоруковская, 13, кв. 2 (III).	*Ал. Турубинер.*
179	Тхор Степан Иванович, Тверская, 29, меблиров. комн. «Рэноме», 38 (III).	
180	Урнов Василий Ефимович, Б. Палашевский пер., 1, кв. 25 (III).	
181	Усиевич Григорий Александрович, Рождественский бульвар, 15, кв. 5 (V).	
182	Успенский Виктор Петрович, М. Бронная, 15, кв. 37 (III).	
183	Филатьев Георгий Викторович, М. Никитская, 29 (II) (товарищ городского головы).	*Г. Филатьев.*
184	Фрадкин Иосиф Ефимович (Борис Волин), Ст. Божедомка, Новопроектированный пер., д. Соловьева, кв. 15 (V).	
185	Хинчук Лев Михайлович, Плющиха, 7-й Ростовский п., д. 2/14, кв. 19 (IV).	
186	Чаплыгин Сергей Алексеевич, Плющиха, 55 (I).	

№№ по порядку	Фамилия, имя, отчество, адрес и указание на № списка фракции	Отметки
187	Челищев Виктор Николаевич, М. Николо-Песковский, 14 (I).	*Челищев.*
188	Челноков Михаил Васильевич, Поварская, 20 (I).	*М. В. Челноков.*
189	Черноусов Николай Петрович, Институтский пер., 10, кв. 20 (III).	*Черноусов.*
190	Чистов Николай Иванович, 1 Брестская, 44, кв. 22 (IV).	
191	Шестаков Всеволод Петрович, Теплый пер., 18, кв. 15 (III).	*В. Шестаков.*
192	Шмидт Эдуард Викентьевич, Зубовский бул., 13, кв. 17 (III).	
193	Штериберг Павел Карлович, Кудринская, 19 (V).	
194	Шубников Николай Васильевич, Житная ул., д. Редькина, кв. 15 (III).	
195	Щепкин Николай Николаевич, Неопалимовский пер., соб. д. (I).	
196	Щербаков Федор Георгиевич, Б. Сухаревск. пер., 5, кв. 14 (III).	*Щербаков.*
197	Эфрос Абрам Маркович, Б. Пресня, 28, кв. 15 (III).	*Абр. Эфрос.*
198	Эфрос Генох Яковлевич, Самотека, 2-й Волхонский пер., 3, кв. 7 (III).	
199	Юренев Петр Петрович, М. Козихинский, 4 (I).	*Юренев.*
200	Яхонтов Валериан Иванович, Кудринская ул., 19, кв. 14 (IV).	
	НЕ СОСТОЯЩИЕ ГЛАСНЫМИ:	
	ЧЛЕНЫ УПРАВЫ:	
1	Зенбицкий Александр Николаевич, Арбат, Никольский пер., 4, кв. 7.	*А. Зенбицкий.*
2	Лопухин Борис Александрович, Арбат, Денежный переулок, 21, кв. 25.	
3	Лузин Фаддей Александрович, Сретенские ворота, Рыбников пер., 2/6, кв. 12.	
4	Михайлов Николай Михайлович, Триумфально-Садовая, 14, кв. 4.	
5	Морозов Сергей Александрович, Лубянская площадь, 2, кв. 1.	*С. Морозов.*
6	Ульянов Николай Алексеевич, М. Бронная, 15, кв. 72.	*Н. Ульянов.*
7	Харитонов Семен Андреевич, Краснопрудная, 24, кв. 14.	*С. Харитонов.*
8	Шацкий Станислав Теофилович, Новослободская ул., Вадковский пер., д. 3.	*С. Шацкий.*
9	Шлиппе Сергей Александрович, Никитский бульвар, 15, кв. 3.	*С. Шлиппе.*

Протокол [1]).

1917 года ноября 6 дня в 1 час дня в здание Московской Городской Думы по повестке председателя Думы, для участия в чрезвычайном заседании Городской Думы, прибыли председатель Думы, городской голова, его товарищи и нижепоименованные члены управы и гласные Думы. Здание и зала заседаний оказались занятыми вооруженными лицами, причем собравшимся лицами, назвавшимися комиссарами Военно-Революционного Комитета А. Я. Никитиным, Владимирским, Обухом и другими, было объявлено, что здание Думы и зала заседаний заняты по распоряжению Военно-Революционного Комитета и что заседание допущено не будет.

Председатель Думы заявил, что он, от имени избравшего Думу на основании всеобщего избирательного права населения Москвы, заявляет протест против насилия над избранниками населения, благодаря чему они лишены были возможности исполнить свой долг перед Москвой.

К протесту председателя Московской Городской Думы присоединились все присутствующие члены управы и гласные и представитель Петроградской Городской Думы Урушадзе, заявивший, что Петроградская Дума вполне солидарна с Московской.

Председатель Московской Городской Думы *О. С. Минор.*
Московский городской голова *В. Руднев.*
Товарищи гор. головы *И. Коварский.*
П. А. Бурышкин.
С. Студенецкий.
Г. Филатьев.
Члены городской управы *С. Шлиппе.*
Ф. Лузин.
Д. Дорф.
С. Морозов.
В. Белостоцкий.
Н. Ульянов.

Журнал Московской Городской Думы.

Чрезвычайное собрание 6 ноября 1917 года.
№ 46.

Объявленное председателем к открытию в 12 часов дня 6 ноября в большом зале Городской Думы собрание Думы не могло быть осуществлено в месте созыва по обстоятельствам, изложенным в нижеследующем протоколе:

[1]) Протокол написан на листе нелинованной бумаги. После подписей членов городской управы идут подписи гласных Думы (здесь опущены). Кроме этого протокола, в деле есть два листа добавления к протесту с подписями и тех лиц, которые уже дали свои подписи в самом протоколе.

«1917 года ноября 6 дня в 1 час дня в здание Московской Городской Думы по повестке председателя Думы, для участия в чрезвычайном заседании Городской Думы, прибыли председатель Думы, городской голова, его товарищи и нижепоименованные члены управы и гласные Думы.

«Здание и зал заседаний оказались занятыми вооруженными людьми, причем собравшимся лицами, назвавшимися комиссарами Военно-Революционного Комитета А. Я. Никитиным, Владимирским, Обуховым [1]) и др., было объявлено, что здание Думы и зал заседаний заняты по распоряжению Военно-Революционного Комитета и что заседание допущено не будет.

«Председатель Думы заявил, что он, от имени избравшего Думу на основании всеобщего избирательного права населения Москвы, заявляет протест против насилия над избранниками населения, благодаря которому [2]) они лишены были возможности исполнить свой долг перед Москвой.

«К протесту председателя Московской Городской Думы присоединились все присутствующие члены управы и гласные и представитель [3]) Петроградской Городской Думы Урушадзе, заявивший, что Петроградская Городская Дума вполне солидарна с Московской» [4]).

По составлении и подписании означенного протокола, прибывшие для участия в собрании лица были приглашены председателем Думы в помещение городского народного университета имени А. Л. Шанявского, где и было открыто собрание.

Собрание открыто в 2 часа 2 мин. дня под председательством председателя Городской Думы О. С. Минора, в присутствии [5]) 108 поименованных в приложенном списке гласных, городского головы В. В. Руднева, товарищей городского головы П. А. Бурышкина, И. Н. Коварского, С. А. Студенецкого, Г. В. Филатьева и 7 членов городской управы из числа не состоящих гласными. В собрании присутствовал также представитель [6]) Петроградского городского самоуправления, гласный Петроградской Городской Думы А. В. Урушадзе.

В собрании происходило следующее:

I. Председатель объявил собрание Московской Городской Думы, избранной всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием, открытым.

II. По предложению председателя почтена вставанием память жертв, погибших в дни восстания.

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) «Которому» — над строкой; зачеркнуто: «чему».

[3]) «Представитель» — над строкой; зачеркнуто: «председатель».

[4]) Подлинный протокол подписали нижеследующие лица. *(Примечание в подлиннике).*

[5]) Зачеркнуто: «в присутствии»

[6]) Зачеркнуто: «седатель».

III. Председатель [1]) Петроградского городского самоуправления А. В. Урушадзе обратился к собранию с [2]) приветствием от имени Петроградской Городской Думы и выразил протест против совершенного акта грубого насилия над Московскою Городскою Думою и в ее лице над идеей народовластия. В последующем приветствие Думе и протест по поводу [3]) опубликования Военно-Революционным Комитетом акта о ее роспуске были выражены также прибывшей в собрание делегацией от 1-й сессии Московского губернского земского собрания, избранного на основах всеобщего избирательного [4]) права.

IV. Слово было предоставлено городскому голове, который, остановившись на вопросе о происшедших в Москве в период времени с 27 октября по 2 ноября кровавых событиях, приведших к захвату власти большевиками, указал, что образованный в Москве по приговору Думы от 25 октября Комитет общественной безопасности вынужден был прекратить борьбу оказанного [5]) штабом Московского военного округа сопротивления восстанию большевиков, так как жестокие способы ведения военной борьбы, принявшие в конце со стороны большевиков совершенно варварские формы, обрекали московское население на невыносимые страдания, а накопленные исторической жизнью русского народа московские святыни — на неминуемую гибель. Призвав собрание к возможному спокойствию в обсуждении вопроса и указав, как на главнейшую задачу переживаемого момента, на необходимость потушить остатки гражданской войны, городской голова предложил, пока еще не представлен точный отчет, воздержаться от оценки и установления степени виновности или ошибок участвовавших в борьбе сторон и отдельных групп.

Определяя тезисы предстоящих обсуждению вопросов, городской голова указал, что [6]) кроме общего вопроса о судьбе будущего страны и вопроса [7]) о восстановлении разрушенного аппарата власти, Московская Городская Дума стоит перед особой заботой о судьбе врученного ей волей населения Москвы городского хозяйства, которое не только потерпело уже значительное разрушение, но и находится в связи с произведенным насилием над распорядительными и исполнительными органами его управления [8]), может быть, накануне полной гибели [9]). В частности необходимо разрешить вопрос о дальнейшем положении городской управы. Военно-Революционный Комитет обратился к управе с приглашением явиться для обсуждения вопроса о возможности

---

[1]) Следует: «представитель».
[2]) Зачеркнуто: «с речью, в которой».
[3]) «По поводу» — над строкой.
[4]) «Избирательного» — над строкой.
[5]) Так в подлиннике.
[6]) «Определяя тезисы... указал, что» — над строкой.
[7]) «Вопроса» — над строкой.
[8]) «В связи с ..... его управления» — над строкой.
[9]) Зачеркнуто: «т. к. произведено насилие над самой Думой и грозит полное разрушение всему городскому хозяйству».

работы по насущнейшим вопросам при создавшемся положении вещей. Управа ничего не ответила на это приглашение, считая, что это лучший ответ Комитету в создавшихся условиях.

Необходимо также дать немедленно ответ на вопрос о дальнейшем положении городских служащих и рабочих, которые ждут этого ответа, прежде чем определить окончательно линию своего поведения.

В дальнейшем городской голова указал, что в Петрограде организуется съезд представителей городских и земских самоуправлений по вопросу о конструкции власти, на который приглашены также представители Московской Городской Думы, и предложил обсудить вопрос о посылке означенных представителей.

В обсуждении поставленных городским головой вопросов приняли участие представители думских фракций: объединенных социал-демократов (А. Н. Сысин), социал-демократов меньшевиков (А. Б. Романов), социалистов-революционеров интернационалистов (С. И. Заблоцкий), социалистов-революционеров (М. Я. Гендельман), народных социалистов (Л. Д. Брюхатов), народной свободы (Н. И. Астров).

М. Я. Гендельманом, А. Б. Романовым и Н. И. Астровым от имени фракций внесены были проекты резолюций по обсуждаемому вопросу.

По выслушании представителей фракций был объявлен перерыв.

По возобновлении собрания Н. И. Астровым и А. Б. Романовым было заявлено, что они снимают с баллотировки предложенные ими от имени фракций проекты резолюций с тем, чтобы таковые были приложены к журналу в качестве деклараций представленных ими фракций, причем Н. И. Астров заявил, что фракция народной свободы, всецело поддерживая проект резолюции, внесенной М. Я. Гендельманом, предлагает дополнить приговор принятием конкретных положений, предложенных в декларации фракции народной свободы, а именно:

1) что Городская Дума должна немедленно уполномочить свой исполнительный орган произвести тщательный осмотр всего Кремля, определить и установить причиненные его святыням и зданиям повреждения, выяснить стоимость возможных исправлений;

2) что восстановление Кремля должно быть произведено на всенародные средства;

3) что Дума должна поручить городской управе: а) представить подробный отчет о событиях, имевших место в Москве с 25 октября по начало ноября 1917 г., а также о размерах убытков, причиненных городскому управлению, и размерах помощи, которая должна быть оказана населению города, пострадавшему от военных действий, б) немедленно выяснить вопрос об увольнении с городской службы всех лиц, позволивших себе принять на себя исполнение действий, нарушающих законные права городской управы, в) немедленно, с удвоенным усилием, принять меры, могущие действительно обеспечить население продовольствием, а также оградить его безопасность и неприкосновенность.

4) что Городская Дума должна пригласить всех служащих городского управления исполнять только предписания законно избранных органов городского управления, решительно отвергая какие-либо распоряжения насильников и преступных перед [1]) народом захватчиков.

После этого на баллотировку была поставлена и принята большинством против 1 голоса при 7 воздержавшихся нижеследующая резолюция, по проекту, внесенному гласным М. Я. Гендельманом от имени фракции социалистов-революционеров:

«Московская Городская Дума, не допущенная силой штыков собраться в зале своих заседаний и открывшая заседание в помещении университета Шанявского, обсудив политическую обстановку, созданную произведенным партией большевиков захватом власти, и с презрением отвергая постановление о ее роспуске, провозглашает:

1) Заседание Московской Городской Думы происходит там, где [2]) собираются гласные Думы, избранные всем населением г. Москвы на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

2) Насильственный захват власти, произведенный партией большевиков, зажег в стране пожар гражданской войны, разрушил государственный аппарат, надорвал хозяйственные силы, обессилил фронт, сорвал Учредительное Собрание и грозит полной гибелью стране и революции, гибелью дела трудящихся масс.

3) Попрана идея социализма, попрана идея [3]) народоправства. Захват власти знаменует такое же посягательство на волю и бытие Всенародного Учредительного Собрания, как постановление узурпаторов о роспуске Думы означает насилие над волей Московского населения.

4) Отняты у народа все завоевания революции, отменена свобода слова, печати [4]), собраний [5]) и все другие гражданские свободы, нет неприкосновенности личности и жилища, нет элементарной безопасности, воскресли худшие времена царского самодержавия, возобновлены обыски, аресты и насилия, водворен режим безудержного партийного произвола, ложно выдаваемого за волю пролетариата.

5) Большевизм, использовавший ослепление усталых и измученных масс, увлекший массы лживыми, неосуществимыми в настоящее время обещаниями немедленного мира, обречен [6]) на внутреннее разложение. Обман неминуемо [7]) будет раскрыт, массы прозреют, велик будет их гнев, но во гневе своем массы могут извериться в благах революции и стать легкой добычей контр-революционных сил. Боль-

---

[1]) «Насильников и преступных перед» — над строкой.
[2]) В подлиннике: «где» — два раза.
[3]) В подлиннике описка: «идею».
[4]) В подлиннике: «печать».
[5]) В подлиннике: «собрание».
[6]) Первоначально: «обречены», затем «обречен».
[7]) «Неминуемо» — над строкой; первоначально: «немшуем».

шевистская анархия и контр-революция протягивают друг другу руки на гибель родины.

6) Россия должна быть спасена, анархии должен быть положен предел. Московская Городская Дума обращается с призывом ко всем силам великой демократии России не признавать власти захватчиков, организоваться и быть на страже, дабы в тот грозный час, когда преступно обманутый и прозревший народ потребует предателей к ответу, не дать восторжествовать контр-революции, взять судьбы страны в свои руки, и, создав авторитетную, всей страной признаваемую революционно-демократическую власть, оградить многострадальную родину от внешнего разгрома, добиться всеобщего демократического мира, довести страну до взлелеянного народной мечтой Учредительного Собрания, спасти великую Российскую Республику и дать трудовому народу землю и волю.

«Да здравствует всеобщее, прямое, равное и тайное [1]) избирательное право! Да здравствует орган народоправства! Да здравствует Учредительное Собрание!» [2]).

Затем [3]) единогласно, при двух воздержавшихся, постановлено:

Городская управа, как и Городская Дума, не слагая с себя полномочий, принимает все меры к продолжению работ городского управления и руководству аппаратом городской деятельности и призывает всех служащих приступить к занятиям [4]), подчиняясь исключительно ее распоряжениям. Если работе управы будут поставлены препятствия, лишающие ее возможности нести свою работу, то городская управа, не слагая с себя полномочий, устраняется от работ, возлагая всю ответственность за дальнейшее состояние управления и хозяйства города Москвы на Военно-Революционный Комитет и органы, его поддерживающие.

Условия работ служащих и рабочих Московского городского управления в последнем случае должны быть указаны городской управой. При всяких условиях, населению Москвы должно быть обеспечено удовлетворение наиболее насущных жизненных его интересов.

По поводу внесенных гласным Н. И. Астровым предложений от имени фракции народной свободы, городской голова заявил, что городская управа примет меры к исполнению всех этих предложений [5]), выделив особо лишь предложение об увольнении с городской службы лиц, позволивших себе нарушить права городского управления, каковой вопрос должен быть [6]) снят с очереди и разрешен в связи с общим вопросом о создавшемся положении. Товарищ городского головы С. А. Студенецкий при этом заявил, что вопрос этот не должен

---

[1]) Зачеркнуто: «го».
[2]) Зачеркнуто: «После».
[3]) Зачеркнуто: «постановлен».
[4]) Зачеркнуто: «и».
[5]) Зачеркнуто: «за исключением».
[6]) Зачеркнуто: «разрешен лишь».

разрешаться [1]) изолированно от имеющего последовать по нем решения Комитета высших городских служащих [2]).

V. Доложена телеграмма Совета [3]) Комиссаров [4]) XII армии с сообщением об угрожающем голодом армии состоянии подвоза зерновых продуктов и с указанием на необходимость повсеместного содействия к предотвращению катастрофы.

По предложению гл. А. Н. Смирнова единогласно постановлено: поручить городской управе обратиться от имени Московской Городской Думы к населению страны с призывом дать хлеб армии.

VI. Произведены выборы представителей для участия в Петроградском [5]) совещании городских и земских самоуправлений по вопросу о конструкции власти. Избраны были: председатель Городской Думы О. С. Минор, городской голова В. В. Руднев и гласные Н. Н. Авинов, Е. М. Ратнер, А. Б. Романов, А. Н. Сысин и Г. В. Филатьев.

(Собрание закрыто в 5 час. 47 мин. дня.)

Стенограмма заседания Московской Городской Думы 6 ноября 1917 г. [6])

Собрание 6 ноября 1917 года.

Собрание открыто в . . . часов . . . минут дня под председательством О. С. Минор, в присутствии следующих гг. гласных [7]):

Кроме того, в собрании присутствовали [8]):

В собрании происходило следующее:

Председатель. Прежде всего я прошу товарищей гласных, участвующих в собрании, расписаться.

Товарищи! Считаю собрание Московской Городской Думы, избранной на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, открытым. (Аплодисменты.)

Председатель. Прежде чем приступить к обсуждению того положения, которое образовалось теперь в Москве, я прошу всех гласных подняться и почтить вставанием всех тех жертв, которые погибли в кровавой войне (бойне), происходившей на прошлой неделе.

(Гласные торжественно поднялись с своих мест.)

Председатель. Теперь позвольте остановиться на нескольких вопросах. Слово принадлежит представителю Петроградской Городской Думы.

---

[1]) Зачеркнуто «в».

[2]) Зачеркнута одна строка.

[3]) «Совета» над строкой.

[4]) «Совета Комиссаров» — так в подлиннике.

[5]) Зачеркнуто: «Съезде».

[6]) Подлинник написан чернилами.

[7]) См. помещенный выше список личного состава Московской Городской Думы.

[8]) Так в подлиннике.

У р у ш а д з е [1]). С тяжелым чувством тревоги услышала Петроградская Городская Дума печальные известия из Москвы. Ничем реальным, кроме моральной поддержки, она не могла проявиться [2]) по отношению к ней и пойти на помощь. Петроградская Дума послала нас в количестве четырех человек, своих делегатов, к вам; она уполномочила нас приветствовать Московскую Городскую Думу в том самом ее составе, который избран на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, и в которую в данную минуту входят испытанные борцы за свободу... [3]), стоящие на своих постах до последних моментов. Петроградская Городская Дума полагает, что никакая власть кроме Городской Думы, избранной на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, не может являться волей Московского населения. Нельзя допустить, чтобы власть избранной Думы и все прерогативы ее были попраны. Дума должна существовать, и ее права должны оставаться при ней — на этой плоскости стоит Петроградская Городская Дума. Она — вместе с вами и полагает, что и вся мыслящая Россия будет вместе с вами. К сожалению, я повторяю, мы не могли оказать вам реальной помощи, потому что даже печатное слово, при помощи которого могло бы было [4]) освещено положение вещей — придушено, но скоро эта власть тираний [4]) изживет сама себя, и Московской Городской Думе придется вести дело, для которого она была избрана. Когда [4]) эта власть стремилась разогнать и Петроградскую Городскую Думу, но, как вам уже известно, Дума все-таки существует, и у нас полная уверенность, что защита прав наших... [5]) и наших прерогативов [4]) выше всего. Позвольте еще раз приветствовать вас и принести вам наше глубокое соболезнование. (А п л о д и с м е н т ы.)

Г о р о д с к о й г о л о в а. Позвольте выразить [?] от Московской Городской Думы Петроградской Городской Думе, которая поддерживает нас в тяжелый момент и устанавливает связь между двумя крупнейшими органами самоуправления, которое является единственным оплотом государства. Позвольте перейти к тому волнующему нас вопросу, для которого мы здесь собрались. Позвольте сказать вам, что сейчас, когда еще разверсты могилы и неубраны трупы, нельзя касаться былого ужаса и роли отдельных групп и отдельных лиц.

В настоящий момент я просил бы предложить для сегодняшнего заседания смотреть в будущее и говорить о нем, а не о том страшном кошмаре, не о том ужасе, который мы только что пережили. Вы ждете от нас глубоко-продуманного, полного отчета о том, как мы исполнили данное вами нам поручение в тот момент, когда можно было итти двумя путями, и на этот вопрос мы обязуемся дать вам ответ. Но мы дадим этот ответ не сегодня, когда гражданская война только что заканчи-

[1]) Фамилия приписана карандашом — «Урушадзи».
[2]) Так в подлиннике.
[3]) Далее в подлиннике зачеркнуто несколько слов.
[4]) Так в подлиннике.
[5]) Далее зачеркнуто несколько слов.

вается, и когда нам казалось бы, что касаться всего этого конфликта (кошмара) [1]) сегодня, значило бы не исполнить основной задачи — потушить гражданскую войну. Поэтому я прошу сегодня высказываться о том, как смотрит управа на ближайшее будущее. Жертвы были с обеих сторон. Они были для идеи. И мы почтили память их вставанием. Гражданская война осталась в прошлом, и к этому мы еще вернемся. Когда образовался Комитет общественной безопасности и противоположный лагерь, когда на наших глазах физическая сила взяла верх над правом, когда надо было прекратить эту войну, мы сказали: мы оставляем свою позицию в интересах московского населения, мы оставляем свой метод, но перед нами остается еще метод политической борьбы, на который мы и переходим. Вот об этой борьбе и нужно говорить сегодня. Позвольте мне констатировать положение, которое создалось, оно создалось не только у нас, в Москве, но и в Петрограде, оно создалось и в других городах России. Эта попытка захватить насильственно власть, попытка, которая использовала все силы малой сознательности, эта попытка окончилась победой. Может ли Дума единодушным выражением отсутствия своего протеста санкционировать положение вещей? (Г о л о с а: Нет!) Может ли она признавать, что новая власть на местах может быть правомочна? (Г о л о с а: Нет!) На эти вопросы Дума должна ответить: нет и нет, потому что эти захваты власти, которые идут кровавым, насильственным путем от имени человека и гражданина, не могут быть правомочными. Но, товарищи и граждане, вопрос становится шире, — в этой борьбе мы должны итти методами политической борьбы: мы должны разъяснить крестьянству, фронту, рабочим и солдатам, куда ведут страну, куда ведут революцию, разъяснить, что и страну и революцию ведут к громадному ущербу. Это мы должны делать, но мы должны и организовать те силы, которые понадобятся родине в тот момент, когда этот мираж большевизма будет изжит. Мы должны эту организацию общественных сил проводить по всей стране. Мы имеем дело не только с [2]) . . . . . населения, но и с положением, когда рабочий класс, после физической победы, станет перед неизбежной попыткой осуществления своих осязательных идеалов. Вот вторая [3]) черта, которая является характерной, и она нас обязывает к нашей настоящей позиции. Будут ли большевики пытаться организовать коммуну по примеру Запада — неизвестно, но несомненно, что крестьянство пойдет по пути заведомо для нас безнадежному, — по пути организации новых порядков. Необходимо выяснить, как к этому относиться... [4]). Объявить ли им беспощадный протест или еще как-либо. Я не хотел бы, чтобы... [4]) на этот вопрос мы сейчас нашли исчерпывающий ответ, но я скажу еще раз, что [5]) боль-

---

[1]) Приписано карандашом; скобки подлинника.
[2]) Пропуск в подлиннике.
[3]) Далее в подлиннике зачеркнуто одно слово.
[4]) Далее зачеркнуто несколько слов.
[5]) Зачеркнуто одно слово.

шевизм очень скоро будет изжит, вместе с ним будет изжит и мираж, охвативший рабочий класс, и тогда остро станет вопрос в [1]) необходимости нашей организации. Положение Московской Городской Думы не может ограничиваться и определяться только развитием борьбы, настоящего опыта, этот опыт должен изжить себя, и он будет изжит, и пусть не будет сказано, что Московская Городская Дума всю свою силу и волю потратила только на это, только на эту борьбу с попыткой насильственного захвата власти. И если эта попытка окончится скоро полной неудачей, то все-таки в тот момент мы должны будем притти на помощь населению, и мы придем с... [2]) той помощью, которая выведет массы на широкий путь демократизма. Организация общественных сил необходима к тому моменту, когда угар большевизма будет изжит, — когда фронт убедится, что нельзя ждать мира, когда население увидит, что их обманули большевики и что нет хлеба, когда убедятся, что нельзя растрачивать материалы там, где нет запасов, когда рабочий класс увидит, что вместо свободы ему навязывается... [3]) насильственное закрепощение, — тогда большевизм будет изжит, массы убедятся, что их обманули, обещая то, чего не могли выполнить, и вот тогда организованные общественные силы должны быть наготове. Теперь, как мы относимся к роспуску Московской Городской Думы? Сейчас над Московской Городской Думой производится насилие, одно насилие уже произведено; объявив роспуск Думы, большевики уже произвели над нею насилие, но подчиниться этому нельзя, и объявить Московскую Городскую Думу распущенной — мы не имеем права. Такому насилию Московская Городская Дума не подчиняется, как избранная всеобщим голосованием населения. (А п л о д и с м е н т ы.)

Затем второй вопрос, по которому нет единодушия и в рядах городской управы: не стоит ли в настоящий момент перед нами вопрос о том, что московскому населению необходимо предоставить право, возможность высказаться по поводу того — исполнили ли мы его волю или мы шли против его воли? Эта задача может быть осуществлена каким-нибудь способом референдума или передачей населению тех мандатов, которые даны нам. (В о з г л а с ы п р о т е с т а: Невозможно! Немыслимо!)... Мы не можем в ответ на акт насилия ни осуществить обращения к населению в данных условиях... [3]), ни произвести референдума, но все это нам нужно будет сказать населению; как только будет установлено общегражданское право по свободе прессы, в тот же момент мы обратимся к населению и спросим его, поддерживает ли оно Московскую Городскую Думу?

Затем вопрос относительно городской управы. Городская управа получила приглашение от агентов Временно-Революционного Комитета... [3]) явиться обсудить возможность работы по насущным вопросам при создавшемся положении вещей. Управа ничего не ответила

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Несколько слов зачеркнуто.

[3]) Зачеркнуто несколько слов.

Временно-Революционному Комитету, считая, что это лучший ответ при настоящем положении вещей. (А п л о д и с м е н т ы.) Городская Управа не может работать при условиях захвата и насилия, при условиях попранного всеобщего права, при условиях насильственного роспуска Городской Думы. Городская управа считает, что она не может работать с насильниками и грубыми захватчиками власти. Она завляет, что могла бы работать только при условиях полной самостоятельности и автономности, которая до того времени существовала в Москве. Для нас это не было неожиданностью, мы получили это в ответ на роспуск, и потому управа отходит от всего и передает все дело в Революционный Комитет, на его ответственность. Вот взгляд городской управы. Сложен так же вопрос... [1]), ответ на который ждут от нас наши рабочие и служащие: какова должна быть линия поведения городских рабочих и служащих в настоящее время? В этом отношении от городской управы не имеется точного ответа — это должно быть вынесено сегодня, но тем не менее тот намек на ответ, который мы дадим, ведется в определенных тонах. чтобы население не страдало и чтобы не было поставлено в тупик перед естественными потребностями жизни, но также, чтобы и они не... [1]) были поставлены в тупик перед своими естественными потребностями граждан. Протест уже сделан. Какой в этом отношении может быть конкретный выход, я не знаю, я еще не умею ответить.

Затем вопрос о нашем участии, участии Московской Городской Думы в создании органа центрального правительства. Страна жаждет такого правительства, которое нужно народу. Этот вопрос уже был положительно разрешен в Петроградской Городской Думе, которая и просит наших делегатов приехать в Петроград, чтобы общими усилиями найти выход, который может быть дан правительством, опирающимся только на волю русского народа. Я думаю, что у нас сегодня очень мало времени, чтобы детально... [1]) обсуждать этот вопрос здесь, и потому я предлагаю, что канвой для этого постановления у нас могут быть резолюции отдельных фракций [2]).

П р о е к т р е з о л ю ц и и, п р е д л о ж е н н о й у п р а в о й [3]).

«Московская Городская Дума, констатируя, что творимые [4]) органами большевистской власти насилия [5]), делают невозможной правильную работу Думы и управы по [6]) городскому хозяйству, постановила:

[1]) Зачеркнуто несколько слов.

[2]) В деле оказался проект резолюции, предложенной управой, т.-е., видимо, Рудневым, который не вошел в стенограмму. Приводим этот вариант здесь.

[3]) «Проект резолюции, предложенной Управой» — надписано чернилами. — В левом верхнем углу надпись чернилами: «Собр. Думы 6 ноября 1917». Текст проекта резолюции написан карандашом.

[4]) Зачеркнуто: «пар».

[5]) Зачеркнуто: «соз».

[6]) Зачеркнуто: «текущим вопросам».

1) [1]) временно прервать работы Думы и управы по текущим вопросам городского хозяйства, пока не будут восстановлены нормальные условия для их занятий;

2) предложить [2]) служащим и рабочим городского самоуправления продолжать свои занятия [3]), под условием сохранения за ними самостоятельности в их работах и гарантий, что никакие посягательства на их [4]) независимость со стороны органов самозванной власти не будут допущены;

3) в тех отраслях городского хозяйства, где приостановка работ грозит его разрушением и непоправимыми бедствиями для населения, работы должны продолжаться во всяком случае;

4) объявить населению г. Москвы, что вся ответственность за [5]) неминуемую разруху городского хозяйства всецело падает на лица, партии и организации [6]), лишившие московское городское самоуправление возможности выполнить свои обязанности, возложенные на них московским населением».

Председатель. Кто желает взять слово?

Сысин А. Н. Я прошу слова.

Председатель. Я вам предоставлю слово после И. Н. Коварского.

Коварский И. Н. Позвольте констатировать, что расхождение в городской управе, о котором упомянул В. В. Руднев, это расхождение касается одного только вопроса, вопроса о понимании развернувшихся событий, — происходит ли сейчас только одно из явлений социальной революции, которому следует предоставить естественно завершиться, при полном отсутствии веры, что этот опыт может благополучно завершиться, или же то, что сейчас происходит, никак не может быть названо именем социального... [7]) опыта, который продолжаться не может. Говорить подробно об этом сейчас не стоит; в составе городской управы я знаю двух лиц, которые поддерживают эту точку зрения, остальная же управа единодушно поддерживает ту резолюцию, которая была выработана вчера и сегодня будет предложена вам. Она констатирует тот факт, что какие бы опыты ни производились, но опыты над всеобщим избирательным правом производиться не могут. Тот, кто оспаривает это право, оспаривает существование права всей страны. Вопросы республики не могут быть разрешаемы вооруженной силой. Население может подчиниться захвату и вооруженной силе, но признать этого никогда нельзя, и мы этого не признаем. (Аплодисменты.) Московская Городская Дума объявлена

---

[1]) Зачеркнуто: «прерв».
[2]) Зачеркнуто: «городским».
[3]) Зачеркнуто: «отстаивая».
[4]) Зачеркнуто: «самодеятельность», надписано: «независимость».
[5]) Зачеркнуто: «дальнейшие судьбы», надписано: «неминуемую разруху».
[6]) Зачеркнуто: «посягнувшие», надписано: «лишившие».
[7]) Зачеркнуто несколько слов.

Военно-Революционным Комитетом распущенной и не могла приступить к своим нормальным занятиям. Военно-Революционный Комитет [1]) своими актами, поддерживаемыми вооруженной силой, нарушает права Московской Городской Думы, избранной на основе всеобщего, тайного и равного голосования. В ответ на это мы можем ответить следующим (читает резолюцию).

Вариант проекта резолюции, внесенной управой (предложена И. Н. Коварским) [2]).

«Дума объявлена В[оенно]-Р[еволюционным] К[омитет]ом распущенной и против своей воли не могла приступить к занятиям; восстановление управления и хозяйства г. Москвы поручено В[оенно]-Р[еволюционным] К[омитет]ом [3]) своим комиссарам [4]).

Этими актами В[оенно]-Р[еволюционного] К[омите]та, поддерживаемого вооруженными силами, нарушены автономные права Гор[одского] Упра[вле]ния, избранного и уполномоченного всем населением для ведения дел управления и хозяйства г. Москвы. Насилие и захват, произведенные В[оенно]-Р[еволюционным] К[омитет]ом, являющиеся грубым нарушением завоеваний революции, попирающие права населения Росс[ийской] Республики, лишают М[осковскую] Г[ородскую] Думу и г[ородскую] управу возможности выполнять обязанности, возложенные на нее населением, о чем Гор[одская] Дума и доводит до сведения всего населения. Вся ответств[енность] за положение дел в Москве, которое явится следствием насилия над Думой и управой, падает на В[оенно]-Р[еволюционный] К[омите]т и поддерживающие его органы.

Г[ородская] Дума заявляет, что она не считает свои полномочия утраченными и [5]) приступит к занятиям немедленно, как только ей будет обеспечена прежняя самостоятельность работ, гарантированная действующими законами Рос[сийской] Республики».

Председатель. Кто по этому поводу желает высказаться?

Кафенгауз Л. Б. Вы говорите: Городская Дума, несмотря ни на что, сохраняет свои полномочия, а городская управа?

Дорф Д. Я. То же самое; она отстраняется, но своих полномочий не слагает.

Председатель. Желает ли Дума внести какие-нибудь поправки?

Нестеровский Б. Ю. Мне кажется, что в последней части резолюция редактирована недостаточно определенно.

[1]) Одно слово зачеркнуто.

[2]) Текст: «Вариант проекта... И. Н. Коварским» — написан чернилами; чернилами же сделана надпись: «Собр. Думы 6 ноября 1917». Текст резолюции написан карандашом.

[3]) «В. Р. К-ом» — над строкой.

[4]) Зачеркнуто: «В. Р. К-та».

[5]) «И» — над строкой.

Председатель. Будьте добры, дайте письменную поправку редакции. Слово принадлежит Н. И. Астрову [1]).

Астров Н. И. Позвольте мне в кратких словах сказать то, что я считаю сказать своим долгом. В кратких словах потому, что у нас нет времени, и потому, что, после всего только что пережитого, состояние души не таково, чтобы произносить здесь речи.

Я готов понять призыв городского головы не входить сейчас в оценку явлений, которые еще не закончились. Мы, избранные московским населением на основе всеобщего голосования, еще не раз будем иметь возможность обсуждать всю сложность явления и трагическую катастрофу, которые разыгрались на этих днях. Но нам нельзя уйти отсюда с теми бледными, усталыми словами, которые мы сейчас слышали здесь. Я готов понять, что бесконечно устали те, кто своею жизнью защищал общественное начало в Москве, но я утверждаю, что законно избранная Московская Городская Дума — Дума, избранная волею народа и осуществляющая волю населения Москвы, не может и не должна говорить такими усталыми словами, которые мы сейчас слышали. Не могу также не возразить самым решительным образом против мысли о референдуме. Мы не можем и не должны устраняться сейчас, мы не можем ставить вопрос о проверке полномочий. Эта проверка возможна и необходима тогда, когда в условиях мирного времени возникает сознание, что избранный населением орган разошелся в понимании задач и способов их разрешения с волею избравшего его народа. Но в данный момент не доверие к Московской Думе поколеблено, а над ней совершается гнусное насилие. Обманщики, насильники, злодеи и преступники не могут отнять прав у избранников народа! (Бурные аплодисменты.)

Законно избранная Городская Дума и избранная ею городская управа — это единый законно существующий в Москве орган [2]) государственной [3]) власти.

Петроградская Городская Дума подала нам сейчас свой голос, и мы должны знать, что только эти общественные органы в это время распада государственного начала являются единственными носителями государственной власти, на которую произведено разбойническое нападение.

Мы сейчас не можем дать полную оценку развертывающимся трагическим событиям, но мы должны теперь же принять несколько определенных решений. Кровавая борьба с той стороны была начата под лозунгом «борьба за права народа». Этим лозунгом были подняты и обмануты темные и невежественные массы солдат и рабочих. Ну, что же в том, что произошло и происходит, есть ли хоть тень данных

---

[1]) Речь Астрова отпечатана на пишущей машинке — $8^1/_2$ полулистов, заполненных текстом на одной стороне. Вверху надпись: «Речь Н. И. Астрова. (Заседание Московской Городской Думы 6 ноября 1917 года)».

[2]) «Орган» — над строкой.

[3]) Зачеркнуто одно слово.

обещаний? Есть ли в действительности хоть что-нибудь, что оправдывало бы этот заманчивый лозунг и хотя бы в ничтожной мере соответствовало значительности его содержания?

В Петрограде Временное Правительство путем насилия было оторвано от власти; злодеи, преступники и насильники прервали преемственность созданной народом власти, которая должна была довести страну до Учредительного Собрания, а страна ввергнута в состояние ожесточенной братоубийственной борьбы и анархии. Здесь в Москве мятежниками и насильниками, обманувшими народные массы, было совершено кровавое дело, покрывшее мятежников несмываемым позором. Московские святыни, старый Московский Кремль расстрелян как вражеский город, как предмет ненависти.

Еще недавно мир трепетал от негодования при известии о том, что немецкие орудия громили Реймский собор. А здесь, в Москве, не немцы, а русские злодеи и преступники, руководимые немцами, из украденных у народа пушек (эти пушки должны были защищать Россию) громили собственный Кремль, собственные святыни, себя самих.

Будьте прокляты вы, предатели народного дела и насильники!.. (Бурные аплодисменты.)

Может ли Москва, Россия, народ русский забыть этот позор и поругание!..

Но угар безумия пройдет, совесть проснется, ведь правда не на их стороне, и обезумевшие, озверевшие, они поймут, что произошло. А расстрелянные соборы, оскорбленные русские святыни будут живыми памятниками их злодейства и безумия, останутся молчаливым укором предателям и безумцам, и укор этот перейдет в века...

Насильники и обманщики обещают народу права, которые у него кто-то отнял, обещают ему новую жизнь. Но вместо права они дают бесправие, вместо новой жизни — кладбища, вместо славы, достоинства и свободы они несут позор, бесчестие и неотвратимое рабство. Вот что несут они народу.

Насильники, злодеи и обманщики! Они обещали народу немедленный мир. Где этот мир? Этот заманчивый лозунг растаял и обратился теперь в трехмесячное перемирие, и мы слышим, что Вильгельм, по словам газет, не желает входить ни в какие переговоры с этой бандой насильников и захватчиков. Где их обещания о земле? Они обещают землю, но они дают не настоящую землю, а бумажную, а самую бумагу о земле они украли у вас, г.г. социалисты-революционеры. Эти насильники сорвали Учредительное Собрание, еще и еще раз обманывая народ. Эти предатели и обманщики обворовали и опозорили Россию, осквернили святыни и все, что только есть дорогого у нас. Они цинично заявляют о каких-то декретах; как можно назвать эти постановления декретами? Декреты — это распоряжения законной власти, создающие права. Шайка бандитов никаких прав создавать не может, она только разрушает существующие права.

Московская Дума распущена. Это покушение на одно из драгоценнейших прав, завоеванных революцией, покушение на волю народа, выраженную всеобщими свободными выборами. Этой ли защиты прав народа хотят обманутые темные массы солдат и рабочих? Насильники и обманщики, они путем насилия не дали нам собраться в нашем старом городском доме, но мы собрались здесь, и как то, так и другое является доказательством их бессилия. Я убежден, что пройдет краткий период времени, и весь угар безумия исчезнет, и мираж рассеется. Ведь на преступлении, на лжи, на обмане ничего не создается. И мы твердо знаем, что наши права, данные нам волей народа, должны за нами остаться. Если мы сами откажемся от этих прав под влиянием усталости душевной или каких-либо сомнений, тогда дело другое, но я напомню вам, что никогда [1]) никто не смел лишать избранников народа их прав. Я напомню вам, что даже во времена царского режима никто не мог и подумать распустить Городскую Думу, а вот режим бандитов смеет многое, он идет дальше самовластия тиранов и в этом произволе делает и это постановление о роспуске Думы. Но, спрашиваю, кто смеет с Думой так говорить?! Украденными у народа пушками и винтовками они могут говорить, а вот те самые злодеи и насильники, которые предали или темных или неповинных людей на расстрел, сейчас, когда мы пришли в здание Думы, они не посмели выдержать взгляда законно избранных представителей населения. Они заперлись в захваченных ими кабинетах городского головы. Я уверен, что население с ними считаться не будет. С кем считаться? Кого признавать? У них на руках кровь московских граждан. Это они устроили московскую кровавую бойню. Это те, которые разгромили, разворовали и уничтожили суд с его документами, с его ценностями, с его завещаниями, иногда невосстановимым изъявлением воли умерших. Это те, которые теперь пытаются разорить и расхитить десятилетиями собиравшееся городское хозяйство. А чтобы легче [2]) совершать свое гнусное дело, они задушили печать. В безгласности прежде чинились беззакония, в безгласности и теперь совершаются злодеяния.

Нам трудно, но, господа, мне ли вас учить: вы сами знаете, как нужно действовать в известные моменты. Вы лучше знаете нас, так как [3]) вы больше страдали, больше претерпели; пойдемте же вместе, будем переходить из дома в дом и будем действовать вместе, как действовали во времена режима тиранов. (А п л о д и с м е н т ы.)

Мы долго ждали желанной свободы, ждали томительно, много пережили, прежде чем она коснулась нас. Переживем и это испытание. Верьте, что не долго нам ждать того времени, когда рассеется охватившее массы безумие, когда будут обнаружены вся ложь и обман и предательство. А теперь мы, законно избранные представители населения Москвы, мы, гласные, по праву исполняющие волю населения, за-

[1]) Зачеркнуто одно слово.
[2]) Зачеркнуто одно слово.
[3]) «Как» — над строкой.

являем насильникам, обманщикам и предателям народного дела наше презрение и проклятие России. Вот наш ответ этим бандитам, злодеям и преступникам! (Продолжительные аплодисменты.)

Позвольте мне ответить на мысль, которая была высказана в проекте резолюции, предлагаемой городской управой.

Господа! мне хотелось бы... я хочу употребить слово, которое редко употребляется в общественных собраниях, — мне хотелось бы вас умолять — решиться, наконец, на то, что нужно было сделать давно.

Вот там, на тех скамьях, где раньше сидели ваши бывшие товарищи, — теперь пустые места, потому что преступники и предатели народного дела, они не решились сюда притти. Порвите с заблуждением и будьте решительны. Вместе с ними бороться за право и дело народное нельзя.

Может ли Городская Управа заявлять то, что она заявляет в своем проекте резолюции? Дума не должна согласиться на пассивное состояние управы. Я вполне понимаю ту бездну утомления и сомнений, которые переживают наши товарищи по исполнительному органу, но нужно также помнить и то, что сейчас не место этим сомнениям. Вы должны помнить, что за теми обманами, которые брошены толпе, еще бездна обманов, бездна лжи и унижения; и если в такой момент городская управа отойдет в сторону от своего дела, то все население Москвы должно быть брошено в бездну обманов и страданий. Вы должны помнить, что у вас в руках остается колоссальной мощности аппарат, — это городские служащие. Я с уверенностью могу сказать, что этот аппарат будет работать только с вами и никому другому он служить не будет. Если городская управа говорит, что она не будет работать потому, что нет возможности физической, то в каком же положении остаются наши городские служащие, оттолкнутые от работы народу? Я нахожу, что, даже переходя из улицы в улицу, из помещения в помещение, но мы обязаны работать, мы обязаны сохранить связь с населением. У вас в руках могучее средство борьбы, в ваших руках важнейший оплот, и не мне учить вас, как вам удержать этот оплот. От вас, от легальных органов власти, зависит удержать в Москве среди анархии начала государственности.

Поэтому оставайтесь у власти и мужественно совершите свой мучительный подвиг.

Позвольте мне от имени фракции огласить следующее заявление:

«Фракция народной свободы, выслушав в чрезвычайном собрании Думы доклад о совершившихся в Москве событиях, заявляет:

1. Под лозунгом «борьба за права народа» мятежники путем обмана и лжи подвинули солдат и рабочих на кровавое преступление. Насилием над Временным Правительством, за несколько дней до Учредительного Собрания, была порвана преемственность созданной народом власти, и страна ввергнута в состояние ожесточенной братоубийственной борьбы и анархии.

2. Обманывая народные массы тем же лозунгом, мятежники покусились на древние кремлевские святыни, трехдневной бомбардировкой осквернили Кремль и кремлевские соборы — эти священные достояния всего русского народа.

Этим деянием, поправшим честь и достоинство Москвы и России, преступники, поднявшие мятеж, покрыли себя несмываемым перед Россией и всем миром позором.

3. Обманывая народ, ведя к неминуемой гибели свободу, честь и будущее русского народа, мятежники и захватчики делают безумные попытки отнять у народа завоеванные им права. Объявлением о роспуске Московской Городской Думы они поражают одно из драгоценнейших завоеванных революцией прав народа — право свободных выборов в общественные учреждения на основах всеобщего избирательного права.

Подняв восстание накануне Учредительного Собрания, преступники делают невозможным созыв Учредительного Собрания в назначенный срок. Их насильническими действиями нарушены личные права граждан, попрана личная неприкосновенность, неприкосновенность жилищ, уничтожена свобода слова, собраний, и жизнь каждого гражданина — в опасности.

Фракция народной свободы заявляет Московской Городской Думе, что:

1) В борьбе за истинные права народа законно избранная Городская Дума должна продолжать свою работу по воле населения, ее избравшего. В равной мере, и городская управа должна продолжать свою работу по ведению всего городского хозяйства.

2) Городская Дума должна немедленно уполномочить свой исполнительный орган произвести тщательный осмотр всего Кремля, определить и установить причиненные его святыням и зданиям повреждения, выяснить стоимость возможных исправлений.

Фракция полагает, что восстановление Московского Кремля должно быть произведено на всенародные средства.

3) Дума должна поручить городской управе представить подробный отчет о событиях, имевших место в Москве в октябре и ноябре 1917 года, а также выяснить размеры помощи, которая должна быть оказана населению города, пострадавшему от военных действий.

4) Дума должна поручить городской управе немедленно выяснить вопрос об увольнении с городской службы всех лиц, позволивших себе принять на себя исполнение действий, нарушающих законные права городского управления.

5) Дума должна поручить управе немедленно с удвоенным усилием принимать меры, могущие действительно обеспечить население продовольствием, а также оградить его безопасность и неприкосновенность.

6) Городская Дума должна пригласить всех служащих городского управления исполнять только предписания законно избранных орга-

нов городского управления, решительно отвергая какие-либо распоряжения насильников и преступных перед народом захватчиков». (Аплодисменты.)

Председатель [1]). Позвольте довести до сведения Думы, что сюда прибыли представители, делегированные от губернской земской управы.

[Представитель губернского земского собрания.] Я должен поправить О. С. Минора, — мы делегированы от первой сессии губернского земского собрания. Губернское земское собрание, ознакомившись с [2]) (декретом) Военно-Революционного Комитета о роспуске Московской Городской Думы, считает, что этим самым совершено насилие не только над Московской Думой, но этим же наносится и предательский удар русской революции — подрывается принцип свободного избрания в Учредительное Собрание. Губернское земское собрание доводит до сведения Московской Думы о том бурном негодовании, которое, почти единодушно, охватило собрание при встрече этого известия. Я говорю «почти» потому, что все собрание, кроме трех большевиков и одного объединенца (Голоса: Позор!) — было охвачено негодованием. Кроме этих четырех лиц, все сошлись на том, что этому грубому акту насилия можно [3]) подчиниться [4]) только под угрозою штыка, на котором держится воля большевиков. Губернское земское собрание в своем огромном большинстве (против 4-х, о которых я уже сказал), выражало вам свое сочувствие. Мы тоже уже слышали угрозу совершенно реального характера, с указанием на то, что [4]) те речи собрания, в которых будет звучать протест против большевиков, — преступны, и если они будут раздаваться на стороне, то в ответ на это будут штыки. Нам было указано, что нам делать нечего, что мы, гласные, состоящие в собрании, присутствующие при наступающем голоде, кое-как державшие все таки до сих пор жизнь, что [4]) уже не должны быть у дела. Губернское земское собрание мужественно выслушало эти речи, но вот оно стало перед роспуском Городской Думы. Дальше итти уже некуда. Губернское земское собрание шлет вам свое сочувствие и заявляет, что [5]) Городская Дума не может оставаться пассивной к этому акту насилия, что она должна обратиться к населению с разъяснением всего происходящего сейчас. Мы решили сообщить это как городским самоуправлениям, так и земским, что если вы разогнаны...

Гендельман М. Я. Мы не разогнаны.

...Если вы будете разогнаны, мы считаем, что если бы вам не удалось быть единственным и объединяющим органом, то мы считаем,

---

[1]) Далее текст написан чернилами.
[2]) Зачеркнуто одно слово, а рядом стоящее — «декретом» взято в скобки.
[3]) Зачеркнуто одно слово.
[4]) Зачеркнуто одно слово.
[5]) Зачеркнуто одно слово; «Городская Дума» — над строкой.

что мы должны стать на [1]) точку зрения этого общего, объединяющего центра. (Аплодисменты.)

Гендельман М. Я. Да здравствует всеобщее избирательное право! (Аплодисменты.)

[Второй представитель губ. земского собрания.] Я хочу только сказать, что... [2]) шлет свое презрение, негодование и глубочайшее возмущение по адресу большевиков, этих злодеев, насильников и захватчиков. Позвольте приветствовать вас и пожелать вам успеха в вашей плодотворной работе, работе Московской Городской Думы, избранной на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. (Аплодисменты.)

Залкинд Л. Б. Мы вполне присоединяемся к той точке зрения, которую нам изложил наш товарищ — городской голова. Мы считаем, что то, что предложено городским головой, и та форма, в которой это предложено, не есть результат усталости, а есть результат впечатления [3]) огромности и важности только что пережитого момента и тех принесенных жертв, и еще, может быть, результат предвидения того, что нам еще предстоит пережить. Мы думаем, что поэтому наш товарищ — городской голова сегодня иначе говорить и не мог. Каждое лишнее слово, даже лишнее слово негодования и гнева — уменьшают нашу внутреннюю силу, а эта внутренняя твердая, непоколебимая сила в данный момент нам нужна для борьбы. Я не могу не коснуться того, что было только что пережито благодаря кровавой авантюре большевиков. Мы не могли исходить из той точки зрения, из которой исходил Н. И. Астров, расценивая положение событий и тактику большевиков,— мы, переживая революцию, должны переходить из одной ее фазы в другую; для нас дело не в том, что большевики подняли восстание, что они отняли власть, для нас важно то, что их преступлением идея демократизма, идея социализма дискредитирована, их преступлением нанесен удар социализму, и еще никто и никогда не носил такого удара. Большевики смеют заявлять, что это воля и диктатура пролетариата; вы видите, что это ни диктатура народа, ни диктатура пролетариата. Но даже если говорить о том, что данное настроение сторон не является существенным моментом в ходе даже жестоких событий, если принять все совершившееся как жестокую войну, то и здесь мы должны указать, что во всякой войне есть определенные грани, дальше которых нельзя итти. В данной борьбе мы перешли все эти грани. Я не могу не указать на ряд бессмысленных, чудовищных жестокостей [4]) и насилий, которые были допущены в этой борьбе. Я не могу не напомнить отвратительной истории с обысками у Плеханова, сопровождавшимися [5]) такими истязаниями, которые довели старого больного человека до того, что у него

---

[1]) Пропуск в подлиннике.

[2]) Пропуск в подлиннике.

[3]) «Впечатления» — над строкой.

[4]) Зачеркнуто одно слово.

[5]) В подлиннике: «сопровождавшиеся».

началось кровохаркание. Я не могу не упомянуть и о том, что сделано со Смирновым, которого тоже довели до кровоизлияния. Но этим еще не исчерпывается вся бессмысленность и жестокость разнуздавшейся толпы. То, что я прочел вчера, превосходит все грани безумия и жестокости: я вчера взял газету «Труд» и прочел напечатанное мелким шрифтом, что во время восстания в Казани военный чиновник был сожжен на костре за то, что он не разделял настроений большевиков. Против таких ужасающих злодейств и такого насилия, даже стоя на той точке зрения, которой я коснулся, мы не можем не выразить своего презрения, негодования и возмущения преступникам, позволившим производить такое злодейство и жестокость. Что касается вопроса тех конкретных случаев [sic!], то мы считаем, что они не имеют за собой никакого оправдания. Что же касается Городской Думы, то она, избранная населением, не считает себя распущенной и считает себя правомерной исполнять волю населения, но отсюда еще не ясно [1]), в какие конкретные рамки мы можем влить свое существование. Ведь то, что нам предлагал Н. И. Астров, правильно по идее, но практически совершенно не выполнимо, а нам нужно защищать то положение, которое является наиболее выполнимым [2]). Исходя из настроений московского населения, мы должны помнить, что эта авантюра большевиков скоро кончится, и наша фракция полагает, что [1]) та [3]) резолюция, которую нам изложил наш товарищ, городской голова, является наиболее правильной и приемлемой, к которой мы и присоединяемся.

М а н с в е т о в Ф. С. Позвольте мне слово для информации. Я сейчас только пришел из Временного комитета городских служащих. Временный комитет, обсудив создавшееся положение, вынес следующую резолюцию: во-первых, в виде протеста большевикам они хотят объявить однодневную забастовку; затем они заявляют, что единой законной властью в Москве являются Городская Дума и ее исполнительный орган — управа. В акте насилия над Думой они видят посягательство на самую идею народоправства и потому признают необходимым обратиться ко всем городским работникам с выражением твердой уверенности, что они объединятся с городскими служащими в борьбе за идею народоправства. Затем об отношении к комиссарам, назначенным Военно-Революционным Комитетом, городские служащие заявляют, что они с ними работать не будут, потому что считают их насильниками, злодеями и захватчиками, а не представителями законной власти. (А п л о д и с м е н т ы.)

Обсуждая положение, Временный комитет стоял на той точке зрения, что Думы нет и управы тоже нет. По этому вопросу были разногласия. Принята в данный момент [1]) точка зрения меньшевиков и объединенцев, которая говорит, что вся ответственность должна быть

---

[1]) Зачеркнуто одно слово.
[2]) В подлиннике: «выполнимо».
[3]) «Та» — над строкой.

возложена на большевиков, потому что разруха, произведенная ими, будет все продолжаться, и дело кончится крахом. По отношению к комиссарам тоже принята точка зрения меньшевиков, работать, не подчиняясь их требованиям. Из комиссаров, назначенных Военно-Революционным Комитетом, был выделен А. Я. Никитин. Временный Комитет городских служащих исключает Никитина из профессиональной организации, но ему дается в течение трех дней срок для реабилитации себя. По вопросу о других комитет разделился, — социалисты-революционеры и беспартийные стали на ту точку зрения, что следует считать их исключенными из своей среды, 17 же человек меньшевиков и объединенцы стали на ту точку зрения, что до тех пор, пока не будет выяснена их личная честность, они могут оставаться в составе служащих. Голоса разделились, и потому окончательное суждение было отложено.

Председатель. Позвольте прочесть вам телеграмму, полученную из Владимира на имя московского городского головы, следующего содержания... [1]).

Председатель. Я должен прибавить, что получены сотни таких телеграмм от различных городских самоуправлений и земств.

Харитонов С. А. Я хотел предложить, чтобы блестящую речь Н. И. Астрова напечатать в миллионе экземпляров и распространить и разбросать по городу Москве.

Сысин А. Н. Позвольте сказать, что [2]) я нахожу более целесообразным последовать за примером городского головы, а не за гласным Н. И. Астровым, речь которого была проникнута пылом гражданской войны. Позвольте пока оставить в стороне гражданскую войну и посмотрите [3]) на население, потому что если мы не сделаем этого, то мы все время, или еще очень долгое время, будем в периоде гражданской войны. Мы не должны забывать того обстоятельства, что те мирные переговоры, которые происходят в Петрограде, должны быть нами всемерно поддержаны. Мы стоим на этой точке зрения, и наша небольшая группа, объединенцев-меньшевиков и крайних социалистов-революционеров, стоит и сейчас на этом пути, на пути соглашения, и считает, что нужно создать демократический орган правления, в который должны войти представители всех без исключения демократических фракций. Мы протестуем против большевистского министерства, но мы протестуем также и против коалиционного министерства. Товарищи социалисты-революционеры должны помнить, что мы относимся и к социалистам-революционерам и к большевикам как к воюющим на одном фронте. Мы — все революционеры — должны попытаться создать единый фронт, но не в пределах гражданской войны, а в пределах совместной работы. (Голоса: С большевиками?)

---

[1]) Телеграмма в деле отсутствует.
[2]) Зачеркнуто одно слово.
[3]) Так в подлиннике.

С ы с и н А. Н. Пусть этот единый фронт, это собрание будет создано по воле народа, выйдите на минуту из круга партийных интересов и распрей и создайте министерство, в которое должны войти все демократические партии без исключения. (Г о л о с а: А большевики? Эти тоже должны войти?)

С ы с и н А. Н. Да, да, да! Они тоже являются частью демократической партии [1]) и тоже наравне с остальными должны принимать участие в устройстве государственной жизни страны. (Г о л о с а: Довольно! Довольно! Позор! Они уже приняли участие. Позор!)

С ы с и н А. Н. Я утверждаю, что они тоже должны принимать участие, потому что они тоже стоят на точке зрения единого революционного фронта, и мы должны взаимно поддерживать все силы и все стремления демократических революционных партий. И прав городской голова, который сказал, чтобы в данный момент все прошлое было оставлено в стороне, и я понимаю, что все то, что произошло, может быть названо военным заговором солдат, и потому еще раз говорю: не разжигайте пожара, потому что если вы будете разжигать пожар, то вы ничего не сделаете для успокоения и спасения страны. Мы всемерно протестуем против роспуска Городской Думы, но, с другой стороны, для нас совершенно не важно — остается ли городская управа на своем месте или нет; и мы должны сказать, чтобы все городские служащие и рабочие работали для населения. Мы не должны поддерживать их ни в забастовке, ни в саботаже, потому что, в случае отказа служащих работать, население Москвы будет брошено в страшный ужас. Мы возражали против роспуска Думы, но нельзя допустить, чтобы рабочие и служащие города, не подчиняясь тому или другому начальству, не работали и этим приносили страдания населению. Нужно поставить дело так, чтобы население не страдало. Мы должны оставить прошлое в стороне, и Городская Дума должна стать на путь мирных переговоров для того, чтобы интересы населения не пострадали. Также в интересах населения мы должны призвать к работе как городских служащих, так и рабочих.

К а ф е н г а у з Л. Б. Я от своего имени и от имени Л. Б. Грановского должен сделать заявление о том, что хотя мы и принадлежим к меньшевистской фракции, но не разделяем ее позиции по настоящему вопросу. Я совершенно не согласен с выводом и не могу разделить того тона, которым говорил сегодня наш глубокоуважаемый товарищ — городской голова, предлагая забыть только что произведенные над населением злодейство и насилие. (А п л о д и с м е н т ы.) Забыть того, что только что произошло, нельзя, и я вполне [2]) разделяю и приветствую тот тон подлинного гражданина и республиканца, который мы услышали из уст гражданина Н. И. Астрова. Мы находим, что восстание большевиков против республики является изменой. Изменой

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Далее зачеркнуто одно слово.

родине и революции. Мы находим необходимым вести самую решительную борьбу. К этому приходят все фракции, но в то же время комитет социал-демократической партии все время восстания большевиков ведет политику соглашения с большевицкими [1]) организациями, и наконец, своим постановлением, которое было отпечатано 4 ноября в газете «Вперед», фракция считает возможной совместную работу с этими преступниками и изменниками-большевиками. На этом основании я заявляю, что мы выходим из этой организации. В частности от себя лично я делаю заявление, что... [2]) присоединяюсь и поддерживаю положения, выставленные Н. И. Астровым.

А р м а н д Л. М. Когда катастрофа надвигалась, мы говорили много и горячо. Может быть, мы говорили бы и еще больше, и еще горячее, помня, что нам нужно кого-то в чем-то убедить. Затем катастрофа наступила и принесла свои роковые разрушения, унесла тысячи жертв. Теперь, когда она закончилась, Н. И. Астров удивляется, почему так сдержанны наши слова. Есть предел преступлению и есть предел трагедии [3]); на наших глазах разыгралась трагедия, в ответ на которую может быть только молчание. Кому нам говорить? Кого нам убеждать? Если тех, которые совершили свое ужасное преступление за две недели до созыва Учредительного Собрания, — им говорить нечего: они сделали свое черное дело. Печать говорит, что там были безумные мечтатели, которые уже отошли от власти, увидя результаты своих заблуждений. Но, граждане, те, которые для достижения [3]) своих целей избрали люмпен-пролетариат [4]), т.-е. [5]) босячество, опираясь на грубую, темную массу, те идут на свое гнусное преступление сознательно, и разговаривать с ними бесполезно. Говорить с нейтральными сторонами еще труднее. Говоря о нейтралитете, мы до сих пор подразумевали Швецию, Норвегию, Бельгию. Но вот оказалось, что теперь и в России нашелся такой элемент, который в момент острой борьбы за народное право взял нейтральную позицию. Но необходимо помнить, что всякий нейтралитет всегда по существу дела склоняется в ту или другую сторону; как пример мы знаем, что Швеция нейтральна, но мы точно так же прекрасно знаем, в какую сторону склоняется ее нейтралитет... [2]); единственный абсолютный нейтралитет мы знаем со стороны Бельгии, которая ради него пожертвовала собой. Такой нейтралитет мы понимаем. Совсем иной характер нейтралитета мы видели со стороны «Викжеля».

П р е д с е д а т е л ь. Я просил бы не анализировать поведения организаций в прошлом и не касаться прошлого. (Г о л о с а: Просим, просим!)

---

[1]) Так в оригинале.
[2]) Далее зачеркнуто несколько слов.
[3]) Зачеркнуто одно слово.
[4]) Первоначально было: «плюмб», затем исправлено: «люмпен»!
[5]) Первоначально: «и», исправлено: «т.-е.».

А р м а н д Л. М. Товарищ Сысин призывал нас к объединению единого революционного фронта не для революционной, а для контрреволюционной работы. На эти темы мы могли бы говорить с трудовым народом, а не с теми, выступление которых мы только что пережили. Широкие массы трудового народа разберутся во всем происшедшем, когда этим обманщикам нужно будет перейти от слов к делу, и тогда выявится ряд определенных фактов, этих фактов мы для объединения единого революционного фронта и будем ждать. Мы будем ждать, когда придут [1]) факты со стороны большевиков вместо их лживых слов, будем ждать, когда наступит разочарование в массах, обманутых лживыми словами, тогда мы спросим население, как оно относится к нам. Мы хотели бы теперь же сделать это посредством референдума, но события показывают, что это нужно отложить до того времени, пока [1]) референдум можно будет произвести не под воздействием пушек. Мы будем этого ждать, а пока о насилии, захвате и братоубийстве преступников мы будем говорить открыто и громко. Мы видим, что теперь только начинается русская революция. До последнего времени она шла тихой подпольной работой, до 1917 года она шла от победы к победе, в 1917 году она потеряла свой талисман объединения и страдания, после чего начался ужас и братоубийство. Но теперь через горе, через страдание, через бедствия мы себя найдем; пройдут дни, и мы выйдем на широкий светлый путь, в данный же момент мы можем сказать, что начинается истинная история русской революции.

Г о р о д с к о й г о л о в а. Я боюсь, чрезвычайно боюсь того пути, на который становятся некоторые гласные, в частности гласный Л. М. Арманд. Сегодня этому не время, потому что мы должны заставить себя выйти из этой атмосферы гражданской войны; только выйдя из этого круга, мы можем говорить о прошлом. Сейчас мы не должны говорить ни языком, ни понятием, ни призывами к борьбе, которую мы только что пережили. Я вполне понимаю и разделяю то негодование, которое так ярко звучало в словах Н. И. Астрова. Я имею свое мнение и по поводу поведения «Викжеля», но и этого тоже нельзя говорить сейчас. Мы должны открыть суд, который должен быть достаточно убедителен для населения, потому что здесь есть две стороны, ответственные перед населением за правильную борьбу и за все преступления. К нам тоже должен быть предъявлен определенный запрос, на который мы должны будем дать свой ответ. Вы видите, что это должно быть резко разделено и разграничено: прошлое и будущее; о последнем мы будем говорить, что же касается прошлого, то в данный момент мы не можем быть в суждении о нем едиными, авторитетными и беспристрастными. Сегодня этого нельзя касаться. (Г о л о с а: Но почему? Очень жаль!)

Г о р о д с к о й г о л о в а. Я считаю, что сегодня все мы должны быть так же едины, как и в тот момент, когда вступали в борьбу, и

[1]) Так в подлиннике.

должна быть найдена нами точка зрения, объединяющая нас в это единство. Это одно. Мы стояли на страже права населения. Мы боролись за права населения, которые были попраны, и мы заявили [1]), что этот новый акт есть насилие над избирательным правом народа в Москве. Дума — есть, она остается и будет. Вот это все то, что мы должны заявить народу, и в этом мы должны итти к одной единой цели. Прошлого сейчас нельзя касаться, пусть раньше закроются могилы. Но нельзя также и открывать прений по существу состава и конструирования власти. Ведь вы же знаете, каким путем должна итти революция, мы знаем, что может быть создано только одно [2]) коалиционное министерство [1]). Ваши делегаты, которых сегодня отправим мы, знают это также. Мы сегодня пошлем в Петроград своих делегатов. Мы пошлем из отдельных фракций своих делегатов и затем уже будем говорить о создании министерства и о всем прошлом. Сегодня же нельзя возвращаться к вопросам борьбы. Сейчас нам предстоит только [1]) разрешить один вопрос — это вопрос, который ставят нам городские служащие. Этот вопрос очень труден, и я боюсь, что наш ответ будет напоен тем чувством, которое владеет сейчас Н. И. Астровым. (Г о л о с а: Напрасно!)

Г о р о д с к о й г о л о в а. Мы должны сказать в ответ, что московское население не может остаться беспомощным, но мы предоставляем им поступать так, как они найдут нужным, и я думаю, что они сами разрешат вопрос и найдут свою позицию. Я просил бы, и очень просил бы, и думаю, что имею на это право, не входить в рассмотрение других вопросов, кроме создания фронта протеста за избирательное право народа. Городским рабочим и служащим должно быть сказано, что в Петроград мы должны послать своих представителей [3]) для выяснения положения, не давая им каких-нибудь определенных директив.

П р е д с е д а т е л ь. Прежде чем продолжать прения, позвольте огласить следующую телеграмму комиссара XII армии... [4]).

Г е н д е л ь м а н М. Я. Здесь раздался голос, призывающий к примирению с большевиками. Мы здесь собрались для того, чтобы наш голос через эти стены был услышан московским населением, и потому мы должны дать точный и ясный ответ, почему невозможно никакое соглашение у нас с ними. Чем они увлекли темные народные массы? Они увлекли народные массы тем, что обещали им хлеба, но они скрыли от масс то, что этого хлеба они народу дать не могут, а если они в эти дни и дали хлеба, то опять-таки они скрыли от народа, что этот хлеб они дали, взяв тот, который отправлялся на фронт. А фронту хлеб нужен не меньше чем здесь, потому что там продовольственная

---

[1]) Зачеркнуто одно слово.

[2]) Слово: «коалиционное» вписано карандашом в оставленное для этого место.

[3]) Зачеркнуто одно слово.

[4]) Телеграмма в деле отсутствует.

жизнь местами идет только подвозкой, изо дня в день, и [1]) со слов наших возвратившихся оттуда делегатов и из только что прочитанной телеграммы, вы видите, каково там положение дел. Дальше, большевики обещали народу мир, но с первых же моментов это было превращено в слово перемирие [2]), которого, по слухам, Вильгельм тоже не желает заключать с ними. На вопросы же, почему так медленно определяется этот вопрос, большевики цинично отвечают, что такие вопросы проходили медленно и [3]) с императорским правительством. Большевики обещали землю и издали два декрета, взаимно уничтожающих друг друга. Большевики обещали отмену смертной казни, и вместо нее они дали самосуды. Никогда, ни в каких выступлениях, даже когда царские солдаты громили пушками Москву, у нас не было таких разрушений, которые произведены сейчас и которые были во время большевицкого [3]) восстания в Петрограде. В Петрограде во время восстания был кошмарный ужас, когда мирных жителей расстреливали на улицах, убивали женщин и детей, насиловали женщин, закалывали людей на площадках [3]) трамвайных вагонов. Граждане гласные! Если бы [4]) мы имели хоть малейшую надежду, что большевистская власть может спасти страну, то я смело утверждаю, что ни один из нас, к какой бы партии он ни принадлежал, не остался бы [3]), который не решил бы забыть это страшное кровопролитие, каждый не согласился бы это забыть, который не сказал бы, пусть погибнут все партии, Городская Дума, но пусть только будет спасена родина. Но у нас нет на это ни намека на самую малейшую надежду. Мы знаем, куда большевики ведут страну. Мы знаем также, если бы мы даже согласились работать с большевиками, то страна всего этого никогда не простит, и страна такой власти не поверит. Большевики не дадут стране ни власти, ни порядка, потому что они сами в плену у масс, которые им не верят. Большевики на момент заставили население поверить в свою силу, опираясь на штыки, но они сами уже в плену у этих штыков, с которыми они справиться уже не могут. Они не смогут сказать своим темным массам настоящей истины, и потому они все время будут лгать им и тем самым вести страну к гибели. Вот скоро не будет хлеба, что же они будут делать? Они будут шарить по домам, отбирать хлеб и теплые вещи, они убьют много, но они награбят мало, и этим они не устранят голодной катастрофы, не устранят ни бунтов, ни мора. Они обещали мир, которого никто не хочет принимать, и если начнутся с той стороны наступления, то армия им сопротивления не окажет — она побежит, и на большевиков же она пойдет войной. Что же, брататься она здесь будет с большевиками и красногвардейцами? Нет! Нет, здесь дело не обернется так легко, как это произошло с казачьим генералом Красновым. Мы прямо должны сказать, что мы не верим в большевиков, мы не верим, что они спасут

[1]) Так в подлиннике.
[2]) Так в подлиннике.
[3]) Зачеркнуто одно слово.
[4]) «Бы» — над строкой.

страну. Мы знаем, что каждый час их власти ведет все ближе страну к гибели, и потому мы должны предоставить большевикам их естественный крах [1]), естественную их гибель, когда массы раздавят их, и эта их смерть не за горами. От фракции социалистов-революционеров я предлагаю следующую резолюцию [2]).

(Продолжительные аплодисменты, крики: Браво!)

Председатель. Имеется предложение закрыть список ораторов и назначить перерыв для междуфракционных совещаний и затем уже баллотировать резолюции.

Брюхатов Л. Д. Не может быть двух оценок преступлений большевиков. Все говорившие сейчас единодушно высказались и высказали свое отношение к тому, что мы пережили в Москве. Эти преступления против естественных прав народа осложнились еще целым рядом фактов вандализма и предательства. Я могу вам напомнить, как было использовано большевиками время 30 октября — день перемирия. Вспомните, как был использован этот договор по отношению к юнкерам, этим честным людям, самоотверженно [3]) выступившим в защиту попранных прав свободы против этих вандалов, злодеев и предателей. (Аплодисменты.) Какое положение создалось теперь? Нам был задан вопрос товарищем Арманд, кого нам убеждать? Но она забыла, что теперь нам нужно убеждать массу, нужно убеждать то население, которое в руках у большевиков, и особенно нам нужно убеждать население именно теперь, потому что они лишили нас и всех других использовать свободу слова, свободу печати, чтобы [4]) раскрыть перед населением и перед массами всю ложь и весь обман и тот туман, который они сумели навести на недостаточно сознательные массы. И вот нам нужно всемерно протестовать против всего этого; нужно протестовать против запрещения свободы слова, нужно нашу печать оживить и пустить в оборот, нужно пустить в оборот возможно больше печатного материала, который мог бы разоблачить большевиков и в корне подорвать авантюру большевистского движения, который разъяснил бы населению, что происходило и что происходит в настоящее время. Метод, который здесь должен быть применен нами как представителями городского самоуправления и городской управы, должен быть как метод полной изоляции большевиков. (Аплодисменты.) Для меня лично та точка зрения, на которую становится фракция социал-демократов объединенцев, что большевики могут принять участие в государственной жизни страны и войти в совещание как государственный элемент, — совершенно неприемлема. Нет, господа, большевики для меня после всего происшедшего являются не государственным элементом, а вандалами и предателями. И то обстоя-

[1]) Так в подлиннике.
[2]) См. выше стр. 73.
[3]) Слово: «самоотверженно» — над строкой.
[4]) Зачеркнуто одно слово.

тельство, что теперь часть их уже разбегается из министерства, меня нисколько не убеждает в их государственности, потому что бегущие оттуда — это есть крысы, бегущие с корабля, почуявшие его гибель, когда на нем образовалась брешь. (А п л о д и с м е н т ы.) Большевики обещали народу мир. Но мы слышали ответ им Вильгельма, и это должно выбить у большевиков их главную позицию. Когда же их лживые слова должны будут перейти в действия, то от их позиции не окажется камня на камне. Они обещали дать хлеба, но мы знаем, за счет чего и кого будет некоторое время дан этот хлеб. После выступления большевиков никаких соглашений не может быть с этой бандой разбойников, вандалов и предателей! Мы будем поддерживать резолюцию городской управы, резолюцию, доложенную нам товарищем М. Я. Гендельманом, прекрасно характеризующую и положение вещей и отношение к большевикам, мы будем поддерживать резолюцию Н. И. Астрова. Я предлагаю взять резолюции всех фракций и соединить их в одно целое [1]).

Р о м а н о в А. Б. Товарищи и граждане! В течение всей последней недели нам приходилось бороться между жизнью и смертью. Мы знали, что, если победу одержат большевики, — это означает по существу провал революции, и до самого последнего момента мы предупреждали об этом массы. Когда в Городской Думе... [2]) обсуждался вопрос об отношении к [3]) Военно-Революционному Комитету, мы определенно сказали, что мы относимся к выступлению большевиков, как к авантюре, и было даже сказано такими словами, что будущие поколения будут с проклятием вспоминать об этом восстании. Но, с другой стороны, мы предупреждали и Думу от ложных шагов. Мы говорили, что настроение в глубине масс таково, что нельзя сносить голову большевизму, не снеся головы всем трудящимся массам. Мы говорили, что тот, кто поднимет меч, совершит страшное преступление против родины, против трудящегося люда. Мы говорили, что мы пойдем за Комитетом общественной безопасности, но мы предупреждали, что мы пойдем за ним не с ружьем в руках, что последнего мы делать не будем. Мы видели и знали, что все условия прошлых тяжелых лет, все условия затяжной гибельной войны создали в массах определенное настроение, из которого выхода быть не может. Мы знали, с какой быстротой развивались события...

П р е д с е д а т е л ь. Я прошу вас держаться ближе к настоящему моменту и не входить в оценку действий и анализ.

Р о м а н о в А. Б. Я подчиняюсь, как привыкший к определенной дисциплине, но почему же, когда в нашу сторону были брошены оскорбления, вы молчали?

П р е д с е д а т е л ь. Я прошу вас продолжать.

---

[1]) Далее в оригинале опущенное нами «Пр. на... л».; (т.-е.: продолжение на ... листе); «Романов 3 лист».

[2]) Зачеркнуто несколько слов.

[3]) Зачеркнуто одно слово.

Романов А. Б. Я подтверждаю, что настроение в глубине масс, это не мелкие причины, вызванные на восстание [1]) авантюрой горсти людей. Нет, основные причины этого значительно глубже, и с ними нельзя бороться пулеметами, расстрелами и пушками, и когда к этому придется приступить, массы, может быть, на это и не пойдут. Но самое зло происшедшего выступления в том, что то самое, которое произошло здесь, бросило страну вправо. Даже здесь, на этом собрании, мы уже слышали, что нужно изолировать большевиков. Если бы здесь шел вопрос только об изоляции авантюристов, поднявших восстание, то легко было бы это сделать. Но здесь вопрос глубже, — что вы сделаете с причинами, которые создают определенное настроение масс, не находящих [2]) выхода своему настроению; и потому легко сказать, что можно изолировать большевиков, но, даже производя эту операцию, вы не устраните причин, муссирующих настроения масс.

(Голоса протестующие, шум.)

Романов А. Б. Я никогда не мешаю высказываться другим и всякое мнение выслушиваю до конца. Когда на собрании Думы городские служащие мне угрожали мне [3]) за то, что я говорил правду, я не боялся, и сейчас тоже не боюсь и прошу дать мне кончить так, как я думаю. Дело в том, что возгласы об изоляции большевизма для нас не неожиданны. Мы знаем, что теперь страна резко ударится вправо, и потому нашим первым возгласом будет [2]) следующее: борьба политическая нужна с авантюрой большевиков, но нужно находить грань между «большевиками» и «большевизмом». Если мы видим, что вопрос для многих чрезвычайно прост — снять голову большевизму, если собрание говорит, что по этому пути пойдут далеко, и это разрешается просто, то для нас, социалистов, этот вопрос совсем не так прост. Для нас первая задача — сохранение определенной социалистической позиции, и с этим мы должны бороться единением великой русской демократии [2]), безраздельно. Все, что правее этого, нас ведет к гибели революции. И когда нам говорят об изоляции большевизма, как партийной единицы, мы против этого протестуем, но когда мы стоим на той линии поведения, о которой говорит Городская Дума, то [3]) мы признаем, что прав товарищ В. В. Руднев. Мы осуждаем авантюру большевиков и не подчиняемся им, но там, где речь идет об изоляции большевиков— у нас уже расхождение.

Поэтому для нас нужно быть сугубо осторожными и потому мы должны [4]) опасаться за социализм, и если во-время не сумеем устранить уклона, то мы все свалимся в пропасть. Мы убеждены, что нет возможности устранить [5])... и вот в этой борьбе в этих попытках отбить власть

---

[1]) «На восстание» — над строкой.

[2]) Так в подлиннике.

[3]) Зачеркнуто одно слово.

[4]) В подлиннике далее надпись карандашом («почему?»).

[5]) Пропуск в подлиннике и надпись на полях карандашом против него: «гражд. борьбу».

слева, несомненно, будут такие же попытки и справа. В этом тяжком испытании мы должны спасти страну и донести наше красное знамя социализма незапятнанным до [1])... Сегодняшнее настроение в Думе не дает возможности высказать то, что чувствуется, потому что удар социализму [2]) со стороны большевизма слишком тяжел, так тяжел, что даже трудно говорить спокойно, и всякий, кто отдается этому чувству негодования и порыва не целиком, а желает сохранить и чувство сознания, относительно тех создается как бы поверхностное чувство протеста. Даже и здесь, в сегодняшнем собрании, когда говорил товарищ А. Н. Сысин, который, с точки зрения социализма, ничего не говорил недопустимого, ему все же мешали говорить. Вот почему многого сказать сейчас нельзя. Мы определенно протестуем против покушений на свободу собрания Московской Городской Думы, и против этого мы протестуем всеми мерами. Мы должны мобилизовать население и сохранить спокойствие настроений. Это все понимают. Что же касается изоляции большевиков, то, может быть, когда мы переживем чувство гнева и негодования, то, может быть, у нас найдутся и иные пути в подхождении [3]) к этому вопросу. Потому что нужно произвести изоляцию не словами, а политической работой, которая требует единого революционного фронта. Сейчас я пока заканчиваю свою речь следующей резолюцией:

Декларация фракции меньшевиков Московской Городской Думы [4]).

«Фракция с.-д. меньшевиков М[осковской] Г[ородской] Думы, выражая [5]) свой решительный протест против насильственного разгона большевистской властью М[осковской] Город[ской] Думы, избранной на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права.

Фракция видит в этом грубом акте насилия воскрешение самых мрачных времен царского режима, разгонявшего неугодные ему органы самоуправления и заменявшего их чиновниками, и считает необходимым, чтобы Гор[одская] Дума, в сознании своей ответственности перед избравшим ее населением, продолжала свою работу, которая может быть прекращена только под непосредственным давлением грубой силы.

В случае, если Дума будет поставлена в невозможность продолжать свою деятельность, фракция меньшевиков заявляет, что всю ответственность за неизбежную в таком случае разруху хозяйственную она возлагает на Воен[но]-Револ[юционный] К[омитет].

Вместе с тем, полагая, что вина за гражданскую войну, вызванную в Москве большевиками, падает в известной степени и на поддер-

---

[1]) Пропуск в подлиннике и надпись на полях против него «Учр. Собр.».

[2]) Над строкой.

[3]) Так в подлиннике.

[4]) Написана карандашом. В левом углу листа надписано чернилами: «Собр. Думы 6 ноября 1917 г.»

[5]) Так в подлиннике.

жанный большинством Гор[одской] Думы К[омитет] о[бщест]венной безопасности, ввиду занятой им в начале борьбы непримиримой позиции, фр[акция] меньшевиков считает, что Гор[одская] Д[ума] должна сама поставить вопрос о [1]) перевыборах, чтобы тем самым дать населению возможность голосованием выразить свое отношение к происшедшим событиям. Но при этом фракция полагает, что необходимым предварительным условием перевыборов является как нормальное условие для существования Думы впредь до перевыборов, так и [sic] полное восстановление грубо нарушенных большевистской властью гражданских свобод, гарантирующих правильность выборов».

З а л к и н д Л. Б. В данный момент позиция нейтралитета очень трудна, и потому я заявляю, что мы [2])... поддерживаем Городскую Думу и к первой части резолюции присоединяемся; что же касается оценки событий и перевыбора, то мы считаем касаться этого вопроса не своевременным.

(Г о л о с а: Сколько человек подписало это заявление?)

Р о м а н о в А. Б. Я как истинный революционер, достаточно знаю партийную дисциплину и от своего имени, прикрываясь именем фракции, заявлений не вношу [3]).

З а б л о ц к и й С. И. От группы гласных социалистов-революционеров интернационалистов я заявляю, что мы присоединяемся к тому заявлению, которое сделано от имени товарища А. Н. Сысина. Мы заявляем, что настоящая Городская Дума не отражает настроения своих избирателей и потому Дума должна возвратить избирателям свои мандаты. Мы находим, что это должно быть сделано. Далее я скажу, что пусть наши товарищи большевики ошибались... (Ш у м, н е г о д о в а н и е). Пусть они вели преступную линию, но не забывайте, что все-таки должно быть единство революционного фронта, и мы этого требуем, мы это будем проводить.

(Г о л о с а: Кто вы? Сколько вас?)

П р е д с е д а т е л ь. Я прошу Думу успокоиться и прошу слова как гласный Думы. К великому моему несчастию, когда здесь была борьба, меня не было здесь, но, может быть, к счастью, меня не было здесь в те ужасные минуты, потому что теперь я могу более беспристрастно высказать свое отношение к происшедшему. А отношение таково: когда я просыпаюсь утром, то я спрашиваю себя: Каледин пришел в Москву или Корнилов? Тот ужас и то разрушение, которое произвели большевики, мог бы сделать только тот, кто всеми силами своей души старался бы задавить свободу, задавить революцию. Что это, если не корниловщина — этот разгром Думы? (Г о л о с а: Корнилов не сделал бы этого!)

---

[1]) Зачеркнуто: «в».

[2]) Пропуск в подлиннике и на полях надпись карандашом: «имена».

[3]) Далее следует опущенное здесь и зачеркнутое в подлиннике: «Заблоцкий С. И.»; «Пр. на л»; «Заблоцкий».

Председатель. Что он бы сделал? Только Корнилов [1]) разгромил бы Кремль? (Голоса: Нет!) Только Корнилов закрыл бы социалистические газеты? (Голоса: Нет! Нет!) Только Корнилов мог разогнать Думу? (Голоса: Этого не было бы!) Когда я просыпаюсь утром, я говорю себе, что в Москву пришел какой-то жестокий контр-революционер, который задушил, изломал, исковеркал и жизнь, и свободу, и революцию. Я вполне присоединяюсь к тем призывам [2]), которые раздавались здесь в защиту рабочего класса. Я никогда не смешивал заблуждающегося рабочего класса с теми господами, которые обманывают его, обещая ему золотые горы, пользуются его неопытностью для [3]) своих целей, бесстыдно лгут ему и ведут его на Голгофу. Обратимся к нашему положению. Что мы делали, когда была реакция? Мы боролись с нею. Вот сегодня у нас произносились речи. Десять дней тому назад мы отправили бы все это во все московские газеты, а сегодня мы даже не могли собраться в нашем помещении. Я предлагаю гласным сделать обложение себя известным налогом, мы соберем средства и на них поставим нелегальную типографию, где и будем печатать протоколы и стенограммы Городской Думы. (Аплодисменты.) Господа! Это не смешно, это трагично. Я лично 20 лет боролся за свободу слова, и теперь, после того, как мы достигли ее, у меня ее отняли. Но я снова буду бороться за свободу и с большевиками так же, как всю жизнь боролся с царскими прихвостнями.

Товарищи! Когда я читаю в большевицкой [4]) провокационной прессе, что меня называют калединцем, я готов пулю пустить в лоб. Я призываю всех вас сплотиться, но я полагаю, что не для того мы должны сплачиваться, чтобы соглашаться с этими разбойниками и предателями... [5]) (Аплодисменты.) Они — губители свободы, они — предатели, они — изменники, они, которые на штыках своей Красной Гвардии, частью заблуждающейся, частью подкупленной, разнесут родину, и с ними мы должны бороться. Я призываю вас к тому, что мы должны начать беспощадную, упорную борьбу с большевицким... [5]) царизмом, и я верю, что мы победим его. (Аплодисменты.) Я полагаю, что А. Н. Сысин говорил не [6]) о тех большевиках, которые завели его в тупик, он говорит о большевиках настоящих. Я призываю вас к объединению всего трудового народа, который должен выступить на борьбу... [5]) с большевиками способом борьбы демократии [7]) и теми способами, которые у нас в руках. (Аплодисменты.)

Мансветов Ф. С. Я сейчас должен итти на делегатское собрание. Я думаю, что нам нужно выяснить позицию Временного ко-

---

[1]) «Только Корнилов» — над строкой.
[2]) В подлиннике ошибочно «и».
[3]) Зачеркнуто одно слово.
[4]) Так в подлиннике.
[5]) Зачеркнуто несколько слов.
[6]) «Не» — над строкой.
[7]) Зачеркнуто одно слово.

митета: должны ли служащие и рабочие считаться только с распоряжениями Думы и управы или они должны считаться и с Военно-Революционным Комитетом. В Петрограде почтово-телеграфные служащие взяли на себя ответственность в разрешении вопроса, но там совсем другая область и потому по их примеру мы взять на себя такую ответственность не можем. Следовательно, или Дума и управа берут на себя эту ответственность — и тогда мы работаем, или эта ответственность возлагается на Военно-Революционный Комитет. Относительно служащих я могу сказать только то, что они взять всю ответственность на себя не могут и берут себя только как технический аппарат.

Председатель. Позвольте объявить перерыв.

Астров Н. И. Может быть, мы и без перерыва сумеем договориться? Позвольте от фракции, к которой я принадлежу, заявить, что мы присоединяемся к резолюции М. Я. Гендельмана, и таким образом от первой части нашей резолюции мы отказываемся. Но здесь имеется еще ответственность, вопрос о которой перед нами стоит. В первом пункте мы говорим [1])...

Это положение мы должны утвердить. Затем, «В равной мере городская управа должна» и так далее. Вот в этих формулах мы имеем ответ на вопрос, который сейчас ставится.

Председатель. Я прошу все-таки выработать общую резолюцию, для чего предлагаю произвести перерыв на 15 минут.

Предложение принято. Произведен перерыв.

Председатель. Прошу занять места. Имею честь заявить, что межфракционное совещание пришло к следующему соглашению... Товарищ М. Я. Гендельман огласит резолюцию.

Гендельман М. Я. Прошу заслушать следующую резолюцию [1])...

Председатель. Позвольте голосовать резолюцию. Резолюция принята большинством против одного и 7-ми воздержавшихся.

Залкинд Л. Б. Я прошу резолюцию оглашенную присоединить.

Заблоцкий С. И. К первый части резолюции мы присоединяемся, но что касается ее второй части, то мы воздерживаемся и в целом присоединяемся к декларации большевиков.

Председатель. Затем следуют вопросы относительно поведения Городской Думы, управы и служащих. Позвольте прочитать, к чему пришли на фракционных собраниях.

Гендельман М. Я. На междуфракционном собрании принято постановление предложить служащим и рабочим городского управления продолжать свои занятия, руководствуясь правилами городской управы, — где могут быть разрушения, грозящие бедствиями населению, там работы должны продолжаться.

(Голоса: А управа?)

---

[1]) Пропуск в подлиннике.

Председатель. Она своих полномочий не слагает и берется руководить работами, и прекращает свои занятия только тогда, когда является невозможность физическая работать.

Залкинд Л. Б. Мне представляется, что М. Я. Гендельман не совсем ясно передал решение вопроса. Если [1]) это разрешение вопроса, то позвольте мне огласить его так, как я понял. Мы понимаем так, что позиция должна быть такова: городская управа и Дума, не слагая с себя полномочий, но считаясь с обстоятельствами, постановили [1]), что управа работать не может. Что же касается служащих, то городская управа понимает, что служащие остались тем единственным аппаратом, который будет охранять интересы населения, возлагая всю ответственность на Временно-Революционный Комитет, на комиссаров и на те органы, которые они поставят во главе.

Коварский И. Н. Городская управа и Дума не слагают с себя полномочий, и они призывают служащих подчиняться городской управе и Думе.

Дорф Д. Я. Даже тогда, когда невозможно будет работать, она не отстраняется от своих полномочий и не слагает их.

Астров Н. И. Мы поддерживаем следующую формулировку [2]).

Председатель. Я прошу изложить это письменно.

Председатель. Но, прежде чем разойтись, нам следует выбрать 8 человек из своей среды, которых мы пошлем в Петроград. Фракция социалистов-революционеров посылает 5 человек, я прошу наметить делегатов и из других партий.

Городской голова. Я предлагаю перейти на определенное предложение и представить к определенному числу определенное количество делегатов. Весь вопрос в том, сколько делегатов должно быть представлено. Вопрос поднимался о 10—11 человеках, затем говорилось во фракциях о 15, но так как вопрос и с передвижением и с продовольствием очень затруднителен, то было решено, не определяя количества, представить на совещание голос Москвы. Нам казалось, что можно ограничиться минимальным представительством — голосов в 5—6 человек. У нас имеются 4 фракции, и поэтому мы пошлем 4-х человек.

Председатель. Следовательно, нужно определить, какое число гласных нужно послать и на каких основах они должны быть избраны, на паритетных или на количественных.

Филатьев Г. В. То, что [3]) передавал управе представитель Петрограда, дает нам основание послать большее количество. При этих условиях я предлагаю, чтобы было послано 25 человек. В Петрограде представительство составлено не только из числа гласных, но и из числа живущих в Петрограде.

Председатель. Представитель Петрограда заявил, что если нам не удастся составить представительство из гласных, то мы можем

[1]) Зачеркнуто одно слово.
[2]) Пропуск в подлиннике.
[3]) Зачеркнуто одно слово.

послать и не гласных, избранных [1]) на паритетных основаниях. Позвольте баллотировать вопрос. Кто за то, чтобы были избраны делегаты на паритетных началах?

Возражений нет, принято избрание на паритетных основаниях большинством голосов.

Теперь я прошу прислать списки, кого фракции пожелают избрать делегатами.

Астров Н. И. От нашей фракции предлагаются: Н. И. Астров и С. А. Левицкий; последний гласным не состоит.

Председатель. От партии с.-р. предлагаются М. Я. Гендельман и В. В. Руднев.

Коварский И. Н. Позвольте мне сказать, что здесь явное недоразумение.

Председатель. Считаете ли вы недоразумение в разрешении... (Голоса: Дайте сказать, в чем недоразумение!)

Коварский И. Н. Ведь мы же должны отразить голос Московской Городской Думы. Если мы ограничимся по одному человеку от каждой фракции, этого будет достаточно, но если мы будем посылать на иных основаниях, то как мы будем избирать в смысле количества, когда у нас есть фракции и в 160 человек и в 3 человека. Мне бы казалось, что с этим нужно считаться.

Председатель. Я с этим вполне согласен.

Беркенгейм А. М. Я считаю, что в данном случае выборы должны быть произведены персонально.

Один из гласных. Я предлагаю выбрать делегатов и пополнить двумя лицами: городским головой и председателем.

Председатель. Все-таки нужно определить и численность. Кто считает, что по одному человеку, прошу поднять руки.

Принято по одному человеку.

Баллотировкой по 2 человека отклонено.

Председатель. Баллотируется предложение об отъезде в Петроград городского головы и председателя Думы.

Предложение принято большинством против 4-х.

Коварский И. Н. Городская Дума представляет следующую резолюцию [2])...

Залкинд Л. Б. Здесь нет естественного момента. Вы говорите, что предлагается служащим руководствоваться директивами управы и Думы, и затем — нужно ли им считаться с Революционным Комитетом? Нужно выяснить, что делать служащим.

Коварский И. Н. Перед нами такой факт: городская управа и Дума остаются при исполнении своих обязанностей, но, может быть, сегодня или завтра определится для управы невозможность ра-

---

[1]) «Избранных» — над строкой.

[2]) Пропуск в подлиннике.

ботать, и она отстранится. Что же касается служащих, то [1]) они будут подчиняться распоряжениям Думы и управы. Если завтра таковые события совершатся, что управа должна будет снять с себя полномочия, то мы не можем заранее решать, что делать служащим. Поэтому мы просим уполномочить управу дать ответ на такой случай служащим.

Яхонтов В. И. Мы не будем скрывать от себя того, что наша управа уже отстранена, и раз завтра же управа не будет работать, то каким же образом она будет давать директивы, но, продолжая работу под давлением комиссаров Военно-Революционного Комитета, служащие должны сказать, что они ответственны за все ведение дела, сами же должны продолжать работать.

Председатель. Я еще раз прочитаю резолюцию (читает).

Городской голова. Я бы сделал добавление: «условия, которые будут обсуждаться, если городская управа отойдет, то будет указано [1]) городской управой дальнейшее положение», но нельзя же требовать от Думы, чтобы она санкционировала [1]) сейчас все те возможности, которые мы и не предвидим. Городская управа обязуется указать тогда все меры.

Залкинд Л. Б. Я понимаю поправку городского головы, и она должна быть принята после того, когда Городская Дума уже выскажет свое положение. Мы сейчас, предвидя такой момент, когда городская управа отстранится, мы указываем служащим их путь, но мы сейчас должны упомянуть, что если и городская управа отстранится от дела, Дума все-таки должна нести свои обязанности перед населением. Я прошу голосовать и нашу поправку.

Председатель. Поправка такова: когда городская управа вынуждена будет фактически отстраниться, то Дума предлагает рабочим и служащим работать, возложив всю ответственность на Революционный Комитет.

Алферов А. Д. Может быть, Л. Б. Залкинд не будет настаивать на поправке, потому что если мы ее примем, мы поступим не совсем правильно, а если не примем, то поставим служащих в очень затруднительное положение.

Залкинд Л. Б. Я внес поправку, желая как-нибудь разъяснить положение служащих. Что же касается порядка, то в конце [2]) это безразлично и, если вам угодно голосовать всю резолюцию, а затем поправку, то мы не будем протестовать.

Филатьев Г. В. Просим голосовать резолюцию городского головы.

Коварский И. Н. Беря во внимание те условия, при которых мы живем, когда через несколько часов обстановка может быть совершенно изменена, Городская Дума заявляет, что она не считает возможным призывать население к работам потому, что, если управа факти-

---

[1]) Зачеркнуто одно слово.

[2]) Так в подлиннике.

чески не сможет работать и устранится, то зачем же она заранее будет производить давление на служащих? Сейчас для служащих важен вопрос — существует ли в данный момент управа и Дума, и мы им на это даем положительный ответ. Если же через некоторое время они узнают, что управа отстраняется, то они тогда снова соберутся для разрешения дальнейшего вопроса.

Лифшиц С. Я. У нас было междуфракционное собрание, которое определило, что Думе не следует вносить [1]) выносить резолюцию с тем смыслом, как это предлагает Л. Б. Залкинд. Если он настаивает на своей поправке, то я прошу спросить Думу, желает ли она, чтобы эта резолюция была внесена.

Городской голова. Я предлагаю резолюцию, которая, может быть, даст возможность Л. Б. Залкинду снять [2]) свое предложение. Наша резолюция такова [3])...

Яхонтов В. И. Мы присоединяемся к последней [4]) поправке городского головы [5]).

Председатель. Позвольте голосовать. 38 голосов, против 18, воздержалось 15. Поправка принята. Позвольте голосовать всю резолюцию в целом. Принята единогласно при 2-х воздержавшихся.

Председатель. Прошу фракции назвать своих делегатов.

С.-д. меньшевики: Романов А. Б.

К.-д. — Авинов Н. Н. (Левицкий С. А.).

Астров Н. И. Было несколько заявлений относительно Кремля.

Председатель. Это мы примем в конце.

Сысин А. Н. Я прошу оставить место делегата для объединенцев.

(Голоса: А кого вы пошлете? не Гальперина ли? Только не Гальперина!)

Мухин А. А. Мы предлагаем Ратнер Е. М. вместо Ф. А. Данилова.

Дорф Д. Я. Мы должны знать, кто будет делегирован от фракции объединенцев.

(Голоса: Дума предлагает от фракции с.-д. объединенцев в качестве делегата А. Н. Сысина.)

Сысин А. Н. Я согласен.

Председатель. Прошу Н. И. Астрова огласить свое предложение.

Астров Н. И. Предложение следующее [3])...

Председатель. Кто желает высказаться?

---

[1]) Так в подлиннике.
[2]) Зачеркнуто одно слово.
[3]) Пропуск в подлиннике.
[4]) «Последней» — над строкой.
[5]) Зачеркнуто одно слово.

Городской голова. По поводу поручения партии народной свободы относительно исследований о разрушении Кремля и о пострадавших в Кремле и в Москве я могу сказать, что это поручение будет проведено управой. Что же касается мер воздействия на определенных лиц, которые нарушили права Московского управления, то это должно подлежать исследованию. Может быть, сделать доклад по всему вопросу, чтобы выявить его всесторонне.

Председатель. Когда управа даст доклад, тогда мы будем обсуждать предложение фракции народной свободы.

Астров Н. И. Все предложение?

Городской голова. Нет, только о лицах, нарушивших свой служебный и гражданский долг.

Астров Н. И. О Кремле предложение будет принято управой, о пострадавших — тоже, о продовольствии — тоже и только о мерах воздействия будет отложено?

Председатель. Да.

Студенецкий С. А. Я считаю, что городская управа и Дума должны раньше выслушать мнение служащих.

Яхонтов В. И. Я думаю, что этот вопрос мы ставить не будем, потому что у К. О. С. [1]) и... [2]) Военно-Революционного Комитета есть известные соглашения.

Председатель. Мы этот вопрос пока и не ставим, а снимаем с очереди.

Председатель. Не угодно ли принять последнее предложение, кроме последнего пункта?

Предложение принято единогласно.

Коварский И. Н. Вопрос об обеспечении продовольствием населения рассматривался городской управой еще в дни гражданской войны, и было установлено, что этот вопрос должен быть отдан в Продовольственный Комитет, где можно бы было работать. Продовольственный Комитет переселился в Лефортовский район, где он и ведет работу. Было бы обязательно оставить всю работу в руках Продовольственного Комитета.

Беркенгейм А. М. Положение вещей в смысле продовольствия к тому моменту, когда возникла гражданская война, было благоприятно. Хлеба в Москве было на 10 дней, картофеля на 2 месяца, мяса на две недели. Но теперь, в связи со всеми событиями мы в настоящий момент находимся в безвыходном положении. Для нас, близко стоящих у дела, совершенно ясно, что та ниточка, которая все время поддерживалась нами в смысле доставления продуктов населению и регулирования их, с большевистским восстанием порвалась. Мы теперь имеем сведения, что погрузка совершенно прекратилась, и Москве грозит кризис. Из Донской области мы имеем сведения, что

---

[1]) Комитет общественного спасения.

[2]) Пропуск в подлиннике.

она не даст нам ничего; что касается Северного Кавказа, то если бы мы и могли получить там что-нибудь, то все равно не будем в состоянии перевезти, потому что Курская дорога забита до самой последней степени. Единственная линия, по которой мы могли бы получать продовольствие — это Сибирская, но ее препроводительная способность ничтожна. Я нахожу, что нет никакой возможности скрывать от населения, что в самом ближайшем будущем, в связи с общим делом разрухи государственной жизни в стране, придется переживать и самый тяжкий продовольственный кризис. Мы должны опубликовать заявление, что ответственность за ход дела в Москве мы больше не несем. Я лично этой ответственности нести не могу и слагаю с себя ответственность за работу Продовольственного Комитета.

А с т р о в Н. И. Я вполне удовлетворен тем, что сказано А. М. Беркенгеймом, но я думаю, что раз городская управа будет существовать, она все, что будет возможно для нее в этом направлении, сделает.

С м и р н о в. Я думаю, что положение с продовольствием сейчас действительно ужасное, и что население, живущее на Дону, действительно прекратит нам подвозку хлеба. Нам мало отнестись ко всему и к частностям с негодованием, но фактически безразлично, — мы должны сказать открыто... [1]) крестьянству, что оно своим таким отношением усугубляет общее ужасное положение. Сейчас происходят ужаснейшие вещи, в которых население совершенно неповинно, потому что все это относится к одной части. Я повторяю, что такое отношение крестьянства и окраин усугубляет тяжкое положение России, а это не должно быть безразличным и для живущих на Дону, потому что [2]) когда голодная армия пойдет с фронта, то не только мы, но и Дон, как бы силен он ни был, не сможет устоять перед этой гибельной волной. Мы предлагаем Городской Думе обратиться к населению с просьбой, чтобы нам дали хлеба, чтобы этим разрядилось ужасное положение, и предотвратить грядущие бедствия.

П р е д с е д а т е л ь. Я должен добавить, что не только население Москвы, но и фронт у нас без хлеба, и если такое положение продолжится еще некоторое время, то фронт бросит все, побежит и понесется, разрушая на своем пути все, и тогда мы не знаем, что будет. Поэтому, я думаю, что мы должны голосовать мысль, высказанную последним оратором. Не угодно ли принять предложение об обращении к населению?

П р е д л о ж е н и е п р и н я т о е д и н о г л а с н о.

П р е д с е д а т е л ь. Еще один вопрос: кроме служащих управы — есть еще служащие [2]) канцелярии Городской Думы; я думаю, что все, что говорится о служащих управы, должно быть отнесено и к

---

[1]) Зачеркнуто несколько слов.

[2]) Зачеркнуто одно слово.

служащим канцелярии Думы. Позвольте это принять, если нет возражений.

В о з р а ж е н и й н е т.

П р е д с е д а т е л ь. Позвольте закрыть собрание. О следующем собрании мы уведомим через объявление в газетах, а место будет опять здесь.

(Собрание закрыто в ... часов ... минут.)

(Окончание следует.)

Дневник Николая Романова.

Окончание [1].

1918 ГОД.

1 января [2]). *Понедельник.*

В 8 часов пошли к обедне без Ольги и Татьяны, к сожалению, так как у обеих оказалась лихорадка. Доктора думают, что, вероятно, у них краснуха. Обедню служили другие священник и диакон. Погода стояла превосходная, совсем мартовская.

2 января. Вторник.

Краснуха у обеих подтвердилась, но, к счастью, сегодня у них самочувствие было лучше; сыпь порядочная.

День стоял серый, не холодный и с сильным ветром. В саду ходить и без работы — сегодня скука зеленая!

3 января. Среда.

У Алексея тоже началась краснуха, но совсем слабая; Ольга и Татьяна себя чувствовали хорошо, вторая даже вставала. Целый день шел снег. Отрядный комитет стрелков сегодня постановил снять погоны, чтобы не подвергаться оскорблениям и нападениям в городе. Непостижимо!

4 января. Четверг.

Сегодня заболела Мария, от сыпи у нее лицо стало малиново-багрового цвета, и лихорадка сразу сделалась сильная. Татьяна встала совсем. Гулял только с Анастасией. Было 10^0 мороза с ветром. Репетили [sic!] пьесу. — Получил письмо от Ксении.

5 января. Пятница.

Почти все поправились; Мария еще пролежала день. В 3 часа у нас была отслужена вечерня с водосвятием и затем все комнаты окроплены. Разговаривали со стрелками 1-го взвода 4-го полка о сня-

---

[1]) См. «Красный Архив», т. XXII, стр. 71—91.

[2]) Новый — 1918 — год Николай Романов и его семья встретили в Тобольске.

тии погон и о поведении стрелков 2-го полка, которое они жестоко осуждают.

6 января. Богоявление.

В 8 часов пошли к обедне; вместо шинели я надел полушубок. Дочери все поправились, но не все выходят. Погода стояла праздничная, солнечная, тихая. Утром долго посидели в карауле и отводили с ними души. Крестного хода на Иртыш, к сожалению, не видали из-за домов вокруг.

7 января. Воскресенье.

День провели, как будний, в церковь не пошли. Мороз увеличился до 18°. Окончил IV том «Всемирной истории» Иегера; в общем, составлена она толково. Написал Ксении.

8 января. Понедельник.

Всю ночь и часть дня бушевала буря; утром было 18° мороза, а к вечеру дошло до 5° и стихло. В комнатах из-за ветра стало холодно, после дневной прогулки снова облекся в черкеску. Гуляли и работали со снегом.

9 января. Вторник.

Отличный тихий день при легком морозе, 6°—10° мороза. Последние два дня читал книгу из библиотеки здешней гимназии «Тобольск и его окрестности» Голодникова—с занимательными историческими данными.

Днем хорошо поработал — чистил площадку и затем наполнял сарайчик дровами; мне помогал хороший старый стрелок 1-го полка Орлов — бывший преображенец.

10 января. Среда.

Утром поработал с ним же, а днем с Татищевым. Стояла тихая солнечная погода — 16° мороза. От 6 часов прорепетили [sic!] нашу пьесу в костюмах.

11 января. Четверг.

С понедельника у детей начались уроки — продолжаю с Алексеем занятия по русской истории. Работал со стрелками 4-го полка, перенося дрова в сарайчик. Перед обедом Татьяна получила от нас подарки.

12 января. Пятница.

Именины Татьяны ознаменовали молебном в зале в 12 часов. День стоял чудный, 14° мороза, при сильно греющем солнце.

Наш священник отец Алексей освобожден от домашнего ареста.

13 января. Суббота.

Такая же отличная погода. Утром грелся на солнце, сидя на крыше оранжереи. Днем после чая сделали большую репетицию в соответствующих костюмах.

В 9 часов у нас была отслужена всенощная другим священником.

14 января. Воскресенье.

Утром в церковь не пошли, у нас была отслужена обедница. Гулял до нее; и днем долго. Погода была светлая, точно в марте. Перед обедом сыграли свою пьесу по настоящему. Участниками в «Les deux timides» были:

Татьяна — Annette.
Анастасия — Cécile.
Валя Д. — Garadoux.
М. Gilliard — Frémissin.
Я — Thibaudier.

Сознавали, что прошло гладко и бойко. Вечером, как всегда, безик и чтение вслух.

15 января. Понедельник.

У Анастасии сегодня началась краснуха. Погода была серая, 4° мороза с ветерком. Окончил чтение XI тома Лескова.

16 января. Вторник.

Анастасия себя чувствовала хорошо; температура 37,4; высыпало больше на груди, чем на лице. Погода была очень мягкая, почти таяло. От 4 до 5 часов имел урок с Алексеем. До обеда читал вслух Анастасии.

17 января. Среда.

За ночь мороз взял и увеличился до 15°; погода была неприятная, с ветром. Тем не менее гуляли дважды — караул был хороший — 1-й взвод 4-го полка. Алексей зашел к ним вечером поиграть в шашки.

18 января. Четверг.

Мороз все крепнет и к вечеру дошел до 24°. День простоял отличный, солнечный. Окончил сегодня с Алексеем «Историю Петра Великого».

Начал переписывать пьесу Чехова «Медведь», чтобы выучить ее с Ольгой и Мари. Вечер провели, как всегда.

19 января. Пятница.

Солнечный морозный день — 20°, тихо. Окончил свою письменную вчерашнюю работу к вечеру. Анастасия окончательно выздоровела и спускалась в столовую к завтраку. К ночи мороз усилился до 27°.

20 *января. Суббота.*

День простоял очень холодный вследствие ветра при 23° мороза, резало лицо. Поработал с дровами в сарайчике. В 9 часов была всенощная.

21 января. Воскресенье.

Буря со снегом при 24° мороза.

Около 12 часов была обедница. Днем гуляли час времени. В зале и у дочерей воздух был холодный, 8°, а у меня в кабинете 9°. После

обеда Татьяна, Алексей и м-r Gilliard очень дружно сыграли пьесу «A la Porte» [1]). Вечером, как всегда, безик.

22 января. Понедельник.

Простоял неприятный холодный день — дул N шторм, при морозе в 25°. Гулять было невесело. В комнатах темп[ература] стояла низкая; в зале и моем кабинете — 8°, а к ночи она спустилась до 7°. Наученные опытом, мы теперь одеваемся тепло.

23 января. Вторник.

Погода улучшилась, ветер стих, и к 2 час[ам] показалось солнце. Но в комнатах холод еще продолжался. Очищал занесенную снегом оранжерею.

24 января. Среда.

По случаю именин Ксении написал ей письмо. Погода сделалась совсем приятная, тихая, солнечная, при 12° мороза, в особенности [sic!] для оконечностей лица.

25 января. Четверг.

Хороший тихий день. Сегодня, как и во вторник, имел урок с Алексеем. Дети усиленно катались с горки, кот[орую] полили как следует.

26 января. Пятница.

Окончил чтение сочинений Лескова 12 томов и начал «The garden of Allah» в русском переводе. Днем хорошо поработал над дровами и пилкой.

Решением отрядного комитета Панкратов и его помощник Никольский отстранены от занимаемых должностей, с выездом из Корниловского дома!

27 января. Суббота.

Серый день — 8° мороза. Днем пилил с Татищевым. Валя Долгор. нездоров. Алексей тоже пролежал.

В 9 часов была всенощная.

---

[1]) В тетради дневника, между 50 и 51 стр., вклеен листок бумаги, размером в $^1/_{16}$ л., на котором почерком, повидимому, Татьяны Романовой написана программа спектакля 21 января:

«A LA PORTE.

Comedie en un acte par Eugène Vercousin.

Personages.

Roland Delaunau (artiste) — P. d i l l i a r d.
Une Dame — T. H.
Balthazar — } A. H.
Un cocher — }
Regisseur — P. d i l l i a r d.

Le 21 janvier 1918. Tobolsk».

28 января. Воскресенье.

Утром погулял. В $11^1/_2$ у нас была отслужена обедница. Долго работал в саду. Погода была серая, при 5^0 мороза, приятная. После обеда состоялся четвертый домашний спектакль.

Ольга, Татьяна, Мария, Настенька Г. и Татищев дружно сыграли «La Bête noire» [1]). Началось в $9^1/_4$, кончилось в 10 часов.

29 января. Понедельник.

Отличный тихий день. В карауле был наш взвод 4-го полка. Гулял, работал и разговаривал со стрелками. Окончил чтение Тургенева вслух вечером — принялся за рассказы Лескова.

30 января. Вторник.

Во время утренней прогулки прощались с уходящими на родину лучшими нашими знакомыми стрелками. Они очень неохотно уезжают теперь зимою и с удовольствием остались бы до открытия навигации! Алексей пролежал день, так как у него распухла щиколка.

31 января. Среда.

Задул ветер, и опять началась вьюга, но было нехолодно. Алексей пролежал еще день.

1/14 февраля. Четверг.

Узнали, что на почте получено распоряжение изменить стиль и подравняться под иностранный, считая с 1 февраля, т. е. сегодня уже выходит 14 февраля. Недоразумениям и путаницам не будет конца!

Утром с горки видели прощание и отъезд многих стрелков старших призывов. Было тепло, но с вьюгой подсыпало много снега, кот[орый] я очищал на дворе. Алексей пролежал еще день. В 9 часов была отслужена всенощная.

---

[1]) В тетради дневника, между 52 и 53 стр., вклеен листок бумаги, размером в $^1/_{16}$ л., на котором почерком, повидимому, Александры Романовой написана след. программа спектакля 28 января 1918 г.:

«LA BÊTE NOIRE.

Comédie en un acte par m. m. s. Mendele et Cordier.

Personnages:

Le Docteur Dorthez — г е н. Т а т и щ е в.
Frederic Dorthez, son neveu — М. Н.
M-me de Bellamara, veuve — Т. Н.
Cyprieune, sa fille — г р. Г е н д р и к о в а.
Maman Miette — О. Н.
(gouvernante de la maison Dorthez)
La scène se passee de nos jours à Pau, dans la maison de santé du d-r Dorthez.

Regisseur — P. Gilliard.

28 янв. 1918 г.
Тобольск».

2/15 февраля. Пятница.

В день сретения господня погода простояла лучезарная. У нас в $11^1/_2$ часов была отслужена обедница. Пробыли на воздухе около 3 часов — так было хорошо. Работал все время и под конец вычистил балкон. Окончил «The garden of Allah» и начал вчера «The adventures of Sherlock Holmes» [1]).

С Ольгой и Марией прорепетил [sic!] нашу пьесу «Медведь». — Татищев простужен.

3/16 февраля. Суббота.

Такой же чудный светлый день, как вчера, но мороз увеличился. Алексей, наконец, встал. В 9 часов была всенощная.

4/17 февраля. Воскресенье.

Солнечный морозный день. В $11^1/_2$ часов была обедница. Долго гуляли, наслаждаясь погодой. Мария упала на горке и встала с огромной шишкой над правым глазом. После обеда был спектакль — повторение пьесы «A la Porte» и английская «Packing up» [2]), которую играли: Мария, Анастасия и Алексей — очень живо и забавно.

5/18 февраля. Понедельник.

и *6/19 февраля. Вторник.*

Оба дня стояла дивная солнечная погода. Татищев поправился. Начал читать «Les trois Mousquetaires» A. Dumas [3]). Уже третий день пьем дневной чай в моем кабинете, потому что светлее, видим закат и теплее комната.

7/20 февраля. Среда. 8/21 февраля.

Та же неизменно-прекрасная погода с теплым солнцем и поразительной яркой луной по ночам.

Судя по телеграммам, война с Германией возобновлена, так как срок перемирия истек; а на фронте, кажется, у нас ничего нет, армия

---

[1]) «Приключения Шерлока Холмса» Конан-Дойля.

[2]) В тетради дневника имеется листок, размером около $^1/_{24}$ л., на котором рукой, повидимому, Александры Романовой написана программа исполнения англ. пьесы «Packing up»:

«PACKING UP.

Farce in one act ... Grattan.
Dramatis personae:

M-r Chugwater — A. H.
M-rs Chugwater — M. H.
Luggage man — A л. H.
Stage manager — S. G i b b s.

Тобольск. 4-10 февр. 1918 г.»

[3]) «Три мушкетера» А. Дюма.

демобилизована, орудия и припасы брошены на произвол судьбы и наступающего неприятеля! Позор и ужас!!

9/22 февраля. 10/23 февраля.

Такая же солнечная погода оба дня. Еще много сроков увольняют, вплоть до 1914 г., так что все хорошие боевые стрелки уйдут из нашего отряда. Простились с ними, они отправляются уже завтра большой партией.

В 9 часов была всенощная.

11/24 февраля. Воскресенье.

В 11 часов была обедница. После завтрака погулял, потом сидел недолго у Рендель и опять вышел. Смотрели с горки на отъезд стрелков в санях целым караваном. Вечером было представление «Le fluide de John» и английская «Ih and ont of a punt», в которой играли — Татьяна и м-г Gibbs [1]).

Все прошло хорошо и забавно.

12/25 февраля. Понедельник.

Сегодня пришли телеграммы, извещающие, что большевики, или, как они себя называют, Совнарком, должны согласиться на мир на унизительных условиях герман[ского] прав[ительст]ва, в виду того, что неприятельские войска движутся вперед и задержать их нечем! Кошмар!

13/26 февраля. Вторник.

Погода была менее приятная, дул ветер, и солнце спряталось. Окончил «Les trois Mousquetaires» и начал «This woman to this man». После прогулки имел урок с Алексеем.

14/27 февраля. Среда.

Приходится нам значительно сократить наши расходы на продовольствие и на прислугу, так как гофмарш[альская] часть закрывается с 1 марта и, кроме того, пользование собственными капиталами ограничено получением каждым 600 руб. в месяц. Все эти последние дни мы были заняты высчитыванием того минимума, кот[орый] позволит сводить концы с концами.

---

[1]) В тетради дневника, между стр. 58 и 59, вклеен листок бумаги, размером около 1/24 л., на котором рукой, повидимому, Александры Романовой написана программа исполнения пьесы: «Ih and ont of a punt»:

«IH AND ONT OF A PUNT.
By H. V. Esmond.
Dramatis personae:
Margaret — T. H.
Hugh — S. G i b b s.
Stage manager — S. G i b b s.
11-го февр. 1918 г. Тобольск.»

15/28 февраля. Четверг.

По этой причине приходится расстаться со многими из людей, так как содержать всех, находящихся с нами в Тобольске, мы не можем. Это, разумеется, очень тяжело, но неизбежно. По нашей просьбе, Татищев, Валя Д. и м-г Gilliard взяли на себя хлопоты по хозяйству и заведыванию остающимися людьми, а под ними камердинер Волков.

Погода стояла приятная, тихая.

По вечерам читаю вслух «Соборяне» Лескова.

16 февраля (1 марта). Пятница.

Сегодня начал читать «Анну Каренину». День был не холодный, утром мело, позже вышло солнце. С этого дня начали жить по новому, сокращенному режиму. После чаю прорепетили [sic!] нашу пьесу.

17 февраля (2 марта). Суббота.

Днем шел снег, погода стояла мягкая. Расчищали дорожки, горку и пилил дрова. В 9 часов была отслужена всенощная.

15 февраля получил письмо от Ольги А.

18 февраля (3 марта). Воскресенье.

В $11^1/_2$ была обедница. День стоял чудный, теплый, совсем весенний; днем таяло. Сидел у Рендель. Работали в саду и пилил. После чая репетили [sic!]. Вечером состоялся спектакль. Сперва шла англ[ийская] пьеса—«The Crystal Gazer» [1])—Мария и m. Gibbs, а затем наша — «Медведь», в кот[орой] играли: Ольга, опять Мария и я. Волнений вначале представления было много, но, кажется, хорошо сошло.

19 февраля (4 марта). Понедельник.

С увлечением читаю «Анну Каренину». Сегодня получил письмо от Ксении. Бо́льшую часть дня шел снег. Пилил дрова в сарайчике — там суше.

20 февраля (5 марта.) Вторник.

Утром увидели в окно горку перерытою; оказывается, дурацкий комитет отряда решил это сделать, чтобы помешать нам подниматься на нее и смотреть через забор!

---

[1]) В тетради дневника имеется вложенный листок, размером около $^1/_{16}$ л., на котором рукой, повидимому, Александры Романовой написана программа исполнения англ. пьесы: «The Cristal Gazer».

«THE CRYSTAL GAZER.
A comic sketch by Leopold Montagne esq.

Dramatis personae:
Miss Bessie Blank — M. H.
The Cristal Gazer — S. G i b b s.
Stage manager — S. G i b b s.

18-го февр. 1918 г. Тобольск.»

День был ясный после снежной ночи и дул свежий N. Пилил в сарайчике. Написал мамà.

21 февраля (6 марта). Среда.

Чудный морозный день при очень теплом солнце. Утром подчищал двор, а днем долго пилил.

22 февраля (7 марта). Четверг.

Сегодня навезли огромное количество дров, помогали разгружать с саней. День был теплый, по временам налетали шквалы со снегом.

23 февраля (8 марта). Пятница.

Утро было лучезарное и теплое, работать было жарко. Днем стало посвежее. Аликс посидела на балконе, чтобы не бегать часто по лестнице.

24 февраля (9 марта). Суббота.

Отличный тихий день. Долго пребывали на воздухе и много работали над пилкой и колкой дров. В 9 часов была всенощная.

25 февраля (10 марта). Воскресенье.

Мороз прибавился до 12°, несмотря на теплое солнце. Утром погуляли до обедницы и два с половиною часа днем; усиленно кололи, пилили и переносили дрова в сарайчик.

Вечером Мария и Анастасия вторично сыграли вместе с Алексеем пьесу «Packing up».

26 февраля (11 марта). Понедельник.

День рождения дорогого папа. Было холодно и метель на дворе. Тем не менее я с детьми работал усердно с дровами. Три молодых стрелка с Орловым хорошо помогали мне переносить дрова в сарай.

27 февраля (12 марта). Вторник.

Холодный день с ветром, утро было ясное. Деятельно работали оба раза. До чая занимался с Алексеем.

28 февраля (13 марта). Среда.

Такой же день при 12° мороза. Окончил «Анну Каренину» и начал читать Лермонтова.

Пилил много с Татьяной.

В последние дни мы начали получать масло, кофе, печение к чаю и варения от разных добрых людей, узнавших о сокращении у нас расходов на продовольствие. Так трогательно!

1/14 марта. Четверг.

Тридцать восьмая годовщина кончины апапа. В 2 часа у нас была отслужена панихида. Погода стояла такая же, как тогда, — морозная и солнечная. Работали усердно с дровами.

2/15 марта. Пятница.

Вспоминаются эти дни в прошлом году в Пскове и в поезде! [1])

Сколько еще времени будет наша несчастная родина терзаема и раздираема внешними и внутренними врагами? Кажется, иногда, что дольше терпеть нет сил, даже не знаешь, на что надеяться, чего желать?

А все таки никто как бог!

Да будет воля его святая!

3/16 марта. Суббота.

День простоял полуясный, при 14° мороза. Ходил взад и вперед утром, а днем наработался всласть.

В 9 часов была всенощная.

4/17 марта. Воскресенье.

До обедницы погулял. Погода была очень хорошая, на солнце таяло. Днем много работали, стрелки 1-го полка тоже помогали. Слышны были все время бубенчики на улицах — тобольские жители катались в санях во всевозможных запряжках по случаю последнего дня масленицы.

5/18 марта. Начало великого поста.

В $9^1/_2$ началась спевка Аликс и дочерей с диаконом, а через полчаса часы.

За обеими службами они пели, так как певчие не могут петь четыре раза в день. Погода была лучезарная. Долго пробыли на воздухе и усердно пилили и кололи дрова. После обеда свита ушла, и мы провели вечер семейно.

6/19 марта. Вторник.

День стоял тихий, серый, много гуляли, все мы порядочно уже загорели. Пение за службами сегодня улучшилось.

7/20 марта. Среда.

Наконец, после двухмесячного перерыва, попали снова в церковь к преждеосвященной литургии. Служил священник отец Владимир Хлынов, а не отец Алексей. Пели обыкновенные певчие, знакомые любимые наши напевы. Погода была отличная; в общем, пробыли на воздухе четыре часа.

8/21 марта. Четверг.

Сегодня г о д, что я расстался с дорогой мама в Могилеве и уехал в Ц[арское] Село. Получил письмо от Ксении. Погода была непостоянная, то солнце, то снег, но, в общем, теплая.

---

[1]) День отречения Николая Романова от престола.

9/22 марта. Пятница.

Сегодня годовщина моего приезда в Царское Село и заключения с семьею в Александровском дворце. Невольно вспоминаешь этот прошедший тяжелый год! А что еще ожидает нас всех впереди? Все в руце божией! На него только все упование наше.

В 8 часов пошли к обедне. День провели, как всегда. Обедали в 7 часов, затем была вечерня и после нее исповедь в зале: детей, свиты, людей и наша.

10/23 марта. Суббота.

В $7^1/_2$ пошли к обедне, за кот[орой] причастились св. христовых таин со всеми нашими. Хор пел на редкость [sic!]. Вернулись к 9 часам домой. После чая погуляли. Погода совсем весенняя, таяло в тени. Днем много работали. В 9 часов была всенощная дома. Спать хотелось очень.

11/24 марта. Воскресенье.

Чудный весенний день. Выспались за оба дня отлично. В $11^1/_2$ была обедница.

На первой неделе начал читать библию с начала.

12/25 марта. Понедельник.

Из Москвы вторично приехал Влад. Ник. Штейн, привезший оттуда изрядную сумму от знакомых нам добрых людей, книги и чай. Он был при мне в Могилеве вторым вице-губернатором.

Сегодня видели его проходящим по улице.

13/26 марта. Вторник.

День простоял серый, но таяло. Так как нельзя читать все время библию, я начал также «A short history of the English people» J. K. Green [1]). По вечерам вслух опять принялись за Тургенева — теперь читаю «Вешние воды».

Сегодня как раз 7 месяцев, что мы живем в этом доме!

14/27 марта. Среда.

Здешняя дружина расформировалась, когда все сроки службы были уволены. Так как всетаки наряды в караулы должны нестись по городу, из Омска прислали команду для этой цели. Прибытие этой «красной гвардии», как теперь называется всякая вооруженная часть, возбудило тут всякие толки и страхи. Просто забавно слушать, что говорят об этом в последние дни. Комендант и наш отряд, видимо, тоже были смущены, так как вот уже две ночи — караул усилен и пулемет привозится с вечера! Хорошо стало доверие одних к другим в нынешнее время!

15/28 марта. Четверг.

С ночи стало значительно холоднее, до 12^0 мороза, день простоял солнечный с ветром. Пилили и кололи дрова усиленно.

---

[1]) Грин. «Краткая история английского народа».

16/29 марта. Пятница.

Целый день бушевала вьюга, и снега выпало масса. Утром гуляли, а днем поработали с дровами.

17/30 марта. Суббота.

Буря утихла, и день настал ясный и холодный. Утром с трудом очистил дорожку в снегу, а то гулять было тяжело. После завтрака пилил, а дочери кололи дрова. В 8.45 была всенощная. У Алексея кашель, поэтому за последние дни он не выходил на прогулку.

18/31 марта. Воскресенье.

Погода поправилась, и день простоял великолепный и тихий. В $11^1/_2$ была отслужена обедница. Очень долго пробыли на воздухе; солнце сильно пригревало. После обеда я обыкновенно играю в безик и затем читаю вслух. На-днях у меня вышли все 4 безика.

19 марта [1]. *Понедельник.*

Погода была прямо идеальная, солнце жгло, и в тени доходило до 4° тепла. Узнал от нашего всегдашнего осведомителя Кирпичникова много интересного о прибывших сюда большевиках из Омска. Долго и много работал.

20 марта. Вторник.

Утро было сероватое, около 11 часов выглянуло солнце и день настал такой же, как вчерашний, только еще теплее. После завтрака вышли на балкон и долго пробыли там. На солнце было 21° тепла, а в тени 6°. Копали канавы в саду и пилили и кололи.

21 марта. Среда.

Тоже дивный день. Утром пробыл почти два часа на воздухе, а днем более двух часов. Воздух был очень чист и прозрачен. Вечером трое наших людей, отпущенных месяц тому назад, пришли проститься перед отъездом на родину (Макаров, Михайлов и Конычев [?]).

22 марта. Четверг.

Погода простояла серая, но таяло хорошо. Утром слышали со двора, как уезжали из Тобольска тюменьские разбойники-большевики на 15 тройках, с бубенцами, со свистом и с гиканьем. Их отсюда выгнал омский отряд!

23 марта. Пятница.

Очень хороший день, утро было ясное и теплое. Из открытых окон казарм с 10 часов до 5 часов слышалось пение стрелков и звуки балалайки — от ничегонеделания и скуки!

Пробыли всего на воздухе четыре с половиною часа, также и на балконе.

---

[1]) Далее Николай Романов ведет записи по ст. стилю.

24 марта. Суббота.

Чудный день; снег быстро сходит, и почти вся наша мостовая на дворе сухая. Утром и днем много пилил. После чая читал при свете заката до 7 часов. Всенощная началась в 9.45 с поклонением св. кресту.

[*25 марта*]. *Благовещение. Воскресенье.*

В церковь не попали в такой праздник, встать пришлось рано, так как в 8 часов пришел батюшка и отслужил обедницу без певчих. Аликс и дочери пели опять без всякой спевки. Погода была неудачная — серая и холодная. Утром гуляли взад и вперед и говорили со стрелками. Днем пилил.

26 марта. Понедельник.

Погода была серая, но теплая. По временам перепадал снежок. Работали и гуляли, как всегда.

27 марта. Вторник.

Сразу наступил холод с северным ветром. День простоял ясный. Вчера начал читать вслух книгу Нилуса об Антихристе, куда прибавлены «протоколы» евреев и масонов — весьма современное чтение.

28 марта. Среда.

Отличный солнечный день без ветра. Вчера в нашем отряде произошла тревога, под влиянием слухов о прибытии из Екатеринбурга еще красногвардейцев. К ночи был удвоен караул, усилены патрули и высланы на улицу заставы. Говорили о мнимой опасности для нас в этом доме и о необходимости переезда в архиерейский дом на горе. Целый день об этом шла речь в комитетах и прочее, и, наконец, вечером все успокоились, о чем пришел в 7 часов мне доложить Кобылинский. Даже просили Аликс не сидеть на балконе в течение трех дней!

29 марта. Четверг.

Во время утренней прогулки увидели «чрезвычайного комиссара» Демьянова, кот[орый] со своим помощником Дегтяревым, в сопровождении коменданта и стрелков, обошел караульное помещение и сад. Из-за него, т. е. этого Демьянова, и нежелания стрелков пропустить его и загорелся сыр-бор третьего дня.

День простоял отличный, солнечный.

30 марта. Пятница.

Что ни день, то новый сюрприз!

Сегодня Кобылинский принес полученную им вчера бумагу из Москвы от Центр[ального] Исполн[ительного] Комитета к нашему отряду о том, чтобы перевести всех наших, живущих в том доме, к нам и считать нас снова арестованными, как в Ц[арском] Селе. Сейчас же началось переселение комн[атных] женщин внизу из одной комнаты в другую, чтобы очистить место для вновь прибывающих.

У Алексея от кашля заболело в паху, и он пролежал день.

31 марта. Суббота.

Он ночь совсем не спал и днем сильно страдал, бедный. Погода была, как нарочно, прелестная и теплая, снег быстро сходит. Гулял долго. Вещи и мебель из Корниловского дома перетащили до завтрака; жильцы уже устроились в новых помещениях.

В 8.45 была всенощная.

1 апреля. Воскресенье.

Сегодня отрядным комитетом было постановлено, во исполнение той бумаги из Москвы, чтобы люди, живущие в нашем доме, тоже больше не выходили на улицу, т. е. в город. Поэтому целый день шел разговор о том, как их разместить в этом, без того переполненном доме, так как должно было переселиться семь человек. Все это делается так спешно в виду скорого прибытия нового отряда с комиссаром, который везет с собой инструкцию. Поэтому наши стрелки, в ограждение себя от возможных нареканий, желают, чтобы те застали у нас строгий режим!

В $11^1/_2$ часов была отслужена обедница. Алексей пролежал весь день; боли продолжались, но с большими перерывами. Погода была серая, ветренная.

2 апреля. Понедельник.

Утром комендант с комиссией из офицеров и двух стрелков обходил часть помещений нашего дома. Результатом этого «обыска» было отнятие шашек у Вали и м-г Gilliard, а у меня — кинжала! Опять Кобылинский объяснил эту меру только необходимостью успокоить стрелков!

Алексею было лучше, и с 7 часов вечера он крепко заснул. Погода стояла серая, тихая.

3 апреля. Вторник.

Он спал с небольшими перерывами двенадцать часов, болей почти не было. Погода стояла неприятная, шел мокрый снег, и дул холодный ветер. День прошел по обыкновению.

4 апреля. Среда.

Погода была серая, тихая, около 4 часов вышло солнце. Утром ходил час, а днем гулял и пилил два часа. Алексею лучше, но он устал лежать все в одном положении; лихорадка, как и вчера, небольшая — 38.4. Вл. Никол. Деревенко находит, что такая темп[ература] необходима, так как она способствует рассасыванию опухоли.

5 апреля. Четверг.

Отличный день, полдня у меня окно оставалось открытым. Алексей спал с перерывами, боль по временам беспокоила его, когда он менял положение в постели и садился. Но, в общем, он был весел и разговорчив. Темп[ература] — 37.8.

6 апреля. Пятница.

Сегодня Алексей больше страдал и спал немного. День стоял отличный; около 5 часов прошел хороший весенний дождь. — Окончил историю Англии Green и начал читать романы Всев. Соловьева.

7 апреля. Суббота.

Алексей спал хорошо, и днем боли появлялись гораздо реже. Утро было теплое и солнечное, а с 2 часов пошел мокрый снег, и к вечеру начало морозить. В 9 час. была всенощная, пел отличный бас.

8 апреля. Воскресенье.

Двадцать четвертая годовщина нашей помолвки! День простоял солнечный, с холодным ветром, весь снег стаял.

В $11^1/_2$ была обедница. После нее Кобылинский [показал] мне телеграмму из Москвы, в которой подтверждается постановление отрядного комитета о снятии мною и Алексеем погон! Поэтому решил на прогулки их не надевать, а носить только дома. Этого свинства я им не забуду! Работал в саду два часа. Вечером начали читать вслух «Волхвы» — тоже Всеволода Соловьева.

9 апреля. Понедельник.

Узнали о приезде чрезвычайного уполномоченного Яковлева из Москвы; он поселился в Корниловском доме. Дети вообразили, что он сегодня придет делать обыск, и сожгли все письма, а Мария и Анастасия даже свои дневники. Погода была отвратительная, холодная и с мокрым снегом. Алексей себя чувствовал лучше и даже поспал днем часа два-три.

10 апреля. Вторник.

В $10^1/_2$ часов утра явились Кобылинский с Яковлевым и его свитой.

Принял его в зале с дочерьми. Мы ожидали его к 11 часам, поэтому Аликс не была еще готова.

Он вошел, бритое лицо, улыбаясь и смущаясь, спросил, доволен ли я охраной и помещением. Затем почти бегом зашел к Алексею, не останавливаясь, осмотрел остальные комнаты и, извиняясь за беспокойство, ушел вниз. Так же спешно он заходил к другим в остальных этажах.

Через полчаса он снова явился, чтобы представиться Аликс, опять поспешил к Алексею и ушел вниз. Этим пока ограничился осмотр дома. Гуляли по обыкновению; погода стояла переменная, то солнце, то снег.

11 апреля. Среда.

День был хороший и сравнительно теплый. Много сидел на любимой крыше оранжереи, там славно пригревает солнце. Работал у горы и над расчисткой глубокой канавы вдоль внутренней изгороди.

12 апреля. Четверг.

После завтрака Яковлев пришел с Кобылинским и объявил, что получил приказание увезти меня, не говоря, куда? Аликс решила ехать со мною и взять Марию; протестовать не стоило. Оставлять остальных детей и Алексея — больного да при нынешних обстоятельствах — было более чем тяжело! Сейчас же начали укладывать самое необходимое. Потом Яковлев сказал, что он вернется обратно за О[льгой], Т[атьяной], Ан[астасией] и А[лексеем] и что, вероятно, мы их увидим недели через три. Грустно провели вечер; ночью, конечно, никто не спал.

---

13 апреля. Пятница.

В 4 часа утра простились с дорогими детьми и сели в тарантасы: я — с Яковлевым, Аликс — с Марией, Валя — с Боткиным. Из людей с нами поехали: Нюта Демидова, Чемодуров и Седнев, 8 стрелков и конный конвой (Красной армии) в 10 человек. Погода была холодная с неприятным ветром, дорога очень тяжелая и страшно тряская от подмерзшей колеи. Переехали Иртыш через довольно глубокую воду. Имели четыре перепряжки, сделав в первый день 130 верст. На ночлег приехали в с е л о И е в л е в о. Поместили в большом чистом доме; спали на своих койках крепко.

14 апреля. Суббота.

Встали в 4 часа, так как должны были ехать в 5 часов, но вышла задержка, пот[ому] что Яковлев разоспался и, кроме того, он ожидал потерянный пакет. Перешли Тобол пешком по доскам, только у другого берега пришлось переехать сажень 10 на пароме. Познакомились с помощником Яковлева — Гузаковым, кот[орый] заведывал всей охраной пути до Тюмени. День настал отличный и очень теплый, дорога стала мягче; но все таки трясло сильно, и я побаивался за Аликс. В открытых местах было очень пыльно, а в лесах грязно. В селе Покровском была перепряжка, долго стояли как раз против дома Григория и видели всю его семью, глядевшую в окна. Последняя перепряжка была в селе Боркй. Тут у Е. С. Ботк[ина] сделались сильные почечные боли, его уложили в доме на полтора часа, и затем он отправился вперед не торопясь. Мы пили чай и закусывали с нашими людьми и стрелками в здании сельского училища. Последний перегон сделали медленно и со всякими мерами военных предосторожностей. Прибыли в Т ю м е н ь в $9^1/_4$ при красивой луне с целым эскадроном, окружившим наши повозки при въезде в город. Приятно было попасть в п о е з д, хотя и не очень чистый; сами мы и наши вещи имели отчаянно грязный вид. Легли спать в 10 часов не раздеваясь, я — над койкой Аликс, Мария и Нюта в отделении рядом.

15 апреля. Воскресенье.

Все выспались основательно. По названиям станций догадались, что едем по направлению на Омск. Начали догадываться: куда нас

повезут после Омска? На Москву или на Владивосток? Комиссары, конечно, ничего не говорили. Мария часто заходила к стрелкам — их отделение было в конце вагона, тут помещалось четверо, остальные в соседнем вагоне. Обедали на остановке на станции Вагай в 11 часов очень вкусно. На станциях завешивали окна, так как по случаю праздника народу было много. После холодной закуски с чаем легли спать рано.

16 апреля. Понедельник.

Утром заметили, что едем обратно. Оказалось, что в Омске нас не захотели пропустить! Зато нам было свободнее, даже гуляли два раза, первый раз вдоль поезда, а второй — довольно далеко в поле вместе с самим Яковлевым. Все находились в бодром настроении.

17 апреля. Вторник.

Тоже чудный теплый день. В 8.40 прибыли в Екатеринбург. Часа три стояли у одной станции. Происходило сильное брожение [sic!] между здешними и нашими комиссарами. В конце концов одолели первые, и поезд перешел к другой — товарной станции. После полуторачасового стояния вышли из поезда. Яковлев передал нас здешнему областному комиссару, с кот[орым] мы втроем сели в мотор и поехали пустынными улицами в приготовленный для нас дом — Ипатьева. Мало-по-малу подъехали наши и также вещи, но Валю не впустили.

Дом хороший, чистый. Нам были отведены четыре большие комнаты: спальня угловая, уборная, рядом столовая с окнами в садик и с видом на низменную часть города и, наконец, просторная зала с аркою без дверей. Долго не могли раскладывать своих вещей, так как комиссар, комендант и караульный офицер все не успевали приступить к осмотру сундуков. А осмотр потом был подобный таможенному, такой строгий, вплоть до последнего пузырька походной аптечки Аликс. Это меня взорвало, и я резко высказал свое мнение комиссару. К 9 часам, наконец, устроились. Обедали в $4^1/_2$ из гостиницы, а после приборки закусили с чаем.

Разместились след[ующим] образом: Аликс, Мария и я втроем в спальне, уборная общая, в столовой — Н. Демидова, в зале — Боткин, Чемодуров и Седнев. Около подъезда комната кар[аульного] офицера. Караул помещался в двух комнатах около столовой. Чтобы идти в ванную и w. c., нужно было проходить мимо часового у дверей кар[аульного] помещения. Вокруг дома построен очень высокий досчатый забор в двух саженях от окон; там стояла цепь часовых, в садике тоже.

18 апреля. Среда.

Выспались великолепно. Пили чай в 9 часов. Аликс осталась лежать, чтобы отдохнуть от всего перенесенного.

По случаю 1 мая слышали музыку какого-то шествия. В садик сегодня выйти не позволили! Хотелось вымыться в отличной ванне, но водопровод не действовал, а воду в бочке не могли привезти. Это

скучно, так как чувство чистоплотности у меня страдало. Погода стояла чудная, солнце светило ярко, было 15° в тени, дышал воздухом в открытую форточку.

19 апреля. Четверток великий.

День простоял отличный, ветренный, пыль носилась по всему городу, солнце жгло в окна. Утром читал книгу Аликс «La sagesse et la destinée» Maeterlinck. Позже продолжал чтение библии. Завтрак принесли поздно — в 2 часа. Затем все мы, кроме Аликс, воспользовались разрешением выйти в садик на часок. Погода сделалась прохладнее, даже было несколько капель дождя. Хорошо было подышать воздухом. — При звуке колоколов грустно становилось при мысли, что теперь страстная и мы лишены возможности быть на этих чудных службах и, кроме того, даже не можем поститься! До чая имел радость основательно вымыться в ванне.

Ужинали в 9 часов. Вечером все мы, жильцы четырех комнат, собрались в зале, где Боткин и я прочли по очереди 12 евангелий, после чего легли.

20 апреля. Пяток великий.

За ночь стало гораздо холоднее; вместо дождя перепадал изредка снег, но стаивал сейчас же. Солнце показывалось по временам. Двое суток почему-то наш караул не сменялся. Теперь его помещение устроено в нижнем этаже, что для нас безусловно удобнее — не приходится проходить перед всеми в w. c. или ванную и больше не будет пахнуть махоркой в столовой.

Обед очень запоздал из-за предпраздничного наплыва [sic!] в город жизненных припасов; сели за него в $3^1/_2$ ч. Потом погулял с Марией и Боткиным полчаса. Чай пили в 6 час. По утрам и вечерам, как все эти дни здесь, читал соответствующие св. евангелия вслух в спальне. По неясным намекам нас окружающих можно понять, что бедный Валя не на свободе и что над ним будет произведено следствие, после которого он будет освобожден! И никакой возможности войти с ним в какое-либо сношение, как Боткин ни старался.

Отлично поужинали в $9^1/_2$ час.

21 апреля. Великая суббота.

Проснулись довольно поздно; день был серый, холодный, со снежными шквалами. Все утро читал вслух, писал по несколько строчек в письма дочерям от Аликс и Марии и рисовал план этого дома. Обедали в час с $^1/_2$. Погуляли 20 минут. По просьбе Боткина, к нам впустили священника и дьякона в 8 час. Они отслужили заутреню скоро и хорошо; большое было утешение помолиться хоть в такой обстановке и услышать «Христос воскресе». Украинцев, помощник коменданта, и солдаты караула присутствовали. После службы поужинали и легли рано.

22 апреля. Светлое Христово воскресение.

Весь вечер и часть ночи слышен был треск фейерверка, кот[орый] пускали в разных частях города. Днем стоял мороз около 3°, и погода была серая. Утром похристосовались между собою и за чаем ели кулич и красные яйца, пасхи не могли достать [1]).

Обедали и ужинали в свое время. Гуляли полчаса. Вечером долго беседовали с Украинцевым у Боткина.

23 апреля. Понедельник.

Встали поздно морозным серым утром. Второй раз взаперти провели именины дорогой Аликс, но этот раз не всей семьей. Узнали от коменданта, что Алексей уже выходил на воздух пять дней тому назад — слава богу!

Гуляли и при солнце и при крупе. Мороз держался около 3—4°. Перед обедом хотели затопить камин в столовой, но повалил такой дым, что пришлось загасить огонь, а в комнатах стало прохладно.

24 апреля. Вторник.

День простоял лучше и немного теплее. Сегодня довольствие получили из собрания, но какого, не знаю? И обед и ужин опоздали на час. Гуляли подольше, так как было солнце. — Авдеев, комендант, вынул план дома, сделанный мною для детей третьего дня на письме, и взял его себе, сказав, что этого нельзя посылать! Вечером выкупался в ванне. Поиграл с Аликс в безик.

25 апреля. Среда.

Встали к 9 час. Погода была немного теплее — до 5°. Сегодня заступил караул, оригинальный и по свойству и по одежде. В составе его было несколько бывших офицеров, и большинство солдат были латыши, одетые в разные куртки, со всевозможными головными уборами. Офицеры стояли на часах с шашками при себе и с винтовками. Когда мы вышли гулять, все свободные солдаты тоже пришли в садик смотреть на нас; они разговаривали по своему, ходили и возились между собой. До обеда я долго говорил с бывшим офицером, уроженцем Забайкалья; он рассказывал о многом интересном, также и маленький кар[аульный] начальник, стоявший тут же; этот был родом из Риги. Украинцев принес нам первую телеграмму от Ольги перед ужином. Благодаря всему этому в доме почувствовалось некоторое оживление. Кроме того, из дежур[ной] комнаты раздавались звуки пения и игры на рояле, кот[орый] был на-днях перетащен туда из нашей залы. — Еда была отличная и обильная и поспевала во время.

---

[1]) На 99 стр. тетради дневника — в тексте записи за 22 апреля нарисован план дома, в котором заключен был Николай Романов с семьей. Под планом надпись его же рукой: «Дом Ипатьева в Екатеринбурге»

26 апреля. Четверг.

Сегодня около нас, т. е. в деж[урной] комнате и в карауле, происходило с утра какое-то большое беспокойство, все время звонил телефон. Украинцев отсутствовал весь день, хотя был дежурный. Что такое случилось, нам, конечно, не сказали; может быть, прибытие сюда какого-нибудь отряда привело здешних в смущение! Но настроение караульных было веселое и очень предупредительное. Вместо Украинцева сидел мой враг — «лупоглазый», кот[орый] должен был выйти гулять с нами. Он все время молчал, так как с ним никто не говорил. Вечером, во время безика, он привел другого типа, обошел с ним комнаты и уехал.

27 апреля. Пятница.

В $8^1/_2$ должны были встать и одеться, чтобы принять вчерашнего заместителя коменданта, передавшего нас новому — с добрым лицом, напоминающим художника. Утром шел густой снег, а днем вышло солнце. Гулять было хорошо. После чаю опять приехал «лупоглазый» и спрашивал каждого из нас, сколько у кого денег? Затем он попросил записать точно цифры и взял с собою лишние деньги от людей для хранения у казначея Областного Совета! Пренеприятная история. За вечерней игрой добрый маленький кар[аульный] начальник сидел с нами, следил за игрой и много разговаривал.

28 апреля. Суббота.

Сегодня неприятностей не было. Погода была потеплее, гуляли два раза. Познакомились с новым комендантом № 5. Получили телеграмму из Тобольска, там все хорошо, письма наши доходят. Когда они приедут сюда, не знаем. До $9^1/_2$ вечера ожидали ужина. Играл в безик.

29 апреля. Воскресенье.

Хорошая солнечная погода, довольно прохладная. В эту ночь караульный начальник отлучался часа на три, чтобы потанцовать на балу! Поэтому он весь день ходил смешной и сонный. Аликс просидела в садике на скамейке во время нашей прогулки. Обед и ужин были принесены во-время.

30 апреля. Понедельник.

День простоял отличный, безоблачный. Утром погуляли час. Обед бессовестно опоздал — вместо часа его принесли в $3^1/_2$! Поэтому вторично вышли гулять около 4 час. только. Какая-то старуха, а затем мальчик лезли к забору — смотреть нас чрез щель; их всячески отгоняли, но все при этом смеялись. Поганец Авдеев приходил в сад, но держался вдали. Ужинали в $8^1/_2$ час. Днем много читал вслух хорошие рассказы Лейкина «Неунывающие россияне». Вечером — безик с Аликс.

1 мая. Вторник.

Были обрадованы получением писем из Тобольска; я получил от Татьяны. Читали их друг у друга все утро. Погода стояла отличная, теплая. К полудню смэнился караул из состава той же особой команды фронтовиков — руеских и латышей. Кар[аульный] начальник — представительный молодой человек. Сегодня нам передали через Боткина, что в день гулять разрешается только час; на вопрос: почему? исп. долж[ность] коменданта ответил: «Чтобы было похоже на тюремный режим». Еда была во-время. Нам купили самовар — по крайней мере, не будем зависеть от караула. Вечером во время игры имел четыре безика.

2 мая. Среда.

Применение «тюремного режима» продолжалось и выразилось тем, что утром старый маляр закрасил все наши окна во всех комнатах известью. Стало похоже на туман, кот[орый] смотрится в окна. Вышли гулять в $3^1/_2$, а в 4. 10 нас погнали домой. Ни одного лишнего солдата в саду не было. Караульный начальник с нами не заговаривал, так как все время кто-нибудь из комиссаров находился в саду и следил за нами, за ним и за часовыми! Погода была очень хорошая, а в комнатах стало тускло. Одна столовая выиграла, так как ковер снаружи окна сняли!

У Седнева простуда с лихорадкой.

3 мая. Четверг.

День простоял серый, но теплый. В комнатах, особенно наших двух, ощущалась сырость; воздух, входивший через форточку, был теплее комнатного. Научил Марию играть в трик-трак.

У Седнева лихорадка меньше, но он пролежал весь день. Гуляли днем ровно час. Порядок в карауле значительно прибавился, больше шляющихся в саду при нас не было. Днем получили от Эллы из Перми кофе, пасхальные яйца и шоколад. Электричество в столовой погасло, ужинали при двух свечках, вставленных в банки. В зале тоже не все горело. Принял ванну после Марии в $7^1/_2$ час.

4 мая. Пятница.

Целый день шел дождь. Узнали, что дети выехали из Тобольска, но когда, Авдеев не сказал. Он же днем открыл дверь в запертую комнату, предназначенную нами для Алексея. Она оказалась большою и светлее, чем мы полагали, так как имеет два окна; наша печка хорошо ее отапливает. Гуляли полчаса из-за дождя. Еда была обильная, как все это время, и поспевала в свое время. Комендант, его помощ[ник], кар[аульный] нач[альник] и электротехники бегали по всем помещениям, исправляя провода, но тем не менее ужинали в темноте.

5 мая. Суббота.

Погода стояла сырая и дождливая. Свет в комнатах тусклый и скука невероятная! Во время игры с Марией у меня вышел настоящий

трик-трак,—так же редко, как четыре безика. Гуляли полчаса днем. Ужина дожидались с 8 до 9 час. Электрическое освещение в столовой поправили, а в зале еще нет.

6 мая. Воскресенье.

Дожил до 50 лет, даже самому странно! Погода стояла чудная, как на заказ. В $11^1/_2$ тот же батюшка с диаконом отслужил молебен, что было очень хорошо. Прогулялся с Марией до обеда. Днем посидели час с четвертью в саду, грелись на теплом солнце. Не получаем никаких известий от детей и начинаем сомневаться, выехали ли они из Тобольска?

7 мая. Понедельник.

Спокойный день с хорошей погодой. Утром погуляли полчаса, а днем полтора. Сменился караул. Вчера начал читать вслух книгу Аверченко «Синее с золотом». До ужина принял ванну. Вечером электр[ическое] освещение опять пошаливало; пока Седнев исправлял его, играли в безик при свете огарка в банке.

8 мая. Вторник.

Утром слышали гром, в стороне от города прошла [гроза], но у нас было несколько ливней. Читал до обеда 4-ю часть «Войны и мир», которую не знал раньше. Погулял час с Марией. Авдеев предложил нам осмотреть две комнаты рядом со столовой; караул теперь помещен в подвальном этаже. Более получаса ожидали обед и ужин. Получили поздрав[ительную] телегр[амму] от Ольги к 6-му мая [1]).

9 мая. Среда.

Полуясный день с несколькими дождями. И Мария и я зачитывались «Войной и миром», а перед чаем увлекались в трик-трак. Гуляли час. Все еще не знаем, где находятся дети и когда они все прибудут? Скучная неизвестность!

10 мая. Четверг.

Утром нам в течение одного часа последовательно объявляли, что дети в нескольких часах от города, затем, что они приехали на станцию и, наконец, что они прибыли к дому, хотя их поезд стоял здесь с 2 час. ночи! Огромная радость была увидеть их снова и обнять после четырехнедельн[ой] разлуки и неопределенности.

Взаимным расспросам и ответам не было конца. Очень мало писем дошло до них и от них. Много они, бедные, перетерпели нравственного страдания и в Тобольске и в течение трехдневного пути. За ночь выпал снег и лежал целый день. Из всех прибывших с ними впустили только повара Харитонова и племянника Седнева. Днем вышли минут на 20 в сад — было холодно и отчаянно грязно. До ночи ожидали привоза с вокзала кроватей и нужных вещей, но напрасно, и всем

[1]) День рождения Николая Романова.

дочерям пришлось спать на полу. Алексей ночевал на койке Марии. Вечером, как нарочно, он ушиб себе колено и всю ночь сильно страдал и мешал нам спать.

11 мая. Пятница.

С утра поджидали впуска наших людей из Тобольска и привоза остального багажа. Решил отпустить моего старика Чемодурова для отдыха и вместо него взять на время Труппа. Только вечером дали ему войти и Нагорному, и полтора часа их допрашивали и обыскивали у коменданта в комнате. — Хотя мы все сидели вместе в спальне, я много читал; начал «Неоконченную повесть» Апухтина.

12 мая. Суббота.

Спали все хорошо, кроме Алексея, кот[орого] вчера под вечер перенесли в его комнату. Боли у него продолжались сильные, стихая периодически.

Погода вполне соответствовала общему нашему настроению, шел мокрый снег при 3° тепла. Вели переговоры через Евг[ения] Серг[еевича] с председат[елем] Областного Совета о впуске к нам m-r Gilliard. Дети разбирали некоторые свои вещи после невообразимо продолжительного осмотра их в ком[ендантской] комнате. Гуляли минут 20.

Ужин опоздал почти на час.

13 мая. Воскресенье.

Спали отлично, кроме Алексея. Боли у него продолжались, но с большими промежутками. Он пролежал в кровати в нашей спальне. Службы не было. Погода была та же, снег лежал на крышах. Как все последние дни, В. Н. Деревенко приходил осматривать Алексея; сегодня его сопровождал черный господин, в кот[ором] мы признали врача. После короткой прогулки зашли с ком[ендантом] Авдеевым в сарай, в кот[орый] свезен весь наш большой багаж. Осмотр некоторых открываемых сундуков продолжался. Начал читать сочинения Салтыкова (Щедрина) из шкафа хозяина дома. Вечером поиграли в безик.

14 мая. Понедельник.

Погода простояла теплая. Много читал. Алексею, в общем, было полегче.

Погуляли днем час. После чаю Седнева и Нагорного вызвали для допроса в Обл[астной] Совет. Вечером продолжался осмотр вещей дочерей при них. Часовой под нашим окном выстрелил в наш дом, потому что ему показалось, будто кто-то шевелился у окна (после 10 час. вечера) — по моему, просто баловался с винтовкой, как всегда часовые делают.

15 мая. Вторник.

Сегодня месяц нашему пребыванию здесь. Алексею [sic!] все по-прежнему, только промежутки отдыха были больше. Погода была

жаркая, душная, а в комнатах прохладно. Обедали в 2 часа. Гуляли и сидели в садике час с $^1/_4$. Аликс стригла мне волосы удачно.

16 мая. Среда.

День стоял отличный. Погуляли утром и днем долго и грелись на солнце.

Алексею было лучше. Вл. Ник. ему сделал гипсовую повязку. Ужинали в 8 час. при дневном свете. Аликс легла пораньше из-за мигрени. — О Седневе и Нагорном ни слуха ни духа!

17 мая. Четверг.

Очень теплый день. Все утро, после уборки комнат, зачитывались книгами до обеда. Еда приходила аккуратно. Алексей был гораздо спокойнее, боли у него были только к вечеру недолго. Гуляли перед чаем. Купался до ужина.

18 мая. Пятница.

Ночью шел дождь и днем тоже. Начал читать второй том Салтыкова «Господа Головлевы». В комнатах было серо и скучно. Гуляли полчаса. Перед окнами Алексея забор еще приподняли.

19 мая. Суббота.

Погода была серая и теплая. Читал все утро. Гуляли час с минутами до чая. У Алексея болей почти не было. Зелень понемногу подвигается. Ужин опять принесли за два часа — Харитонов его разогрел к 8 час. Поиграл с Марией в трик-трак.

20 мая. Воскресенье.

В 11 час. у нас была отслужена обедница; Алексей присутствовал, лежа в кровати. Погода стояла великолепная, жаркая. Погуляли после службы и днем до чая. Несносно сидеть так взаперти и не быть в состоянии выйти в сад, когда хочется, и провести хороший вечер на воздухе! Тюремный режим!

21 мая. Понедельник.

Чудный теплый день. Гуляли два раза. Внизу в кар[аульном] помещении снова был выстрел; комендант пришел справиться, не прошла ли пуля через пол? У Алексея совсем не было болей; как всегда, он проводит день в постели в нашей комнате. Окончил второй том Салтыкова. Вечером играли в безик.

22 мая. Вторник.

Жара и духота в комнатах. Гуляли только днем. Около 5 часов прошла сильная гроза и другая вечером. Алексею гораздо лучше, и колено очень уменьшилось в объеме. У меня болели ноги и поясница и спал плохо.

23 мая. Среда.

Перевели часы на два часа вперед. Сегодня Алексей оделся и был вынесен на воздух парадным ходом. Погода стояла чудная. Аликс

и Татьяна посидели с ним полтора часа. Гуляли в садике в свое время. У меня самочувствие было кислое. Легли спать, когда еще было светло.

24 мая. Четверг.

Весь день страдал болями от гем[орроидальных] шишек, поэтому ложился на кровать, потому что удобнее прикладывать компрессы. Аликс с Алексеем пробыли полчаса на воздухе, а мы после них час. Погода стояла чудная.

25 мая. Пятница [1]).

День рождения дорогой Аликс провел в кровати с сильными болями в ногах и в др[угих] местах.

Следующие два дня стало лучше, мог есть, сидя в кресле.

27 мая. Воскресенье.

Наконец, встал и покинул койку. День был летний. Гуляли в две очереди: Аликс, Алексей, Ольга и Мария до обеда; я, Татьяна и Анастасия до чая. Зелень очень хорошая и сочная, запах приятный. Читаю с интересом 12-й т[ом] Салтыкова: «Пошехонская старина».

28 мая. Понедельник.

Очень теплый день. В сарае, где находятся наши сундуки, постоянно открывают ящики и вынимают разные предметы и провизию из Тобольска. И при этом без всякого объяснения причин. Все это наводит на мысль, что понравившиеся вещи очень легко могут увозиться по домам и, стало быть, пропасть для нас! Омерзительно! Внешние отношения также за последние недели также [sic!] изменились: тюремщики стараются не говорить с нами, как-будто им не по себе, и чувствуется как бы тревога или опасение чего-то у них! Непонятно!

29 мая. Вторник.

Дорогой Татьяне минул 21 год! С ночи дул сильный ветер и прямо в форточку, благодаря чему воздух в нашей спальне был, наконец, чист и довольно прохладный. Много читали. Гуляли опять в две очереди.

К завтраку Харитонов подал компот, к большой радости всех. Вечером, по обыкновению, безик.

31 мая. Вознесение.

Утром долго, но напрасно ожидали прихода священника для совершения службы: все были заняты по церквам. Днем нас почему-то не выпускали в сад. Пришел Авдеев и долго разговаривал с Евг. Серг. По его словам, он и Областной Совет опасаются выступлений анархистов и поэтому, может быть, нам предстоит скорый отъезд, вероятно —

---

[1]) Далее подневный характер записей в дневнике нарушается: Николай Романов ничего не записал 26 и 30 мая, 2, 4, 6, 7, 8, 11, 13, 15—20, 22, 24, 26, 27, 29 июня и 1, 2, 3 июля.

в Москву! Он просил подготовиться к отбытию. Немедленно начали укладываться, но тихо, чтобы не привлекать внимания чинов караула, по особой просьбе Авдеева.

Около 11 час. вечера он вернулся и сказал, что еще останемся несколько дней. Поэтому и на *1 июня* мы остались по бивачному, ничего не раскладывая.

Погода простояла хорошая; прогулка состоялась, как всегда, в две очереди. Наконец, после ужина Авдеев, слегка навеселе, объявил Боткину, что анархисты схвачены и что опасность миновала и наш отъезд отменен! После всех приготовлений даже скучно стало! Вечером поиграли в безик.

3 июня. Воскресенье.

Опять службы у нас не было. Всю эту неделю читал и сегодня окончил историю «Имп. Павла I» Шильдера — очень интересно.

Все поджидаем Седнева и Нагорного, кот[орых] нам обещали выпустить сегодня.

5 июня. Вторник.

Дорогой Анастасии минуло уже 17 лет. Жара и снаружи и внутри была великая. Продолжаю чтение Салтыкова III тома — занимательно и умно.

Гуляли всей семьей перед чаем. Со вчерашнего Харитонов готовит нам еду, провизию приносят раз в два дня. Дочери учатся у него готовить и по вечерам месят муку, а по утрам пекут и хлеб! Недурно!

9 июня. Суббота.

Последние дни погода стояла чудная, но очень жаркая; в наших комнатах духота была большая. Особенно по ночам. По письменной просьбе Боткина, нам разрешили полуторачасовые прогулки. Сегодня во время чая вошло 6 человек, вероятно — Областного Совета, посмотреть, какие окна открыть? Разрешение этого вопроса длится около двух недель! Часто приходили разные субъекты и молча при нас оглядывали окна.

Аромат от всех садов в городе удивительный.

10 июня. Троицын день.

Ознаменовался разными событиями: у нас утром открыли одно окно, Евг. Серг. заболел почками и очень страдал, в $11^1/_2$ была отслужена настоящая обедня и вечерня, и в конце дня Аликс и Алексей ужинали с нами в столовой. Кроме того, гуляли два часа! День стоял великолепный. Оказывается, что вчерашние посетители были комиссары из Петрограда. Воздух в комнате стал чистый, к вечеру даже и прохладнее.

12 июня. Вторник.

Вчерашний и сегодняшний день были изумительно жаркие. В комнатах тоже, несмотря на открытое все время окно! Гуляли днем два

часа. За обедом прошло две сильных грозы, освежившие воздух! Евг. Серг. гораздо лучше, но он еще лежит.

14 июня. Четверг.

Нашей дорогой Марии минуло 19 лет. Погода стояла та же тропическая, 26° в тени, а в комнатах 24°, даже трудно выдержать! Провели тревожную ночь и бодрствовали одетые... [1])

Все это произошло от того, что на-днях мы получили два письма, одно за другим, в кот[орых] нам сообщали, чтобы мы приготовились быть похищенными какими-то преданными людьми!

Но дни проходили, и ничего не случилось, а ожидание и неуверенность были очень мучительны.

21 июня. Четверг.

Сегодня произошла смена комендантов — во время обеда пришли Белобородов и др. и объявил [sic!], что вместо Авдеева назначается тот, кот[орого] мы принимали за доктора — Юровский. Днем до чая он с своим помощником составляли опись золотым вещам — нашим и детей; бо́льшую часть (кольца, браслеты и пр.) они взяли с собой. Объяснили тем, что случилась н е п р и я т н а я история в нашем доме, упомянули о пропаже наших предметов. Так что убеждение, о кот[ором] я писал 28 мая, подтвердилось. Жаль Авдеева, но он виноват в том, что не удержал своих людей от воровства из сундуков в сарае.

23 июня. Суббота.

Вчера комендант Ю[ровский] принес ящичек со всеми взятыми драгоценностями, просил проверить содержимое и при нас запечатал его, оставив у нас на хранение. Погода стала прохладнее, и в спальне легче дышалось. Ю[ровский] и его помощник начинают понимать, к а к о г о рода люди окружали и охраняли нас, обворовывая нас.

Не говоря об имуществе — они даже удерживали себе большую часть из приносимых припасов из женского монастыря. Только теперь, после новой перемены, мы узнали об этом, потому что все количество провизии стало попадать на кухню.

Все эти дни, по обыкновению, много читал; сегодня начал VII том Салтыкова. Очень нравятся мне его повести, рассказы и статьи.

День был дождливый, погуляли полтора часа и воротились домой сухими.

25 июня. Понедельник.

Наша жизнь нисколько не изменилась при Ю[ровском]. Он приходит в спальню проверять целость печати на коробке и заглядывает в открытое окно. Сегодня все утро и до 4 час. проверяли и исправляли электр[ическое] освещение. Внутри дома на часах стоят нов[ые] латыши, а снаружи остались те же — частью солдаты, частью рабочие! По слухам, некоторые из авдеевцев сидят уже под арестом!

[1]) Многоточие в подлиннике.

Дверь в сарай с нашим багажом запечатана. Если бы это было сделано месяц тому назад!

Ночью была гроза, и стало еще прохладнее.

28 июня. Четверг.

Утром около $10^1/_2$ час. к открытому окну подошло трое рабочих, подняли тяжелую решетку и прикрепили ее снаружи рамы — без предупреждения со стороны Ю[ровского]. Этот тип нам нравится все менее!

Начал читать VIII том Салтыкова.

30 июня. Суббота.

Алексей принял первую ванну после Тобольска; колено его поправляется, но совершенно разогнуть его он не может. Погода теплая и приятная. Вестей извне никаких не имеем.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Алексей — Алексей Николаевич (1904—1918), сын Николая Романова, б. наследник престола.

Аликс — Александра Федоровна, б. императрица.

Анастасия — Анастасия Николаевна (1901—1918), четвертая дочь Николая Романова.

Апапа — имп. Александр II (1818—1881), дед Николая Романова.

Боткин, Евгений Сергеевич, лейб-медик.

Валя, Валя Д. см. Долгоруков, В. А.

Вл. Ник. см. Дерёвенко, В. Н.

Волков, Алексей, камердинер Александры Федоровны.

Гендрикова, Анастасия Васильевна, гр., фрейлина Александры Федоровны.

Gibbs — Гиббс, Сидней Иванович, гувернер наследника.

Григорий см. Распутин, Г. Е.

Деревенко, Владимир Николаевич, поч. лейб-хирург.

Долгоруков, Василий Александрович, кн., ген.-майор свиты е. в., гофмаршал высоч. двора.

Евгений Сергеевич см. Боткин, Е. С.

Елизавета Федоровна (Элла), вдова вел. кн. Сергея Александровича.

Gilliard — Жильяр Пьер, гувернер наследника.

Кирпичников, Александр, до революции состоял в придворном штате на должности писца.

Кобылинский, Ев. Ст., полк., комендант места заключения семьи Николая Романова.

Ксения, — Ксения Александровна, сестра Николая Романова, жена б. вел. кн. Александра Михайловича.

Мама — Мария Федоровна, вдова имп. Александра III.

Мария — Мария Николаевна (1899—1918), третья дочь Николая Романова.

Нагорный — матрос, состоявший при наследнике.

Настенька Г. см. Гендрикова, А. В.

Никольский, Вл. А., прап., помощник комиссара Вр. Правительства при семье Николая Романова.

Ольга — Ольга Николаевна (1895—1918), старшая дочь Николая Романова.

Ольга А. — Ольга Александровна, сестра Николая Романова, по второму браку — Куликовская.

Панкратов, Василий Семенович, б. шлиссельбуржец, комиссар Врем. Правительства при семье Николая Романова. Об обстоятельствах его смещения вместе с В. А. Никольским см. его воспоминания «С царем в Тобольске», «Былое», 1924, т. 26, стр. 220—221.

Распутин, Григорий Ефимович, крестьянин села Покровского, Тобольской губ., «старец», — фаворит семьи Романовых.

Седнев — лакей.

Татищев, Илья Леонидович, гр. ген.-адъют., ген.-лейт.

Татьяна — Татьяна Николаевна (1897—1918), вторая дочь Николая Романова.

Чемодуров, Терентий Иванович, камердинер Николая Романова.

Штейн — фон, Владимир Николаевич, кам.-юнкер, в 1914 г. — ковенский, в 1915—1916 гг. — воронежский вице-губернатор.

Элла — см. Елизавета Федоровна.

Из отчета о перлюстрации деп. полиции за 1908 г.

В архиве департамента полиции сохранилось несколько отчетов о перлюстрации, содержащих в себе выдержки из перехваченных «Черным кабинетом» писем политических и общественных деятелей. Выдержки из писем в отчетах систематизированы по ряду тем: деятельность революционных организаций, деятельность Государственной Думы, крестьянский вопрос, министерство иностранных дел и т. д.

Перлюстрация находилась в ведении секретной части департамента полиции. В отчете о перлюстрации за 1908 г. секретная часть определяла свою задачу стремлением «по мере сил и возможности извлекать для правительства верные сведения о ходе жизни страны, беспристрастные мнения отдельных лиц о том или другом проводимом правительством законе, сведения о том, как отразилось действие закона на населении, и т. п.» «Секретной перлюстрационной части, — говорится далее в отчете, — удавалось содействовать администрации следить за противоправительственными кружками и союзами, тормозящими благие начинания правительства в установлении нормальной жизни населения».

Огромное количество писем, собранных департаментом полиции за многие годы, является весьма ценным источником для исследования настроений различных классов населения страны, в первую очередь — буржуазных групп, которым департамент полиции уделял особое внимание. Без преувеличения можно сказать, что не было ни одного более или менее заметного политического или общественного деятеля, письма которого ускользнули от внимания «Черного кабинета». Будущему исследователю предстоит большая и благодарная работа по изучению этого ценного наследия департамента полиции. В настоящее время мы ограничиваемся опубликованием лишь сводного отчета о перлюстрации за 1908 г.

В годы реакции, когда была задушена печать, разгонялись собрания, преследовалась деятельность «легальных обществ», лишь частная переписка может дать более или менее близкое к действительности отображение настроений тех или других слоев населения. Из отчета нами взяты в первую очередь разделы, озаглавленные: 1) критика правительственной политики (министерство внутренних дел и отзывы о председателе Совета Министров Столыпине) и 2) деятельность революционных организаций.

Наибольший интерес представляет собой первый раздел как по составу корреспондентов, так и по содержанию переписки.

Представители революционных организаций, с их конспиративными навыками, конечно, не могли дать так много пищи в своей переписке департаменту полиции, как не подозревавшие о жандармском «недреманном оке» лидеры думских партий, либеральные земцы-помещики, фрондирующие губернаторы, сановники в отставке и т. д.

Сам департамент полиции откровенно признает, что в письмах, прошедших через «Черный кабинет», преобладали настроения «недовольства ходом внутренней политики, жалобы на произвол администрации, на разрастающуюся реакцию... лишь одинокие голоса признавали, что желателен постепенный переход к успокоению и прогрессу».

В переписке правых и «умеренных» политических деятелей сквозит плохо скрываемый страх перед неминуемой революцией. «Революция справа быстрыми скачками ведет Россию к гибели, к новой революции слева, но уже бесповоротной и ужасной», — пишет некто Киселев А. И. Гучкову. Кн. Кочубей пишет, что «мы сидим на вулкане», что «весь государственный механизм находится на точке замерзания перед своим окончательным падением». Губернатор Веретенников пишет А. Н. Куропаткину, что «внешнее успокоение — только кажущееся». Проф. Погодин в письме к кн. Е. Н. Трубецкому меланхолически восклицает: «Сколько горя, сколько крови мы увидим еще»... Д. Н. Шипов пишет: «Путь [которым идет Столыпин] может привести страну только к революции, но революции уже народной и потому ужасной... Предстоящая неизбежная революция легко может вылиться в форму пугачевщины, и мне кажется, что чем скорее грянет гром, тем менее он будет страшен и опасен». А. С. Вязигин пишет: «Все разваливается, все трещит, самые черные дни еще впереди» и т. д.

Довольно ярко отражены в письмах настроения отошедшей от революции интеллигенции: безверие в силы революции, злоба против «вождей», пренебрежительное отношение к массам, самобичевание (см. письмо меньшевика Захарова из Одессы).

Эти люди не знали, что «нельзя победить, не научившись правильному наступлению и правильному отступлению» [1]). Их письма — яркая иллюстрация характеристики, данной В. И. Лениным упадочническим настроениям периода реакции: «Царизм победил. Все революционные и оппозиционные партии разбиты. Упадок, деморализация, расколы, разброд, ренегатство, порнография на место политики. Усиление тяги к философскому идеализму, мистицизм, как облачение контр-революционных настроений».

«Друзья познаются в несчастьи», — говорил тогда В. И. Ленин [2]). Письма этих «друзей» тоже имеются в жандармской перлюстрации. Они звучат иначе, чем письма разочарованных интеллигентов. В этих письмах дается правильный анализ изменившейся социально-политической обстановки, они полны веры в творческие силы масс.

В общем, печатаемый нами обзор перлюстрации дает своеобразную фотографию общественных настроений в 1908 г. и с этой стороны заслуживает безусловного внимания всех интересующихся еще мало изученной эпохой столыпинской реакции.

Публикуемый документ хранится в Московском Архиве Революции и Внешней Политики (фонд департамента полиции).

Редакция.

Недовольство ходом внутренней политики, жалобы на произвол администрации, на разрастающуюся реакцию преобладали в мнениях лиц, в переписке своей анализировавших общее положение родины. Лишь одинокие голоса признавали, что желателен постепенный переход к успокоению и прогрессу. Обвиняли Госуд. Думу в бездеятельности и выражали, главным образом, пожелания, чтобы скорее был положен предел произволу администрации в провинции.

---

[1]) Ленин, собр. соч. т. XVII, стр. 121 — 123.

[2]) Там же.

Издатель «Гражданина», в письме своем к графине Е. Клейнмихель уныло приветствовал наступление 1908 года и писал: «L'année a commencé par un rescrit à Stolypine, ce qui, au dire de commères, doit augurer sa prochaine démission, à propos de quoi, je n'en sais rien! Rien n'a changé ni dans la politique de Stolypine, ni dans l'atmosphère politique, dans laquelle nous vivons; c'est toujours la même chose, un apaisement apparent et un ciel gris, sous lequel on ne sait pas ce que nous apportera le lendemain» [1]).

Н. Хомяков, в письме из Петербурга, к графине Е. Н. Уваровой, в Смоленскую губ., сообщал: «В политическом отношении год начался очень дурно: изгнание Герасимова и Кауфмана, назначение Шварца и целой стаи черносотенцев в Госуд. Совет. Все это сдобрено глупым рескриптом Столыпину. В Госуд. Думе тоже мало утешения: в последнем заседании, за подписью 30 лиц, с В. Бобринским и Шмитом во главе, внесено предложение: впредь до рассмотрения земельных законов, воспретить продажу частновладельческих земель иначе, как только через Крестьянский банк. Ни один революционер не решился до сих пор внести подобное предложение».

М. Петрункевич из Петербурга писал к брату, бывшему члену I Госуд Думы, И. Петрункевичу в Карлсруэ: «Жизнь в Росссии попала в такой же тупик, как это было три-четыре года тому назад: то же бесправие, та же бесшабашность сверху, то же уныние и упадок духа снизу. Приходится все начинать сначала, тем более, что наши крайние — и правые и левые — партии ничему не научились и так же слабы, как и раньше».

М. Киселев из Кирсанова, в письме к А. И. Гучкову, в Москву, высказывал свое возмущение произволом администрации. «Мне приходится теперь, — писал он, — прямо задыхаться от бессильной злобы, но уже от революции справа, которая быстрыми скачками ведет Россию к гибели, к новой революции слева, но уже бесповоротной и ужасной. В провинции теперь во сто крат хуже, чем при Плеве. Никогда администрация не доходила до такого беззакония, открытого произвола и глумления над народом».

Секретарь Академии Наук С. Ольденбург, не признавая успокоения в стране, высказывал в своем письме к сыну, в Москву, что страна не успокоена, а запугана.

Князь Кочубей из Петербурга сообщал П. Закревскому в Токио: «Внутренние неурядицы все продолжаются и хотя на вид стало спокойно, но на самом деле идет усиленная работа, так что мое впечатление, что мы сидим на вулкане. Одним словом, весь государственный

---

[1]) «Год начался рескриптом на имя Столыпина, который, как говорят кумушки, должен означать его ближайшую отставку, о чем я ничего не знаю. Ничего не изменилось ни в политике Столыпина, ни в политической атмосфере, в которой мы живем: все то же самое — кажущееся успокоение, и серое небо, под которым неизвестно, что принесет нам завтрашний день.»

механизм находится на точке замерзания перед своим окончательным падением; если сейчас повторится неудачная война, то это может быть спасением России — только сильный толчек может вывести нас из состояния каталептического сна».

О том, что правительство не преследует блага страны, а выдвигает лишь личные свои интересы, доказывал В. Гурко в письме из Тверской губ. к князю М. Шаховскому в Петербург. Он говорил: «Все творящееся в политике настолько несогласно с моими взглядами, ни с моим пониманием нашей родины, что не хочется даже мысленно на нем останавливаться, это — в полном смысле слова маленькая политика маленьких людей, построенная на маленьких хитростях. Все сводится к стремлению обойти известную группу лиц, вызвать сочувствие к своим действиям, а вовсе не преследуются определенные цели, т.-е. не имеется в виду благо страны».

А либеральные слои, критикуя в своих письмах действия правительства, уже с января месяца начали поговаривать о развивающемся самосознании в населении, о недовольстве в торгово-промышленном мире, в силу застоя на фабриках, что, по их мнению, должно было выразиться в новом оппозиционном для правительства движении.

Некто Рындин, в письме из Москвы к И. В. Шкловскому в Лондон, рисовал картину общего недовольства и предсказывал приближение грозы. Он передавал: «Несмотря на все действия правительства, страна не задавлена, и жизнь упорно бьет ключом под снежным покровом, настойчиво выжидая благоприятного момента. И момент этот настанет и настанет скоро, и притом можно с уверенностью сказать, что на этот раз дело подвинется вперед надежнее и основательнее. Обнищание и разорение идут гигантскими шагами и, повидимому, перешли уже те границы, где возможны были всякие случайности и промедления. Разорение и голод, ожесточение и озорство, когда уже нечего терять и не на что надеяться, вот как я выразился бы о настоящем положении вещей. Тяжелые протекшие дни, оплаченные народной кровью, сделали свое дело: завершили народное самосознание, и теперь уже не приходится начинать сызнова. Кому должна принадлежать земля, что есть воля, что представляет из себя правительство, — все это теперь стало достоянием масс. Первые акты кровавой драмы сыграны, теперь идут усиленные приготовления к постановке следующих актов. Правда, в этой постановке сейчас не участвуют организованные силы партии, так как они все разгромлены, но зато тем более зловеще слышны предвестники надвигающейся бури. Весь юг и весь запад заглохли, все эти громадные, чудовищные мельницы молчат; текстильная мануфактура едва-ли торгует на 60% против прошлого, плохого года; с сукном очень тихо; познакомившись уже с миллионными крахами, Москва ждет еще новых. Купечество в смятении, фабриканты угрюмы. Урал и Сибирь расхватываются с торгов англичанами. Буржуазия озирается и ищет причины, а бюрократия, чуя последние времена, грабит во-всю. Всюду какая-то неразбериха, все потеряли голову.

и только глухие раскаты грома предвещают приближение неминуемой грозы, которая все очистит и снесет».

Костромской губернатор А. Веретенников, подтверждая готовящееся движение и обвиняя в подстрекательстве либеральных администраторов, указывал, что нужно правительству спешить с очисткой от подобных лиц. Все это он высказывал в своем письме из Костромы к генерал-адъютанту А. Н. Куропаткину: «Внешнее успокоение только кажущееся, — писал он в нем, — революция работает успешно и все более проникает в народ. Полуинтеллигентные освободители поняли, что без серьезной сознательной поддержки народа в России ничего не поделаешь, и они работают. Работают с неистощимой энергией и настойчивостью, осторожно и осмысленно, умудренные опытом последних трех лет. Пока ее еще можно остановить, и сделать это не так трудно: не надо только бояться нарушать рутинные приемы слепой Фемиды. Надо решительно очистить верхи администрации, и в особенности педагогию и юстицию, от кадетствующих освободительных генералов. В них есть корень зла и, покажи власть открыто, что на государственной службе допустимы лишь убежденные сторонники существующего правительственного режима, а все остальное должно быть немилосердно изгоняемо, декорация сразу изменится, и все теперешние освободительные прохвосты подожмут хвосты и будут кричать на всех перекрестках о своих верноподданнических чувствах и патриотизме. Конечно, в душе они останутся прохвостами, но не в них дело, а важен принцип, всеми открыто поддерживаемый, что быть русским, православным и верным слугою царя и родины — не позорно, но почетно. Пока не будет этого переворота, пока не перестанут требовать для увольнения чиновников свидетельских показаний, что они занимаются противоправительственной пропагандой, революция не остановится, а напротив, шаг за шагом, как масляное пятно, будет завоевывать все большее и большее пространство».

Даже издалека усматривали подобные же последствия при существующем режиме. Так, например, в письме из Вашингтона с подписью «А. Б.», сообщали С. М. Рачинской в Петербург: «Мне думается, что верхи чересчур увлекаются временной победой и что следующий взрыв будет и сильнее и беспощадней. Своей политикой правительство развивает в массе оппозиции необходимые ей качества — выдержку и такт, и, как только она сравнится в этого рода культуре с верхами, борьба может оказаться им не под силу. В неизбежности уступок со стороны правительства не может быть сомнения. Вопрос лишь в том, какой характер примет переворот и во что он обойдется стране».

Репрессивные меры, по мнению многих, не вносили успокоения, а лишь озлобляли население; особенно же резкие нападки среди корреспондировавших были на неограниченные права генерал-губернаторов.

Бывшему министру внутренних дел князю П. Д. Святополк-Мирскому писал В. Козлов из Харькова. «Все, начиная с казней,

продолжая административной ссылкой, пристрастными, вытянутыми за волосы, судебными приговорами этих, ныне сменяемых, судей, проводится под ложным предлогом «борьбы с революцией» и... по моему глубокому убеждению, готовится новый взрыв ее. Когда обыватели (у нас граждан нет) видят, что политика «успокоения» является синонимом политики «отомщения», то что, кроме ненависти, эта политика может воспитать в сердцах нескольких поколений? Вот этим путем и формируются революционеры, и к этому, видимо, направлено усилие правительства, не хочется сказать, П. А. Столыпина. Боюсь думать, что его добрые намерения побеждены недальновидностью. Нигде не усматривается признаков усилия правительства к «созиданию», — видны только — «к сокращению и прекращению».

На неограниченную власть генерал-губернаторов нападал секретарь Академии Наук Ольденбург в письме к сыну в Москву, говоря: «Если генерал-губернаторы, как Думбадзе, будут писать дерзкие ответы министру внутренних дел и показывать, что они от него независимы, то вся идея сильной власти и государственности падет. Как раньше действия чиновников дискредитировали царскую власть и подорвали обаяние ее в народе, так теперь генерал-губернаторы подкапываются под власть вообще, дискредитируя ее окончательно и воспитывая оппозицию. Страна безнаказанно не живет исключительными положениями, которые убивают во всех чувства законности. Какой же закон, когда ты зависишь от генерал-губернатора? Исключительные положения могут быть в моменты революционные, но при помощи их управлять страной нельзя. Погрузи страну в невежество и инертность, и будет спокойствие — вот лозунг генерал-губернаторов. А Дума даже из одних крайних правых восстает против генерал-губернаторов. Надо выбирать: или Дума или генерал-губернаторы — в этом ключ к процветанию или упадку».

О том же писал члену Государственной Думы А. И. Гучкову Г. Рубанов из Феодосии: «Россия обнищала, — писал он, — везде и всюду хищения, произвол, грабежи. Думбадзе и другие падишахи делают, что им вздумается, — на закон не обращают никакого внимания, а вместо закона у них на первом плане произвол и беззаконие. Вот первона-перво надо уничтожить на Руси этих падишахов, как Думбадзе, Каульбарс, Гершельман и проч., т.-е. отнять у них неограниченную власть и восстановить закон».

В письме из Петербурга сообщали князю Горчакову в Сорренто: «Давно взятничество так не процветало на Руси, как теперь. Так как полиция у нас теперь царствует и держит население в страхе, то последнее прибегает к взяткам или откупается. Сабуров мне говорил, что теперь времена хуже, чем при покойном Плеве, и все это потому, что, перешагнув через грань законности, администрация не знает больше удержу и даже не может понять, что революционный угар миновал и надо вступить на почву закона. Этот метод только возмущает народ, и его стремление сбросить с себя это беззаконие не только естественно,

но и законно. Я думаю, что мы еще многое увидим на своем веку, а как легко было бы избежать катастрофы, если бы сдержать свое слово! Правы были те, кто скептически относился к манифесту свободы, — данные обещания не исполняются».

Профессор А. Погодин тоже предсказывал мрачную картину будущего и писал об этом князю Е. Н. Трубецкому в Москву: «Опять началась какая-то старинная борьба: запуганный, замученный, задерганный народ или погибнет в спячке, как народ государственный, или сделает еще одно усилие, чтобы стряхнуть самозванцев, правящих будто бы от его имени. Сколько горя, сколько крови мы увидим еще!..»

В октябре месяце член Государственного Совета Д. Н. Шипов написал полное отчаяния письмо дочери своей фрейлине Шиповой в Баден-Баден. Он высказывал, что потерял надежду на возможность мирных преобразований, и говорил: «Разбиты все надежды на мирное преобразование политического и социального строя: я чувствую, как все ближе и ближе наша дорогая родина приближается к пропасти, в которую ее толкает наше правительство. В то же время во мне поколеблена вера в народный дух и его творческие силы. Страшно становится, когда видишь все усиливающуюся деморализацию, проникающую все классы населения. Причина ее коренится в лицемерии и неправде, составляющих основу деятельности нашего правительства, и в эгоизме привилегированных классов. Благодаря этому пропасть, отделяющая государственную власть от страны, все расширяется, и в населении воспитывается чувство злобы и ненависти, которые заглушают в нем веру и любовь. В действиях государственной власти нет необходимой искренности, и все ее мероприятия имеют целью по внешней форме дать одно, а в сущности — установить совершенно противное. От представительного строя по форме не отказываются, но, в сущности, с представительством не считаются и сводят его на-нет, так что самодержавная бюрократия теперь проявляет гораздо больше произвола, чем когда-либо — прежде. Политические свободы включены в наши основные законы, но где они? Столыпин не видит, или скорее, думается мне, не хочет видеть ошибочности взятого им пути и уже с него не может сойти, а реакция влечет его по этому пути все далее и далее. Но путь этот, в конце концов, может привести страну только к революции, но революции уже народной и потому ужасной. Недовольство все растет. Народ видит причину своих разочарований в господах и господской Думе, а потому предстоящая неизбежная революция легко может вылиться в форму пугачевщины. И мне кажется, что чем скорее грянет этот гром, тем менее он будет страшен и опасен. Теперь еще имеются остатки добрых семян в населении, и после грозы они, может быть, дадут новые ростки и возродят нашу исстрадавшуюся родину. Если же гроза наступит не скоро, то можно опасаться, как бы длительный процесс деморализации не внес окончательного разложения, так что возрождение, пожалуй, окажется уже невозможным. Вот путем такого мышления я и прихожу к заключению, что теперь чем хуже, тем лучше,

чем резче будут проявления реакции, тем скорее чаша народного долготерпения переполнится и наступит живительный кризис. Но притти к такому заключению горько и больно, а потому я и чувствую в себе тягостный разлад. Я все же не теряю веры в неизбежное торжество правды, я хочу верить, что после кризиса Россия станет здоровой и крепкой».

Многих озабочивала также ненадежность наших окраин и плохая подготовка к защите наших границ. Член Государственной Думы А. С. Вязигин, в письме из Петербурга к Т. И. Вязигиной в Харьков, писал: «Все разваливается, все трещит. Самые черные дни у нас еще впереди, и мы быстрыми шагами несемся к пропасти. Для меня ясно, что у нас нет ни государственности, ни хозяйства, ни армии, ни флота, ни суда, ни просвещения, ни даже безопасности, но, самое главное, у нас нет народа, у нас есть только население, обыватели. Нет веры, а без веры человек — труп. Вот подробности, как обстоит печальное положение вещей: в то время как русское общество тратит время в бесплодных разговорах и нелепых попытках порвать с прошлым, границы наши подвергаются сильным опасностям. Швеция вооружается, усиливает свой флот и поддерживает сладкие мечтания финских шведоманов, которые хотят отторгнуть от русской державы завоеванную русской кровью Финляндию. Финляндский союз и сейм подготовляют образование самостоятельного государства в 30 верстах от русской столицы и соединяют финляндские железные дороги со шведскими, тогда как такого соединения, предписанного законом уже несколько лет тому назад, с русскою сетью нет. По словам сведущих лиц, Финляндия подготовила и вооружила 200.000 армию, которая будет грозить Петербургу при содействии неприятельского десанта. Жалкие остатки нашего флота не могут помешать его высадке, тем более что лоцмана у нас — финны, и ближайшие фиорды наши остаются все еще неизученными нашими моряками, как показала авария «Штандарта». Крепости Свеаборг, Либава, Варшава оказываются недостаточно вооруженными, и поднимается речь об их срытии, а потому наша западная граница должна быть признана легко уязвимой. Приближающаяся кончина императора Франца-Иосифа легко может потребовать защиты наших кровных интересов, а громадная немецкая армия готовится не только для смотров и парадов. Даже Турция вооружается и, руководимая немцами, проявляет признаки готовности использовать накопленные силы для подъема своего международного положения. Идея панисламизма исповедуется множеством образованных мусульман, а темные фанатики всегда смотрели на султана, как на главу правоверных. В Македонии, в Урмии турки действуют открыто против России; мусульманская печать говорит о необходимости отторгнуть от России Закавказье, а армянские революционеры подготовляют почву для «Великой Армении». Афганистанский эмир, верный слуга Англии, готовит многотысячную армию, которая, очевидно, должна иметь нас противниками. «Недвижный Китай» покрывается щетиной штыков,

опытные руководители превращают «сынов неба» в храбрых воинов, готовых ринуться на «белых чертей», посягнувших на колыбель императорского дома — Манчжурию, а берега Амура покрываются китайским населением. Спасенная внезапным миром Япония старается отрубить лапу медведю, держащую Дальний Восток, а в Корее воздвигаются крепости и готовятся запасы [для] новой войны, имеющей целью взятие Владивостока. Черное и Балтийское моря могут быть легко запертыми. Ледовитый океан неудобен для сообщения, а Тихий океан отнят у нас подлостью врагов и близорукостью нашей интеллигенции, которая в погоне за «конституцией» витает в облаках бумажных построений, а не жизненных отношений. Надо ясными глазами смотреть в даль грядущего и помнить, что каждый народ — кузнец своего счастья. Всякое государство прочно верностью национальному началу, связью с прошлым и готовностью на самопожертвование ради величия родины, ради безопасности отечества, залога благополучия каждого из его сынов».

Князь Г. Трубецкой после поездки в Турцию уверял, что Россией даже утерян всякий престиж на Востоке. По этому поводу он писал члену Государственного Совета Д. Н. Шипову в Москву следующее: «Никогда не ощущал я так ярко и болезненно, как во время моего путешествия в Турцию, слабость России и физическую и духовную. Нас не боятся и не уважают. Куда делось громадное моральное обаяние наше на Востоке? Я не верю, чтобы так скоро испарилось это историческое наследие поколений, но оно превратилось в неприносящий процентов мертвый капитал. Наша духовная скудость, от которой хочется бежать из России, чтобы только не видеть этой унылой картины животного прозябания 130 миллионного народа, преследует вас еще хуже за границей, — до того велик контраст между Россией чаемой и Россией настоящей».

В конце года профессор Проскуряков, указывая на возрастающую бедноту в населении, подтверждал, что правительству необходимо спешить с проведением реформ, возвещенных манифестом 17 октября. Все это излагал он в письме из Харькова к члену Государственной Думы А. И. Гучкову в С.-Петербург: «Жизнь в провинции, — писал он, — идет теперь, правда, незаметно: у нас нет ни политических собраний, ни митингов, потому что с нами легко разделаться на основании всяких положений или «по усмотрению», но жизнь-то имеет известный тон. Революционные тучи опять начали сгущаться, революция имеет многочисленные кадры в виде выбитых из колеи людей — безработных, голодных и холодных. Ими наводнены не только города, но и деревни. Еще хуже возрастающая беднота населения. Вывоз хлеба совершенно прекращается; наш торговый баланс с 1905 года ухудшился вдвое. А какая бедность в деревнях, вы себе представить не можете! Что же сделано против этой бедности Государственной Думой? Ровно ничего. Но голод — советник, и невольно у людей является мысль, что единственное спасение от голода — в революции.

Прогресс путем эволюции идет так медленно, что общественная мысль все более и более примиряется с мыслью о революции, которая должна одним ударом разрубить гордиев узел запутавшихся социальных отношений. Время для болезненного перехода к новому порядку быстро уходит, и можно опасаться, что для эволюции его осталось слишком мало. Вы говорите: «мы успокоили крестьянство». По отношению к вопросу о выделе из общины это безусловно правильно, но по отношению к общему положению дел, при том медленном ходе законодательных работ, какой теперь есть, едва ли удастся достигнуть спокойствия страны. Спокойствие страны зависит от энергичной реформаторской деятельности Государственной Думы, и если министерство старается тормозить дело по очистке авгиевых конюшен, то значит оно не понимает истинного положения дел, и Государственная Дума должна взять инициативу в свои руки и принять меры к скорейшему проведению в жизнь принципов 17 октября».

Сетование на замедление реформ было и в письме директора гимназии Н. Высотского из Москвы к Н. Г. Евреинову в С.-Петербург. Он говорил: «Счел бы себя счастливым, если бы понемногу приступили к тому, что нам было обещано манифестом государя императора 17 октября 1905 года. До сих пор ни правительство, ни Государственная Дума ничего в этом смысле не делали и ничего не предприняли. Вместо законов о неприкосновенности личности нам дали усиленную и чрезвычайную охрану, вместо реформы судебных установлений их подчинили полному произволу министра юстиции, а принцип несменяемости судей свели на-нет. Множество дел изъяли из ведения гражданских судов и передали судам военным. Вместо нового закона о печати подчинили прессу произволу губернаторов, стараниями которых придушена независимая печать, но зато пышно расцвела порнографическая литература. Вместо разумного развития земского и городского самоуправления, внесен законопроект о непомерном усилении губернаторской власти. О свободе вероисповедания теперь и заикаться нельзя. Теперь торжествуют принципы, громко возвещенные на киевском миссионерском съезде. Вожаки «союза русского народа» суют нос всюду, вмешиваются во все дела, министры с ними обнимаются, государь их благодарит. Никакой конституции у нас нет. Дума решает очередные дела, но за реформы браться не собирается, а мы каждую минуту испытываем на себе прелесть столыпинского режима, не имеющего ничего общего с конституционными порядками. Эта ложь до того отвратительна, что я, согласно с князем Евгением Трубецким, готов признать, что лучше было бы (честнее, прямее) распустить Государственную Думу и совсем ее не собирать. Теперешняя Дума — не законодательное собрание, а картонная декорация, при которой ловкою рукою Петра Аркадьевича производятся разные репрессивно-бюрократические эксперименты над жизнью русского народа. Повторяю, я вовсе не требую моментального волшебного возрождения России, но я скорблю, видя, что ни Столыпин, ни

Дума не желают сделать и первого шага по конституционному пути».

Лидер кадетов, бывший член Государственной Думы, И. Петрункевич из Крыма писал своему единомышленнику В. Д. Набокову в С.-Петербург: «Как ни серо настоящее время, как ни трагично положение народа, как ни печально положение печати, как ни каррикатурны наши свободы, как ни безнадежна наша Дума, но стоит только припомнить все то, что переживалось до 1905 года, чтобы убедиться, что совершен огромный шаг вперед, что к прошлому нам нет возврата, что на наших глазах происходит полное гниение правительственной власти, совершенный ее распад и выступление на арену борьбы необузданной и дикой силы, таившейся веками в самом народе в скрытом состоянии благодаря кнуту, который не разбирал ни овец, ни козлищ и всех крепко держал в общем хлеве. Законодательные эксперименты наших генерал-губернаторов, разъяснитель как Сенат, Пуришкевичи, Шульгины в качестве безапелляционных цензоров нравов, все это свидетельствует, что власти, как выражения государственного единства, не существует уже, и мы действительно видим, что правительство совершенно не способно провести какую-либо реформу — оно в полном порабощении у «истинно-русских людей». Это чрезвычайно печальная сторона дела, но она компенсируется переворотом, совершившимся в сознании народа. Продержитесь немного, и наша борьба не может быть проигранной. Теперь борьба демократизировалась в самом дурном смысле слова, но многое уже свидетельствует, что мы живем не на кладбище».

Защитники мирного постепенного перехода к реформам находили, что шаги в этом направлении уже сделаны, и что от самого общества будет зависеть скорейшее проведение желательных преобразований.

Граф И. Толстой из Рима писал к графу И. И. Толстому в С.-Петербург: «Теперь правительство с послушной ему пока Думой находится на перепутьи: продолжать ли репрессию, бывшую столь до сих пор для него удачною, или, победив врага, начать проводить обещанные реформы и доказать свою силу, даруя понемногу права инородцам, отменяя казни и исключительную юрисдикцию и т. п. Если оно будет умно, тогда мы избегнем вторую революцию и спокойно эволюционируем. Но для этого надо подталкивать и правительство и Думу на этот путь, а не повторять ошибки, открыто проповедуя смуту».

Профессор В. Соболевский, также из Рима, писал к профессору Д. Н. Анучину в Москву: «Я не совсем разделяю несколько пессимистический отзыв твой об итогах прошлого года и склонен думать, что они все-таки шаг вперед, а не назад, что несмотря на вполне естественное с точки зрения современных правителей реакционное веяние, — то же самое правительство, мирясь хотя бы с Государственной Думой настоящего состава (с нашей точки зрения, довольно неудовлетвори-

тельного), все же, может быть, и против воли, признает необходимость [1]) со стороны общественных сил, которого еще так недавно, на нашей свежей памяти, оно всячески чуралось; хотя я лично и думаю, что этот маленький, едва заметный шаг вперед все-таки сделан и что ни от кого другого, как от нас самих, от общества, зависит теперь отстаивать и удлинять те вершки, те миллиметры завоеванной почвы, которые все-таки прогресс, а не регресс, — но, в общем, я нахожу, что высказанная тобою точка зрения верна и вполне отвечает общественному настроению. Что касается преследования уголовным порядком партии кадетов, то это — последние судороги падающего старого режима, одна из многих совершившихся на наших глазах бессмыслиц и глупостей полицейского строя. Лишь бы не заснуло и не впало в прострацию само общество, и будущее в наших руках. Ведь не нужно забывать, что пресловутая бюрократия, для того, чтобы существовать, должна волей-неволей вербовать свой состав из того же общества и что она силой вещей иссякнет и испарится, раз ей неоткуда будет набирать свой персонал, раз переродившееся и до корня изменившееся общество не будет порождать из своей среды бюрократов в старом смысле слова».

Оптимистический спокойный взгляд на положение можно было найти в письме из Владимирской губернии к В. Н. Сторожеву, в Москву. В нем передавалось: «Решительно считаю ложью, будто у нас, в провинции, «дышать нельзя». Отлично дышем, и живем, и работаем. Конечно, работаем не «бурно», — да и хорошо: «бурная» работа никогда не бывает продуктивной. Нам, обывателям, тяжело дышалось в период революции, да и теперь временами бывает тяжело, когда наталкиваешься на отрыжку революции — грабежи, разврат и т. д. Мешают, конечно, нашему благополучию разные стоны и «мерзости». Но мы знаем, что от «мерзостей» не будет свободен и «новый режим». И при самом новейшем режиме люди останутся людьми со всеми их «прелестями». Сегодня ссылают «левых», а тогда «левые» будут населять Сибирь «правыми». Посадите на место Столыпина Гучкова или Милюкова, Струве или Плеханова и т. д., все будет то же самое. Стоит ли из-за этого бороться? Будь мы европейцы, может быть, у нас дело пошло бы иначе. А раз мы «российские» люди, толку у нас никогда не будет. Знаем и мы «стоны» и действительным стонам горячо сочувствуем. Но мы знаем массу фальшивых стонов и не верим им, смеемся над ними. Страждущий мужичок может привлекать сочувствие только кабинетных людей, не знающих причин. А мы хорошо знаем этого мужичка, не верим его слезам. Если же он серьезно заплачет, то почти всегда окажется сам кругом виноват. Возьмите его пьянство и пр., и пр.».

Одновременно с критикой правительственной политики в переписке критиковали и главного руководителя ее премьер-министра П. А. Столыпина. Признавая его талант, прямоту и честность взглядов, некоторые находили, что он уже не проявляет прежней твердости,

[1]) Так в подлиннике.

не уясняет себе истинного положения вещей. В начале года появились, было, слухи о возможности его ухода, но таковые быстро и стихли. Усматривали даже, будто бы П. А. Столыпин утратил прежнюю самостоятельность.

В письме из Казани в Одессу, в университет, профессору А. А. Шемаеву писали: «В ум Столыпина, в его правильное понимание печального положения России и в его искреннее желание реформ, обещанных в декларации второй Думы, я верю, но его декларация в III Думе и это виляние в ответной Маклакову речи, которое свойственно не ему, а какому-нибудь Витте, сразу доказали, что нынче, по миновании острой опасности, сферами у него уже отнята прошлогодняя самостоятельность и что теперь не он правит, а им правят. И если он остается на своем месте, то только потому, что он считает это своим долгом перед Россией, находя необходимым и, видимо, возможным сдерживать бешеные порывы реакции уничтожить все, — он не желает прежней России и не теряет надежды отстоять новое и кое-что сделать, обновить. Я не могу себе представить, чтобы такой умный человек, как Столыпин, мог за несколько месяцев так измениться, как изменилась его декларация, нельзя допустить, чтобы он мог видеть все спасение России только в силе...[1]) и прочтение чужой декларации, этот компромисс для него должен быть очень и очень тяжел..., и только основательное опасение за Россию его заставило пойти на это и остаться премьер-министром».

Восторженный отзыв о нем можно было найти в письме с подписью: «Твой брат Юрий» из Германии к Н. И. Оржевской в Петербург. В письме только выражалось удивление, что П. А. Столыпин не влияет на государя для издания манифеста, который сплотил бы всех для дружной работы, и говорилось: «Лучшего главы правительства, чем Столыпин, нам сейчас не найти. У него удивительная трудоспособность и железная энергия. Я уверен, что все партии относятся к нему с уважением, и в Государственной Думе он производит очень большое впечатление, вероятно не только на правых. Все дело в государе. Ведь раздайся с высоты престола действительно искренний призыв к миру, к дружной работе на благо России, все пошло бы иначе. Я уверен, что манифест об отмене смертной казни, об амнистии, хотя бы частной, об отмене военного положения, о Финляндии и Польше, манифест, написанный языком, каким у нас умели писать государственные акты в прошлом столетии (напр., речь Александра I при открытии польского сейма), такой манифест, появившийся бы совершенно неожиданно, произвел бы впечатление пришествия Христа, люди бы плакали и обнимались на улицах, все бы партии примирились, и государю незачем было бы прятаться в Царском Селе, так как народ сам бы охранял его, и каждый его проезд по улицам возбуждал бы общий восторг. Много из того, что теперь запутано, стало бы ясным, потому что не

[1]) Многоточие здесь и далее — подлинника.

было бы той взаимной вражды и тех страданий, которые теперь затемняют и запутывают все. Но что об этом мечтать?! Не знаю, насколько виновен Столыпин в том, что такого манифеста до сих пор нет, но что теперешнее состояние должно вызвать новую грозу, если мы не окончательно погибший народ, то это несомненно».

Отрицательные мнения о нем были в письме одного из членов Государственной Думы, который в письме к П. Ю. Горе, в Бессарабскую губернию, так отзывался о премьер-министре: «Столыпин — человек не государственного ума, — писал он, — храбрый, честный, но не дальновидный. Как человек честный, он не мог не сочувствовать тем реформам, которые необходимы для России, а как человек недальновидный, он дал себя обойти тем партиям, которые кричат, что благо народное — их монополия. Полагая, что, став во главе (не официально) таких партий, он поведет их, куда он захочет, стал..., а ему продели веревочку в ноздри и повели, куда он не захотел».

Враждебно относился к политике последнего и директор Московской гимназии Н. Высотский; в письме к Евреинову в С.-Петербург он высказывал: «Тяжело на меня подействовали двуличие и фальшь премьера. В начале его деятельности я готов был признать, что он, вместе с лучшими умами России, искренно желает обновления России. Но с тех пор целый ряд фактов убедил меня в том, что Столыпин — непоколебимый приверженец старого режима, что он систематически лжет и бесподобно усвоил себе ловкую манеру мазать по губам представителей народа».

Насколько легко бросали обвинения премьер-министру и в то же время никто, даже из выдающихся земских деятелей, не мог указать путь к выходу из затруднительного положения, можно было видеть из письма бывшего члена Государственного Совета Ф. Д. Самарина, который откровенно признавался князю А. Г. Щербатову, что он не смог бы дать совета для общего направления внутренней и внешней политики: «Легко сказать: укажите, что нам делать, — высказывал он в письме к последнему. — Да, ведь если бы я это знал, то давно сказал бы это; более того, я не только не ушел бы из Государственного Совета, но, наоборот, стремился бы к власти, чтобы осуществить то, что мною было сознано. Ведь наша главная беда — именно неясность и неопределенность положения. Если бы явился человек, который указал бы выход из этого положения, такой выход, который бы вывел нас на путь нормального спокойного развития, — то этому человеку место было бы во главе правительства. Конечно, по отдельным частным вопросам у каждого из нас, — и в том числе и у меня, — имеются свои решения; но дать общее направление внутренней и внешней политике, направление ясное, определенное и твердое, — вот чего никто не умеет. Столыпин только балансирует на канате, рискуя ежеминутно упасть то направо, то налево; другие хотели бы именно взять определенный курс направо или налево, но, конечно, все это — не выход из затруднения. Определенно «левый», так же как и определенно «правый» курс,

вызывает лишь новое обострение смуты, а столыпинский образ действий имеет лишь выжидательный характер, и в этом вся его цена. К сожалению, по одному первостепенной важности вопросу Столыпин отступил от этого выжидательного образа действий, и это грозит самыми тяжкими последствиями, — я разумею закон 9 ноября и все, что делается для приведения его в исполнение».

Он же писал в ноябре месяце Д. А. Хомякову, на ст. Скобелево: «Я не спорю против того, что Столыпин своим образом действий подает повод обвинять его в неискренности, но я совершенно убежден, что сам он этого не сознает и не замечает. Он просто не понимает той фальши, которою пропитана вся политика, и совершенно добросовестно делает и говорит вещи, которых никак нельзя согласовать между собой. Так, и в аграрной политике своей он хочет насаждать хуторское владение и проводит принцип личной собственности, и в то же время воображает, что он не разрушает насильственно общину, а только дает из нее выход. Словом, он человек недалекий, но совершенно честный и искренний».

В конце года опять появились слухи об уходе П. А. Столыпина, и по этому поводу С. Нечаева-Мальцева из Петербурга передавала графине Ферзен, в Рим: «Ходят слухи, будто бы премьер наш уходит. Что поражает меня, это разделение мнений о нем в этом году. Теперь не слышно единодушного поддержания его, и слышно даже, что было бы недурно, если бы он ушел, так как он, якобы, выдохся и совсем уже не то, что был. Это не только Петербург говорит, говорит Москва».

* * *

Весь обширный материал, извлекаемый из частной корреспонденции по революционному движению, передается в департамент полиции, что, конечно, дает возможность последнему установить полную картину царившего в течение 1908 года настроения в революционных кругах, а потому в настоящем обозрении представляется лишь краткий перечень выписок, подтверждающих, что, в общем, несмотря на упования фанатиков на новый, еще более грозный взрыв революции, последняя в 1908 году совершенно замерла. Из переписки было видно, что администрации удалось захватить главные органы, видных руководителей кружков и этим парализовать их вредную деятельность. Кроме того, в письмах жаловались на полное отсутствие в организациях материальных средств, необходимых для дальнейшего ведения пропаганды. Отовсюду из провинции неслись жалобы на торжество реакции и невозможность далее вести борьбу; утешали себя лишь тем, что движение принимает, якобы, новые формы, входит в новое русло.

В январе, в письме к Балакирщиковой в Москву, для передачи некоему Петру Николаевичу, сообщалась общая картина движения и предлагалась иная тактика: «Углублять движение немыслимо без наличности большого количества нашей интеллигенции на местах,

а при теперешних условиях местная интеллигенция работать у нас не может, — не может потому, что за каждым местным интеллигентом следит дюжина глаз, наблюдающих не только за делами и словами, но и за мыслями подозрительного лица. Ничего подобного настоящему режиму не было даже при Плеве, и тогда дышалось свободнее, чем теперь. Поместное дворянство теперь верховодит всем, оно господствует в земстве, оно дает директивы губернатору и полиции, оно содержит собственную агентуру. Оно всемогуще и в средствах не стесняется. При такой обстановке местному интеллигенту, чтобы усидеть на месте, мало того, чтобы он не имел касательства к партийной работе, — ему приходится даже доказывать свою приверженность к существующему режиму. Плеве, при всех полицейских талантах, не мог добиться таких результатов, потому что он действовал изолированно. Он думал, что одного земского начальника и урядника — довольно для поддержания порядка, и в результате добился того, что даже помещики, не желающие радикальных перемен, пошли против него. Опыт доказал им, что они сделали большую ошибку. Теперь они поняли, где раки зимуют, и служат не за страх, но и за совесть, и в союзе с правительством представляют большую силу, которой только мы почему-то не хотим замечать. А между тем они являются нашим врагом не в меньшей мере, чем правительство, и притом они более доступны мерам партизанского воздействия, чем агенты власти. В то время как вся интеллигенция изъята или терроризована, настроение низов к худшему не изменилось; они только утеряли связь с центром и лишились руководительства. Восстановление партийных организаций возможно лишь в крупных центрах, где всю интеллигенцию истребить невозможно и где, несмотря на ее запуганность, можно все-таки найти работников. В уездах же это положительно невозможно. Но привести в движение всю эту массу, бросить ее на наших врагов — это мы можем сделать легко, если мы эту массу не будем призывать к массовым выступлениям, не будем бросать им таких нелепых лозунгов, как изгонять помещиков и брать помещичьи имения в свое управление. Резюмируя все сказанное, я прихожу к заключению: нужно отказаться от различения правительства и частных лиц, и свои меры воздействия применять в равной мере как против тех, так и против других. Нет оснований, признавая допустимость убийства губернатора, не допускать убийства черносотенца-помещика, директивами которого руководится губернатор. Нет оснований, допуская экспроприацию казенных денег, охранять неприкосновенность помещичьей шкатулки. Русская жизнь поляризовалась, безразличных элементов осталось очень мало. Кто не за нас, тот против нас и должен быть доступен мерам нашего воздействия. Конечно, М. М. Ковалевский и Милюков нас не похвалят за такой поворот в тактике, но едва ли нам нужно гоняться за их одобрением. А на низах нас поймут и одобрят. А что касается демократизации, то нужно принять меры именно против деморализации, а не против наших боевых приемов».

Из Петербурга писали К. Циховскому в Люттих: «Реакция усиливается так, что скоро станет хуже, чем во времена Плеве. Движение уходит в другое русло, как вообще во времена реакций. Теперь усиленно распространяются кооперативные общества, кредитные и профессиональные союзы, и, как их администрация ни теснит, они растут и, в особенности, народные университеты, курсы, кружки для самообразования и т. п.».

Из Ревеля сообщали Р. Иоффе в Нью-Йорк: «Положение у нас ужасное. Организация окончательно провалена. Агитировать не только нельзя, но если бы кто-нибудь вздумал говорить перед толпой, то с ним, наверное, расправились бы по-российски. Сражение окончательно проиграно, мы не имеем ни солдат, ни полководцев. Солдаты наши оказались беспорядочной толпой, годной только для пушечного мяса, а вожаки пустыми фразерами, в лучшем случае фантазерами, принявшими призраки за действительность. Лучшие люди погибли в неравном бою, а псевдо-освободители погрузились в милое сердцу их безмятежное житие и не только забыли о громких фразах, когда-то ими произносимых, но охотно помогают торжествующей реакции возвратить блаженное прошлое».

Из Томска передавали Н. М. Минскому в Петербург: «В провинции создалась ужасно тяжелая атмосфера. Она напоминает подавленность дореволюционного периода. Все отхлынули от общественной жизни. Чувствуется, что в такой атмосфере люди разлагаются. Нам, конечно, придется пожинать плоды этого процесса. В активности нельзя лишь отказать администрации — здесь полная разнузданность. Рабочие организации разбиты, профессиональные союзы существуют только номинально. Деятельным работникам приходится выходить из союзов, дабы сохранить союзы. Эти условия прекратили всякую революционную работу; коллективы исчезли. Нет ни с.-р., ни с.-д. Подполье обновилось: там теперь анархисты и экспроприаторы. Поставлен даже на очередь вопрос о целесообразности подпольного существования».

Из Петербурга передавали З. Грачевой в Женеву: «Революционная работа, кажется, совсем замерла. В Питере, по крайней мере, о ней не слышно; только профессиональные союзы и культурно-просветительные общества влачат свое существование. В провинции же, особенно на Урале, — полнейший развал. Недавно мне сообщали из Екатеринбурга и Перми, что там пали последние могикане. Среди пролетариев замечается тенденция перейти в разряд интеллигентных пролетариев, масса готовится на аттестат зрелости, сдают экзамены на учителя и уходят в деревню учительствовать. Это все партийная публика и при том передовая — вожаки, комитетчики».

Несмотря на целый ряд сведений, подтверждавших полный распад организаций, можно было заметить, что среди революционных работников все-таки не пропала энергия и надежда, при известном терпении и упорной работе среди крестьянства, достичь исполнения своих мечтаний...

Некто Ф. Дьяков из Казани писал учителю Н. Бочкареву в Оханск: «Русский конституционализм треплется в когтях реакции, не сегодня-завтра он может рухнуть от подкопов истинно-русских кротов. Оппозиция уже не существует, ее опять загнали в мрачное подполье, где они собирают новую силу, энергию для нового революционного взрыва. Революционный фанатизм только тогда может возыметь должное действие на правительство, когда за спиной революционера стоит гора крестьянская, рабочая масса. Нужно теперь приохотить массу к разумной политической жизни путем упорной, кропотливой работы интеллигенции в деревне».

Из Вельска Вологодской губернии писали В. Х. Попову в Нью-Йорк: «Русский народ, особенно крестьяне, делается все анархичнее. Они возьмут все, что можно будет взять. В организациях социал-революционеров все чаще выносят резолюции за экономический террор и, хотя организации все теперь растрепаны, и реакция бешенствует во-всю, но это не поможет. Массы затронуты до дна. И хотя бы от партии не осталось ничего, революции не удержать. И чем более и далее ее будут задерживать, тем ужаснее она разразится. Россия уже вышла из обывательщины, прозрела. Дай бог в этом году неурожай, и увидишь, какая игра начнется».

Из Петербурга писали С. Д. Кондратову в Москву: «Революция не удалась, потому что русский народ — совершенный игнорант в политике. Мужики занялись уничтожением усадеб и потребовали себе земли даром; пролетариат вообразил, что пришел социализм; даже кадеты требовали Учредительного Собрания, т.-е. (скрытно) республики. И вот, — все провалилось. К следующей революции народ будет умнее: поставит себе более скромные цели и достигнет их».

В письме из Петербурга к Г. И. Леонтьеву в Казань, хотя и выражалась надежда, что движение еще оживет и будет сознательнее, но в то же время убежденно утверждалось, что для этого потребуется много работы, и что в настоящий момент движение замерло на долго. «О каком-либо революционном пыле говорить не приходится, — сообщалось в письме. — Из провинции идут сведения тоже плохие. Местные организации ликвидированы за изъятием из обращения наиболее пригодных и деятельных работников... У так называемого «общества», как оказывается, подъем был не искренним и не глубоким. При первом натиске черной реакции от него осталось одно лишь воспоминание. А что касается темной народной массы, то она растерялась: ей обещали уверенно и ярко скорое облегчение, наступление новых времен. А в результате общее угнетение и реакция. Лично у меня, а ведь ты знаешь мои «богатые» сведения в политике, сложилось такое мнение, что общественное движение запуталось надолго. Нужно много работы, чтобы снова ожило и проснулось замирающее движение. Зато оно уж будет сознательнее, глубже и жизнеспособнее... Приходится выжидать... На поддержку так называемых слоев общества нечего и рассчитывать. Сейчас если и можно выступать в общественной работе, то

можно исключительно во имя своего личного подвига. Общество глухо к страданиям передовых борцов свободы. У меня гибнет вера в объединенную работу. С одной стороны, постоянные распри левых, с другой стороны, поразительное равнодушие общества, — все это дает отличную почву для реакции. Ошибка большинства работников в том и заключалась, что они могли только разбудить, всколыхнуть толпу на время. А поддержать это возбуждение, руководить им — на это нехватало пороху. И в результате — отчаяние обманувшихся и разочарование самих работников».

Из Петербурга же писали В. Ульянову в Женеву: «Тихо наверху и внизу, но внизу тишина отравленная. Под покровом тишины зреет такое озлобление, от которого взвоют, кому выть надлежит. Но пока от этого озлобления плохо приходится и нам, ибо оно естественно течет в русло широкой фразы и узкого дела. Того, что предлагаем, сейчас мало, а на то, чтобы создать что-либо большее, нет сил. Сущие пустяки предполагать, что существует увлечение массы, а не отдельных интеллигентов. Масса слушает, иногда похваливает, но веры, увлечения, надежд — нет, и создать что-либо подобное нельзя».

Отсутствие подъема среди революционных работников отражалось и на рабочих массах. 1 мая прошло повсюду совершенно спокойно, несмотря на усилия поднять рабочих. В письмах из Петербурга признавались, что из-за безденежья организации не могли даже издать к 1 мая ни одного воззвания.

Благодаря всем неудачам в революционных рядах явилось полное недоверие к их руководителям. В половине года некто Захаров, в письме к В. В. Крамаренко в Одессу, с озлоблением писал об этом: «Печально то, — говорил он, — что абсолютно утеряна вера в тех, кого раньше так высоко ставили, кто был владыкой дум и мечтаний передовой интеллигенции. Мало того, к ним теперь большею частью чувствуется гнев и злоба; эти самоуверенные доктринеры оказались неспособными понять жизнь, очутились в положении евангельских неразумных дев. Пришел великий жених русской истории — народ, а они оказались не готовы его встретить. Помилуйте, в конце 1905 г. товарищ Троцкий всерьез говорил, что вот де закончился полным успехом политический переворот и за ним сейчас же начнется переворот социальный. Словом, «разевай рот шире, само царствие небесное валится», как говорил века два назад протопоп Аввакум. А чудная тактика вооруженного восстания, с которым большевики носились, как курица с яйцами, — не оказались эти яйца простыми болтунами? Между тем еще в августе 1906 г. безаппелляционно повертывались спиной к тем, кто осмеливался высказывать робкое подозрение в спасительности вооруженного восстания при полном почти отсутствии оружия. А что вы скажете о беспрестанных призывах к всеобщей забастовке, о попытке ввести захватным путем 8-часовой рабочий день? Ну не мил ли этот взгляд на рабочего как на особой породы бастующее животное? Высокоумнейшие вожди наши забыли при этом

маленькую истину, что рабочему каждый день хочется кушать. Да, изверился я окончательно в наших вождях и вообще в так называемой революционной интеллигенции. И если я до сих пор еще меньшевик по убеждениям, то только потому, что меньшевики не столь повинны в доктринерской ограниченности и все же ближе стоят к истине».

И конец года дал революционным элементам лишь доказательства бесплодности попыток сорганизованности. Повсеместно признавалась полнейшая невозможность что-либо предпринять в течение многих лет. Утешали себя лишь тем, что революционность масс все-таки существует и что при настойчивой агитации ее удастся развить.

Из Петербурга писали Л. Г. Голубкову в Москву: «Насколько твердо верилось в возможность быстрого и, так сказать, безболезненного перехода к новому строю, настолько во мне теперь начинает укореняться уверенность, что многие десятилетия пройдут, прежде чем Россия увидит лучшие дни, если, конечно, не произойдет новая катаклизма, только гораздо более великая, чем «великая русская революция» 1905 г., как ее сгоряча окрестили. Пока для этого показателей не имеется и вряд ли без внешнего толчка что-нибудь и будет. Одним словом, по всем видимостям, мы пришли в «первобытное состояние». Я, ей-богу, не вижу разницы с прежним, только лишнее учреждение — Государственная Дума прибавилась. Я вполне согласен с терминологией «союза русского народа», называющего Думу «говорильней», больше ничего она, действительно, и не представляет. Я знаю, многие говорят: погодите, начало положено, хоть какую-нибудь конституцию мы имеем, дальше предстоит борьба за улучшение нового строя. Но дело в том, что плохая конституция хуже, чем если бы ее совсем не было, — отвод глаз только, а тем более такая, как у нас, если только вообще теперешний строй можно назвать конституционным».

К студенту Шиндер в Берн писали из Одессы: «Если под «революционностью» понимать готовность к вооруженному восстанию, то такой готовности теперь нет. Но мы называем революционностью не это, а неудовлетворенность в своих насущных потребностях, сознание противоположности своих интересов с интересами правящих классов, сознание своей солидарности и понимание необходимости организованного совместного выступления. Мы замечаем, что все это на-лицо. Никто ничего не получил: ни крестьяне земли, ни рабочие улучшения положения. Сознание, что без борьбы не обойтись, захватывает все большие массы, и в них замечается понимание положения. Если теперь массы не выступают, то это понятно: после поражения — реакция не только сверху, но и снизу, и в этом, пожалуй, и сила реакции. Но это разочарование и сомнение в своих силах пройдут, и массы вновь пойдут на борьбу. В этом-то весь трагизм правящих классов, что каждое поражение, нанесенное ими массам, увеличивает сознательность и ведет к конечной победе движение масс».

Насколько к концу года удалось ослабить революционные силы, можно было видеть из письма из Тюмени к Блюмбергу в Америку:

«Преследование «неблагонадежных», — сообщалось в нем, — теперь значительно резче и метче, чем даже при Плеве. Так называемое на официальном языке «успокоение» идет с такой неумолимой силой вглубь, особенно крестьянских масс, что о розовых надеждах в пределах десятилетия и говорить не приходится. Дух не только революции, но даже оппозиции так вытравлен теперь, что почти не узнаешь окружающего».

Н. Ильин передавал из Калуги члену Государственной Думы А. И. Гучкову в Петербург: «Политическая жизнь у нас в провинции теперь совсем затихла. Умеренные элементы очень довольны характером деятельности Государственной Думы, возлагают на нее надежды и потому признают совершенно излишним участвовать в какой-либо работе местных организаций. Представители и сторонники левых партий исчезли с открытой арены политической деятельности и могут работать только в подпольях. Словом, у нас наблюдается сейчас мертвящий застой во всех вопросах, так или иначе связанных с политикой. Вряд ли такое состояние умов широких слоев общества полезно и желательно, но ничего с этим не поделаешь. Это — естественное последствие пережитой горячки».

(Продолжение следует.)

Бакунин и Дрезденское восстание.

(Из неопубликованных материалов Дрезденского Государственного Архива.)

Участие М. Бакунина в Дрезденском восстании до сего времени еще не имеет исчерпывающего исследования. Произошло это из-за отсутствия документального материала. Главнейшими источниками для изучения участия Бакунина в восстании были мемуары Вагнера, Стефана Борна, А. Рекеля и, наконец, рассказ самого Бакунина в «Исповеди». Но последний документ, в свою очередь, нуждался в документальной, исторической проверке. В настоящее время с публикацией материалов о Дрезденском восстании, извлеченных нами из архивов Праги и Дрездена [1]), этот пробел заполнился, и важнейший период в биографии Бакунина получает, наконец, документальное освещение. Некоторые из документов были опубликованы нами в «Красном Архиве» (второе воззвание Бакунина к славянам) и в «Пролетарской Революции» (отрывок из допросов Бакунина). Допросы, напечатанные в настоящей книге «Красного Архива», публикуются впервые.

Значение их для биографии Бакунина делается ясным с первых же строк. В них славянская деятельность Бакунина встает во весь рост. Мы видим Бакунина — борца, организатора, неутомимого конспиратора, пытающегося осуществить смелые планы, в размахе которых при малых средствах для их осуществления проглядывал уже Бакунин будущего, организатор тайного Интернационала для сокрушения всех государств и всей буржуазной цивилизации.

Допросы восстанавливают также поведение Бакунина на суде. Обвинялся он в государственной измене. Происходил суд уже после спада революционной волны. Рассчитывать на пощаду он не мог. Как держался он в казематах Кенигштейна и Ольмюца? Шел ли на сделки со своей совестью так же далеко, как в царском каземате в Петропавловке? Все это не праздные вопросы для биографии такого большого и сложного человека, каким был Бакунин. Допросы отвечают красноречиво и убедительно.

Мы не считаем необходимым говорить здесь подробно об условиях, в которых протекала деятельность Бакунина, отразившаяся в публикуемых документах: для этого пришлось бы перепечатать весь первый том нашей большой работы, посвященной Бакунину. Подлинники — на немецком языке. Необходимые пояснения даются нами в примечаниях после текста.

Вяч. Полонский.

---

[1]) Полностью вошли во второй том «Материалов для биографии М. Бакунина» Вяч. Полонского. Находится в печати.

Арест М. Бакунина.

Получено 10/5 1849, вечером.

Министерству внутренних дел. Препровождается военным министерством с приложениями и списком 11/5 утром.

фон Абендрот.

Господину генерал-майору фон Шульц, коменданту столицы Дрезден.

Из Альтенбурга я получил сегодня утром следующее телеграфное сообщение: «Альтенбург, 10 ч. у. 10 мая 1849. Только что приведены саксонским жандармом из Хемница: Гейбнер, член временного правительства, Бакунин, русский, 2 неизвестных. Что с ними делать? Полковник Блументаль».

Я немедленно распорядился послать в Альтенбург за арестованными отряд из 1 сержанта и 6 стрелков, чтоб их доставить в Дрезден через Лейпциг. Направляю сержанта к вашему высокоблагородию и прошу ему выдать для меня расписку в приеме от него арестантов. Дальнейшие распоряжения предоставляю господину министру внутренних дел.

Королевский окружной директор фон *Бройзем.*

Лейпциг 10 мая 1849.

Квитанция.

Королевский саксонский старший жандарм Вильгельм Лудвиг Шютце, в сопровождении королевского саксонского жандарма Шене, полицейского служителя Винтер и доктора Бекер, регистратора Нейберт и надзирателя Гелльмут из Хемница, — сегодня утром, в $9^1/_2$ часов, сдали нижеподписавшемуся следующих арестованных:

1. Оттона Леонгарда Гейбнера, окружного амтманна из Фрейберга.
2. Карла Августа Мартина, придворного почтсекретаря из Дрездена.
3. Михаила Бакунина, не состоящего на службе, Тверской губернии.
4. Карла Вильгельма Штиблера, седельщика из Радеберга, что сим удостоверяется.

Королевский прусский полковник и командующий германскими имперскими войсками в Альтенбурге *Л. С. Блументаль* [1]).

Замок Альтенбург. 10 мая 1849.

Список вещей, отобранных у арестантов, приведенных сего дня, и соответственно сданных нижеподписавшемуся начальствующему лицу:

1. Один пакет с бумагами — запечатанные бумаги от Гейбнера.
2. Такой же пакет с надписью: «принадлежит Мартину из Дрездена».
3. Один пакет, в коем два письма, два портсигара и одно огниво, с надписью: «принадлежит Мартину из Дрездена».

Прим. В бумагах находилось 5 талеров ходячей монетой, которые были вынуты и присоединены к прочим отобранным у арестантов деньгам.

4. Один пакетик, содержащий печать временного правительства Саксонии, металлическое перо, перочинный нож.
5. Один сверток, содержащий начиненную ручную гранату, порох, кремень; порох и свинец — записаны как принадлежащие Штиблеру.

6. Один сверток, содержащий порох и свинец.

7. Две записки, отобранные у русского — Бакунина.

Пакеты с бумагами были вскрыты в присутствии подписавшихся; с важнейших из них, касающихся настоящего движения мятежников в Саксонии, сняты копии, и затем они вновь запечатаны ведомственной печатью.

Королевский прусский полковник и командующий германскими имперскими войсками в Альтенбурге *Л. С. Блументаль* [2]).

Замок Альтенбург. 10 мая 1849.

Показания Бакунина [3]).

I.

Дрезден. 14 мая 1849. 3¾ ч. пополудни. (Тюрьма Старого города.)

Сегодня заключенный господин Михаил Бакунин был допрошен.

1. Об его личности.

Я родился в городе Торжке, Тверской губернии, в России в 1814 г. Мой отец умер год тому назад и был помещиком, моя мать еще жива, не знаю, где она, так как давно не имею от нее известий. Принадлежу к греко-кафолической церкви, получил воспитание в артиллерийском училище в Петербурге. С 1832 по 1834 г. служил в Петербурге в качестве артиллерийского офицера. В 1834 г. был уволен со службы по прошению.

Затем я частью проживал у моего отца в деревне, частью в Москве, как частный человек, и посвятил себя литературе, а также перевел с немецкого и сдал в печать некоторые философские сочинения. В 1840 г. отправился в Берлин и там изучал философию и историю.

В 1841 г. прожил некоторое время (почти год) в Дрездене и там занимался научными трудами, так, например, написал несколько статей для «Ежегодников» Руге. 1842 г. прожил в разных местах Швейцарии (Цюрих, Женева [4])). Там на меня, как на коммуниста, донес русскому правительству советник Блунчли в Цюрихе и в доносе указал, что я пишу сочинение о Польше, направленное против России. Требованию русского правительства вернуться в Петербург я не подчинился и отправился в Бельгию, там прожил 4 месяца, в качестве литератора, и затем поехал в Париж, который я покинул лишь в 1847 г. вследствие высылки, последовавшей по требованию русского правительства, которому подчинились Гизо и Дюшатель, из-за моей речи, которую я публично произнес на одном собрании русских и поляков в целях объединения польских и русских патриотов. Я отправился в Брюссель и оттуда вернулся в Париж, когда вспыхнула февральская революция. Я, однако, вновь покинул Париж в апреле 1848 г., чтобы с большей частью там проживавших поляков отправиться в великое герцогство Познанское. В Берлине, однако, господин президент полиции Минатали мне воспрепятствовал ехать в Познань: лишь давши соответственное обещание, я получил разрешение прусского правительства отправиться в Бреславль. Это было в мае прошлого года.

В конце мая прошлого года открылся славянский конгресс в Праге, и я получил от председателя комиссии, графа Туна, приглашение приехать туда. Я последовал этому зову и принимал участие в работах конгресса. До этого времени я, главным образом,

обращал свое внимание на объединение славянских и немецких борцов за свободу, дабы воспрепятствовать расовой борьбе, которой я опасался. Я по этому поводу написал специальную брошюру, появившуюся в Кетене. Издатель мне неизвестен.

После роспуска конгресса, последовавшего в июне прошлого года, я вновь отправился в Бреславль, который я покинул в конце июля, чтоб поехать в Берлин, где я и прожил до конца сентября 1848 г. Там я больше всего общался с поляками, надеясь на движение в интересах Польши, и состоял корреспондентом французских газет «Réforme» и «National». Вернувшись из Берлина в Бреславль, я там получил от прусского правительства распоряжение покинуть Пруссию. Причины этого мне не были сообщены. После того, как было отклонено мое желание поселиться в Саксонии, я жил несколько месяцев в Кетене и Дессау, в январе же с. г. отправился в Лейпциг, так как министр Оберлендер обещал в Саксонии покровительство всем высланным. В Лейпциге я прожил до конца марта с. г. и занимался там работой о России, задача каковой была выяснить положение в России. В начале апреля с. г. я прибыл в Дрезден и здесь проживал по сей день.

В Лейпциге и Дрездене я жил без документов на право жительства. Прошу мне разрешить не указывать места моего жительства, чтоб не компрометировать моих друзей.

Я не обладаю никаким собственным состоянием.

2. Об его политической деятельности в Саксонии.

Я отрицаю, чтоб до Дрезденского восстания я принимал какое-либо участие в саксонских делах.

Я не присоединился ни к какому политическому сообществу в качестве члена его и не посещал никаких обществ, в том числе и «Патриотического общества». Я только однажды высказался, возражая моему другу Иекелю из Лейпцига, что было бы хорошо произнести речь на собрании «Патриотического общества» с целью возбудить среди немцев симпатии к славянам. Однако я не думаю, чтоб такая речь была произнесена. Я, правда, знаю нескольких членов крайней левой последнего саксонского народного представительства, но ближе знаком был только с Иекелем из Лейпцига и Бетхером из Хемница. Я категорически отрицаю, что работал для водворения республиканского образа правления в Саксонии, а также, что знал о каком-либо заговоре для установления республики в Саксонии. Вся моя политическая деятельность посвящена соглашению славянства с либералами Германии. Моя деятельность всецело выясняется из вышедших под моим именем печатных произведений. Более широкой деятельности, чем там проявлено, я не развивал.

3. Об его участии в мятеже 3—9 мая и его деятельности при временном правительстве в особенности.

Я собирался с проживающим здесь князем Гика из Молдавии в пятницу 4 мая покинуть Дрезден, чтоб отправиться в Швейцарию; князь же Гика хотел ехать в Мальту [5]).

Отправившись к знакомым, чтоб достать еще несколько денег на дорогу, я встретил у ратуши советника Тодта, моего старого знакомого еще с 1842 года.

Тодт мне сказал, что он хочет пройти в ратушу узнать, как обстоят там дела.

Я обещал его там разыскать по окончании моих дел. Ни Тодт, на мой взгляд, не имел никаких определенных целей, идя в ратушу, ни я. Когда, через несколько часов, я пришел в ратушу, временное правительство уже было избрано. Из членов я ближе знал Тодта; Чирнера я видал два или три раза, с Гейбнером я вовсе не был знаком.

Меня, повидимому, присутствующие знали лучше, чем я их, и я там пробыл некоторое время без всякого дела; вскоре я удалился; князя Гику я уже не нашел, поэтому решил остаться в Дрездене. С этой минуты я неоднократно посещал ратушу, а с субботы до дня подавления восстания оставался все время в ратуше. Оставался по просьбам Тодта и Чирнера, так как они рассчитывали меня использовать, как бывшего артиллерийского офицера. Я, однако, отрицаю мое личное участие в битве. На мне лежал только высший надзор за боевыми припасами, пороховым погребом и помещением временного правительства.

Я надзирал за выдачей пороха, находившегося в ратуше в количестве 15—16 центнеров.

Я отрицаю мое участие в совещаниях временного правительства, отрицаю и участие в боевых операциях, отрицаю также, что устно или письменно возбуждал других к бою или к поджогам, отрицаю, в особенности, всякую свою личную вину в приказах о поджогах и грабежах и в баррикадных боях. Я ограничивал свою деятельность в ратуше исключительно вышеуказанными пределами.

В среду, в четвертом часу утра, после того как я обсудил с командующим Борном отступление наших через площадь Диппольдисвальда, я покинул Дрезден с Гейбнером, кажется и с Борном и некоторыми другими, которых я не знал, и поехал в Таранд, где мы встретились с Чирнером.

Намерение наше состояло в том, чтоб перевести временное правительство в Фрейберг. Я поехал с Гейбнером в Фрейберг (куда девался Чирнер, не знаю) и там лег спать в квартире Гейбнера. Когда я проснулся, Гейбнер мне сказал, что предполагают перебраться в Хемниц, так как тамошние граждане заявили, что они будут бороться не на жизнь, а на смерть за имперскую конституцию и против пруссаков. В Хемнице нас схватили и доставили сюда через Альтенбург и Лейпциг. Я отрицаю, что вместе с Гейбнером работал в Фрейберге и Хемнице в видах продолжения мятежа. Я не хотел бросать Гейбнера в нужде и предполагал отправиться в Швейцарию, как только смогу расстаться с Гейбнером, не подвергаясь упреку в трусости.

В заключение допрашиваемый признал три приложенные к актам бумаги относящимися до его деятельности в ратуше, однако заявил, что не знает, какими судьбами бумага, помеченная B III, попала в его карман [6]).

В среду и четверг 2 и 3 мая, как уверяет допрашиваемый, он проживал в Дрездене мирно, не принимая никакого участия ни в каком совещании или собрании.

По прочтении подтверждено допрашиваемым М. Бакуниным. Протокол закончен в $5^1/_2$ ч. *Г. Гаммер*, *Михаил Бакунин*.

II.

Дрезден. 15 мая 1849. $9^1/_2$ часов утра. Тюрьма Старого города.

Сегодня допрошен заключенный Бакунин о том, в каких отношениях он состоял к бывшему депутату прусского национального собрания Дестеру.

Он показал:

Я знаю Дестера с декабря 1847 г. Я с ним тогда познакомился в Брюсселе. После, летом прошлого года, я ближе познакомился с Дестером в Берлине. Наконец, я разговаривал с Дестером, Вальдеком и некоторыми другими депутатами крайней левой прус-

ского национального собрания, имен которых я не знаю, приблизительно месяц тому назад в Дрездене перед Дрезденским мятежом, а во время его я не видел Дестера ни в Дрездене, ни в другом месте.

Отрицаю, что переписывался с Дестером, отрицаю также, что действовал в политическом отношении с Дестером заодно.

Я знаком с политической деятельностью Дестера лишь постольку, поскольку она известна публике, и поэтому не знаю, был ли Дестер незадолго до Дрезденского мятежа в Дрездене.

По прочтении подтверждено. Окончено в $9^3/_4$ часа. *Михаил Бакунин.*

III.

Дрезден. 18 мая 1849. 6 часов вечера. Тюрьма Старого города.

Сегодня заключенному Бакунину предъявлены показания и результаты других расследований по вопросу о присутствии поляков в помещении временного правительства.

Допрашиваемый теперь допускает, что два ему знакомые поляка одновременно с ним пребывали в ратуше: однако категорически заявляет, что имен их он называть не будет, не желая их компрометировать. Равно он не будет в течение этого следствия называть имен и других своих знакомых.

По прочтении подтверждено. *Густав Гаммер*, асессор. *М. Бакунин.*

IV.

Дрезден. 4 июня 1849 г.

По затребованным сведениям.

Сегодня заключенный, Михаил Бакунин, был приведен без оков в заседание комиссии, и ему были предъявлены его показания, данные им 14, 15 и 18 прошлого месяца. Бакунин подтвердил таковые, сделав к ним следующие добавления:

1. Упомянутый издатель воззвания к славянам — книгопродавец Кейль в Лейпциге; при этом он опознал печатный экземпляр воззвания к славянам (Кетен, 1848 г.), предъявленный ему.

2. Бывший министр Оберлендер передал ему, Бакунину, через члена палаты Вегарна при посредстве кетенского депутата Зандера, что к его пребыванию в Саксонии препятствий не встречается и что по этому поводу подлежащие полицейские власти получили соответственные инструкции.

3. Тодта встретил в пятницу, 4 мая текущего года, между 9 и 11 часами утра — точнее определить время он не может — не в ратуше, а на Дипольдисдвальдовской площади.

4. Решение остаться в Дрездене он, Бакунин, принял лишь в субботу, 5-го прошлого месяца; в пятницу же он еще не решил, что он предпримет.

По прочтении протокола содержание его признал правильным.

Михаил Бакунин.

Верно: *Густав Гаммер*, асессор, судья и протоколист [7]).

А. Вунш, заседатель городского суда, *Карл Луис Киретнер*, *Густав Морц Фритче*.

V.

12 июня 1849 г.

По затребованным сведениям.

Сегодня был подвергнут допросу, согласно требованиям берлинского уголовного суда от 21 мая и 11 июня сего года, заключенный Михаил Бакунин, который показал, что он знает доктора Дестера, тайного советника Вальдека, Рейхенбаха, Якоби и Гекзамера, но отрицает всякое знакомство с Оомом, Браклавом и Юлиусом Якобсеном. Познакомился он, по его словам, с Дестером в конце 1847 г. в Брюсселе, с Вальдеком — летом 1848 г. в Берлине, с Рейхенбахом и Якоби весной текущего года на предпарламентском совещании в Франкфурте-на-Майне, а с Гекзамером летом 1848 г. в Берлине.

С Якоби его впервые познакомил при его проезде из Парижа через Франкфурт его друг, профессор Фохт из Гиссена, с которым он, в свою очередь, познакомился в Париже. Таким же случайным было его знакомство с профессором Рейхенбахом на майском празднике во Франкфурте. Своим знакомством с Дестером, Вальдеком и Гекзамером он также обязан случайной встрече в гостинице. С названными лицами он, по его словам, не находился ни в каких политических отношениях и отрицает какую-либо корреспонденцию с ними; не получал он также никаких печатных сообщений.

Далее Бакунин заявил, что ему ничего не было известно о замышлявшейся против Пруссии государственной измене и что он решительно отвергает какое-либо свое участие в подобного рода предприятиях. По предъявлении ему письма, адресованного на имя Людвига Шрека, он, правда, признал, что знает адресата Шрека и упомянутых в письме Шапека (купца из Линденау под Лейпцигом), Вернера (содержателя гостиницы «Золотого рога» в Лейпциге), Грюна (брата депутата второй палаты в Берлине), Линдера и Вейсфлога (литератора из Лейпцига), но заметил при этом, что познакомился он с ними в Лейпциге совершенно случайно, автора же письма он совершенно не знает и не имел с названными лицами никаких политических отношений. Наконец Бакунин, хотя и признал, что на пасхе этого года он два раза вечером встретился в гостинице Дауха на большой Брюдергассе с Вальдеком, Дестером и третьим прусским депутатом, имя которого он, впрочем, не знает, в обществе нескольких депутатов крайней левой саксонской палаты, из коих он припоминает лишь Иекеля и Бехтера, но что встречи эти носили чисто частный характер дружественного общения; при этом допрашиваемый повторно отвергал какую-либо совместную с ними политическую, революционную деятельность.

В заключение, при более подробных расспросах, допрашиваемый отзывается запамятованием каких-либо особых обстоятельств, сопровождавших знакомство с Вальдеком, и отрицает тот факт, что при его аресте у него отняли ручную гранату. По прочтении протокола содержание такового подтвердил *Михаил Бакунин.*

Верно: *Гаммер*, судья и протоколист. *Карл Генрих Воланд*, заседатель суда, *Иоган Фридрих Шульце*, *Карл Луис Кирстнер.*

VI.

Дрезден. 26 июня 1849 г.

По затребованным сведениям.

Сегодня, в месте пребывания комиссии, согласно отношению берлинского городского суда, допрошен был заключенный, г. Михаил Бакунин.

Допрашиваемый остается при своем прежнем показании, что при его аресте у него не было ручной гранаты, но, правда, помнит, что граната была найдена у арестованного

случайно вместе с ним и лично ему незнакомого человека. На дальнейший вопрос о том, какой печатью он пользовался при своей переписке, Бакунин заявляет, что собственной печати он никогда не имел, а запечатывал всегда свои письма чужими печатями, какие попадались под руку. По прочтении протокола содержание такового подтвердил

Михаил Бакунин.

Верно: *Г. Гаммер*, судья и ассесор [8]).

VII.

Дрезден. 15 июня 1849.

Сегодня заключенный Бакунин в помещении комиссии был допрошен, согласно имеющемуся требованию судебных учреждений Франкенберга.

Допрашиваемый отрицает знакомство с фабрикантом по имени Карл Фридрих Шмидт младший из Франкенберга и какую-либо связь с ним, а также отрицает знакомство с пастором Лезером из Лихтенау около Франкенберга, равно и то, что два года тому назад довольно долго проживал у последнего, и замечает, что 2, 3, 4 и 5 лет тому назад он вовсе не находился в Германии, что он может всегда доказать; так что тут вкралась какая-то ошибка.

По прочтении подтверждено *М. Бакунин.*
Верно: *Г. Гаммер*, асессор и протоколист [9]).
А. Л. Вунш, Карл Луис Кирстнер, Иог. Фридрих Шульце.

VIII.

Дрезден. 7 июля 1849.

Сегодня заключенный Бакунин допрошен об его отношениях к Василию фон Гика.

Он показал: с Василием Гика, про которого я думал, что он князь, я познакомился только здесь в Дрездене, через одного приятеля, Юлия Андржейковича, о котором я ничего не скажу, кроме того, что с ним я познакомился раньше в Париже. Ничего не могу также сообщить о целях пребывания Гики. Думаю, что он хотел здесь дождаться своей жены. Я настаиваю на своем показании о том, что я поручил Гике взять с собою мои вещи, упакованные в маленьком сундуке, так как я хотел сопровождать Гику в его путешествии до Швейцарии. В последнее время сказанный сундук находился у Юлия Андржейковича, у которого я проживал в последние дни Дрезденского восстания. Андржейкович жил в доме на углу Почтовой площади и Ostra Allee у одного ресторатора.

Михаил Бакунин.

По прочтении подтверждено: Верно: *Г. Гаммер*, асессор и судья [10]).
Густав Мориц Фритче, Иог. Фридрих Шульце, Фердинанд Гартль.

IX.

Дрезден. 11 июля 1849 г.

По затребованным сведениям.

Сегодня в месте пребывания комиссии, согласно отношения берлинского городского суда от 6 июля с. г., допрощен заключенный, господин Михаил Бакунин. Он показывает:

В Кетене я прожил последнюю четверть 1848 года и квартировал там у придворного пекаря, фамилию которого я не припомню; в Потсдаме я никогда не бывал, Берлина в этом году я не посещал, также не был я в Бернау. Господина Дортена я не знаю. По поводу моего знакомства с Дестером и Вальдеком ссылаюсь на свои прежние показания. Только фон Эссебека я когда-то видал в какой-то берлинской кофейне, точно времени не припомню; его мне показал один мой знакомый; возможно, что с Нус фон Эссебеком я тогда и перебросился несколькими словами, но теперь об этом не помню. Я отрицаю, что стоял в какой-либо связи с Нус фон Эссебеком. Здешние купцы Иосиф Оом и Юлий Якобсен мне совершенно неизвестны.

По прочтении протокола, содержание такового подтвердил

Михаил Бакунин.

Верно: *Г. Гаммер*, асессор и судья.
Густав Мориц Фритче, *И. Ф. Шульце*, *К. Гаупт.*

X.

Дрезден. 28 мая 1849.

Сегодня в помещении комиссии последним допрошен заключенный господин Михаил Бакунин по поводу показаний городского советника Пфотенгауера.

Он показал:

Я не хочу прямо отрицать сказанного происшествия, но я о нем сейчас не помню, равно и не знаю городского советника Пфотенгауера; возможно, что я вспомнил бы его, если б он был мне предъявлен и изложил бы мне точнее подробности события.

По прочтении подтверждаю. *М. Бакунин.*

Верно: *Густав Гаммер*, судья и протоколист [12]).

Судебные заседатели: *Иоганн Готтлиб Зейфферт*, *Карл Генрих Воланд*, *Густав Мориц Фритче.*

XI.

Дрезден. 31 июля 1849.

Сегодня в помещении комиссии, после ухода Гейнце, заключенному господину Михаилу Бакунину была дана очная ставка с господином Пфотенгауером. После того, как предварительно было предъявлено показание господина бюргермейстера Пфотенгауера о том, что 6 мая с. г. до полудня, когда он из так называемого зала конференции вышел в зал заседаний совета, Бакунин, выйдя из комнаты временного правительства без сюртука, вывел его за дверь, схватив за шиворот; господин Бакунин теперь вполне допускает возможность предъявленного ему факта, хотя он и не припоминает ни личности господина Пфотенгауера, ни его появления в зале заседаний 6 мая с. г.; притом он вполне присоединяется к тому, что Дрезденский городской совет в то время был лишен всякого авторитета и власти, так как всякое вмешательство городского совета в дела каждый раз отклонялось.

По прочтении подтверждаю. *М. Бакунин.*

Верно: *Г. Гаммер*, судья и протоколист.

Карл Генрих Воланд, *Иоганн Готтлиб Зейфферт*, *Авг. Фрид. Тимеус.*

XII.

Крепость Кенигштейн. 19 сентября 1849.

Сегодня в помещении комиссии допрошен заключенный господин Михаил Бакунин.

I.

О его поведении во время его пребывания в этом году в Лейпциге и Дрездене до майской революции. Он показал:

В январе с. г., как я уже и раньше показал, я поехал из Кетена в Лейпциг, чтобы дать там перевести на польский язык мое воззвание к славянам (Кетен, издание автора, пущенное в продажу у Кейля). Хотя я и знаю польский язык, однако недостаточно, чтоб самому сделать перевод, предназначенный для печати. Это воззвание к славянам было переведено на польский язык проживавшим тогда в Дрездене Юлием Андржейковичем, на этом языке отпечатано и пущено в продажу у книгопродавца Кейля в Лейпциге.

Я в Лейпциге занимался, главным образом, литературной работой в интересах славянства, начал предназначенное к печати в славянском журнале (Прага, редактор Сабина) письмо в защиту моей брошюры «Воззвание к славянам», однако его не окончил и потому не пустил в печать; до нее я подготовлял более крупное сочинение о политическом положении России, однако очень мало в нем подвинулся и из него ничего не опубликовал. Категорически отрицаю, что принадлежал в бытность в Лейпциге к какой-либо политической партии, преследовавшей саксонские интересы, а равно, что посещал в качестве члена таковой ее собрания или работал в ее интересах. Я вообще не принадлежал ни к какому политическому клубу в Германии, потому что не интересовался частными делами Германии, а также и потому, что, в качестве русского, я не мог бы пользоваться особым доверием, особенно с тех пор, как летом прошлого года «Новая Рейнская Газета» (Кельн, редактор Маркс) напечатала статью из Парижа, правда, потом опровергнутую, согласно которой известная под именем «Жорж Занд» парижская писательница Дюдеван имела будто бы в своем распоряжении письмо, доказывающее, что я — шпион, купленный и оплачиваемый русским правительством.

За мое пребывание в Германии я посетил лишь летом прошлого года одно единственное собрание демократической партии в Бреславле и там произнес речь в целях защиты славянской расы и, в особенности, для опровержения утверждаемой писателем Бертольдом Ауербахом дилеммы между немцами и славянами, из которой вытекало, что между этими двумя расами возможна и полезна только борьба, а отнюдь не единение; победило тогда воззрение Ауербаха. Вообще целью моего пребывания в Северной Германии было, в сущности, быть возможно ближе к театру славянских дел и боев, так как я определенно опасался тогда расовой борьбы славян под русским знаменем против немцев, борьбы, которая, конечно, не послужила бы к благу цивилизации. В Лейпциге я сперва проживал у ресторатора Вернера («Золотой Петух») на улице Гейне, затем у книгопродавца Шрека.

К моим ближайшим знакомым там причисляю немногих из них, здесь назову книгопродавца Шрека, профессора Гассенштейна и бывшего купца Шапека, жившего около Лейпцига в селе, название которого я забыл: с ними я познакомился в «Золотом Петухе», в ресторане которого некоторые члены Лейпцигского Патриотического общества имели обыкновение собираться по вечерам для дружеской беседы. Здесь же я познакомился с

Иекелем. Все названные лица принадлежали к демократической партии, однако мне не известно, чтоб они предпринимали какие-либо практические шаги для введения в Саксонии или Германии какого-либо образа правления иного, чем существующий. Во всяком случае, что касается меня лично, я совершенно отрицаю какое-либо участие в совместных с ними действиях для достижения определенной цели или в определенном направлении. Мое отношение к поименованным лицам было исключительно приятельское. Я в Лейпциге жил очень уединенно и не посещал общественных мест: лишь на двух балах, которые давало Патриотическое общество, я присутствовал в качестве гостя книгопродавца Шрека. Оба бала были публичные.

Средства к жизни получаю благодаря поддержке моих друзей, так как не обладаю никаким состоянием, а моя писательская деятельность дает мне очень мало. Я отказываюсь однако назвать имена этих друзей, чтоб их не подвести, что могло бы случиться.

Ни в Лейпциге, ни позднее в Дрездене я о своем пребывании местной полиции не заявлял.

В Лейпциге я этого не сделал, так как мне сказали, что тамошний уголовный суд намеревается, по требованию австрийского правительства, начать следствие по поводу моего воззвания к славянам в Дрездене, я сперва хотел переговорить с Тодтом о том, следует ли мне заявиться, но этого я не сделал по совету моих дрезденских друзей — назову тут Людвига Виттига, — и полиции я о моем местопребывании не заявлял.

Я покинул Лейпциг, не имея к этому существенного повода. Пожалуй, на мое решение повлияла возможность угрожавшего мне уголовного следствия, большая близость Дрездена к Богемии и желание повидать знакомых — я назову здесь Юлия Андржейковича и графиню Чесновскую, последняя была лишь салонной знакомой.

В Дрезден я прибыл в начале марта с. г. и там сперва прожил несколько дней на квартире редактора Людвига Виттига, затем у польского эмигранта Дембинского, который здесь давал уроки языков и имел документ на право жительства, далее у заведующего музыкальной частью Рёкеля, затем у кандидата прав Науманна (в Фридрихштрассе) и, наконец, у Юлия Андржейковича, на Цвингерштрассе.

Я допускаю, что я так часто менял квартиру во избежание полицейского наблюдения и вследствие опасения высылки из Саксонии, так как я не знал настроения тогдашнего министерства.

Я в Дрездене не имел случая практически работать для цели, поставленной мною в жизни, — для интересов славян, — и лишь по случаю имевшего место в Дрездене в апреле общего собрания Патриотического общества я попросил Иекеля, Рёкеля и Шрека предложить Патриотическому обществу выпустить обращение к славянам, в котором бы были высказаны симпатии Патриотического общества к ним. Такое предложение было внесено, и, как мне сказали, так как сам я не присутствовал, оно было принято. Однако, мне неизвестно, чтоб такое обращение было бы обнародовано.

В Дрездене я часто встречался с поляками — Дембинским, Кржижановским, Гельтманом (польский эмигрант), Юлием Андржейковичем из Литвы, Гикой из Валахии, Людвигом Виттигом, заведующим музыкальной частью Рёкелем, капельмейстером Вагнером, депутатами ландтага Иекелем из Лейпцига и Бетхером из Хемница.

С Чирнером я до Дрезденского восстания был знаком лишь поверхностно, мы только сделали визиты друг другу, раньше никогда не вели бесед между собою.

Тодта я увидал в первый раз за все время моего пребывания в Дрездене и заговорил с ним лишь в тот день, когда было избрано временное правительство.

Гейбнера я до существования временного правительства вовсе не знал. Дембинский, Кржижановский (также именовавшийся Бутилье) и Гельтман были моими старыми знакомыми, с которыми я познакомился еще в Париже, Юлия Андржейковича я знал тоже с Парижа. С Гикой я познакомился здесь, в Дрездене, через Андржейковича. О том, как я познакомился с Людвигом Виттигом, я уже сказал.

С Рёкелем я познакомился через Виттига, а с Вагнером через Рёкеля. Иекеля я знал с Лейпцига, а с Бетхером познакомился через Иекеля.

Все означенные знакомые, за исключением Иекеля, посещали меня на моей квартире, и я отвечал на их визиты, а также несколько раз навещал Иекеля на его квартире.

С Кржижановским и Гельтманом я, главным образом, беседовал о славянских делах и стремился побороть их польские предрассудки против славян.

Гика меня интересовал, поскольку от него я мог разузнать о положении в Молдавии и Валахии. В политической связи я, однако, с Гикой не находился.

Юлий Андржейкович был по существу согласен с моим политическим мировоззрением и был моим старым и интимным другом.

Я уже высказался о моем отношении к Виттигу, а также и об отношении моем к Рёкелю.

Что касается Вагнера, я сразу признал в нем фантазера, и хотя с ним беседовал много о политике, но никогда с ним не связывался для совместных действий.

Ни Иекель, ни Рёкель не преследовали общих со мной практических целей, хотя часто со мной беседовали о политике. Я вообще отрицаю свою принадлежность к какой-нибудь дрезденской, саксонской или немецкой революционной или демократической радикальной фракции: как я уже сказал, я не занимался такими частными вопросами и все время имел перед собой лишь вышеописанный план.

Бакунину было сообщено, что, по имеющемуся показанию, в доме Науманна, в котором он жил, часто, — а перед восстанием, почти ежедневно, — собирались таинственным образом лица мужского пола числом от 20 до 30 и часто засиживались до ночи. На это допрашиваемый отверг всякое участие с своей стороны в таких собраниях и заявил, что ничего не знает о таких сборищах.

К этому он добавляет, что он решительно не может не возразить против заявления, что в его присутствии в доме Науманна происходили такие собрания, так как число друзей, собиравшихся в его квартире, никогда не превышало 5, они никогда не оставались до ночи, и никогда не принималось мер вроде опускания занавесок и т. п.

На предъявленное показание портного «Ирлиц» 11 июня 1849 г. об его пребывании и поведении в квартире Гики, Бакунин заявляет, что эти показания «Ирлица» вполне соответствуют истине, и замечает, что Гика, чтоб скрыть имя его — Бакунина, зная, что он, Бакунин, живет инкогнито, выдавал его за английское духовное лицо; что же касается его неоднократных посещений Гики, то они отнюдь не имели политического характера, тем более, что он абсолютно ничего не знает о какой-либо политической миссии Гики. Он, как раньше уже показывал, собирался вместе с Гикой и Андржейковичем покинуть Дрезден в начале революции. Но безденежье помешало всем трем выехать.

М. Бакунин.

По прочтении подтверждено и подписано. Верно: *Г. Гаммер*, судья и протоколист [13]).

Карл Август Кюттнер, *Иоганн Вениамин Кох*, *Карл Генрих Воланд*, судебные заседатели.

XIII.

Крепость Кенигштейн. 19 сентября 1849.

Сегодня в помещении комиссии продолжался допрос заключенного господина Михаила Бакунина как ниже следует:

Фон Гика, с своей стороны, — продолжает допрашиваемый, — должен был уехать, так как его жена, как он говорил, ждала его в Мальте.

Андржейкович хотел ехать в Париж, он давно бы покинул Дрезден, если б его не привязывала к последнему любовная связь.

Я хотел покинуть Дрезден, так как после роспуска палаты не чувствовал себя в Дрездене в безопасности и боялся какого-нибудь движения, а в силу этого и усиления строгостей со стороны министерства по отношению ко всем иностранцам; посему я и принужден был заботиться о своей безопасности. Я намеревался, будучи не легитимирован, бежать сперва в Швейцарию, а оттуда отправиться во Францию.

Вновь ехать в Пруссию я не мог, так как, при моем изгнании из Пруссии и Бреславля мне официально был предъявлен приказ, подписанный «фон Путткаммер», в котором мне угрожали, в случае моего возвращения в Пруссию, выдачей меня России. Я по той же причине не мог отправиться в Кетен, так как этот город был бы для меня, как мне там сказали, небезопасен в случае перемены министерства после роспуска прусского национального собрания.

Поэтому Швейцария являлась при тогдашних обстоятельствах наиближайшим местом убежища, и к тому же у меня там были друзья и знакомые. Я здесь назову только доктора Фохта, бернского профессора, отца франкфуртского депутата профессора Фохта в Гиссене. Мое намерение состояло в том, чтоб проводить фон Гику и Андржейковича до Страсбурга.

Тут допрашиваемому было указано, что в находящемся среди бумаг Рёкеля, ему уже ранее предъявленном, письме — «К милым и уважаемым друзьям» — в Праге назван был один мадьярский агент. Господин Бакунин, на требование назвать этого агента, допустил, что этот мадьярский агент, проживавший здесь в «Золотом Ангеле» в Виздруффергассе — господин фон Бейер. Он с ним познакомился приблизительно за 14 дней до Дрезденского восстания через Виттига, который ему представил тогда больного Бейера в его же квартире. Из обмена обоюдными политическими взглядами он убедился, что фон Бейер разделяет его желания и его воззрения на соединение славян и мадьяр, хотя и сомневается в возможности осуществления этого плана. Фон Бейер ему тогда же сообщил, что он в переписке с Телеки, посланником Кошута в Париже.

Допрашиваемый продолжает далее о содержании этой переписки: я знаю лишь то что Телеки запрашивал фон Бейера о тогдашнем настроении славян, и фон Бейер хотел услыхать мое мнение по этому вопросу.

Что касается до отношений фон Бейера к Кошуту и его связей с венгерским восстанием, то я ничего не могу сказать кроме того, что слышал от фон Бейера, что если ему нужно что-нибудь передать Кошуту, ему приходится писать каждый раз через Париж: прямые сношения с Кошутом невозможны. Я был у фон Бейера на квартире не более одного раза и не в состоянии показать что-либо касательно целей пребывания фон Бейера в Дрездене, его политической деятельности и его тогдашних политических связей. Я указывал моим друзьям в Праге на Бейера, как на мадьярского агента в Дрездене, дабы они лично могли убедиться в симпатии друг другу славянской и мадьярской рас. На подобное

приглашение моих пражских друзей я имел полное согласие фон Бейера. Я видел фон Бейера в последний раз приблизительно в 11 часов утра в день, когда было избрано временное правительство. Я был в столовой «Золотого Ангела», где я собирался закусить. Бейер проходил по улице, я ему поклонился в окно, он мне сказал в двух словах, что уезжает, но умолчал, куда направляется.

При дальнейшем допросе Бакунин продолжает: я положительно отрицаю всякие подготовительные действия к Дрезденскому восстанию с моей стороны.

Я не имею никаких сведений о существовании таких приготовлений и уверяю, что даже мои друзья и знакомые еще в четверг 3-го мая с. г. не верили в какое-либо массовое движение, главным образом потому, что известная сильная привязанность народа к саксонскому королю казалась существенным препятствием к этому. Здесь я должен по правде показать, что вообще саксонская демократия мне представлялась очень добродушной и все лейпцигские демократы мне представлялись более тщеславными, чем опасными *), так как они много о себе воображали, в виду их речей в клубах и в силу презрительных воззрений на другие немецкие страны, и тешились мыслью, что Саксония — весьма демократическая страна.

М. Бакунин.

По прочтении одобрено и подписано.

Верно: *Г. Гаммер*, судья и протоколист.

XIV.

Крепость Кенигштейн. 20 сентября 1849.

Сегодня в помещении комиссии допрошен заключенный Михаил Бакунин. О мотивах его участия в восстании и бое он показал:

Я принял участие в саксонском восстании главным образом потому, что усматривал в нем противодействие прусскому влиянию, а вместе с тем, так как русская политика влияет на Пруссию, то и русскому влиянию. А так как моя деятельность преимущественно была направлена против России, то мне казалось, что и эта революция соответствует моему стремлению уничтожить или, по крайней мере, ослабить влияние России на Германию. Поэтому я сочувствовал этой революции. К этому присоединилось, как я позднее подробнее изложу, и то, что многие мои знакомые принимали участие в этом восстании, а отсутствие денег препятствовало моему отъезду: равно и желание быть поближе к Богемии привязывало меня к Саксонии. О том, как я попал в Дрезденскую ратушу, место пребывания временного правительства, могу сказать следующее.

Четверг, 3 мая с. г., я отчасти провел в обществе моих знакомых Андржейковича, фон Гики, Кржижановского и Гельтмана, — с первыми двумя из названных лиц я в тот же день вечером пил чай у графини Чесновской, — отчасти же провел у себя на квартире без дела. Мы, т.-е. я и вышеназванные господа, были все того мнения, что следует удалиться из Дрездена на следующий же день, только как мне, так и Кржижановскому, Гельтману и Андржейковичу недоставало необходимых для путешествия денег. Фон Гика имел как-раз столько, сколько ему нужно было самому. На следующее утро в пятницу, 4 мая с. г., я навестил фон Гику в его квартире и сообщил ему, что у нас нет денег, спрашивая его, где можно достать, и когда он, Гика, уезжает. Фон Гика не знал, где мож-

*) На полях сбоку приписка: «При прочтении: «более опасным на словах чем на деле». Прочтено и одобрено. *Г. Гаммер*, судья и протоколист. *М. Бакунин.*»

но добыть денег, но дал мне 5—6 талеров и сказал мне, что он уедет или в этот же день или на следующий, и готов подождать нас денек в Лейпциге.

Прежде чем войти в квартиру фон Гики, я встретил на площади Диппольдисвальда, на углу большого Плауменского переулка, советника Тодта. Я шел из Вейзенгаузштрассе, где жил Кржижановский, которого я посетил, чтоб переговорить с ним о необходимых нам деньгах.

Тогда мне пришлось говорить с Тодтом, и, если он утверждает противное, то его показания ложны. Я последний раз видел Тодта бегло весной прошлого года за обедом в одном ресторане во Франкфурте на Майне — «Радость Майна», — и теперь возобновил наше знакомство, обменявшись несколькими словами. Казалось, Тодт был изумлен тем серьезным характером, который приняло движение, и он сказал мне, что идет в ратушу посмотреть, как обстоят дела. Когда я покинул квартиру Гики, я вновь повстречался с Тодтом на Марienштрассе, где он разговаривал с двумя мне неизвестными лицами. Я здесь вновь обменялся с Тодтом несколькими незначительными словами, которых я не припомню. Затем я отправился к Старому Рынку, так как встретившийся мне по дороге капельмейстер Вагнер сказал, что он идет в ратушу, и что мне тоже туда следует итти. Там я услыхал, как Чирнер с балкона ратуши держал речь, в которой он пытался сообщить народу, кричавшему внизу «взять цейхгауз», известие, что сейчас через Гейнце ведутся переговоры с военными властями о передаче цейхгауза, и что дела обстоят очень хорошо, так как в Бреславле вспыхнуло восстание, которое может и должно воспрепятствовать вступлению прусских войск в Саксонию. Я могу лишь указать, что это происходило до полудня, и не знаю, было ли уже тогда избрано временное правительство. Прослушав эту речь, я пошел в большой зал заседаний в ратуше. Здесь я встретил Тодта, Чирнера, Кехли, Вагнера, доктора Рихтера, доктора Минквица и Гейнце. Тодта, Чирнера, Кехли, Вагнера и Рихтера я уже знал; Кехли и Рихтера я увидел впервые после 1842 года, когда я с ними встречался у Арнольда Руге. Тодт мне представил Гейнце как главнокомандующего. Мне также был представлен Минквиц, только не знаю, кем именно. Там было много разговора, но при мне ни разу не было говорено отчетливо о характере и направлении движения.

Я там тоже беседовал, не обращаясь, однако, к присутствовавшим, как к собранию. Тогда, как мне казалось, временное правительство не было еще образовано. Гейбнера я тогда еще не знал и не помню, чтоб видел его в то время в ратуше. Я покинул ратушу, чтоб закусить, для чего пошел в «Золотой Ангел», где я, как вчера показал, мельком видел фон Бейера и с ним говорил. Оттуда я отправился повидать редактора Людвига Виттига, чтоб узнать, что он думает о движении и что он собирается делать. Виттиг сказал мне, что он придет в ратушу, и мы решили там встретиться. Я застал Виттига в типографии «Дрезденской Газеты», он как-раз был занят ее редактированием. Я припоминаю еще, что я потешался над Виттигом из-за того, что он в такое время пускает в печать такие длинные статьи, как та, которая лежала перед ним. В настоящую минуту,— говорил я, — требуются короткие статьи, трактующие о движении.

Виттиг обещал последовать моему совету. Затем я направился в кофейню на углу Брейтегассе (кафе «Националь»), где я условился встретиться с Гельтманом и Кржижановским, чтоб сговориться о наших личных делах и решить, уезжать ли нам или оставаться.

Однако я там не застал ни одного из них. После этого я неоднократно бывал в дрезденской ратуше, хотя не принимал еще тогда участия в восстании.

Я теперь припоминаю, что, когда я первый раз был в ратуше, Чирнер мне сказал, что его выберут членом временного правительства и что дела идут хорошо. Я не присутствовал при избрании временного правительства, но я видел, как Чирнер приводил к присяге вооруженные отряды на площади. Я это все видел с балкона ратуши.

При этом случае я услыхал, что в правительство избраны Тодт, Чирнер и еще третий, тогда мне незнакомый господин, с которым я на следующий день познакомился, как с Гейбнером.

После приведения к присяге Чирнер пришел в ратушу, сказал мне лично, что является членом временного правительства, и просил меня оставаться. На это я обещал Чирнеру и впредь мое присутствие, так как я уже решил тогда задержаться в Дрездене, однако удалился, чтоб обедать у графини Чесновской.

Я, действительно, отобедал у графини Чесновской и там встретился снова с фон Гикой и Андржейковичем.

Фон Гика и Андржейкович остались при своем намерении уехать, я же сказал, что остаюсь.

На следующий день вечером я снова встретился с Андржейковичем у графини Чесновской, и там я его видел в последний раз.

Фон Гика навестил меня только раз, из любопытства, в пятницу, 4 мая с. г., в ратуше. Насколько мне известно, фон Гика и Андржейкович столь же мало принимали участия в восстании, как и графиня Чесновская.

Я снова побывал в ратуше, однако не припоминаю каких-либо отдельных фактов, равно отрицаю свое присутствие в комнате временного правительства.

Виттиг не исполнил своего обещания, и я вообще не припомню, чтобы в дальнейшем я его видал.

Лишь в пятницу (4 мая с. г.) вечером Чирнер сказал мне, что необходимо занять цейхгауз, и спросил меня, не могу ли я ему найти поляка, который бы мог руководить атакой на цейхгауз, так как Гейнце были недовольны. Я прежде всего подумал о Гельтмане, который имел военные познания, так как был сперва русским офицером, а потом офицером польской революционной армии, и поэтому я хотел разыскать Гельтмана для указанной Чирнером цели. Однако ни Гельтмана, ни Кржижановского я не встретил: тогда я пошел в кафе «Националь», где я предполагал найти поляков.

В этом я не ошибся. На вопрос, не могут ли они мне указать на дельного офицера, мне назвали одно имя, до тех пор мне неизвестное, и дали адрес. Я отправился к этому поляку, имя которого я действительно забыл и о месте жительства коего я могу лишь сказать, что оно находилось вблизи картинной галлереи. Я там и нашел указанного человека, и он согласился пойти со мной в ратушу. По этому поводу я в первый раз в ратуше вошел в комнату временного правительства.

Поляк отказался однако руководить атакой на цейхгауз и, когда спросили его совета относительно этой атаки, заявил, что, по его мнению, благоприятная для этого минута уже упущена. Затем поляк удалился из ратуши, не приняв на себя никаких обязанностей и не преподав никаких советов. Поляк говорил только со мной, Чирнером и Гейнце, и я, согласно желания Гейнце, сообщил его мнение временному правительству. Это все имело место уже ночью; затем я ушел и переночевал один в моей гостинице, называвшейся, кажется, «Город Берлин». Я в этот день еще не принимал лично участия в движении.

В субботу 5 мая с. г. утром я вновь пошел в ратушу, и здесь Чирнер определенно высказал мне свое желание, чтоб я достал им поляков, которые могли бы руководить боем в качестве специалистов.

Я опять пошел разыскивать Гельтмана и Кржижановского, их действительно встретил в кафе «Националь», и привел обоих в ратушу к временному правительству. С этого времени начинается мое собственное деятельное участие в восстании и бое, которое однако меняло свой характер в каждый отдельный день, о нем поэтому я желаю, насколько у меня хватит памяти, высказаться особо.

М. Бакунин.

По прочтении подтверждено и подписано.

Верно: *Г. Гаммер*, судья и протоколист.

Карл Август Кюттнер, *Иоганн Готтлиб Генель*, *Карл Генрих Воланд*, судебные заседатели.

XV.

Крепость Кенигштейн. 20 сентября 1849.

Сегодня в помещении комиссии продолжался допрос заключенного господина Михаила Бакунина.

Об его участии в государственной измене, восстании и бое.

Допрашиваемый продолжает:

5 мая с. г., в субботу, я представил обоих поляков, Гельтмана и Кржижановского, Чирнеру в большой зале ратуши. Гельтман и Кржижановский обещали помочь временному правительству своими советами и военными познаниями на следующих условиях:

1) чтоб их деятельность сохранялась в тайне и чтоб им для нее отвели особую комнату,

2) чтоб я являлся посредником между ними и Чирнером, а чтобы Чирнер выполнял через Гейнце распоряжения, которые я ему сообщу,

3) чтоб Чирнер им предоставил паспорта и деньги в случае, если дело примет плохой оборот.

Эти условия были приняты, за тем исключением, что, в виду отсутствия особого помещения, предоставлена была в распоряжение поляков комната временного правительства, а относительно потребованных паспортов и денег Чирнер обещал дать те же средства, которыми воспользуемся и мы в случае бегства. После этого Кржижановский, Гельтман и я заняли место в комнате временного правительства у отдельного стола за жестяным печным экраном.

Я должен здесь упомянуть еще, что до того, как я привел Гельтмана и Кржижановского, Чирнер предложил мне принять на себя единоличное верховное командование, но я от этого отказался, так как: а) недостаточно доверял своим военным талантам и б) я не знал Дрездена. Я этим не хочу сказать, что я отказался принять на себя командование за недостатком желания, но мне, действительно, недоставало необходимых качеств, чтоб быть главнокомандующим, и поэтому я, наполовину по собственному почину, наполовину по предложению Чирнера, и привел поляков Гельтмана и Кржижановского, чтоб воспользоваться их познаниями, и вполне признаю, что должен нести одинаковую ответственность с поляками за все данные последними советы и указания.

Мы прежде всего потребовали план Дрездена, чтоб изучить расположение города и войск врага. Мы, действительно, и получили план города от Чирнера, но не могли в нем, как следует, разобраться.

Гельтман все время говорил, что надо ожидать подкреплений, прежде чем вырабатывать план атаки.

Этот план однако так и не был составлен поляками Гельтманом и Кржижановским.

Гельтман и Кржижановский прежде всего составили проект распорядка на баррикадах, который был переведен на немецкий язык мной и Кржижановским. Предполагалось его напечатать, но в действительности он не был напечатан и поэтому, насколько я знаю, остался неизвестным защитникам баррикад.

Далее моя деятельность во время боя 5 мая состояла в том, что, как только приходили донесения, главным образом, с просьбою о подкреплениях для баррикад, они отсылались временным правительством к нашему столу на резолюцию, а я затем сообщал наше решение временному правительству, от которого уже исходил приказ об его выполнении.

В субботу 5 мая с. г. вечером было доложено, что прибыли 4 пушки с подкреплениями.

Я с Гельтманом осмотрели пушки, из коих три оказались трехфунтовыми, а одна четырехфунтовой, после чего я озаботился доставить необходимые для этих пушек боевые припасы.

На следущее утро, в воскресенье 6 мая с. г., Гельтман отметил на плане место установки пушек, и я передал это распоряжение Чирнеру для выполнения.

М. Бакунин.

Прочтено, подтверждено, подписано.

Верно: *Г. Гаммер*, судья и протоколист.

Карл Генрих Воланд, *Иоганн Готтлиб Генель*, *Карл Август Кюттнер*, судебные заседатели.

XVI.

Крепость Кенигштейн. 21 сентября 1849.

Сегодня в помещении комиссии допрошен заключенный господин Михаил Бакунин.

Допрошенный продолжает свои показания:

Я припоминаю одно распоряжение, касающееся боя, сделанное Гельтманом и Кржижановским, а мной переданное для исполнения командующему Гейнце.

В пятницу 6-го, утром, дошел до нас слух, что войска предполагают штурмовать Шлоссгассе. Вследствие этого Гельтман отдал приказание [14]) стянуть наши силы на площадь и в ратушу и занять ими баррикады и улицу для отражения штурма. Слух однако оказался необоснованным.

Далее, я в воскресенье сопровождал Гейбнера при посещении им некоторых баррикад. Гейбнер сказал защитникам баррикад речь, в которой старался вдохнуть в них мужество для продолжения борьбы. Я же давал командирам баррикад наставления посылать не сразу, как имело место до тех пор, множество баррикадных бойцов в ратушу за боевыми припасами, а отдельных лиц с письменными полномочиями от баррикадных командиров, дабы таким образом не растрачивались припасы и не обнажались баррикады.

При этом обходе мы встретили бывшего депутата Грунера из Рохлица. Он нам сообщил, что Чирнер и оба поляка, после получения плохих известий из Крестовой башни, быстро удалились и исчезли бесследно после того, как перед тем Чирнер дал полякам денег. Мы вместе пошли в ратушу и нашли здесь подтверждения этому известию. Все присутствующие — называю тут только Иекеля и Грунера — были того мнения, что Чирнер удалился из малодушия. Раньше в тот же день ушел и Тодт, причем причины его ухода мне не были известны, и он в то время еще не возвращался. Мы с Гейбнером были очень озадачены этим исчезновением. Однако Гейбнер вскоре заявил, что после речи, которую он держал защитникам баррикад, ему совершенно невозможно бежать и что он должен выдержать до конца. Я поддержал Гейбнера в этом намерении и заявил ему, несмотря на его предложение дать мне денег для бегства, что я останусь и выдержу с ним до конечного исхода дела, хотя, пожалуй, мне приходилось более других опасаться в качестве иностранца и русского. Все присутствующие — имен я, однако, называть не буду — держались тех же взглядов. Одно время я думал, что Иекель согласится стать на место Чирнера. Однако какие-либо попытки в этом духе не имели места. Гейнце также заявил, что, если только временное правительство распадется, он сложит с себя командование, которое он от него получил, но останется, если временное правительство не уйдет. Мне, впрочем, казалось, что Гейнце предпочел бы лучше уйти, чем оставаться. Вскоре после этих разговоров вернулся Тодт; однако позднее он вновь исчез; причина его ухода мне осталась неизвестной. Нам сообщили, что баррикада в местности около картинной галлереи дольше держаться не может. Это очень взволновало Гейбнера, и он сказал, что при таких обстоятельствах нам нельзя здесь сидеть спокойно, а надо итти туда. Я последовал за Гейбнером на баррикаду. Прежде чем мы туда добрались, Гейбнер упал и свихнул себе руку. Я принудил Гейбнера вернуться в ратушу. Чирнер еще не возвращался. Идя с Гейбнером в ратушу, мы встретили Гейнце, крайне взволнованного и кричавшего: «Мы идем на штурм, артиллерия за одно с народом». Я при этом слышал, правда, усиленный барабанный бой, но не знаю ничего ни про штурм, ни про его результаты. В десятом часу вечера появился, наконец, Чирнер. Мне стыдно было спросить его о причине его ухода, так как я раньше предполагал, что мотивом такового было только малодушное. На мой вопрос: «где поляки?» Чирнер только ответил: «ушли».

До вечера понедельника 7 мая с. г. моя дальнейшая деятельность ограничивалась только тем, что я распоряжался доставкой боевых припасов и отправкой подкреплений в нужные места в случаях, когда Гейнце отсутствовал. Что касается понедельника 7 мая с. г., мне остается еще упомянуть, что, вследствие общего упадка духа, между мной, Гейбнером и Чирнером возникли разговоры о том, следует ли сдаваться, или держаться, как и до этого времени, в оборонительном положении, или же прорваться.

Мое мнение о том, что, на плохой конец, следует прорваться, встретило сочувствие. Я об этом упоминаю, чтоб показать, что мы были очень плохо информированы, так как Фрейбергская и Плауэнская улицы, как выснилось впоследствии, были тогда совершенно свободны от войска. В понедельник вечером смятение дошло до высших пределов, и мне захотелось внести в дело хоть некоторый порядок.

Поэтому я призвал к себе в комнату временного правительства командиров баррикад, записал их имена и дал им кой-какие инструкции относительно распорядка на баррикадах. Распоряжений же по поводу боя я не давал никаких. В ночь с понедельника на вторник Гейнце меня разбудил и сказал, что он имеет сведения об общем штурме, предположенном войском на утро. Тогда, по его мнению, мы погибнем. На это Гейбнер спро-

сил: «что нам делать?» Я дал совет прорваться. Присутствовавший при этом Гейнце был со мной согласен и удалился со словами, что он пойдет на разведки, чтоб выяснить наиболее подходящее место для прорыва, если вообще он еще возможен. Однако Гейнце с своей разведки не вернулся, мы узнали, что он был взят в плен. Тогда Чирнер, Гейбнер и я решили созвать командиров баррикад, чтоб обсудить, что делать дальше.

Командиры баррикад собрались, и последовали разные предложения. Командир баррикады Борн провел свое мнение — произвести генеральную атаку, и тут же единогласно был выбран главнокомандующим: этот выбор был утвержден Чирнером и Гейбнером.

Хотя Борн и составил план атаки, в обсуждении которого я тоже принял участие и который сводился к тому, чтоб, концентрировав все силы, напасть на войско, взяв его с двух сторон в вилку, однако этот план не был приведен в исполнение *).

В ночь со вторника на среду Борн нам сообщил, что дольше держаться мы не можем, так как прусское войско уже отчасти заняло Вильсдруффергассе. Чирнер после этого захотел немедленно уйти, но остался, когда мы ему указали, что прежде мы должны уведомить наши силы об отступлении. Мы с Борном составили план отступления, одобренный Чирнером и Гейбнером, согласно которому мы должны были пробиться к Фрейбергу через Динольдисвальдскую площадь. Первым ушел Чирнер один. План временного правительства состоял в том, чтоб засесть в Фрейберге, и я твердо обещал Гейбнеру его не покидать и помогать ему своим присутствием и советом.

Я и последовал за Гейбнером в Фрейберг и позднее в Хемниц, будучи готов исполнить все, что бы Гейбнер мне ни поручил.

В Таранде мы натолкнулись на Чирнера, а по дороге из Таранда в Фрейберг к нам присоединился капельмейстер Вагнер, который на собственный страх предпринял поездку. Вагнер нас уверил, что весь Фойгтланд и Хемниц стоят за наше дело и что все обстоит хорошо. Я однако из замеченного мною лично выводил как-раз обратное заключение и видел, а еще более догадывался, что наступило большое уныние.

Вагнер сопровождал меня и Гейбнера до Фрейберга [15]).

Чирнер не сдержал данного нам в Таранде обещания последовать за нами в Фрейберг, и больше я его не видал.

М. Бакунин.

По прочтении подтверждено и подписано.

Верно: *Г. Гаммер*, судья и протоколист.

Карл Август Кюттнер, *Иоганн Вениамин Кох*, *Карл Генрих Воланд*, судебные заседатели.

XVII.

Крепость Кенигштейн. 22 сентября 1849.

Сегодня в помещении комиссии продолжался допрос заключенного господина Михаила Бакунина.

Допрашиваемый показал далее:

Руководство отступлением было возложено на Борна. Я все время находился при Гейбнере, даже когда он говорил речи вооруженным, сам же я не говорил, да и не мог бы

*) На полях сбоку приписка: «При прочтении добавлено: «Все командиры баррикад уверяли, что бойцы требуют атаки и битвы».

Прочтено и подтверждено. *Г Гаммер* асессор.

этого делать, так как настолько охрип, что вообще громко говорить был не в состоянии. В Фрейберге я вместе с Вагнером последовал за Гейбнером в его квартиру. Здесь мы обсуждали, должно ли временное правительство удалиться в Фойгтланд или в Хемниц. Описанное Вагнером положение в Хемнице побудило нас решиться в пользу Хемница. Возможно, что шла речь и об укреплении Фрейберга, однако я не помню, чтобы Гейбнер давал мне поручения по этому поводу. Вскоре после вышесказанного совещания я заснул и после продолжительного сна пошел в дом, куда отправился раньше Гейбнер. Это был гостиный двор.

Гейбнер составил прокламацию, содержание которой я теперь точно не припоминаю. Затем я принял меры к дальнейшей перевозке наших отрядов и припасов и выполнил все сюда относящееся совместно с Гейбнером. Я не могу однако припомнить подробностей, именно, я теперь решительно не знаю, увезены ли были и военные снаряжения.

Ночью я совместно с Гейбнером и Мерком, который раненый присоединился к нам лишь после обеда, поехал в Хемниц. Всю дорогу в Хемниц я проспал. По недружелюбной встрече у ворот Хемница и по вооруженной охране, которая сопровождала наш экипаж до гостиницы, я уже догадывался, что против нас настроены враждебно, однако не высказывался Гейбнеру по этому поводу. Я в Хемнице ничего не делал и не говорил, и только, после обращения бургомистра, требовавшего нашего удаления, и отказа в этом со стороны Гейбнера, я сказал: «Идем спать». Воспротивиться вскоре затем последовавшему нашему аресту и его избегнуть было совершенно невозможно при тогдашних обстоятельствах.

О дальнейшем я уже раньше показал. Я сказал все, что я знаю, и не припоминаю за собой никакой иной деятельности в дни восстания. В случае, если против меня имеются еще обвинения, то я буду ждать предъявления мне таковых.

М. Бакунин.

По прочтении подтверждено и подписано.

Верно: *Г. Гаммер*, судья и протоколист.

Карл Генрих Воланд, *Иоганн Вениамин Кох*, *Карл Август Кюттнер*, судебные заседатели.

XVIII.

Крепость Кенигштейн. 10 октября 1849.

Сегодня допрошен заключенный господин Михаил Бакунин по поводу имеющихся и предъявленных обвинений в насильственных действиях, угрозах и поджогах во время восстания в Дрездене 3—9 мая.

1. Относительно показаний Карла Фридриха Готтлиба Перля.

Я отрицаю, что я был верховным руководителем всего дела, отрицаю, что я всем распоряжался в ратуше, и по поводу моей тамошней деятельности ссылаюсь на мои прежние показания.

2. Относительно показаний Эренрейха.

Я допускаю, что говорил с временным правительством в вышеуказанном мною духе и что иногда, как я тоже раньше показывал, получал запросы, но мне вообще совершенно неизвестно, чтоб временное правительство делало какие-либо тайные постановления. В комнате временного правительства всегда толкалось много народу, и поэтому не могло быть и речи о тайных совещаниях. Еще раз отрицаю, будто я руководил всем делом.

Я не знаю лично ни полицейского служителя Перля, ни портного Эренрейха.

3. Относительно показаний Карла Фридриха Науманна.

Я уже высказался по поводу моего участия в руководстве боем. Большую степень участия отрицаю. Личность Науманна припоминаю. Я допускаю, что передавал Науманну приказы Чирнера разыскать купцов и во что бы то ни стало добыть боевые припасы, говоря ему при этом: «Идите достаньте», хотя не припоминаю отдельного случая; однако мне было неизвестно, что Науманн раньше был солдатом: верно, что я призывал Науманна оставаться, но смешно утверждать, что меня называли «Решрунгерат». Об этом мне ничего неизвестно.

Науманн исполнял свои обязанности добровольно и, повидимому, охотно оставался. Возможно, что Науманн мне указал, что в разных местах находятся свинцовые часовые гири, и запросил меня по этому поводу, может ли он их принести, а я ему это разрешил, но я отвергаю, что я по собственному почину приказывал производить такие реквизиции и доставлять вещи.

4. Относительно показаний Фридриха Августа Фелкера.

Я этого Фелкера не знаю и отрицаю, что говорил мятежником, когда они высказывали жалобы на недостачу того или иного, — «только силой».

5. Относительно показаний городского советника Карла Людвига Майзеля.

Городского советника Майзеля я не знаю.

Я отрицаю, что часто собственной властью разрешал вопросы городского совета, адресованные временному правительству. Я не имел никакого дела с городским советом и даже не знал, где он находится.

Что касается инцидента с переправкой пороха из ратуши в Шезенгауз, то дело обстояло следующим образом.

У меня был ключ к складу пороха, бывшему в нижнем этаже ратуши, и я распоряжался его раздачей. Однажды вечером — точно дня я припомнить не могу — я услыхал от смотрителя ратуши, что собираются переправить порох в Шезенгауз. Этому смотрителю вообще не доверяли и утверждали про него, что он тайно увозил порох; поэтому я, по распоряжению временного правительства, еще раньше отнял ключ от склада у смотрителя, который до меня распоряжался им.

После такого сообщения со стороны смотрителя, я немедленно пошел к временному правительству и доложил, что порох должен оставаться в ратуше, так как переправка его должна породить страшный беспорядок и опасность.

Чирнер и Гейбнер сразу поняли, что мое мнение правильно, и Чирнер сказал: «Ну, раз это так, то пускай так остается». После этого я снова пошел в склад и никому ни слова не сказал по поводу этого вопроса, кроме уже сказанного мной выше.

Поэтому я отрицаю, что я, будь то в присутствии Майзеля или в его отсутствии, произнес слова: «Что? Дома? Пускай летят на воздух!» Допускаю однако, что я сказал: «Городскому совету нечего приказывать», в связи с сообщением, что переправку пороха приказал городской совет: но я сомневаюсь, чтоб я мог сказать «Больше нет городского совета», так как я почти не знал о его существовании. Совершенно верно, что я требовал часто больших пистонов и распоряжался доставлением их.

Однако — неправда и клевета, что я возлагал ответственность за их доставку на городской совет под угрозой строгих мер.

5. Относительно показаний Воогка.

Я отрицаю, что в пятницу 4 мая вечером, да и вообще, я издал распоряжение поджечь замок смоляными факелами.

В пятницу 4 мая вечером я вообще ни в ратуше, ни где-либо в ином месте не проявлял какой-либо деятельности в пользу восстания.

Воогка не знаю.

6. Относительно показаний Фридриха Роберта Бирлинга и доктора Флоренца Германа Шульце.

Прежде всего я не знаю ни одного из них, но припоминаю самое событие. Дело обстояло следующим образом.

Неизвестный мне человек пришел — когда, теперь не знаю — в комнату временного правительства и спросил меня о нем.

На мой вопрос, что ему нужно, я получил ответ, что он хочет просить позволения поджечь один дом. На мой взгляд, это был рабочий. Я ему ответил, что временное правительство такого позволения дать не может. В эту минуту незнакомый мне человек схватил того, кто спрашивал, и на мой вопрос, «что это значит?» сказал, что он хочет его арестовать.

Этот незнакомый сидел у комнаты временного правительства, и повел рабочего по коридору, чтоб его запереть. Я последовал за обоими, вступил в спор с тем, кто арестовывал, и заставил его отпустить рабочего. Позднее я доложил о происшествии Чирнеру, и он одобрил меня за то, что я воспрепятствовал самовольному аресту.

Однако я отрицаю, что угрожал незнакомцу самыми крайними последствиями, если он не отпустит задержанного: отрицаю также, что я его бил или, взбесившись, ругал его.

Я не позволил себе по отношению к нему никаких насилий.

М. Бакунин.

По прочтении подтверждено и подписано. Верно: *Г. Гаммер*, судья и протоколист. *Карл Август Кюттнер*, *Иоганн Вениамин Кох*, *Карл Генрих Воланд*, судебные заседатели.

XIX.

Крепость Кенигштейн. 11 октября 1849.

Сегодня в помещении комиссии продолжался допрос заключенного господина Михаила Бакунина, как ниже следует:

7. Относительно показаний смотрителя ратуши Фердинанда Мейера.

Я допускаю, что при указанном случае я сказал Мейеру, что ему не доверяют, и что он должен удалиться, но отрицаю, что при этом произнес угрозу: «Еще одно слово и — тогда...» и вообще я себя отнюдь не вел столь звероподобно, как меня здесь изображают.

8. Относительно показаний Отто Леонгарда Гейбнера допрашиваемый показывает:

Я лично не являлся верховным руководителем боя, но работал в специальной области, как выше описал, и благодаря этому, конечно, влиял на ход боя.

Я не хочу отрицать, что я поощрял Гейбнера, уже после отступления из Дрездена, твердо стоять на своих замыслах, и допускаю, что я предоставлял все мои силы для осуществления его планов Гейбнеру, которого покинуть я ни за что не хотел.

О моих стратегических познаниях и достижениях я показывал уже раньше.

9. Относительно поджогов.

Я отрицаю, что давал распоряжение поджигать дома, а также и то, что знал о каких-либо прямых приказах в этом духе, а равно о лицах поджигателей и их средствах для выполнения задуманного.

Мне вообще известно, что в городе сгорели лишь оперный театр и еще один дом.

Допрашиваемому был предъявлен приказ:

«Так как командиры баррикад совершенно самостоятельны в выборе способов обороны, то, в виду желания представителей здешней общины спасти отдельные строения от поджога, сказанные командиры должны действовать по зрелому обсуждению дела, при чем временное правительство отнюдь не ставит им каких-либо ограничений. Выполнение сего приказа возлагается на главнокомандующего.

Временное правительство.

Дрезден, 7 мая 1849.

Чирнер, Гейбнер».

Я знаю этот приказ и допускаю, что участвовал в его обсуждении.

Этот приказ был необходим, так как два члена городского совета (Рихтер и Миинквиц) вошли во временное правительство с ходатайством спасти город от поджогов, и временное правительство, в общем, сочувствовало их просьбе. Но так как единого руководства битвой не было, то мной было предложено, и временным правительством одобрено означенным приказом побудить командиров баррикад к пощаде домов, но тем не менее не лишать их прямым запрещением крайнего средства обороны — поджога — в случае нужды.

Таким образом, предоставлено было отдельным предводителям признавать по собственному разумению необходимость этой меры и ее приводить в исполнение. Я поэтому допускаю, что прямого распоряжения о поджоге из комнаты временного правительства не исходило, но последний категорически был дозволен в случае необходимости.

Я, действительно, слыхал, что кое-где приступали к попыткам таких поджогов, но не знаю, от кого непосредственно исходили соответствующие распоряжения, кто делал эти попытки, к каким средствам для этого прибегали и каким образом приобретались эти средства.

Я отрицаю какое-либо непосредственное распоряжение к поджогу с моей стороны; я даже не знал о последних пожарах на Цвингерштрассе.

Даю честное слово, которым пользуюсь лишь в редких случаях, что я показал лишь сущую правду относительно обвинений меня в поджогах и ничего не утаил.

По прочтении подтверждено.

М. Бакунин.

Верно: *Г. Гаммер*, судья и протоколист.

Карл Генрих Воланд, *Иоганн Готтлиб Генель*, *Карл Август Кюттнер*, судебные заседатели.

XX.

Крепость Кенигштейн. 13 октября 1849.

Сегодня предъявлено заключенному господину Михаилу Бакунину показание Роста.

Допрашиваемый утверждает, что он не знает Роста, и совершенно не помнит, чтоб он в ратуше закричал некоему фрейбержцу, что он тоже один из этих проклятых фрейбержцев, которые перед воротами отговаривали подкрепления итти, однако допускает, что в основании показания Роста о назначении фрейбержца на баррикады и об отправке Роста за отрядом его может лежать правда, но теперь не может припомнить этого случая.

По прочтении подтверждено.

М. Бакунин.

Верно: *Г. Гаммер*, судья и протоколист [16]).

Карл Август Кюттнер, *Иог. Вениамин Кох*, *Иоганн Готтлиб Генель*, судебные заседатели.

XXI.

Крепость Кенигштейн. 19 октября 1849.

Сегодня явился, согласно вызова, господин городской советник Карл Людвиг Майзель из Дрездена на очную ставку с заключенным господином Михаилом Бакуниным.

Господин городской советник Майзель прежде всего опознает господина Бакунина, между тем как господин Бакунин уверяет, что он господина городского советника Майзеля не знает.

Далее заявляет господин Майзель Бакунину в лицо, что Бакунин неоднократно самовластно давал ответы на запросы городского совета, не спрашивая предварительно мнения присутствовавших членов временного правительства. Я, правда, не могу, — продолжает господин Майзель, — привести здесь отдельных случаев, но таковые в моем присутствии имели место. Конечно, я не могу сказать, могли ли рассматриваться такие ответы, как формальные резолюции, ибо теперь не могу припомнить ни одного индивидуального случая.

Господин Бакунин. Я не давал членам совета ни утвердительных, ни отрицательных ответов в форме решений и отвергаю обвинение в виду его общего характера.

Господин Майзель. Когда я делал Чирнеру представление о перемещении пороха, вы были приглашены в малый зал заседаний городского совета и заявили с своего места: «Что? Дома? Пускай взлетают на воздух!»

Господин Бакунин. Я положительно отрицаю, чтобы мною было сделано такое заявление.

Господин Майзель. Я, правда, сам этого не слыхал, но слышал от достойных веры свидетелей, что вы возлагали на городской совет ответственность за доставку пистонов, но я не в состоянии припомнить свидетелей из массы 400—500 лиц, которые мне тогда встречались.

Господин Бакунин. Я заявляю, что это показание — неправда.

М. Бакунин.

По прочтении подтверждено.

Вслед за сим господин городской советник Майзель, предваривши, что он не может категорически утверждать, что Бакунин именно сказал слова: «Что? Дома? Пускай взлетают на воздух!», однако с чистою совестью готов поклясться, что смысл их был таков; затем, заявив, что он с Бакуниным ни в родстве, ни в свойстве не состоит и, ответив отрицательно на прочие вопросы, задаваемые свидетелям для проверки достоверности их показаний, принес нижеследующую присягу:

«Я, Карл Людвиг Майзель, клянусь богом, что данное мной только-что и вновь мне прочитанное показание — чистая правда, да поможет мне в этом бог. Аминь».

Три талера 22 гр. за проезд из Дрездена в Кенигштейн, и обратно, включая расходы по железной дороге и питание, получил сполна.

Л. Майзель.

Верно: *Г. Гаммер*, судья и протоколист. *Карл Людвиг Майзель.*

Иоганн Готтлиб Генель, *Карл Генрих Воланд*, *Карл Август Кюттнер*, судебные заседатели.

XXII.

Дрезден. 20 октября 1849.

Сегодня в помещение комиссии явился сторож совета Фридрих Август Фелкер, 41 года, евангел. вероисповедания, и после того, как еще раз подтвердил свои, прочитанные ему показания, данные 7 июня с. г., а равно удостоверил, что с господином Бакуниным ни в родстве, ни в свойстве не состоит, ответил отрицательно на прочие вопросы, задаваемые свидетелям для проверки достоверности их показаний.

Затем г. допрашиваемый заявил, что личность Бакунина в нем не вызывает никаких сомнений и в этом никакой ошибки быть не может, и далее удостоверил, что он слышал, как неоднократно Бакунин употреблял выражение «Только силой», повидимому, жалуясь на инсургентов за недостаток в том или ином, и именно в огнестрельном оружии и припасах, и что он готов клятвенно подтвердить свое показание, после чего, Фелкер, подтвердив прочитанное ему вышеизложенное показание, принес нижеследующую присягу: «Я ,Фридрих Август Фелкер, заявляю и клянусь богом, что я, во время здешнего восстания в мае этого года, слышал, как русский Михаил Бакунин неоднократно повторял по адресу инсургентов слова: «Только силой» по поводу недостатка в том или ином, и именно в огнестрельном оружии и припасах, равно, что все изложенное в моем сегодняшнем показании, а также и во вновь прочитанном мне показании от 7 июня — правда. Да поможет мне в этом бог. Аминь».

Верно: *Г. Гаммер*, судья и протоколист [17]).

Густав Мориц Фритче, *Иог. Фрид. Шульце*, *Фердинанд Гартль.*

XXIII.

Проект заключительного допроса Михаила Бакунина

№ 1.

Михаил Бакунин родился в Торжке, Тверской губернии, в России в 1814 году, принадлежит к греческо-кафолической церкви; холост, будучи артиллерийским офицером, получил в 1834 году отставку, затем изучал в Берлине философию, а позднее посвятил себя главным образом политике. Бакунин не подчинился требованию русского правительства вернуться в Петербург и был выслан из Франции и Пруссии.

№ 2.

В январе с. г. Бакунин прибыл в Лейпциг из Кетена и оттуда отправился в марте с. г. в Дрезден, где и пребывал до майского восстания и во время оного.

Ни в Лейпциге, ни в Дрездене Бакунин не заявлял о себе полиции и, не имея легитимации, скрывался, часто меняя свое местожительство, у знакомых.

№ 3.

Политическая деятельность Бакунина была главным образом направлена против русского правительства.

№ 4.

Бакунин принял деятельное участие в имевшем место в мае с. г. в Дрездене восстании, так как он в Дрезденской майской революции усматривал противодействие прусскому влиянию, а равно и русскому, в виду влияния русской политики на Пруссию, и находил, что эта революция соответствует его стремлению подорвать или, по меньшей мере, ослабить русское влияние на Германию; к тому же многие из его знакомых принимали участие в восстании.

№ 5.

Однако Бакунин отрицает, что он подготовлял Дрезденское восстание или знал об его подготовке.

№ 6.

Далее Бакунин отрицает, что он работал в целях ниспровержения существующей формы правления и установления республики в Саксонии, или что он знал о каком-либо заговоре для достижения этой цели.

№ 7.

Бакунин в пятницу 4 мая с. г. отправился в ратушу в Старом городе в Дрездене и привел туда временному правительству, согласно желанию Чирнера, одного поляка в качестве способного офицера для предположенного нападения на цейхгауз.

№ 8.

На следующий день Бакунин, после того как он отклонил, вследствие недоверия к своим военным талантам и недостаточного знакомства с местностью, предложенное ему Чирнером главное командование, в качестве единолич ого руководителя, и привел себе на подмогу знакомых ему, незадолго до Парижского восстания прибывших в Дрезден, поляков Гельтмана и Кржижановского, занял с ними место в комнате временного правительства, прежде всего составил проект распорядка на баррикадах и затем совместно с сказанными поляками принял ряд мер, касавшихся боя, и сообщил эти решения временному правительству для выполнения.

№ 9.

После ухода Гельтмана и Кржижановского в воскресенье 6 мая с. г. Бакунин все время продолжал действовать в качестве советника временного правительства.

№ 10.

Бакунин заведывал пороховым складом и распоряжался распределением пороха и добыванием снаряжения.

№ 11.

Бакунин распоряжался подкреплениями во время боя.

№ 12.

Бакунин посещал баррикады и давал приказания командирам относительно доставки боевых припасов из ратуши.

№ 13.

Бакунин призывал командиров баррикад в комнату временного правительства и давал им инструкции относительно надлежащего распорядка на баррикадах.

№ 14.

Бакунин участвовал совместно с временным правительством в совещании по поводу распоряжения, данного командирам баррикад, по которому был предоставлен их усмотрению поджог отдельных зданий.

№ 15.

Бакунин однако отрицает какие-либо непосредственные распоряжения с его стороны о поджоге зданий.

№ 16.

Бакунин набросал вместе с Борном план, однако впоследствии не приведенный в исполнение, атаки войска, по коему надо было сосредоточить все силы и напасть с двух сторон, на войска, взяв их в вилку.

№ 17.

Бакунин обсудил совместно с Борном план отступления инсургентов.

№ 18.

Бакунин последовал за временным правительством из Дрездена в Фрейберг, все время был при Гейбнере, поощряя его к устойчивости в его намерениях, и обещал ему поддержку всеми своими силами для их осуществления.

№ 19.

Бакунин был в гостинном дворе, где помещалось временное правительство в Фрейберге, и там заботился о дальнейшем транспорте войск и припасов.

№ 20.

Бакунин участвовал в решении Гейбнера перенести восстание в Хемниц и с этой целью поехал с Гейбнером в Хемниц, но был там арестован.

Примечание.

Заключительный допрос не касается общей революционной деятельности Михаила Бакунина, так как Бакунин был по этому вопросу обстоятельно допрошен, и соответственные ответы занесены в протокол его собственными словами.

Составлено *Г. Гаммером*, асессором [18]).

XXIV.

Крепость Кенигштейн. 20 октября 1849.

Сегодня с заключенного Михаила Бакунина снят заключительный допрос на основании настоящего проекта.

Допрашиваемый ответил:

№ 1. Совершенно верно.
№ 2. Правильно.
№ 3. Совершенно правильно.
№ 4. Тоже правильно.
№ 5. Категорически отрицаю.
№ 6. Я это отрицаю, при чем поясню, что саксонская политика меня интересует лишь постольку, поскольку она может иметь влияние на русскую.
№ 7. Неправда.
№ 8. Правильно.
№ 9. Верно, при чем добавлю, что я подробности по этому вопросу уже сообщил.
№ 10. Правильно.
№ 11. Не всегда, а только лишь в отсутствии Гейнце.
№ 12. Только однажды.
№ 13. Только однажды.
№ 14. Верно, что я принимал участие на одном совещании, результатом коего была просьба к командирам, насколько возможно, не пользоваться огнем.
№ 15. Ни прямого, ни косвенного не давал.
№ 16. Я лишь говорил об этом плане с Борном, но его сам не составлял.
№ 17. Правда.
№ 18. Правда.
№ 19. Заботился вместе с другими.
№ 20. Совершенно правильно.

Вслед за сим господин Бакунин назначил господина судебного директора, адвоката Франца Отто, в Дрездене, своим защитником и просил о скорейшем с ним свидании.

По прочтении подтверждено.

М. Бакунин.

Густав Гаммер, судья и протоколист [19]).

Карл Август Кюттнер, *Иоганн Готтлиб Генель*, *Карл Генрих Воланд*, судебные заседатели.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Acta wider den Literat. Michael Bakunin. Vol I. Ergangen vor der Kriminalabtheilung des Stadtgerichts zu Dresden. 1849. Amtsgericht Dresden № 1285-a. Вместе с следующими далее «квитанцией» и «списком» этот документ находится на 1—4 страницах.

[2]) При личном обыске, которому подверглись арестованные, деньги были найдены у одного лишь М. Бакунина, в количестве 13 талеров, 14 зильбергрошей и 2 пфеннигов. Был составлен акт с соблюдением всех необходимых формальностей в присутствии Бакунина, Гейбнера, Мартина и Штиблера, деньги были «пересчитаны перед каждым из вышепоименованных, и записанная сумма признана правильной», что подтверждено собственноручной подписью Михаила Бакунина и должностными лицами (там же).

[3]) Там же, стр. 5—14.

[4]) Ошибка памяти. Еще 2 января 1843 г. (по нов. стилю) Бакунин был в Лейпциге, откуда перебрался в Цюрих. См. А. Корнилов, «Годы странствий Михаила Ба-

кунина». Госиздат. Ленинград. 1925 г. Уехал Бакунин из Швейцарии лишь после ареста Вейтлинга в июле 1843 г.

[5]) Опираясь на это показание, английским гражданским властям в Мальте была послана следующая бумага:

«Находящийся ныне под следствием, в виду его участия в имевшем здесь место между 3 и 9 мая прошлого месяца восстании, русский Михаил Бакунин, литератор, сослался на свидетельство ныне предположительно пребывающего в Мальте князя Гика из Валахии в том, что 4 того месяца он собирался совместно с г. князем Гикой покинуть Дрезден и сопровождать его до Швейцарии. У г. князя будто бы находились уже вещи Бакунина для их упаковки вместе с его вещами. Однако г. князь уже покинул Дрезден, когда Бакунин пришел к нему в пятницу 4 того же месяца с целью уехать.

Вследствие этого просим: допросить под присягой г. князя Гику относительно правдивости показаний Бакунина и вытребовать у него, в случае если они у него окажутся, вещи Бакунина, каковые возможно скорее препроводить с ответом на настоящую просьбу. Дрезден. 17 июня 1849 г.

Городской суд.

Замещающий *Брахман* асессор.»

Когда позднее было обнаружено, что Гика находится во Франции, саксонское правительство обратилось в Париж с просьбой о снятии с Гики показаний и получении сундука, принадлежащего Бакунину. Вот какой ответ был получен из Франции:

«Милостивый государь, я передал г. министру юстиции вашу просьбу о выполнении судебного поручения, с которой вы сделали мне честь обратиться ко мне 17 числа прошедшего месяца, каковая имела предметом снятие показания с г Базия Гики и получение *)..., который будто бы хранится у него.

С сожалением должен вам сообщить, что мой коллега не счел возможным дать ход этому делу. Мотивом для этого решения послужило то, что против обвиняемого, к которому относилось показание г. Гики, возбуждено преследование за участие в восстании, которое имело место в Дрездене в прошлом мае месяце; а так как принцип, воспрещающий не только выдачу обвиняемых, но и выполнение судебных поручений по политическим делам, всегда соблюдался во Франции, то г. министр юстиции не считает возможным уклониться от его соблюдения в деле, обстоятельства которого совершенно выходят из сферы нормального уголовного права.

Примите и т. д.

А. де Токвиль».

Париж, 11 августа 1849.

Г. фон Розе, саксонскому поверенному в делах Парижа.

[6]) Будет опубликована во втором томе «Материалов».

[7]) Мы опускаем стоящую впереди документа стереотипную фразу: «присутствовали...» с перечислением имен заседателей. Имена эти стоят внизу документа как подписи, удостоверяющие его подлинность. Эта стереотипная фраза опускается нами и в дальнейшем.

[8]) Акты № 1285-с., стр. 56.

[9]) Там же, стр. 53.

[10]) Акты... № 1285-а, стр. 53.

[11]) Акты... № 1285-с, стр. 71. Среди отобранных у Бакунина бумаг находилось несколько визитных карточек и адресов лиц, с которыми ему приходилось иметь дело, Среди них: д-р Крашевский у г-жи Комфель, Доротеенштрассе, 84, кафе Луиссе; Эдуард Рейхенбах, депутат, Доротеенштрассе, 88; Г. М. Герман, королевская университетская библиотека, Унтер ден Линден, 76; Гржибовский, № 350, площадь Беттеевского; Освальд Оттендорфер, студент второго года

*) Слово пропущено. Речь идет о сундуке Бакунина, в котором хранились его вещи. *Вяч. П.*

юридического факультета в Вене, передать в университете, гост. «Золотой Ангел», против генеральной комендатуры; проф., Паркине, Каролиненталь, город Гамбург, Новая Аллея, № 116; Юлиус Андржейкович; д-р Чермак; купец Ф. А. Стильх, Фриденштрассе, гост. «Город Вена», Бреславль; д-р Либельт, Аннаплац, у господина Ширнера, против книжной торговли Гаазе; Франц Ванка, Росмаркт, 98; Фердинанд Б. Миковец; Шарль Луи Бернайс; Владислав Косцельский в Спарлей около Гровиалова, провинция Познань, Познань до востребования, королевская университетская библиотека Унтер ден Линден, 76; Германн Мюллер, землевладелец, Лагау в Визосе около Крейцбурга, в Верхней Силезии, близ Оппельна; Герман Мюллер, книгопродавец Мюллер в Крейцбурге, в Верхней Силезии, около Оппельна и др. Среди записочек имеется одна, написанная Полиной Виардо на франц. языке: «J'ai reçu de M-me Charte deux paquets. Pauline Viardot. de 24/X 1848».

[12]) Акты... № 1285-а, стр. 144—145.

[13]) Акты... № 1285-а, стр. 106—135.

[14]) В протоколе над словом «приказание» стоит «совет». 6-го мая было воскресенье. Здесь, очевидно, описка.

[15]) Описание отступления см. у Р. Вагнера «Моя жизнь», мемуары. Изд. «Грядущий День», 1911, Петербург, стр. 188—196.

[16]) Акты... № 1285-а, стр. 139—141.

[17]) В подлиннике цифра стерта — м. б., 30 октября.

[18]) Акты... № 1285-а, стр. 147—150.

[19]) Акты... № 1285-а, стр. 151—152.

Письма Ф. М. Достоевского.

Публикуемые письма Ф. М. Достоевского к брату Мих. Мих. Достоевскому говорят о том, какой глубокий творческий порыв охватил писателя после каторги, когда он вышел на поселение в 1854 году. В день отправления в Сибирь из Петропавловской крепости, 22 декабря 1849 г., Достоевский с горечью писал брату о крушении своей литературной карьеры. Его угнетал наизвестностью вопрос: угаснет на каторге его талант или сбережется? Отправляясь на каторгу, он писал: «Неужели никогда я не возьму пера в руки? Я думаю, через четыре года будет возможность. Я перешлю тебе все, что напишу если что-нибудь напишу... Сколько образов, выжитых, созданных мною вновь, погибнет, угаснет в моей голове или отравой в крови разольется! Да, если нельзя будет писать, я погибну. Лучше пятнадцать лет заключения и перо в руках»...

Выйдя из острога, Достоевский вновь берется за перо. В публикуемых письмах он рассказывает о нескольких романах, часть которых осталась в форме замыслов, незавершенными творениями, а часть в те же годы была напечатана. Известны роман «Село Степанчиково» (напеч. в журнале «Отечественные Записки», 1859 г. ноябрь и декабрь), повесть «Дядюшкин сон» (напеч. в журнале «Русское Слово», 1859 г., март). Из писем этого периода узнаем и о других широких планах, зародившихся в то время у Достоевского; именно — о «романе из петербургского быта, вроде «Бедных людей», о романе «с страстным элементом», романе «большом» и романе «небольшом» (определения Достоевского), затем романе — исповеди, соединившемся в 1859 году с романом «с страстным элементом». Замыслы некоторых романов были так широки, что в самом процессе работы писатель легко отделял от целого отдельные эпизоды, — таким эпизодом большого романа было «Село Степанчиково». («Село Степанчиково» в письмах называется также иногда «большим романом»). «В большом романе моем есть эпизод вполне законченный, сам по себе хороший, но вредящий целому. Я хочу отрезать его от романа. Величиной он тоже с «Бедных людей», только комического содержания. Есть характеры свежие» (письмо брату 18 января 1858 г.).

В письмах находим также новые и ценные подробности, дополняющие сведения, касающиеся известных произведений. Так, в последнем письме от 9 октября 1859 г. Достоевский сообщает брату замысел «Записок из Мертвого Дома», которые «приняли теперь [т.-е. в 1859 г. в Твери] в голове моей план полный и определенный. Это будет книжка листов в 6 или 7 печатных. Личность моя исчезнет. Это — записки неизвестного; но за интерес я ручаюсь. Интерес будет наикапитальнейший. Там будет и серьезное и мрачное, и юмористическое, и народный разговор с особенным каторжным оттенком (я тебе читал некоторые из записанных мною на месте выражений), и изображение личностей, никогда неслыханных в литературе, и трогательное» (см. ниже на стр. 211).

Достоевский не раз уверяет брата, что он может стать писателем, что «мое литературное имя — непропадшее имя. Материалу в семь лет накопилось у меня много, мысли мои прояснели и установились» (в письме 22 декабря 1856 г.).

Под конец пребывания в Сибири у Достоевского появляется мысль о создании своего журнала. Он хочет спорить, бороться с другими. «Под рубрикой «Писем из провинции» [намерен] начать ряд сочинений о современной литературе. У меня много созревшего на этот счет, много занесенного, и знаю, что я обратил бы на себя внимание. И что же? За недостатком материалов, т.-е. журналов за последнее десятилетие,— остановился. И вот так-то погибает у меня все: и литературные идеи и карьера моя литературная» (письмо 3 ноября 1857 г.). Чем дальше, тем труднее становилось жить Достоевскому в Сибири. «Давит меня Сибирь», восклицает он в неопубликованном письме к сестре Варваре Мих. Карепиной 7 сентября 1857 г. Теперь Достоевский напрягает все усилия выбраться из Сибири и строит планы о жизни в Одессе.

Но писательское настроение влечет его в столицу. Тем более ему надо быть с братом рядом в Петербурге, что у обоих зародилась мысль издавать свой журнал или газету. «Твоя газета, о которой ты мне писал, — вещь премилая. У меня давно уже вертелась в голове мысль о подобном издании, но только чисто литературной газеты. Главное: литературный фельетон, разборы журналов, разборы хорошего и ошибок, вражда к кумовству, так теперь распространившемуся, больше энергии, жару, остроумия, стойкости, — вот что теперь надо. Я потому так горячо говорю это, что у меня записано и набросано несколько литературных статей в этом роде. Например, о современных поэтах, о статистическом направлении литературы, о бесполезности направления в искусстве, — статьи, которые написаны задорно и даже остро, а главное — легко» (письмо от 13 сентября 1858 г.).

Биографы в неопубликованных письмах Достоевского после каторги найдут немало подробностей о начале его «новой жизни» после каторги, сведений о его знакомстве и романе с М. Д. Исаевой, об условиях их жизни в Семипалатинске. Полный текст всех писем Ф. М. Достоевского к брату и другим близким родным и знакомым за время с 1854 г. из Семипалатинска и Твери до переезда в Петербург в конце 1859 г. печатается в отдельном издании Центрархива. — Здесь публикуются из всей этой серии писем — шесть писем, адресованных Федором Михайловичем брату М. М. Достоевскому. Подлинники их хранятся в фонде писателя, поступившем в 1921 г. в Центрархив.

Текст писем подготовил к печати Н. Ф. Бельчиков. *Редакция.*

1.

Семипалатинск, 13 генваря [18]56 [г].

Пользуюсь случаем писать тебе, друг мой. С прошлого года, когда я писал тебе с М. М. Х[оментковски]м, я не мог найти, до сих пор, ни одной другой оказии. Теперь она представляется. Надо сознаться, что прошлого года ты мне плохо отплатил за мое длинное письмо: не отвечал почти ничего, даже не отвечал на некоторые мои вопросы, на которые я ждал от тебя подробного ответа. Не знаю, что тебя останавливало: леность? — но она была совсем не у места; дела? — но я уже писал тебе, что никогда не поверю существованию таких дел, которые не дают и минуты свободной. Осторожность? — Но если уж я пишу тебе, то, вероятно, нечего опасаться. Надеюсь, что этот раз ты напишешь мне что-нибудь побольше, хотя и долго еще придется ждать

твоего ответа, месяцев семь. Этот раз хотел тоже настрочить тебе очень много и подробно, обо всем моем житье-бытье с тех пор, как я оставил Омск и прибыл в Семипалатинск. Но ограничиваюсь одним этим листком, собственно потому, что Александр Егорович Wrangel, податель этого письма, очень подробно и очень интимно может уведомить тебя обо мне, если не во всех, то во многих отношениях. Прими его, как можно лучше, и постарайся всеми силами как можно короче с ним познакомиться и сойтись. Этот молодой человек того стоит: душа добрая, чистая. Я уж не говорю, что он для меня столько сделал, показал мне столько преданности, столько привязанности, чего родной брат не делает. (Это к тебе не относится.) Сделай же одолжение, постарайся полюбить его и сойтись с ним короче. Ты уже отрекомендован ему мною как нельзя лучше. Да и притом, помня твой уживчивый, добрый и деликатный характер, который всем нравился, который все любили, я думаю, что тебе это будет не трудно. В двух словах изображу тебе, на всякий случай, характер Ал. Ег., чтоб тебе было легче, и чтоб ты уж ничем более не затруднялся. Этот человек очень молодой, очень кроткий, хотя с сильно развитым point d'honneur, до невероятности добрый, немножко гордый (но это снаружи, я это люблю), немножко с юношескими недостатками, образован, но не блистательно и не глубоко, любит учиться, характер очень слабый, женски впечатлительный, немножко ипохондрический и довольно мнительный; — что другого злит и бесит, то его огорчает — признак превосходного сердца. Très comme il faut. Он самым бескорыстнейшим образом взялся хлопотать обо мне и помогать мне всеми силами. Впрочем, мы с ним сошлись и он меня любит. Далее я еще скажу тебе о нем кое-что, а теперь, покамест, перейду к себе.

Ты, вероятно, уже знаешь, голубчик мой, что обо мне очень сильно хлопочат в Петербурге и что у меня есть большие надежды. Если не все удастся получить, т.-е. если не полную свободу, то, по крайней мере, несколько. Брат Ал. Егоровича (служащий в конногвардии) был у тебя, я это знаю по его письму к брату, и, вероятно, он сообщил тебе о всех стараниях, сделанных для меня в Петербурге. Алекс. Ег., я уверен, remuera ciel et terre с своей стороны, по приезде в Петербург, в мою пользу. Он тебе расскажет обо всем этом больше и подробнее, чем я могу тебе написать в этом письме. С своей стороны, говорю тебе только, что я теперь в совершенно пассивном положении и решился ждать (мимоходом уведомляю тебя, что я произведен в унт.-офицеры, что довольно важно, ибо следующая милость, если будет, должна быть, натурально, значительнее унт.-офицерства). Меня здесь уверяют, года через два или даже через год, я могу быть официально представлен в офицеры. Признаюсь тебе, что я хотел перейти в статскую службу и даже теперь желаю этого, и даже, может быть, буду стараться об этом. Но теперь, по крайней мере, решился ждать пассивно ответа на все эти настоящие усилия, которые делаются теперь для меня в Петербурге. Повторяю тебе, Ал. Егор. гораздо больше и подробнее

тебе об этом расскажет. Я же прибавлю вот что: друг мой! Не думай, чтоб какие-нибудь социальные выгоды или что-нибудь подобное заставляли меня до такой степени упорно стараться о себе. Нет. Поверь, что, бывши в таких передрягах, как я, выживешь, несколько философии, — слово, которое толкуй, как хочешь Но есть два обстоятельства, которые заставлют меня как можно скорее выйти из стесненного положения и ввергают в такое лихорадочное участие к самому себе. Об этих обстоятельствах я тебя и должен уведомить. 1-е это то, что я хочу писать и печатать. Более чем когда-нибудь я знаю, что я недаром вышел на эту дорогу и что я недаром буду бременить собою землю. Я убежден, что у меня есть талант и что я могу написать что-нибудь хорошее. Ради бога не принимай моих слов за фатство. Но кому ж мне и поверять мечты и надежды мои, как не тебе? К тому же я хотел непременно, чтоб ты знал, для каких соображений мне нужна свобода и некоторое общественное положение.

Теперь приступаю ко второму пункту, для меня очень важному, но об котором ты никогда ничего не слыхал от меня. Надобно знать тебе, мой друг, что, выйдя из моей грустной каторги, я со счастьем и надеждой приехал сюда. Я походил на больного, который начинает выздоравливать после долгой болезни и, быв у смерти, еще сильнее чувствует наслаждение жить в первые дни выздоровления. Надежды было у меня много. Я хотел жить. Что сказать тебе? Я не заметил, как прошел первый год моей жизни здесь. Я был очень счастлив. Бог послал мне знакомство одного семейства, которое я никогда не забуду. Это семейство Исаевых, о котором я тебе, кажется, писал несколько, даже поручал тебе одну комиссию для них. Он имел здесь место очень недурное, но не ужился на нем и по неприятностям вышел в отставку. Когда я познакомился с ними, он уже несколько месяцев как был в отставке и все хлопотал о другом каком-нибудь месте. Жил он жалованием, состояния не имел, и потому, лишась места, мало-по-малу они впали в ужасную бедность. Когда я познакомился с ними, еще они кое как себя поддерживали. Он наделал долгов. Жил он очень беспорядочно, да и натура-то его была довольно беспорядочная. Страстная, упрямая, несколько загрубелая. Он очень опустился в общем мнении и имел много неприятностей; но вынес от здешнего общества много и незаслуженных преследований. Он был беспечен, как цыган, самолюбив, горд, но не умел владеть собою и, как я сказал, опустился ужасно. А между прочим это была натура сильно развитая, добрейшая. Он был образован и понимал все, об чем бы с ним не заговорить. Он был, несмотря на множество грязи, чрезвычайно благороден. Но не он привлекал меня к себе, а жена его Марья Дмитриевна. Это дама, еще молодая, 28 лет, хорошенькая, очень образованная, очень умная, добра, мила, грациозна, с превосходным, великодушным сердцем. Участь эту она переносила гордо, безропотно, сама исправляла должность служанки, ходя за беспечным мужем, которому я, по праву дружбы, много читал

наставлений, и за маленьким сыном, — она только сделалась больна, впечатлительна и раздражительна. Характер ее впрочем был веселый и резвый. Я почти не выходил из их дома. Что за счастливые вечера проводил я в ее обществе! Я редко встречал такую женщину. С ними почти все раззнакомились, частию через мужа. Да они и не могли поддерживать знакомства. Наконец, ему вышло место в Кузнецке, Томской губернии, заседателем, а прежде он был чиновником особых поручений при таможне; переход от богатой и видной должности к заседательству был очень унизителен. Но что было делать! Почти не было куска хлеба, и я едва-едва достиг того, после долгой, истинной дружбы, чтоб они позволили мне поделиться с ними. В мае месяце 55-го года я проводил их в Кузнецк, через два месяца он умер от каменной болезни. Она осталась на чужой стороне, одна, измученная и истерзанная долгим горем, с семилетним ребенком и без куска хлеба. Даже похоронить было мужа нечем. У меня денег не было. Я тотчас занял у Алекс. Егор. сначала 25, и потом 40 руб. серебром и послал ей. Слава богу, теперь ей помогают родные, с которыми она была несколько в ссоре через мужа. Родные ее в Астрахани. Ее отец, сын французского эмигранта, m-r de Constant; он старик и занимает значительную должность директора карантина в Астрахани. Состояние не имеет, но живет своим жалованием очень значительным. Теперь же скоро выйдет в отставку, и потому доходы его сократятся. У него, кроме того, еще 2 дочери на руках. Наконец, осталась родня мужа, родня дальняя: один из братьев мужа служит в гвард. финск. стрелк. батальоне капитаном. Я знаю, что и фамилия мужа была очень порядочная.

Теперь вот что, мой друг: я давно уже люблю эту женщину и знаю, что и она может любить меня. Жить без нее я не могу, и потому, если только обстоятельства мои переменятся хотя несколько к лучшему и положительному, я женюсь на ней. Я з н а ю, что она мне не откажет. Но беда в том, что я не имею ни денег, ни общественного положения, а между тем родные зовут ее к себе в Астрахань. Если до весны моя судьба не переменится, то она должна будет уехать в Россию. Но это только отдалит дело, а не изменит его. Мое решение принято и, хоть бы земля развалилась подо мной, я его исполню. Но не могу же я теперь, не имея ничего, воспользоваться расположением ко мне этого благороднейшего существа и теперь склонить ее к этому браку. С мая месяца, когда я расстался с ней, моя жизнь была ад. Каждую неделю мы переписываемся. Ал. Ег. был знаком с Исаевыми, но только в последнее время их жизни в Семипалатинске. Он видел Марью Дмитриевну, но знает ее только несколько. Я был с ним несколько откровенен на этот счет, но несовершенно. Он не знает содержания этого письма, но думаю, будет говорить с тобой обо всем этом деле. До сих пор я все думал выйти в статскую службу. Начальник Алтайских заводов полковник Герингросс, друг Ал. Егор., очень желает, чтоб я перешел служить к нему, и готов дать мне место, с некоторым жалованьем, в Барнауле. Я об этом думаю, но опять-таки жду, не будет ли чего

до весны из Петербурга. Если мне нельзя будет выехать из Сибири, я намерен поселиться в Барнауле, куда приедет служить и Алекс. Егоров. Через несколько времени, я знаю наверно, возвращусь в Россию. Но, во всяком случае, не знаю, можно ли мне будет рассчитывать на одно жалование. Оно не может быть велико. Конечно, я буду изыскивать все средства зарабатывать деньги. Для этого превосходно было бы, еслиб мне позволили печатать. Кроме того, здесь в Сибири, с очень маленьким капиталом (ничтожным) можно делать хорошие и верные спекуляции. Если б я здесь, в Семипалатинске, имел только 300 руб. сер. лишних, то я на эти 300 нажил бы в год непременно еще 300; край новый и любопытный. Во всяком случае, мне стыдно будет, незабвенный друг мой, просить у тебя содержать меня. Но я уверен, что ты хоть год еще будешь несколько помогать мне. Главное, помоги мне теперь. Если мне выйдет какая-нибудь милость, то я попрошу помощи у дяди; пусть даст мне хоть что-нибудь начать новую жизнь. Само собою разумеется, что раньше события я никому в мире не напишу, что я намерен жениться. Тебе я говорю это под страшным секретом. Да и тебе, признаюсь, не хотел говорить. Это дело сердца, которое боится огласки, боится чужого взгляда и прикосновения. Так, по крайней мере, в моем характере. И потому, ради Христа, не говори об этом никому, совершенно никому. Да и про все письмо мое вообще не говори никому и никому не показывай. Ради бога ни слова об этом сестрам; они тотчас испугаются за меня, и начнутся советы благоразумия. А мне, без того, что теперь для меня главное в жизни, не надо будет и самой жизни. В тебя только одного верю, мой добрый, мой лучший друг. Ты один у меня.

Теперь скажу тебе несколько слов о моих здешних обстоятельствах, вообще, только несколько слов, ибо барон тебе все сам расскажет лучше моего. Здоровье мое очень порядочно; припадков уже не было давно. Поставил я себя здесь на прекрасную ногу. Несмотря на то, что я солдат, все, кто здесь позначительнее, знакомы со мною и даже за честь почитают. Начальство меня любит и уважает. Корпусный командир (генерал-губернатор) знает меня и обо мне старается. В Барнауле горный начальник, генерал, готов сделать с своей стороны все, что может, а он на своем месте может много. Но самым лучшим для себя считал бы я перебраться в Россию, сначала хоть служить где-нибудь. Потом, если б я выхлопотал себе позволение печатать, я бы был обеспечен. Все это и будет; в этом я уверен, но, может быть, еще надо будет подождать. До тех же пор, может быть, придется жить и в Сибири. Что делать, подожду. Главное, если б посетила меня хоть какая-нибудь милость — перейти в статскую службу и получить, покамест, хоть какое-нибудь местечко с жалованьем. Не знаю, удадутся ли все мечты мои, сбудутся ли они? Может быть, что возможность этой женитьбы и расстроится. Тогда, я знаю себя, я опять убит и несчастен. Денег надобно, — вот что! Я говорю тебе, что мне совестно

будет просить у тебя тогда, но хоть немного, хоть вначале, помоги мне.

Теперь скажу тебе несколько слов о моих настоящих денежных обстоятельствах. Я просил у тебя письмом через брата Ал. Егор. прислать мне 100 руб. серебр. Друг мой, эти 100 руб. едва мне помогут, ибо я много задолжал. Всего у меня рублей 50 сереб. долгу и, если твои деньги придут скоро, то у меня останется еще руб. 50 сереб., с которыми я могу подождать перемены моих обстоятельств, например, в случае милости. Тогда уже мне надобно будет значительно денег; нужно одеться, нужно обзавестись; впрочем, нечего и исчислять, что нужно. Эти 50 руб. сереб, которые мне останутся, тоже надобно будет очень скоро истратить; я весь обносился, все надобно будет завести, и белье и мундир справить, шинель новую сделать. Мне останется мало; жить менее 15 руб. сереб., в месяц нельзя, исключая непредвиденных расходов, об этом справься у Wrangel'я. Здесь все дорого. Впрочем, более я и не прошу. Я перебьюсь как-нибудь этими 100 рублями сереб. Может быть, Варенька что-нибудь пришлет — ангельская душа! (Как она мило пишет письма, откуда она этому научилась, что за прелесть ее письма! не то, что ваши, милостивый государь, — а получше-с). В случае же перемены участи, когда мне понадобится денег очень значительно, я, как писал уже тебе, обращусь к дяде. Неужели откажет?— Но друг мой! Еслиб ты знал, как мне тяжело признаться тебе еще в одном обстоятельстве! У меня еще есть долг, кроме этого долгу. Я должен Ал. Егор., забрав у него в разное время 125 руб. сереб. Не спрашивай, куда они пошли! Я и сам не знаю! Я знаю только то, что я живу очень бедно, во всем себе отказываю, а, между прочим, задолжал! Я не требую, друг мой, чтоб ты за меня отдал Алекс. Егоровичу! Это будет слишком. Но я только знаю, что я должен отдать ему, хоть он и краснеет, когда я заговорю ему о своем долге, и даже огорчается, если я напоминаю ему о нем. (Он деликатнейший человек!) — Впрочем довольно об деньгах! Я знаю, что ты меня не забудешь! Моя же единственная мысль как-нибудь поскорее себя обеспечить и не быть вам всем в тягость.

Прибавлю еще несколько слов об Александре Егоровиче. Слушай! Если удастся тебе с ним сойтись, наблюдай за ним, не оставляй его одного. Скажу тебе большой секрет, и, может быть, дурно делаю, что говорю тебе про него, но для его же пользы. Il est amoureux fou d'une dame d'ici, d'une dame parfaitement comme il faut, très riche et d'une famille considérée. Она приедет в одно время в Петербург. Не показывай виду Врангелю, что знаешь про это, но будь ему, как брат родной, как я был ему, займи мою должность, — наблюдай за ним, потому что он способен сделать dans cette affaire ужаснейшие дурачества, т.-е. трагические, а я бы этого не хотел. Есть некто маркиз де Траверсе (сын ревельского), и, хоть они росли вместе и друзья, но мой барон имеет повод считать его своим соперником, поэтому они могут вдвоем наделать больших глупостей. Не пишу тебе больше

ничего. Если ты подружишься с Алекс. Егоров. и получишь его доверенность, то он тебе сам больше расскажет. Если же нет, так тебе и нечего знать больше. Но, во всяком случае, пользуясь этим немногим, что я тебе написал, следи за ним. Это характер слабый, нежный, даже болезненный, останавливай его. Но, во всяком случае, ради Христа божия, никому ни одного слова об этом. И Врангелю не говори, что я тебе это написал, даже в минуту откровенности, если сойдетесь. Я для него же сделал, ибо очень люблю его. Этот секрет знает он, я и ты теперь; более никто. Честное слово, что ты будешь молчать. С братом он вовсе не откровенен; но я так интересуюсь всем, что касается до Алекс. Егор., что думаю написать его брату несколько слов. Кроме этого секрета, я тебе расскажу, что он не совсем ладит с отцом, который человек характера упрямого, странного, мнительного и подозрительного. Отец любит его ужасно, но требует например, чтоб он до сих пор не смел сделать ни шагу без его воли, до мелочей (все из любви), сам богат и даже очень, а с детьми скуп; а мой барон и сам не хочет брать, ибо тот имеет привычку попрекать деньгами, данными детям. Всего в нескольких строках не расскажешь. Но я предвижу и знаю, что у него могут быть большие неприятности с отцом. Если он будет с тобой откровенен, утешай его в неприятностях, внуши ему, что отец — все-таки отец, и что нужно как-нибудь ладить. У него есть сестра, это, кажется ангел-хранитель всего семейства. Я читал ее письма и знаю ее по рассказам барона.

18 генваря.

Я написал письма сестрам, дяде (у которого ничего не прошу), Иванову, Майкову и князю Одоевскому. Я прошу князя содействовать, когда я буду хлопотать о позволении печатать. Может быть, я успею написать очень скоро одну статью о России, патриотическую.

Если позволят напечатать, я буду просить, будут и деньги. Знаком ли ты с Евг. Ник. Яку[шкины]м? Если не знаком, то познакомься. Он принимает во мне большое участие. Пожалуйста, познакомься получше с Ивановым.

Ради бога, не надумайся и не пугайся много о том, что я говорил тебе о моей привязанности. Может быть, будет, может быть — нет. Я честный человек и не захочу употреблять свое влияние, чтоб заставить это благородное существо принесть мне жертву. Но когда будет возможность, хоть через 5 лет, я исполню свое намерение.

Пожалуйста, не сердись на меня за просьбу о деньгах. Помоги мне только теперь. Скоро, очень скоро, может быть, судьба моя переменится.

Прощай, друг мой, живи счастливо, не забудь меня. Теперь, с отъездом Wrangel'я, я остался совсем сиротой. Очень грустно.

Перецалуй детей, поклонись Эмилии Федоровне. Здорова ли она? Дай бог вам всем счастья. Люби меня и помни обо мне. Я тебя тоже очень люблю.

Твой *Д[остоевский]*.

2.

Семипалатинск. 9 ноября 1856 г.

Добрый брат мой, друг мой неизменный и верный, письмо это передаст тебе Ал. Егор., которому я так много обязан. — Я получил письмо твое с прошлой почтой. Удивляюсь, что ты так поздно узнал о моем производстве. Я 30-го октября уже знал это. (Поблагодари К. И. Иванова и Ольгу Ивановну. Они мне прислали приказ; да, кроме того, 30-го октября из штаба прислали военному губернатору бумагу о моем производстве.) Повторяю вместе с тобою: дай бог долго и счастливо царствовать нашему ангелу — государю! Нет слов, чтобы выразить ему мою благодарность. Обнимаю тебя от всей души и благодарю за поздравление. Письма твоего я ждал бесконечное время. Друг мой, брось свою систему: хоть понемножку, да почаще уведомляй меня о себе. Иногда тебе нечего выслать мне, я знаю это, но что до этого, все-таки пиши! Ты обещаешься, друг мой, выслать мне деньги с будущею почтою и уверяешь в помощи добрейших сестер и тётушек. Добрый друг, если б ты только знал, как я нуждаюсь. Эта помощь придет очень кстати; ибо я не знал бы, как обмундироваться. Обмундировка здесь стоит гораздо дороже (в $1^1/_2$ раза), чем в Петербурге. Я взял что необходимо в лавках в долг. Но многое еще остается завести. Между прочим, у меня совсем нет белья. Теперь я получаю жалованье. Но жалованье, в первое время, с вычетами и проч., не велико. К тому же я задолжал (конечно, таким людям, которые будут ждать на мне, но все-таки должен). Пишу это, друг мой, тебе не потому, чтоб не нашел ничего важнее, как тотчас же заговорить о деньгах и просить тебя о присылке. Нет! Да и ты сам меня не считаешь таким, я уверен в том, но вот для чего: для того, чтоб хоть немного оправдаться перед тобой, ибо я перед тобой много виноват, надеясь на твои деньги и и с т р а т и в больше, чем могу тратить.

Но, брат милый! Если были траты экстренные, то я в них был не властен. Ту, которую я любил, я обожаю до сих пор. Чем это кончится, не знаю. Я сошел бы с ума, или хуже, если б не видал ее. Все это расстроило мои дела (не думай, что я с ней делюсь, ей отдаю; не такая женщина, она будет жить грошем, а не примет). Это ангел божий, который встретился мне на пути, и связало нас страдание. Без нее я бы давно упал духом. Что будет, то будет! Ты очень беспокоился о возможности моего брака с нею. Друг милый, кажется, этого никогда не случится, хоть она и любит меня. Это я знаю. Но что будет, то будет! Она умоляет тебя простить ее за то, что она тебе не ответила. Она была в страшно худых обстоятельствах в это время. А после долгого промедления ей показалось совестно отвечать. Письмо твое восхитило ее.

Но довольно об этом. — Теперь у меня начинается новая жизнь! Ал. Егор. спрашивает: о чем еще просить и чего я желаю? (он предан мне, как брат родной). Я и сам не знаю, чего желать теперь, ибо возврата в Россию я и без перевода в армию скоро достигну. Если б я

желал возвратиться поскорее в Россию, то для того, чтоб обнять вас и посоветоваться с знающими докторами о болезни моей (припадки). — Всего скорее я бы желал отставки, и потому прошу Ал. Егор. написать мне поскорее и поутвердительнее: могу ли надеяться просить о ней по слабости здоровья? Отставка полезна была бы мне: во 1-х, для поправления здоровья, 2) свобода, возможность заниматься литературой (удобнее) и, наконец, дала бы мне более денег. Ибо даже здесь мне уже 2 раза предлагали (надеявшиеся, что меня выпустят по манифесту совсем на свободу) занятия, которые, может быть, совершенно обеспечили бы меня. Но я рассчитывая, ожидаю и надеюсь на позволение печатать; на то заранее и слишком скоро понадеявшись, я и задолжал необдуманно (я рассчитывал на «Детскую сказку», которую вы думали напечатать. Почему не напечатали, была ли попытка, а если была, то что сказали? — Ради Христа, напиши обо всем этом). Друг мой, я был в таком волнении последний год, в такой тоске и муке, что решительно не мог заниматься порядочно. Я бросил все, что и начал писать, но писал урывками. Но и тут не без пользы, ибо вылежалось, обдумалось, и полунаписалась хорошая вещь. Да, друг мой, я знаю, что сделаю себе карьеру и завоюю хорошее место в литературе. К тому же я думаю, что литературой, обратив на себя внимание, я выпутаюсь из последних затруднений, оставшихся в моей горькой доле. Меня мучает сильно обилие материалу для письма. Мучают тоже вещи в другом роде, чем романы. Я думаю, я бы сказал кое-что даже и замечательного об искусстве; вся статья в голове моей и на бумаге в виде заметок, но роман мой влек меня к себе. Это сочинение очень большое. Роман комической, началось с шуточного, и составилось то, чем я доволен. Будут очень и очень хорошие вещи в нем. Ради бога, не сочти меня хвастуном. Нет человека справедливее и строже меня к самому себе в этом отношении, и если б знали то мои бывшие критики! Отрывки, совершенно оконченные эпизоды, из этого большого романа, я бы желал напечатать теперь. Это бы дало мне и известность и деньги. Ради Христа, справься по возможности: возможно ли это, и напиши ко мне.

Ангел мой, я боюсь за тебя ужасно. Твои сигары, когда я прочел о них в твоем письме, потом в газетах, испугали меня. Я ужаснулся риску всем, что имеешь, на такое рискованное предприятие. Это значит искушать судьбу. Один раз была удача с папиросами: но решиться на вторую удачу и искушать судьбу — слишком рисковано. Я все лето боялся за тебя. Дай бог, чтоб тебе повезло! Впрочем, я говорю, мало зная это дело.

Милый друг, ты пишешь о сестрах: это ангелы! Что за прекрасное семейство наше! Что за люди в нем! Где брат Андрей и что с ним делается! Давно уже ни слуху, ни духу; напишу ему непременно. Письмо это пишу тебе наскоро, чтоб только ответить на твое. Но скоро буду опять писать к Ал. Егор. Тогда опять напишу тебе, подробнее и полнее; ибо тогда и о себе буду знать более. Сестрам и дяде надо бы

теперь написать, но одну почту еще подожду от сестер писем. Варинька хотела прислать мне белья (а я весь обносился и, несмотря на дороговизну, принужден был занять, чтоб сделать себе что-нибудь из белья). Она спрашивает: на какой адрес прислать белье? Я до сих пор не понимаю ее вопроса: но на тот же адрес, на который она письма пишет? Если увидишь, разцалуй ее за меня, а не увидишь, так напиши, что я цалую их всех. Веринька добрая прислала мне 25 руб. (которые я получил только в августе, с нарочным) и, бог знает, как они помогли мне!

Я нанял себе квартиру, с прислугою, с отоплением и со столом за 8 руб. сереб. в месяц. Одним словом, живу, как жид. Ради бога, брат, неужели ты до сих пор не можешь мне прямо адресовать писем, а не через начальство? Ведь я уверен, даже по манифесту, ты освобожден от последнего надзора. Ради бога, пиши прямо. Государь — это сама ангельская доброта! Тороплюсь окончить тебе письмо. Здоровье мое попрежнему. Но осенью я таки хворал несколько. Припадки же не покидают. Нет-нет да и придут. Каждый раз после них я падаю духом; я чувствую, что от них теряю память и способности. Уныние и какое-то нравственно-униженное состояние — вот следствие моих припадков. Здоров ли ты? Здоровы ли домашние? Что Эмилия Федоровна, кланяйся ей и разцалуй детей за меня. Пиши немедленно и непременно. Если нечего послать, посылай пустое письмо. Ангел мой, мне письмо твое дороже денег! Ведь я один, совсем один, ведь ты не знаешь ничего о моем положении. Да и что рассказать на 4-х страницах бумаги, когда годы нужно, чтоб передать все друг другу! О! если б нам увидеться! Прощай, ангел мой, не надолго, скоро напишу опять, только и ты напиши, чаще как можно пиши. Обнимаю тебя.

Твой весь *Ф. Достоевский.*

Смотри же пиши!

3.

Семипалатинск. 18 генваря 1858 г.

Три письма от тебя, дорогой мой друг, я получил; одно — от 25 ноября, два другие от 17 и 19 декабря. Хотел, было, отвечать тотчас же на первое, но невозможно было. Ты писал о том, что вышлешь деньги и о связях с «Русским Словом». Не зная, вышлешь ли ты, я и не мог ничего написать тебе положительно. Вот почему переждал до получения денег. Теперь же отвечаю на все. Но прежде всего позволь от всей души поблагодарить тебя за присылку денег. Ты спас меня, и я теперь хоть на сколько-нибудь обеспечен. А без них я бы пропал; извернуться как-нибудь не было ни единого способа.

Спешу отвечать тебе по порядку на твои письма, — в том порядке, как и что у тебя прежде написано.

Сигары я получил (не знаю, писал ли я тебе об этом), но господин, для которого я выписывал, отказался от них, по причине весьма уважительной: для него они были слишком слабы. Он мне давал своих.

Ten-cate его надувает, но присылает ему очень крепких; а ему то и надо. Сигары твои я выкурил сам. Остаюсь тебе за них должен. Сквитаемся. Скажу еще, что твои сигары превосходны, но в дороге ужасно истерлись. Во всяком случае, я удивляюсь, почему они у тебя не шли. Далее: ты пишешь о «Русском Слове». Положим, что идея барская хороша; что капитал для вспомоществования образуется. Но неужели деньгами можно создать редакцию? А без редакции и без оригинальности журнал вздор! Не знаю, кого-то он наймет в редакторы? Но я что-то плохо верю в успех «Русского Слова». Как альманах, журнал, может быть, некоторое время будет хорош.

Впрочем покамест какое мне до этого дело? Дай бог успеха. Благодарю за то, друг Миша, мой неизменный друг, что ты завязал с «Русским Словом» сношения и так мастерски обделал все дело. Теперь слушай же про мои обстоятельства: роман мой (большой) я оставляю до времени. Не могу кончать на срок! Он только бы измучил меня. Он уж и так меня измучил. Оставляю его до того времени, когда будет спокойствие в моей жизни и оседлость. Этот роман мне так дорог, так сросся со мною, что я ни за что не брошу его окончательно. Напротив, намерен из него сделать мой chef d'oeuvre. Слишком хороша идея, и слишком много он мне стоил, чтоб бросить его совсем. Теперь же вот что: у меня уже восемь лет назад составилась идея одного небольшого романа, в величину «Бедных людей». В последнее время, — я как будто знал, — припомнил и создал его план вновь. Теперь все это пригодилось. Сажусь за этот роман и пишу. Кончить надеюсь месяца в два. Кроме того: в большом романе моем есть эпизод вполне законченный, сам по себе хороший, но вредящий целому. Я хочу отрезать его от романа. Величиной он тоже с «Бедных людей», только комического содержания. Есть характеры свежие. В «Русское Слово» дают сроку год. Итак вот об чем я тебя прошу: напиши мне немедленно, если я, например, пришлю тебе роман в апреле для «Русского Слова», и листов печатных (в сравнении с листами других журналов) будет в нем более 5 (так и будет), то пришлют ли мне из «Русского Слова» за остальные листы немедленно, в апреле же месяце, деньги или будут ждать до будущего года, т.-е. до напечатания? Если пришлют, то я тотчас же после твоего уведомления посылаю роман тебе для «Русского Слова». Если же не пришлют, то я решаю так: пусть «Русское Слово» подождет до осени; осенью я пришлю туда вещь оконченную (именно эпизод из большего романа, переделанный совершенно отдельно), а тот роман, который будет готов в конце марта, пошлю Каткову в «Русский Вестник». Рассчет ясный: в «Русское Слово» я не опоздаю; к выходу журнала статья будет, если даже доставлю и осенью. Но теперь надо спасать себя. Катков же через Плещеева сделал мне предложение. Получив от тебя 500 руб., а не 1000, я все-таки не знаю, что делать, потому что роздал почти все деньги, из присланных тобою 500, кредиторам. Сам остался почти без ничего и все-таки остался должен ровно 350 р. серебром. — Вот почему я и выкинул такую штуку:

с прошлою почтой написал Каткову, подробно и обстоятельно, что желаю участвовать в его журнале; предлагаю ему мой большой роман (который я теперь, на время, совсем решил оставить), уведомляю, что доставлю ему его в августе месяце (не раньше), и прошу вперед, по затруднительным моим обстоятельствам, 500 руб. сереб., которые и прошу выслать немедленно по получении моего письма. Написав это, я рассудил так: «ведь дают же в «Русском Слове», ничего не видя, вперед, почему же бы не дать и из «Русскаго Вестника»? Таким образом мне в марте (в половине) могут прислать еще 500 р. сереб. (я вообще, думаю, что терять своего нечего; я восемь лет ничего не печатал и потому, может быть, я буду занимателен для публики, как новинка! Редакторы это, верно, знают, и потому, может быть, и дадут вперед, а мне же чего терять свое, да еще будучи в затруднительном положении?) Если Катков пришлет деньги, то я бы ему тотчас же и послал — не б о л ь ш о й роман (который я оставил), но другой н е б о л ь ш о й, который пишу теперь, хотя я и писал ему о б о л ь ш о м р о м а н е (я тогда еще не знал, что его оставлю). Но ведь Каткову все равно, если только вещь будет хорошая. Если я пошлю Каткову, то тогда я наверно могу с него взять еще 500 руб. тотчас же, ибо роман и длиной выйдет листов в восемь; следовательно, взяв еще 500, я немного останусь должен. Катков, видя мою аккуратность и хороший роман (предполагая, что он будет хороший), вышлет еще 500 наверно. А это куда бы хорошо! Само собою разумеется, что «Р у с с к о е С л о в о» получит от меня тогда к сентябрю (именно лишний эпизод из большого романа). Я поступлю с «Русским Словом» честно: доставлю к сроку и, кроме того, постараюсь сделать как можно лучше; потому что этот эпизод мне нравится самому по идее; да и вещь-то будет совершенно законченная. Итак, вот все мои распоряжения. Напиши, как ты обо всем этом думаешь?

Теперь еще: ты пишешь мне в первом письме, что тебе нужно будет к будущему году моя повесть. Потом в других письмах упоминаешь, что у тебя до меня есть дело (вероятно, то же самое). Очень пеняю тебе, зачем ты не пишешь подробно, т.-е. что ты хочешь издавать, с кем и как? Насчет повести будь уверен: даю слово; будет. Развязавшись с большим романом, я как будто вновь окрылился: кончу для «Русского Вестника», потом для «Слова», и времени будет еще много. Только напиши мне обо всем подробнее.

Узнай еще, брат, что я уже подал в отставку (на-днях) по болезни. Ты знаешь мои планы. Если не позволят жить в Москве (что я прошу в просьбе об отставке), то я напишу письмо к государю; он милостив и разрешит, может быть, больному; ибо я буду проситься «для пользования советами столичных докторов». Если же и тут не позволят (но каким же образом Толь и Пальм в Петербурге, если другим не позволяют? Может быть, действительно нашли нужным запретить въезд некоторым, но, вероятно, не всем), то тогда уеду в Одессу, где жить и хорошо и дешево и, вероятно, не навек. Государь милостив и раз-

решит современем въезд в столицы. Вот таков мой план. Следовательно, я выеду, если все уладится, не иначе как летом. У Плещеева я непременно думаю взять 1 000 руб. Мы с ним сквитаемся, и я знаю как сквитаться. Без его же денег мне нельзя тронуться с места. Вот почему у меня образовалась к тебе еще огромнейшая, настоятельнейшая просьба; обращаюсь еще раз к твоей доброте, которую...

О т к р о в е н н о е о б ъ я с н е н и е. Я хоть и написал о платье, но мне вдруг стало теперь совестно. Нет, брат! Я слишком без стыда тебя беспокою, а потому вот что скажу: напиши откровенно, т.-е. если придется тебе заплатить деньги, то не высылай, я обернусь и так. Если же можно тебе, как купцу, купить на к р е д и т готовое платье, то купи, но единственно, если можно, на кредит; напиши мне тоже цены. Есть, кажется, и дешевле, а то меня будет мучить совесть. А на кредит, то и я успею выслать деньги. Летом деньги будут хорошие.

Не заботься о худой мерке. Покупай на свой рост. Твое платье я могу же носить — разве скажи, чтоб к а п е л ь к у пошире да п о д л и н н е е, чем на тебя.

Если же тебе придется заплатить за платье хоть копейку наличными, то не высылай.

Детей своих поцалуй всех до единого особенно. Помнят ли меня? Выслав портреты, приложи о п и с а н и е, чтоб я мог узнать каждого из них.

Ты пишешь о портретах всей семьи. Я этому ужасно рад, а жена только и говорит об них. Присылай поскорее ради бога. Жена кланяется и тебе и Эмилии Федоровне; я тоже цалую ручку у Эмилии Федоровны, а тебя обнимаю крепко, крепко.

Плещеев женился, он об тебе часто вспоминает и тебе кланяется.

Поклонись всем, кому знаешь. Поцалуй брата Колю, если он в Петербурге.

Твой весь *Ф. Достоевский.*

4.

Семипалатинск. 13 декабря 1858 г.

Хочу и тебе написать что-нибудь, мой милый брат. Что это ты все молчишь? Никогда я от тебя не дождусь письма. Да и какие твои письма? Несколько строк. А в моей глуши мне и получение письма целое счастье, за неимением другого. Вот Плещеев отвечает на мои письма всегда тотчас. Ты говоришь, мой милый друг, что у тебя дела и заботы. Очень верно. Но ведь на письмо надобно всего пять минут, никак не более. Как не выгадать пяти минут в месяц? Не понимаю. Впрочем между нами этот пункт давным давно уже спорный вопрос. Я знаю, милый мой, что ты меня очень любишь, более, может быть, чем я стою. А между тем на письма ты скуп, очень скуп. Но бог с тобой.

Уведомлял я тебя в октябре, что 8 ноября непременно вышлю тебе повесть. Но вот уже декабрь, а моя повесть не кончена. Многие причины помешали. И болезненное состояние, и нерасположение духа, и провинциальное отупение, а главное отвращение от самой повести:

не нравится мне она, и грустно мне, что принужден вновь являться в публику так нехорошо. Грустнее всего то, что я принужден так являться. Есть и у меня в голове (и частию на бумаге) вещи, которыми я очень дорожу и которые, право, сразу бы мне составили имя. Но что делать! Это — мой большой роман, который я, по разным обстоятельствам, не могу здесь писать, да и не хочу писать на заказ. Хочется оставить по себе хоть одно произведение безукоризненное. Но что делать? Нельзя то писать, что хочется писать, а пиши то, о чем, если б не надобны деньги, и думать бы не захотел. И для денег я должен нарочно выдумывать повести. А ведь это — ух, как тяжело! Скверное ремесло бедного литератора. Повесть моя растянулась в шесть листов и, кажется, скоро пошлю к тебе ее.

Друг мой, я просил о деньгах из редакции «Русского Слова» (1 000 руб.), хоть бы ты уведомил меня, возможно ли это? Ты не поверишь, как я дрожу от мысли, что эта надежда оборвется. Мне тогда решительно не с чем будет подняться отсюда. И 1 000-то рублей едва-едва станет на переезд; приеду в Москву без копейки. (Но уж лучше быть без копейки в Москве, чем тратить силы и проживаться в Семипалатинске.) По получении моей повести, во что бы то ни стало хлопочи об этом займе. Скажи, что я им всегдашний буду работник, а надеяться они на меня могут, потому что я первое условие выполнил. Без этих денег я пропал. А главное, надо мне их выслать как можно скорее, по получении моей повести. К тому времени, наверно, выйдет отставка, и в Семипалатинске я и лишнего дня не хочу сидеть. Пойми, брат, как я нуждаюсь во всем этом, и, ради бога, действуй сообразно с этим. Ради бога, покажи себя братом, добрым, какой ты и был и есть в самом деле. Отставка моя пошла вот уже год и до сих пор — никакого решения. Но теперь, я думаю, скоро кончат; как бы, брат, тебе справиться и уведомить меня об этом? Как бы я был тебе благодарен! Но и просить не смею.

Есть у меня еще до тебя просьба, очень для меня важная, и тебе может показаться смешною. Я давно уже просил тебя о платье и о белье. Время приближается, а у меня его нет. Конечно, мне очень совестно просить тебя, чтоб ты все покупал в долг, тогда как я получаю деньги (но деньги мои все пошли на долги, на хозяйство и текут, как вода). Теперь я решил, что сертук и брюки я сам себе как-нибудь сделаю, насчет белья тоже ничего не знаю, а у меня штатского белья нет. В Москве оборванцем ходить нельзя, хотя я вовсе не хочу щеголять. Но вот о чем прошу тебя убедительно: пришли мне два жилета, которые можешь купить хоть готовыми. Сертук, например, я изношу еще до приезда в Москву, все равно придется в Москве делать новый. Но жилеты можно носить три года, делать их здесь дорого, да и сошьют гадко. Следовательно, их бы пришлось бросить в Москве, а мне хочется с'экономить и их не бросать. И потому пришли мне два жилета, хорошенькие, и пришли, если можешь, сейчас по получении этого письма. Деньги же за них вычтешь себе, когда получишь 1 000 руб. с Кушелева.

Во всяком случае деньги будут, потому что моя повесть — в 6 листов, следовательно, во всяком случае, я тебе заплачу. О рубашках не смею просить, но если б ты выслал мне 3 рубашки (не более), и сверх того, порядочные — как бы ты одолжил меня! Деньги вычти.

Прощай, мой друг, обнимаю тебя крепко. Жизнь моя тяжела и горька. Не пишу тебе об ней ни слова. Может быть, скоро увидимся. Прощай! Поцалуй детей и ручку у Эмилии Федоровны. Я всех вас бесконечно люблю.

Твой *Ф. Достоевский.*

5.

Тверь. Понедельник 24 августа 1859 г.

Вот и еще письмо к тебе, дорогой друг мой Миша, и все об моих делах. Во 1-х, получил ли ты, голубчик мой, мое письмо, которое я писал тебе в ответ на твое первое? Второе письмо твое (на осьмушке) я получил третьяго дня, и так как вчера было воскресенье, то и не мог отвечать тебе на другой день, а отвечаю сегодня, на третий. Все, что ты советуешь мне, — очень хорошо. Я почти так и поступил, но что мне стоило сыскать квартиру, каких хлопот? Денег у меня всего 20 руб. и непроданный тарантас, в котором я приехал. За него давали 30 руб., а он стоил мне 115. Обидно. Ищу покупщиков хоть бы за 40 руб. Но когда они найдутся? Ты советуешь не покупать даже чашки. Чашки-то, положим, но самовар непременно надо купить. Вот и расход. К тому же сапоги и башмаки плохи. Одним словом, поместились мы, как на булавочном кончике. Впрочем, это ничего. Все уладится, бог даст. Что твое здоровье, голубчик мой? Теперь переменилась погода, дождь, и тебе еще труднее будет ехать ко мне. Вообще: здоровьем не рискуй, хотя — бог видит, как я желаю обнять тебя. Тоска. Тверь самый ненавистнейший город в свете. Я надеюсь, однако, что это письмо тебя еще застанет в Петербурге.

Теперь вот какие дела: вчера получил 2 письма. Первое — от Милюкова, с статьею в «Le Nord». Послано было в Семипалатинск, от 5 июня, и, по распоряжению моему, при отъезде из Семипалатинска, переслано мне в Тверь. Таким образом, я получил его только вчера. Прошу тебя, милый мой, напиши мне, как зовут Милюкова по имени и отчеству, я забыл. Мне очень хочется ему как можно скорее ответить. Второе письмо, полученное мною тоже вчера и тоже через Семипалатинск, было письмо из редакции «Русского Вестника». Каково! Послано из Москвы 15 июня. Смысл моего письма в «Вестник», отосланного через тебя, с укорами и условиями,— таким образом исчезает, но не совсем. Вот что они пишут. Пишет какой-то их factotum, помощник редактора или тому подобное (подпись письма я никак не мог разобрать), но только не Капустин и не Леонтьев (оставленные Катковым в виде редакции). Этот господин пишет мне, что он, «по поручению редакции «Русского Вестника», уведомляет меня, во 1-х, что $^3/_4$ романа моего получены». Эк, когда уведомили! Я положительно

писал, что 15-го выезжаю в Тверь. А они только 15-го письмо пустили! Далее: что рукопись моя получена в редакции в минуту отъезда Каткова заграницу, так что уж он из-за границы прислал распоряжение (но не ответ на письмо). Все это неправда. По известию от Плещеева ясно, что он получил мое письмо и рукопись не в минуту отъезда, а за несколько дней. Далее: Катков распорядился, чтоб мне высланы были 200 руб., но редакция, дескать, не решается, ибо, так как я сам писал, что 15 июня выезжаю из Семипалатинска, то, следственно, деньги не застанут уже меня в Семипалатинске, и потому просят прислать верный адрес. Во 1-х, им положительно написано было, что я выезжаю в Тверь и никуда больше — вот и адрес; а во 2-х, к какому же чорту они послали мне письмо, когда положительно знали, что оно не застанет меня в Семипалатинске? Что за странные распоряжения! А письмо ведь, между прочим, нужное.

Затем просят прислать конец романа — и только.

Теперь, что ж заключить из этого письма? Во 1-х, Катков сам не отвечает уже на (2-е письмо мое). Ну, положим, что таким государственным людям отвечать такой мелюзге, как я, — некогда. В сторону вежливость! Но ведь я, кажется, просил уведомить положительно: сколько он мне даст за лист и даст ли 100? Положим я ему должен, но из этого не следует, что Катков, как кредитор, получает и право единственного и бесконтрольного оценщика. Ведь это дело, как же не отвечать на это? И беспорядочно и невежливо! Теперь, по получении от тебя письма и рукописи, они не хотят даже уведомить тебя, что получили рукопись. Невежи! Положим, я извинюсь за мое письмо и извинюсь первый. Одним словом, сделаю все, что может сделать порядочный человек, но они-то что скажут? Наконец, москвичи все такие мелочные, щекотливые и раздражительные. Пожалуй, еще скажут, что письмо мое (с упреками) надо отослать Каткову и без того нельзя ничего решать. Чорт знает что такое! Хотел бы им отвечать, да не знаю что. Просить у них теперь о присылке 200 руб. в Тверь невозможно. Во 1-х, рассердившись на то письмо, они, пожалуй, скажут, что теперь, после такого письма, без решения Каткова — нельзя. Следственно, афронт. Во 2-х нет ответа: соглашается ли он на 100 рублей и на условия? А без этого печатать нельзя. И потому я решаюсь не отвечать, а напишу им сегодня только вот что: что получил их письмо. Что ответ последует через уполномоченного Михаила Михаил. Достоевского, который л и ч н о будет в Москве через неделю или дней через десять п о с в о и м д е л а м.

Друг мой! Ты писал, что, может быть, от меня поедешь в Москву. Я на это и надеялся. Если поедешь, то и переговоришь с редакцией х о р о ш е н ь к о. А если нельзя тебе будет ехать (что очень может быть), то я уж тогда прямо напишу письмо, которое мы сочиним здесь вместе с тобою. Так ли, голубчик мой? Вообще ожидаю тебя с нетерпением. О б о в с е м решим. Но заметь, друг мой милый, если тебе будет тяжело ехать в Москву, или нельзя, то я

никак не настаиваю и не претендую. Стану ли я это делать, голубчик мой!

Теперь еще просьба и великая. Вот что: у жены нет никакой шляпки (при отъезде мы шляпки продали. Не тащить же их было 4 000 верст!). Хоть жена, видя наше безденежье, и не хочет никакой шляпки, но посуди сам: неужели ей целый месяц сидеть взаперти, в комнате, не пользоваться воздухом, желтеть и худеть? Моцион нужен для здоровья, и потому я непременно желаю купить ей шляпку. В здешних магазинах нет ничего, шляпки есть летние, гадкие, а жена хочет осеннюю, расхожую и как можно дешевле. И потому вот какая моя убедительнейшая к тебе просьба. Пошли или сам зайди к m-me Вихман и, если есть готовая, купи, а нет — закажи. Шляпка должна быть серенькая или сиреневая, безо всяких украшений и цац, без цветов, одним словом, как можно проще, дешевле и изящнее (отнюдь не белая) расхожая в полном смысле слова. Другую, хорошенькую, зимнюю шляпку мы сделаем после. А теперь только что-нибудь надеть на голову: не простоволосой же ей ходить. Если m-me Вихман скажет, что шляпки летние, а осенних фасонов еще нет, то закажи осеннюю, и пусть она сама сделает какой угодно осенний фасон, хоть прошлогодний. Без украшений, дешевле, но как можно изящнее. У нас в Семипалатинске была расхожая шляпка в 9 целковых (т.-е. здесь в 5), до того изящная, что годилась графине. Ради бога, брат, не откажи. Продам тарантас — деньги отдам тотчас. Есть у Вихман ленты (мы здесь видели образцы от Вихман же) с продольными мелкими полосками, серенькими и беленькими. Вот таких бы лент к шляпке. Жаль, что не могу прислать обращика. Если можно, привези шляпку с собою. Если же нет, закажи и, когда будет готова, пусть отправят по железной. Но чтоб она тебя не задерживала в Петербурге.

Если б роман в «Современник», то у меня бы, за уплатою тебе 200 руб., была бы 1 000 сереб., а теперь в «Вестнике» останется не более 600. Что делать! Для меня 600 — ничто. Нужды-то велики! Подумаем-ка вместе, как достать денег. И не думай, чтоб я подделывался, чтоб тебе 200 не заплатить! Непременно заплачу! Я так хочу — заплачу! Голубчик мой! Не досадуй на меня за мои просьбы! У меня у самого голова кругом идет. Прощай, обнимаю тебя и всех твоих. Жена тебе кланяется. Колю также. Милюкову поклон.

6.

Тверь. 9 октября 1859 г.

Получил, бесценный мой Миша, твое письмо от 6-го вчера, в ту минуту, когда сам сидел за письмом к тебе. Твое письмо меня огорошило. Я отложил начатое послание до сегодня, чтоб обдумать все здраво и хладнокровно, и хорошо сделал. Теперь я все расположил в уме своем и сообщаю тебе мою окончательную мысль. Все письмо это будет самое эгоистическое, об одних моих делах. Приготовься же слушать.

Во-первых, голубчик мой, на Некрасова предложение согласиться невозможно. Ты правду говоришь: все оттого, что торгаши. Правда и то, что роман им не очень понравился, или, по крайней мере, они остались в сомнении. Им не в первый раз становиться в тупик и браковать хорошие вещи. Правда, и роман не имеет внешнего эффекта. Что Некрасов в сомнении,—это он тонко дал знать известием, что давал читать одному из ближайших сотрудников «Современника». Но что они не находят его совсем дурным, доказывает то, что они предлагают за него деньги. За совершенную дурную вещь не дали бы ни гроша.

Правда, наконец, и то, что сомнения их не очень сильны и что, может быть, они находят вещь хорошею. Но торгашество обуяло. Я как будто наизусть вижу их образ действия. Во-первых, я бьюсь об заклад, что Некрасов справлялся из-под руки в «Русском Вестнике» и узнал всю историю. Да и времени довольно было справиться. Там в «Русском Вестнике», наверно, провели идею, что «зелен; ягодки нет зрелой». Оба журнала пикируются между собою издавна. Щекотливо напечатать то, что забраковал «Русский Вестник», и дать 120, за что «Русский Вестник» не дал и 100. Надо было поломаться. Купить непременно дешевле 100 и поместить в будущем году, в летних месяцах, чтоб показать литераторам и публике, что купили для балласта. Таким образом, в случае неуспеха они себя обеспечили. А если успех — давай бог! Они ничего не теряют. Во-первых, за хорошую вещь заплатили страшно дешево, — значит, умеют обделывать дела. А во 2-х, умели угадать хорошее там, где «Вестник» не умел ничего разобрать... Но и кроме того, кроме всех этих интриг с «Вестником», Некрасов — чуткое животное. Узнав историю с «Вестником» и зная, что я, приехав из Сибири, истратился, нуждаюсь, как не предложить такому пролетарию сбавку цены? Непременно согласится! — думают они. Он нарочно и продержал так долго, зная наверно, что я, в ожидании и уверенности денег, загрязну в нужде еще более и соглашусь, наверно, на все, что мне ни дадут, — были бы хоть какие-нибудь деньги!

На это вот мое мнение: по крайней нужде моей согласиться бы можно. 1 000 р. все же деньги и для меня большие. Но с этим сопряжено сильное нравственное унижение. Положим, что и с унижением можно бы согласиться; наплевать на них! но вред впоследствии. Я совершенно лишусь всякого литературного значения впоследствии. Мне предложат 50 целковых. Даже в случае успеха «Степанчикова», — ничего не будет. «Современники» нарочно не поддержат меня, именно, чтоб я и вперед брал немного. Подлецы! Друг мой, Миша! Согласиться невозможно. Одно: я должен тебе 700 и теперь, без куска хлеба, у тебя же на время буду искать помощи, а ты сам стеснен. Это одно может заставить меня изменить свое мнение. Ты пишешь, чтоб я о моем долге тебе не беспокоился. Ах, Миша! ты только великодушен и больше ничего. Дела-то твои от этого не улучшатся.

Но, друг мой, я долго думал, и у меня явились несокрушимые, вернейшие проекты. Подождем немного, откажем Некрасову и, если нам удастся, — тогда нам честь и слава и главное н е з а в и с и м о с т ь! Я заслужу тебе за это! Но, прежде чем я объясню тебе мой вернейший и несокрушимый проект, [надо] кончить с Некрасовым. И вот как надо поступить:

Если я не разорю тебя семью стами, и можно подождать еще немного, — то отказать Некрасову и отказать непременно. Но сделать это самым мягким, самым сладким и нежным образом. Ради бога, друг мой, повидайся с ним для этого лично. Если он мне напишет письмо (как говорил), — я отвечу ему сладостнейшим образом. Отлично было бы, если б ты сказал ему, между прочим, так: впрочем, этот роман будет, покамест, лежать у меня, брат мой не хочет теперь его предлагать в другие журналы, у брата на это какие-то особенные цели. — Если можно, скажи так. Впрочем, оставляю на твое благоусмотрение. Скажи, что я чрезвычайно жалею, что не мог в э т о м с л у ч а е с ними сойтись. Как бы хорошо было, голубчик Миша, если б ты постарался что-нибудь разузнать под рукою, что у них там происходило и как их мнение о романе? Конечно, ясно, что всего узнать нельзя, но что-нибудь профильтруется. Узнай и сейчас мне напиши. Наконец, на случай, если Некрасов скажет: я подумаю и предложит какую-нибудь прибавку, то отвечай ему, что ты немедленно меня уведомишь. Вообще крайняя к тебе просьба: повидайся с ним, для получения романа, л и ч н о, и опиши мне весь твой разговор с ним, твои в п е ч а т л е н и я и н а б л ю д е н и я — в полной подробности. Хотя бы ничего не было, и то напиши, что потом услышишь об этой истории, тоже напиши (от Майкова, например). Затем возьми роман и — дело с концом.

Взяв же роман, оставь его лежать у себя. Предлагать его в «Отечественные Записки» или другим, кому бы то ни было, — не надо. Роман оплеван и, п о к а м е с т, лишился всей своей репутации. (Был у меня М и н а е в; я обещал в « С в е т о ч» сотрудничество, ни к чему, впрочем, не обязываясь.) Если «Отечественные Записки» или даже Минаевский журнал станут искать и предлагать, — мое мнение, не отдавать им роман. Он оплеван и, появись он теперь н е в «С о в р е м е н н и к е», его оплюют еще больше. Разве если Краевский даст 120 или Минаевы. Тут еще можно подумать. Ты известишь тогда меня и напишешь о том. Как ты думаешь? Но это все только в том случае, е с л и с а м и «Отечественные Записки» или кто-нибудь сделает предложение. С а м ж е т ы не предлагай никому и даже вида не делай, что думаешь им делать предложение. Пусть роман, покамест, лежит у тебя — и дело с концом! Я напишу тебе, в конце письма, что с ним делать. А теперь — к моему проекту. Слушай внимательно:

№. Сейчас только, бесценный друг мой, получил я вчерашнее письмо твое (от 7-го). И вот что скажу: что ты ездил к Некрасову —

это хорошо. Но, ради бога, с ними мягче и нежнее, не нужно и виду подавать, что мы горюем и трусим. Не нужно им выказывать досаду. Я ведь уверен, что в последствии наша возьмет. Теперь надо только спасать себя от скандала. Если Некрасов начнет торговаться или только заикнется о том, то с любезностью отвечай ему, что ты мне это сообщишь, а что, впрочем, ты мои мысли знаешь и, как уполномоченный мой, объявляешь, что я от прежних условий (120 р.) не отступлю. Насчет прочтения Дудышкину, — хорошо; но так, чтоб это дело осталось между Майковым, тобою и Дудышкиным. (Майкову я написать не могу теперь. Я завален делами, чрезвычайно важными, о которых тебе напишу в конце письма. Пожми ему руки и скажи, что я на него надеюсь. Он мне друг и искренно желает мне добра. А лучше всего прочти ему это письмо мое конфиденциально.) Но вот что мне не нравится: если мы будем навязываться сами «Отечественным Запискам». Роман оплеван, и его похоронят гробовым молчанием. К тому же он, действительно, не эффектен. Даже помещать в «Отечественных Записках» теперь, при интригах, не своевременно. Я уже сказал тебе, что напишу в конце письма, как я располагаю действовать насчет романа. Но, впрочем, если «Отечественные Записки» без затруднений дадут 120, соглашусь. Я в такой нужде, что не вправе не согласиться. Не называй моих мыслей высокомерием. Это просто — расчет, ибо я имею многое в виду. Пусть обсудит это и Майков. Но, повторяю, за 120 р. и деньги 1 200 вперед — соглашусь. В «Светоч» же, если за 150, соглашусь непременно. Деньги хорошие. Во всем остальном поступлю по твоему совету, т.-е. если Некрасов напишет письмо.

Теперь к моему проекту. Обсуди его хорошенько, секретно сообщи и Майкову и посоветуйся с ним.

Во-первых, ты пишешь, что теперь уж год писать нельзя, а нужно спешить, и к новому году приготовить тот роман, о котором я тебе рассказывал (с страстным элементом) и таким образом разом обратить на себя внимание. Отвечаю на это: это нельзя. Я лучше с голоду умру, чем буду портить и торопиться. Да и роман тот же уничтожен. У меня другая мысль. Не знаю, обратил ли ты, дорогой мой, внимание на последнее письмо мое, в котором я говорил тебе, что хочу написать «Записки из Мертвого дома» (о каторге), — и тогда же просил тебя закинуть об этом словечко Некрасову и Краевскому? (Вообще ты иногда не пишешь, что получил от меня такое-то письмо, и я могу думать, что не дошло. Всегда извещай, что получил.) Эти «Записки из Мертвого дома» приняли теперь, в голове моей, план полный и определенный. Это будет книжка листов в 6 или 7 печатных. Личность моя исчезнет. Это записки неизвестного; но за интерес я ручаюсь. Интерес будет наикапитальнейший. Там будет и серьезное и мрачное и юмористическое, и народный разговор с особенным каторжным оттенком (я тебе читал некоторые из записанных мною на месте выражений) и изображение личностей, никогда не слыханных в литературе,

и т р о г а т е л ь н о е, и, наконец, главное, — мое имя. Вспомни, что Плещеев приписывал успех своих стихотворений своему имени (понимаешь?). Я уверен, что публика прочтет это с жадностью. Но в журналах печатать это — теперь уж не надо! Мы напечатаем отдельно. Я так рассчитываю: к 1-му декабря я кончу; в декабре цензуровать (отдать образованному цензору), в генваре печатать и в генваре же в продажу. Печатать в формате Милюкова (о Р у с с к о й п о э з и и) и тем же шрифтом. Если книжка выйдет равная по толщине с Милюковой, то цена ей 1 р. 50 коп., если же тоньше, то 1 р. 25 коп. Печатать непременно самим, а не через книгопродавцев. За интерес я уверен, как то, что я живу. 2 000 экземпляров разойдутся все в один год, (я уверен, что в полгода). Преположим 1 р. 25 к. — вот 2 000 рублей в год. Вот, на первый случай, и деньги, и деньги вернейшие.

Но может быть ужасное несчастье: запретят. (Я убежден, что напишу совершенно, в высшей степени, цензурно.) Если запретят, тогда все можно разбить на статьи и печатать в журналах отрывками. Деньги дадут и хорошие. Но ведь это несчастье! Волка бояться и в лес не ходить. Если запретят, то можно еще попросить. Я буду в Петербурге, я через Эд. Ив. пойду к е. и. в. Николаю Николаевичу, пойду к Марье Николаевне. Я выпрошу, и книга получит еще более интересу.

Но если и запретят, то и другой источник, другой проект, который необходимо исполнить, во всяком случае, запретят или не запретят. Это — издание сочинений. Их можно издать в трех видах (посоветуйся, голубчик мой, с Майковым).

1-й в и д. «Бедные люди», «Неточка Незванова», 6 глав, «Белые ночи», «Детская сказка», «Елка и свадьба», «Честный вор», «Ревнивый муж». — Все это в одной книжке, в формате: «Очерки из крестьянского быта» Писемского, 1858 год. За эту книжку 2 р. сер. Назвать эту книжку: «С т а р ы е п о в е с т и».

2-й в и д. 2 книжки, в формате того же Писемского, и на такой же толстой (прекрасной) бумаге (каждая часть выйдет толще Писемского).

1-я часть. «Бедные люди», «Белые ночи», «Детская сказка», «Елка и свадьба».

2-я часть. «Дядюшкин сон» «Неточка Незванова», 6 глав. «Честный вор» и «Ревнивый муж». — Обе части 3 руб. серебром.

(№. «Двойник» исключен, я издам его впоследствии, при у с п е х е, отдельно, совершенно переделав и с предисловием.)

Чтобы не мешкать, умоляю тебя, голубчик мой, прислать мне, по возможности скорее, мои сочинения (кроме «Бедных людей», «Двойника», «Дядюшкина сна» и всех тех, которые не обозначены выше, в проекте издания). Я их переправлю скоро, по-печатному, шутя, нисколько не отвлекаясь от писания «Мертвого дома», и немедленно вышлю к тебе. Печатать их можно в двух случаях: или своими средствами, или продать книгопродавцу. 1) Если своими средствами: в

конце октября я тебе вышлю все исправленное. Ноябрь — цензура. Декабрь — печать и в середине января вместе с «Мертвым домом» они в продаже.

«Мертвый дом» напечатать будет стоить 300 р. (Это maximum), сочинения в 1-м виде — от 600 — до 700, во 2-м виде 1 000 р. серебром, всего 1 300 р. сер.

За деньгами для напечатания поклонюсь вам всем, моим спасителям. Дадут деньги поровну: ты, Саша, Варя, Верочка (им я писал письма) и, если можно, дядя. С тебя возьму не деньгами, а дай только вексель на 6 месяцев за бумагу; выручу к сроку.

№. Но во время писания, теперь, я должен жить. Вот ужасно! А у меня осталось 30 целковых, месяца на четыре я должен быть обеспечен. Где взять? Не оставь, брат! Обратись к Саше, подыми всех родных. Ведь мне надо 300—400 р. по крайней мере. Только бы тут удержаться, а ведь там, потом, хорошо будет. Сочинения начнут продаваться недурно, я уверен, тем более, что «Записки из Мертвого дома», которые будут продаваться отдельно, заинтересуют публику и вынесут и сочинения, которые явятся в одно время в свет. Пусть я в год продам до 1 000 экземпляров (печатать 2 000), если издать в 1-м виде, то тогда я имею с них 1 200 р. С двумя тысячами за «Мертвый дом» у меня 3 200.

С ч е т: долги тебе 700, печать 900, житье 400, итого 2 000; у меня остается 1 200 р. на житье, это хорошо.

Если во 2-м виде, то, за всеми расчетами, останется 2000. Есть чем жить. А надеяться, что обе книги, одна другую выручат очень можно.

Если же издать через книгопродавца (только одни сочинения), то можно их, в 1-м виде, продать за 1000 р., в о в т о р о м виде за 1 500 и никак не меньше. Разумеется, надо просить сначала больше. Полученная таким образом разом сумма, совершенно бы помогла мне заплатить все долги, а «Мертвый дом», продаваясь, дал бы мне хорошие и верные средства жить. Вот тебе инструкция насчет книгопродавцов, и, умоляю тебя, следуй этой инструкции пунктуально. Во 1-х, во всяком случае, начни действовать теперь же. Попроси помочь Майкова. Поговори немедленно с книгопродавцами насчет 1-го и 2-го вида. Поторгуйся. Упомяни, что имя (понимаешь?). Ведь теперь самый лучший и удобный момент для начала действий. Если книгопродавец не осел, он поймет, что значит имя. Если они согласны, немедленно задаток. По выходе из цензуры — контракт (я тебе пришлю полномочие по форме, по закону). Контракт следующий: 1) рукопись в руки — деньги в руки, 2) печатать 2 000 экземпляров — никак не больше (в крайнем случае 2 400), 3) я имею право печатать после этого издания через 2 года, 4) в течение этого времени, если все экземпляры выйдут, книгопродавец не имеет права делать 2-го издания, 5) начать издание немедленно.

Если продать книгопродавцу, то можно напечатать и в 3-м виде. Я буду согласен. Это вот как: 3 тома. 1-й и 2-й томы, как во 2-м

виде, а 3-й «Степанчиково» (нигде ненапечатанное), просить за все 3 500 р., можно согласиться на 3 300 р., т.-е. 1 800 за «Степанчиково», 1 500 за сочинения. Предложи и так, если возьмут, я согласен.

Вот мои средства, голубчик мой, и расчеты на будущий год. Но есть и еще. В декабре я начну роман (но не тот, М. человек, которого высекли и который попал в Сибирь). Нет. Не помнишь ли, я тебе говорил про одну и с п о в е д ь — роман, который я хотел писать после всех, говоря, что еще самому надо пережить. На-днях я совершенно решил писать его немедля. Он соединился с тем романом (страстный элемент), о котором я тебе рассказывал. Это будет, во 1-х, эффектно, страстно, а во 2-х, все сердце мое с кровью положится в этот роман. Я задумал его в каторге, лежа на нарах, в тяжелую минуту грусти и саморазложения. Он естественно разделится романа на 3 (разные эпохи жизни), каждый роман листов печатных ...[1]) — 12. В марте или в апреле, в каком-нибудь журнале, напечатаю 1-й роман. Эффект будет сильнее «Бедных людей» (Куда!) и «Неточки Незвановой»). Я ручаюсь. Друг мой, Миша! Ты думаешь, я упал духом. Клянусь, я только возбудился еще более после вчерашнего твоего письма, работать, воевать, создать себе имя литературное, — вот чего я теперь хочу. Но не оставляй меня, ты мой ангел-хранитель. Поддержите меня. Я буду писать сестрам, чтоб дали мне чем жить. «И с п о в е д ь» окончательно утвердит мое имя. Тогда-то, может быть, и сами «Современники» пришли бы ко мне за «Степанчиковым», или я бы издал его тогда отдельно. — Но я сказал уже, если «Отечественные Записки» дадут 120 — хорошо, согласен, но как бы мне хотелось, если б Ап. Никол. сам прочел «Степанчиково», о д и н, прежде Дудышкина, и откровенно сказал бы свое мнение. Ради бога, это — секрет, никому не говори. Я занят очень: я пишу не Долгорукову[2]), а прямо письмо к государю. Баранов[3]) передаст. Государь милостив. Его воля; но если скажет: да, то сейчас же я и в Петербурге, без проволочек. Сестрам писал. Деньги у меня выходят. Брат! Не сочти меня эгоистом! Пойми, что вся карьера моя, может быть, в этом. Прости мне мой эгоизм и спаси меня. Сестрам писал, напишу еще. Но ради бога, отвечай скорей, как можно подробнее.

№. Жизнь моя здесь ужасная, ты меня поймешь. Не понимаю, как еще я не падаю совершенно духом.

Прощай, пиши как можно скорее и подробнее.

Твой *Ф. Достоевский.*

---

[1]) В этом месте автограф порван и определить первую цифру (может быть — 10) нельзя.

[2]) Долгоруков, Вас. Андр. (1804—1868 гг.) военный министр в 1853—1856 гг., и начальник III отд. соб. е. и. в. канцелярии в 1856—1866 гг.

[3]) Баранов, Павел Трофимович (1814—1864 гг.) тверской губернатор, благожелательно относился к Достоевскому в вопросе о переезде его в Петербург (см. сообщение В. П. Олисова — «К пребыванию Достоевского в Твери» — «Красный Архив», 1923, т. III, стр. 399—400).

Из записной книжки архивиста.

Речь ген. Скобелева в Париже в 1882 г.

Печатаемые ниже документы освещают инцидент, который не только приобрел в феврале 1882 года значение первостепенного политического события, но и вообще уже никогда не был забыт ни европейскою дипломатиею, ни историками, писавшими о международной политике конца XIX столетия. Воинственная и прямо направленная против Германии речь Скобелева, сказанная посетившим его в Париже сербским студентам 17(5) февраля 1882 года, произвела в Европе впечатление разорвавшейся бомбы и стала одним из заметных этапов в намечавшейся подготовке новой группировки европейских держав. Вместе с тем инцидент довольно характерен для внутренне-политических отношений тогдашней России.

Генерал М. Д. Скобелев был в ту пору на несколько особом счету в придворных сферах Гатчины и Петербурга и в правящем кругу военной бюрократии. Человек больших и общепризнанных способностей, честолюбец «высшего порядка», мечтающий не столько о Суворове, сколько о Наполеоне, с натурою совершенно бесстрашного кондотьера, с относительно большою притом умственною культурою, весьма равнодушный к традициям и вполне уверенный в своем предназначении, Скобелев привлекал к себе особое и совсем специальное внимание еще задолго до инцидента 1882 года. Александр II его не любил, оттирал на задний план и явственно опасался; и имел основание опасаться. Скобелев был по своей натуре именно типичным генералом от pronunciamento в стиле испанских и южноамериканских военных командиров, берущих на себя время от времени экспромтом инициативу по части внезапных изменений государственного устройства своей родины. «Русский Биографический Словарь» с жаром заявляет, что Скобелев был «настоящий верноподданный», но считает все же необходимым неясно и деликатно прибавить: «он был более усерден, чем требовалось, и не был достаточно сдержан» [1]). Именно «верноподданности» в нем не было никакой. Верещагин (брат художника) рассказывает в своих воспоминаниях, как однажды Скобелев попросил его разъяснить, что такое, собственно, социалисты и чего они домогаются, — и, получивши ответ, заявил, что, раз они хотят создать такой строй, при котором он, Скобелев, будет не нужен, — он намерен с ними бороться. Это очень похоже на Скобелева. Социалисты, или Александр II, — или Александр III — одинаково его интересовали исключительно с точки зрения возможности лично для него развернуть отпущенные ему силы. Там, где все держалось на повиновении армии, глава династии не любил и не мог любить этого никогда не смеявшегося красавца, которого некоторые считали шарлатаном, другие героем, — и все — очень опасным и на очень многое способным искателем

---

[1]) Р. Б. С., Скобелев, 582.

приключений, снедаемым тоскою по власти и по славе, умудрившимся приобрести какими-то путями очень большую популярность среди войск, — ту самую популярность, которой так страстно жаждал всю свою долгую жизнь, но которой так никогда и не увидел, напр., Драгомиров, не говоря о других. Скобелева не любили генералы, мало любили офицеры, — и очень любили солдаты. Сам он никого не любил и никого не боялся, — и решительно не понимал своей жизни вне войны. Его громадные успехи в Азии в 1873—1875 гг., победы в турецкой войне 1877/78 г., завоевание Ахал-Теке в 1880/81 г., явное и постоянное (всегда на виду солдат и с рассчитанною целью произвести на них впечатление) бравирование смертельною опасностью — все это, как было вполне очевидно для современников, должно было, по мысли Скобелева, служить лишь прологом к какому-то сложному и огромному будущему. Его боялся и не любил также Александр III, который, во-первых, вообще опасался войн, а, во-вторых, после террористических покушений, ничего так не страшился, как военных переворотов. Боялся (и очень) Скобелева также ближайший и довереннейший друг и советник царя Победоносцев. Когда по возвращении из Средней Азии, в 1881 году, завоеватель Ахал-Теке представлялся царю, и Александр III сухо его принял, — то Победоносцев жестоко встревожился тем обстоятельством, что Скобелев остался недоволен приемом. Да и весь двор был этим очень обеспокоен. Победоносцев написал по этому поводу царю удивительно характерное письмо, обличающее жестокую растерянность и непритворный страх: «Я уже смел писать вашему величеству о предмете, который почитаю важным, — о приеме Скобелева. Теперь в городе говорят, что Скобелев был огорчен и сконфужен тем, что вы не выказали желания знать подробности о действиях его отряда... Я слышал об этом от людей серьезных, от старика Строгонова, который о ч е н ь озабочен этим... Я считаю этот предмет настолько важным, что рискую навлечь на себя неудовольствие вашего величества, возвращаясь к нему. Смею повторить снова, что вашему величеству необходимо привлечь к себе Скобелева с е р д е ч н о. Время таково, что требует крайней осторожности в приемах. Бог знает, каких событий мы можем еще быть свидетелями и когда мы дождемся спокойствия и уверенности. Не надо обманывать себя: судьба назначила вашему величеству проходить бурное, очень бурное время, и самые большие опасности и затруднения еще впереди. Теперь время критическое для вас лично... Обстоятельства слагаются, к несчастью нашему, так, как не бывало еще в России, — предвижу скорбную возможность такого состояния, в котором одни будут за вас, другие против вас... Пускай Скобелев, как говорят, человек безнравственный. Вспомните, ваше величество, много ли в истории великих деятелей, полководцев, которых можно было бы назвать нравственными людьми, — а ими двигались и решались события... Скобелев стал великой силой и приобрел на массу громадное нравственное влияние, т. е. люди ему верят и з а н и м с л е д у ю т [подчеркнуто Победоносцевым. *Е. Т.*]. Это ужасно важно, и теперь важнее, чем когда-нибудь». Победоносцев хорошо понимает, как царь боится Скобелева: «Могу себе представить, что вам было неловко, несвободно, н е с п о к о й н о со Скобелевым, и что вы старались сократить свидание» [1]). И снова корит царя за то, что Скобелев остался им недоволен. Писем, подобных этому, Победоносцев н и к о г д а царю не писал. Непобедимый страх сквозит из каждой строки. Похоже на то, как старый осторожный ментор выговаривает воспитаннику за то, что тот не угодил грозному начальнику, представляясь по службе.

И чем больше восходила к зениту звезда Скобелева, тем подозрительнее, беспокойнее и боязливее делался по отношению к нему двор. Но и тем самостоятельнее чувствовал себя загадочный «белый генерал», вернувшийся в Европу после штурма Геок-Тепе, жаждавший новой войны, томившийся в мирной обстановке,

[1]) Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. С предисловием М. Н. Покровского. Т. I, стр. 234

разрушавший здоровье оргиями, жегший свечу с двух концов. В этом-то душевном состоянии он и попал зимою 1882 года в Париж. Сербские националистически и весьма антиавстрийски настроенные студенты, учившиеся в Париже, приветствовали его — и в ответ Скобелев сказал ту речь, которую читатель найдет ниже, в печатаемых материалах. Речь направлена не против Австрии, а именно против Германии, которая как раз в этом же 1882 году не только скрепила свой союз с Австрией, но и присоединила к нему и Италию, раздраженную завоеванием Туниса французами. Конечно, во французских правящих сферах эта речь Скобелева вызвала большое сочувствие. Хотя ни представители крупного капитала, ни какие бы то ни было другие классы во Франции воевать с Германией тогда не только не собирались, но даже боялись самой мысли об этом, — однако резкие нападки Скобелева, конечно, наносили жестокий удар дипломатическому положению Германии. «Скобелев грубо напомнил нам, что у нас враг не только на западе, но и на востоке», — так отзывались многие органы немецкой прессы. О франко-русском союзе мечтал тогда Гамбетта, мечтали еще некоторые деятели, но эти предположения и мечты еще были окутаны туманом. Речь Скобелева была первым событием, которое отчасти конкретизировало и делало правдоподобными упорные слухи, ходившие в Европе с марта 1881 года, что новый русский император Александр III — заклятый враг Германии и, несмотря на миролюбивые заявления, ждет только случая, чтобы напасть на Германскую империю. Что Скобелев, генерал на действительной службе, знаменитейший из русских военных деятелей того времени, говорит никем не уполномоченный, исключительно от своего собственного имени, — этому н и к т о не поверил ни во Франции, ни в Германии. «Если Скобелев говорил только от себя, без разрешения, — то этот инцидент очень интересен с симптоматической точки зрения, для характеристики состояния дисциплины в русской армии», — так высказался князь Бисмарк, весьма раздраженный и взволнованный этим происшествием. Германская и австрийская печать месяцами еще писала о выступлении Скобелева, возвращаясь к нему постоянно, по самым разнохарактерным поводам.

Бисмарк, говоря свои слова о дисциплине в русской армии, имел прямою и очевидною целью поставить Александра III пред альтернативою: либо сурово наказать своевольного генерала, узурпирующего императорскую прерогативу и вмешивающегося в высшую международную политику, — либо, оставляя его без наказания, тем самым признать, что Скобелев правильно изложил мнения самого императора. Но, может быть, именно резкостью своих заявлений Бисмарк на этот раз несколько испортил дело. А, может быть, царю вспомнились и испуганные советы Победоносцева.

Как известно, Александр III приказал Скобелеву немедленно явиться из Парижа в Петербург. Предоставим дальше слово генералу Витмеру, которому передавал очевидец, дежурный свитский генерал: царь, «когда доложили о приезде Скобелева, очень сердито приказал позвать приехавшего в кабинет. Скобелев вошел туда крайне сконфуженным и — по прошествии двух часов вышел веселым и довольным». Витмер добавляет (передавая быстро распространившееся тогда общее мнение): «Нетрудно сообразить, что если суровый император, не любивший шутить, принял Скобелева недружелюбно, то не мог же он распекать целых два часа. Очевидно, талантливый честолюбец успел заразить миролюбивого государя своими взглядами на нашу политику в отношении Германии и других соседей» [1]).

В Германии именно после этого двухчасового разговора поднялись усиленные толки о внезапно обострившейся восточной опасности. Шум в Европе не успел еще сколько-нибудь ослабеть, как 25 июня того же 1882 года, чрез четыре месяца после своей речи, Скобелев внезапно скончался.

Характерно, что и во Франции, и в Германии этот инцидент постоянно вспоминали в 1890 году, когда готовилось заключение франко-русского соглашения,

[1]) «Русская Старина», 1908, т. CXXXVI, стр. 696.

и в 1891 году, когда это соглашение было подписано. Печатаемые документы отражают жестокое беспокойство официальной русской дипломатии. Посол Орлов прямо приравнивает Скобелева к революционному вождю Гарибальди. Кн. Орлов принадлежал к школе русских дипломатов, понимавших страшную опасность большой войны для государственного строя, ими представляемого. Германия была для них (особенно в 1882 году) монархией и сильной державой; Франция — республикой и еще пока слабой державой, не вполне оправившейся от поражения 1870/71 г. Александр III был склонен еще ждать. На заключение союза с Францией он окончательно решился лишь спустя 9 лет, после отказа Вильгельма II от возобновления русского-германского «договора о взаимном страховании», или о «перестраховке», как его чаще называют («Ruck-Versicherungsvertrag»). Но в точности истинное отношение Александра III к речи Скобелева установить очень трудно. Когда последовала внезапная кончина Скобелева, то император, ко всеобщему изумлению (так как знали, до какой степени он не любил и боялся Скобелева), отправил сестре генерала такую телеграмму: «Страшно поражен и огорчен смертью вашего брата. Потеря для русской армии трудно заменимая и, конечно, всеми истинно военными сильно оплакиваемая. Грустно, очень грустно терять столь полезных и преданных своему делу деятелей». В Европе эта телеграмма была истолкована как замаскированное выражение одобрения февральской речи Скобелева.

В Германии уже никогда не забывали ни речи генерала, ни телеграммы императора. Желание угодить почитателям Скобелева на этот раз осилило обычную боязнь царя перед международными осложнениями.

Акад. Евг. Тарле.

1.

Телеграмма посла в Париже кн. Орлова упр. мин. ин. дел Гирсу 18 (6) февраля 1882 г. [1])

Посылаю вам почтой речь генерала Скобелева с кратким донесением. Генерал этот в своих выступлениях открыто изображает из себя Гарибальди. Необходимо строгое воздействие, чтобы доказать, что за пределами России генерал не может безнаказанно произносить подобные речи и что один лишь государь волен вести войну или сохранять мир. Двойная игра во всех отношениях была бы гибельна. Московская его речь далеко не была столь определенна, как его обращение к сербским студентам в Париже.

2.

Письмо кн. Орлова упр. мин. ин. дел Гирсу 18 (6) февраля 1882 г.

Исполняя тяжелую обязанность, представляю вам при сем статью из журнала «La France», где напечатана речь генерала Скобелева, с которой он обратился к пришедшей его приветствовать депутации сербских студентов.

Воздерживаюсь от каких-либо комментариев и соображений по сему поводу. Слова, произнесенные генералом Скобелевым, имеют вполне определенный и ясный смысл.

В них от государя требуется незамедлительное объявление войны, иначе он, якобы, будет принужден к тому волей своих подданных.

Если бы вопрос мог ставиться таким образом, то никакая дипломатия, никакое правительство не могли бы существовать.

Наихудший из порядков это тот, при котором военные власти ставят себя выше дисциплины и сами нарушают те законы, соблюдения коих они должны требовать от других.

---

[1]) Моск. Архив Рев. и Внешней Политики, фонд б. мин. иностр. дел.

Возвращаясь к вопросу дипломатическому, я сильно опасаюсь, как бы венский и берлинский кабинеты не были крайне разгневаны. Положение мне представляется чрезвычайно серьезным и заслуживающим большого внимания.

Орлов.

P. S. Прилагаю вырезку из газеты «Le Voltaire», содержащую в себе новый разговор генерала Скобелева.

Орлов.

3.

Генерал Скобелев [1]).

В Париже только что произошло событие, чреватое последствиями и знаменующее собой как серьезность событий, разыгрывающихся в австро-славянских областях, так и силу вызвавшего их панславистского движения. Завтра оно сделается предметом обсуждения всей европейской печати. Оно будет рассматриваться, как одно из тех темных пятен, которые столь явственны, что дипломатия только даром теряет время, стремясь их затушевать. Генерал Скобелев приехал в Париж несколько дней тому назад. Тост, предложенный им на банкете братьям-славянам, — жертвам австро-венгерского угнетения, — приветствие, с которым он обратился к восставшим в Боснии, Герцеговине и Далмации, его панславизм наделали столько шуму в Европе, что император Александр III, несмотря на сильное к нему расположение, решился уволить его в отпуск. Мера эта, конечно, должна рассматриваться не как немилость, — может ли быть в России лишен милости герой Зеленых Гор и Геок-Тепе, — но как неодобрение пламенных, пылких, опасных слов, брошенных им по адресу Германии. Однако, — и это часто подтверждалось на деле, — в национальном вопросе существуют некоторые течения, остановить которые московские самодержцы не в силах. Общественное мнение в свободных странах находит свое выражение в парламенте, на столбцах газет. Там же, где нет ни парламента, ни независимой прессы, там нация в тишине замышляет заговоры, сомкнутой массой движется к своей героической цели. Приходит час, когда император, вопреки своим обещаниям и заверениям, данным его дипломатией, вынужден отдаться на волю вздымающихся волн.

Пробил ли этот час? Наступил ли он теперь так же, как в 1877 году, на другой день после сербской войны.

Судить об этом — дело политических кругов. Вчера мы сообщали о свидании с генералом Скобелевым сербских студентов, находящихся в Париже.

Вот что сказал этот воин в ответ на их адрес: «Мне незачем говорить вам, друзья мои, как я взволнован, как я глубоко тронут вашим горячим приветствием. Клянусь вам, я подлинно счастлив находиться среди юных представителей сербского народа, который первый развернул на славянском востоке знамя славянской вольности.

Я должен откровенно высказаться перед вами, — я это сделаю.

Я вам скажу, я открою вам, почему Россия не всегда на высоте своих патриотических обязанностей вообще и своей славянской миссии, в частности. Это происходит потому, что как во внутренних, так и во внешних своих делах она в зависимости от иностранного влияния. У себя мы не у себя. Да! Чужестранец проник всюду! Во всем его рука! Он одурачивает нас своей политикой, мы — жертвы его интриг, рабы его могущества... Мы настолько подчинены и парализованы его бесконечным, гибельным влиянием, что, если когда-нибудь, рано или поздно, мы освободимся от него, — на что я надеюсь, — мы сможем это сделать не иначе, как с оружием в руках!

---

[1]) Перевод статьи из газеты «La France» от 18(6) февраля 1882 г., приложенной к напечатанному выше письму Орлова.

Если вы хотите, чтобы я назвал вам этого чужака, этого самозванца, этого интригана, этого врага, столь опасного для России и для славян... я назову вам его.

Это — автор «натиска на Восток» — он всем вам знаком — это Германия. Повторяю вам и прошу не забыть этого: враг — это Германия.

Борьба между славянством и тевтонами неизбежна...

Она даже очень близка.

Она будет длительна, кровава, ужасна, но я верю, что она завершится победой славян...

Что касается вас, то естественно, что вы жаждете узнать, как должно вам поступить, — ибо кровь у вас уже льется. Я не буду много говорить об этом, но могу вас заверить, что если будут задеты государства, признанные европейскими договорами, будь то Сербия, или Черногория... одним словом, вы... вы не будете биться в одиночку. Еще раз благодарю, и, если то будет угодно судьбе, до свидания на поле битвы плечом к плечу против общего врага».

Вот с каким доверием относится русский генерал к прочности соглашения, заключенного императорами в целях сохранения европейского мира! Если бы это заявление исходило от какого-нибудь непризнанного панслависта, от агитатора-интернационалиста, от искателя приключений, его можно было бы рассматривать как плод работы, ведущейся славянскими комитетами. Но генерал Скобелев является одним из наиболее популярных людей в Москве.

В прошлом он национальный герой без страха и упрека. Мы помним, как нам привелось его видеть черным от порохового дыма, в разодранной одежде, с пеной у рта, когда, дрожа от ярости, он покидал 12 сентября 1877 года им же в свое время завоеванные южные редуты Плевны, когда он возвращался с четырьмя тысячами человек из взятых им с собой двенадцати тысяч. В 1879 году, когда он в качестве военного представителя присутствовал на больших немецких маневрах в Эльзас-Лотарингии, жители Страсбурга на большом смотру в Кенигсхоферне видели его гарцующим в двадцати шагах от императорского главного штаба, к которому он не хотел примкнуть, и громко хохочущим при виде того, как целые прусские роты теряли сапоги, завязавшие в вязкой почве. Позднее он бросился в океаны песков Центральной Азии, чтобы сокрушить там туркмен. Сама Россия, сам славянский мир говорит его устами; он великий воплотитель национальных требований; московская администрация — москвичам, славянская земля — славянам.

Пусть же теперь дипломаты, размахивая ветвью мира, расточают свои ложные уверения!

Камилл Фарга.

Скобелев в Париже [1]).

Я имел честь быть вчера принятым завоевателем Плевны, приехавшим на-днях в Париж. Доблесть и характер генерала, столь мужественные слова, произнесенные им недавно на одном банкете в России, в которых он называл Германию общим врагом, — вполне объясняют тот большой прилив симпатии, который наблюдается в отношении к нему. Решительный ответ его находящимся в Париже и поднесшим ему адрес сербским студентам заслуживает быть воспроизведенным [2]):

Не правда ли, всякие комментарии только ослабили бы значение этих патриотических слов?

В одной вечерней газете сообщалось вчера, что, несмотря на все свое большое расположение к генералу Скобелеву, император Александр III был напуган под-

[1]) Перевод статьи из газеты «Le Voltaire» от 19(7) февраля 1882 г., приложенной к напечатанному выше письму Орлова.

[2]) Далее следует текст речи Скобелева, воспроизведенный в напечатанной выше статье К. Фарга.

нявшимся вокруг его тоста шумом и велел ему удалиться на срок, длительность коего трудно предвидеть. Дело в том, что немецкая пресса буквально метала громы и молнию. В корреспонденции из С.-Петербурга, опубликованной вчера в газете «Voltaire», в свою очередь, также сообщалось о том воинственном настроении, которое создалось по этому поводу в России.

Мне хотелось узнать от генерала, насколько все эти толки соответствуют истине; еще более мне хотелось, чтобы он точнее высказал и развил свои мысли.

Благодаря любезности генерала мне удалось получить от него сведения по обоим этим вопросам.

Итак, я отправился к нему на улицу Пентьевр, 2, — и был им принят в занимаемом им в первом этаже помещении, снятом на время его пребывания в Париже, которое продлится еще недели две. Несмотря на то, что в это время у генерала была его тетка, проживающая в Париже и приехавшая навестить его, — он вышел ко мне, провел меня в свою комнату и принял меня очень радушно. Он высок, хорошо сложен, одет в сюртук без каких-либо знаков отличия; от военного в генерале — только быстрота движений и энергичный голос, — голос, привыкший к командованию. Он носит неподстрижешую бороду, тонкую, белокурую, в форме веера. Глаза голубые, кроткие, голос звучный, вибрирующий.

Генерал Скобелев говорит по-французски почти без акцента, произношение у него на редкость чистое. Сопровождающий его секретарь тоже владеет нашим языком почти так же свободно, как и русским. Только их лакей, всюду следующий за ними, приводит в отчаяние посетителей; он не знает ни одного слова по-французски. Что меня поразило в генерале, так это не только многообразие его познаний, но и то, что он обстоятельно изучил все те вопросы, коими интересуется Франция. Об организации у нас военного дела, о нашей политике, о причастных к ней людях он высказывается крайне тактичным и совершенно справедливым образом. Это и обаятельный и в равной мере сведущий собеседник. Генерал мне сказал:

«Я действительно произнес речь, вызвавшую некоторую сенсацию; и вот я только что получил от моего адъютанта следующую выдержку из газеты: «Государь-император только что дал одному из строящихся на Каспийском море судов имя «Генерала Скобелева». Оказание мне этой чести, крайне редкой, доказывает, что я отнюдь не в немилости и что, следовательно, я нахожусь здесь по своей доброй воле. Но, если бы моя откровенность и сопровождалась неприятными для меня последствиями, я все-таки продолжал бы высказывать то, что я думаю. Я занимаю независимое положение, — пусть меня только призовут, если возникнет война, остальное мне безразлично. Да, я сказал, что враг это Германия, я это повторяю. Да, я думаю, что спасение в союзе славян, заметьте, я говорю: славян, с Францией. Надо достичь этого. Надо достичь европейского равновесия, но уже не в том виде, как это понимал г. Тьер, потому что в том виде, в каком оно существовало, оно уже нарушено. Надо его восстановить.

Германия — великая пожирательница — это нам известно, — и вы сами, вы особенно, вы, увы! — слишком хорошо это знаете. Восточный вопрос имеет большое, огромное значение. Именно через разрешение этого вопроса и может быть восстановлено то равновесие, о котором я говорил, — в противном случае, останется лишь одна держава — Германия. Я сказал и повторяю, что я верю в благополучное разрешение, которого я страстно хочу. Я особенно верю в то, что, наконец, поймут истину, — что между Францией и славянами должен быть заключен союз. Для нас — это средство восстановить нашу независимость.

Для вас же — это средство занять то положение, которое вами утрачено».

«Вот, подлинно, что я думаю, — сказал мне в заключение генерал, — вы можете рассказать об этом, но все же в интересах того большого дела, осуществления коего я всегда буду добиваться, — не надо создавать вокруг меня много шума».

Поль Фресно.

5.

Телеграмма кн. Орлова упр. мин. ин. дел Гирсу 20 (8) февраля 1882 г.

Телеграфируйте мне, что я должен говорить в Берлине по делу Скобелева. Откладываю свой отъезд до получения вашего ответа.

6.

Телеграмма кн. Орлова упр. мин. ин. дел Гирсу 22 (10) февраля 1882 г.

Я сообщил генералу Скобелеву высочайшее повеление возвратиться в Петербург. Несмотря на лихорадку, которой он болен, он выедет завтра и поедет, минуя Берлин, о чем я предупредил нашего посланника.

7.

Телеграма кн. Орлова упр. мин. ин. дел Гирсу 24 (12) февраля 1882 г.

Генерал Скобелев выехал вчера вечером. Ему указана дорога через Голландию и Швецию, дабы избежать проезда через Германию. Я уезжаю сегодня вечером, напишу из Берлина.

8.

Письмо кн. Орлова упр. мин. ин. дел Гирсу 27 (15) февраля 1882 г. [1])

Берлин. 27 (15) февраля 1882 г.

Дорогой Николай Карлович.

Вот в немногих словах мои берлинские впечатления. Император, наследный принц и г-н Бисмарк относятся с полным доверием к политике нашего возлюбленного монарха. Но опасаются, как бы инцидент со Скобелевым не явился первым шагом по пути нарушения дисциплины, и, должен признаться, такое же суждение мне пришлось выслушать в Париже от лучших генералов французской армии. Офицерам всех степеней повсеместно запрещается законом произносить политические речи. Если бы это обстояло иначе и если бы генералы могли безнаказанно посягать на прерогативы главы империи, то авторитет последнего был бы только иллюзией. Я думаю, что именно эта мысль и удручает более всего императора Вильгельма. Его сердце солдата взволновано и встревожено этим. Нетрудно угадать то же чувство и у наследного принца. Что касается г-на Бисмарка, то он озабочен резкими статьями «Нового Времени» и предсказывает военную бурю в то самое время, когда «Journal de S-t Petersbourg» всячески старается всех заверить в наших мирных намерениях.

В общем же Германия уязвлена в своих национальных чувствах, и прекрасное впечатление, произведенное на нее Данцигским свиданием, начинает стушевываться.

Но в высших берлинских кругах определенно хотят притти с нами к мирному и сердечному соглашению. Все опасения, вызванные неуместным выступлением нашего храброго, но неосторожного генерала, государь мог бы рассеять одним каким-нибудь жестом, которым он доказал бы всем, что вся политическая власть принадлежит только ему.

Сегодня вечером уезжаю в Варшаву и буду в Москве 20-го сего месяца. Жму вашу руку. Сердечно преданный вам

Н. Орлов.

---

[1]) На подлиннике помета: «Получено 23 февраля»

9.

Письмо гр. Каннста упр. мин. ин. дел Гирсу 14(2) марта 1882 г. [1]).

Париж. 14 (2) марта 1882 г.

Представляется не безынтересным ознакомиться с состоянием умов во Франции в момент, когда положение в Европе столь неопределенно и когда общественное мнение занято возможностью новой перегруппировки держав. Скобелевский инцидент особенно благоприятствует возможности такого ознакомления. Я употребил все старания, чтобы в точности выяснить впечатление, произведенное во Франции этим инцидентом (позволяю себе упоминать о нем исключительно в качестве отправной точки), и считаю себя обязанным представить вашему превосходительству результаты моих местных наблюдений.

Благоволите мне разрешить сделать это в форме совершенно личного письма, ввиду того, что сведения и разговоры, которые послужили мне материалом, имеют исключительно частный характер и не могли бы уложиться в рамки официального донесения.

Действительно, чтобы отдать себе точный отчет об общественном настроении во Франции, недостаточно основываться на появляющемся в печати и на заявлениях отдельных официальных лиц. Только группируя факты, замеченные в разное время, координируя собранные случайно и в самых разных кругах сведения и добросовестно, без всякой предвзятости, оценивая эти наблюдения, можно составить верное суждение об истинном положении вещей.

Именно этого я и старался достигнуть, чтобы иметь право высказать мое личное мнение по вопросу, серьезность коего при данных обстоятельствах не допускает поверхностного к себе отношения.

Теперь, когда улеглось первоначальное волнение, вызванное выступлением генерала Скобелева, можно уже определенно утверждать, не боясь впасть в преувеличение, что речь его наделала много шума во Франции и приняла размеры подлинного политического события.

Необходимо также отметить, что инцидент этот был встречен во Франции с чувством полнейшего удовлетворения.

Все без исключения партии отнеслись к нему с чувством радости, проявления коей до некоторой степени умерялись опасением, как бы Франция не была вовлечена в какие-либо военные осложнения.

Но я не побоюсь самым определенным образом утверждать, что было бы глубоко ошибочным приписывать этот уклон общественного настроения пробуждению симпатий к России или усилению жажды военного реванша по отношению к Германии. Это изменение в общественном настроении Франции имело совсем особые причины. Здесь вполне отдают себе отчет в том, что установление тех или иных взаимоотношений между С.-Петербургом и Берлином не замедлит сказаться и на отношениях между Францией и Германией. Чем более отношения между Россией и Германией будут прочны и устойчивы, тем более держава эта будет сохранять по отношению к Франции свое доминирующее над ней положение, занятое ею в связи с ее успехами.

Чем сильнее будут подорваны взаимоотношения между С.-Петербургом и Берлином, тем более будет вынуждена Германия считаться с Францией и поступиться некоторыми приобретенными ею преимуществами.

В случае же конфликта между Россией, с одной стороны, и Германией и Австрией,— с другой, положение Франции сделалось бы совсем выигрышным, так как при умелом использовании его она могла бы надеяться возвратить без боя часть того, что ею было утрачено в 1870 г.

---

[1]) На подлиннике помета: «Получено 6 марта». Каннст — советник русского посольства в Париже.

Такова в общем задняя мысль каждого француза, радующегося по поводу скобелевского инцидента, поэтому не надо искать в чем-либо ином объяснения произведенной им здесь сенсации.

При более близком ознакомлении с состоянием умов во Франции нужно отметить, что налицо имеются две партии, крайне отличные друг от друга по своей численности.

Первая, — обнимающая почти всю нацию, — совершенно чужда идее реванша и никоим образом не желает вовлечения Франции в какие-нибудь внешние осложнения, — даже если бы следствием этого могло явиться частичное восстановление утраченной территории.

Представителем этой партии является сам президент республики—г-н Греви. Партия эта насчитывает в своих рядах огромную массу трудящегося провинциального населения, которое работает, делает сбережения, увеличивает свои капиталы и пользуется материальным благосостоянием, не имеющим себе равного в Европе.

В больших городах, особенно в Париже, партия эта опирается на все обеспеченные или богатые классы общества, которые, пользуясь благосостоянием, стремятся сохранить свои капиталы или же с азартом пускаются в различные спекуляции и предаются игре на бирже.

В стране, где правительство более чем когда-либо, после неудачной попытки г-на Гамбетты, является ни чем иным, как бессознательным отражением господствующих тенденций момента, партия, состоящая из подобных элементов, является всемогущей.

Партия, противоположная первой по своим политическим стремлениям, чрезвычайно малочисленна. Она, в свою очередь, разделяется на две очень отличные друг от друга фракции; одну из них я назвал бы группировкой «мирного воссоединения», другая могла бы быть определена, как группировка «реванша» в подлинном смысле этого слова.

Первая из этих двух фракций состоит из политиков, среди которых на первом плане фигурирует г-н Гамбетта, из честолюбцев вроде генерала Галифе и из нескольких военных, сохранивших свой воинственный пыл и после поражений 1870 г. Не задаваясь целью сохранить мир во что бы то ни стало, как того придерживается огромное большинство нации, и не отвергая совершенно возможности войны, в случае, если бы для ведения ее создались благоприятные условия, — люди, примыкающие к этой группировке, тем не менее вполне отдают себе отчет в том, что им, вероятно, было бы трудно, если не совсем невозможно, настроить страну на воинственный лад, и что, с другой стороны, правительство, которому удалось бы достигнуть хотя бы частичного успеха в деле мирного воссоединения, на долгое время укрепилось бы во Франции.

Они хотели бы каких-нибудь внешних осложнений, вроде тех, какие могли бы произойти в отношениях между Россией, Австрией и Германией, но главным образом для того, чтобы использовать их в интересах Франции, из соображений как военного реванша, так и личного честолюбия. Отсюда до политики «на чаек» (la politique du pourboire) только один шаг. Неопределенные стремления этой группировки, по всей вероятности, не приведут ее ни к чему иному, как к какой-нибудь комбинации, имеющей целью, в благоприятный тому момент, продать нейтралитет Франции как можно дороже.

По некоторым доверительным фразам князя Бисмарка, сообщенным мне несколько времени тому назад нашим послом в Берлине, можно заключить, что немецкий канцлер прекрасно отдает себе отчет в положении вещей и что он, действительно, имеет в виду в нужный момент купить бездейственность Франции ценой каких-нибудь незначительных переуступок в случае, если бы более или менее неопределенных обещаний уже было недостаточно для обеспечения себе в критическую минуту французского нейтралитета.

Что касается группировки «реванша» в подлинном смысле этого слова, воодушевляемой идеей национального самолюбия и мечтающей о военной славе, —

то она состоит исключительно из лиц, не имеющих никакого влияния и никакого политического значения.

Действительно, она так малочисленна и встречает так мало отклика в общественном мнении, что можно даже усомниться в самом ее существовании. Лучше всего я мог бы охарактеризовать ее, приведя слова, сказанные мне недавно одной дамой, которой в некоторых наших кругах приписывают известное политическое значение, хотя на самом деле она его не имеет.

«Разговаривая однажды с моим другом военным, поэтом Полем Деруледом, — сказала мне г-жа Адан, — мы должны были себе признаться, в нашей интимной беседе с глазу на глаз, что в настоящее время во Франции только мы двое и составляем всю партию реванша».

Несколько времени спустя та же дама говорила мне по поводу речи генерала Скобелева:

«Вы понимаете, что я, с точки зрения французских интересов, могла лишь поддерживать генерала в предпринятой им кампании. Франция от всего этого может лишь оказаться в выигрыше. Пусть Россия сама судит о том, насколько это в ее интересах».

Не могу не высказать предположения, что, пожалуй, даже эта воинственная группа из «двух», состоящая из женщины и поэта, в глубине души не совсем чужда мирным настроениям.

Отнестись серьезно, в условиях настоящего момента, к этой партии «реванша» в указанном составе значило бы совершенно не понимать общественного настроения во Франции.

Полагать возможным основать на стремлениях этой группы какую-нибудь политическую комбинацию было бы и ребячливо и опасно.

Конечно, не исключена возможность и того, что, под влиянием каких-нибудь непредвиденных обстоятельств, во французском общественном мнении может произойти поворот, который в корне изменит положение вещей.

Большим смельчаком был бы тот, кто понадеялся бы учесть заранее колебания столь неустойчивого элемента, каким является мнение широкой публики, — я, конечно, не рискую этого делать.

Однако в обязанности каждого серьезного наблюдателя входит взвесить все возможные шансы, исходя при этом из действительных данных.

Развитие же материального благосостояния во Франции несомненно и очень заметно сказалось на национальном характере и погрузило страну в своего рода оцепенение, из которого она может быть выведена только каким-нибудь сильным потрясением. Ее материальное благополучие имеет оборотную сторону, сказывающуюся в явном уменьшении ее воинственности.

Если бы при данном положении вещей хотели выразить математической формулой то, чего можно ожидать в будущем, то можно было бы сказать, что шансы сохранения Францией нейтралитета в случае европейского кризиса относятся к шансам ее вступления в войну, как 20 к 1-му.

Капнист.

Николай Романов и Финляндия.

Первые покушения на финляндскую автономию были предприняты еще при Александре III, но последний не сделал в этом направлении решительных шагов. Эту задачу взял на себя Николай II, и уже в 1898 г. царским правительством было решено нанести решительный удар по финляндской автономии. Этот удар был первоначально сконцентрирован в составленном тогда новом законе о воинской повинности в Финляндии.

Как известно, Финляндия, согласно конституции, имела построенную на особых началах, армию: финны не служили вне пределов «великого княже-

ства Финляндского», срок службы в финских войсках был меньше, чем в империи (три года вместо пяти), контингент армии был относительно невелик и пр. Факт существования особой финляндской армии уже давно вызывал подозрительные взгляды русских националистов, и еще при Александре III, в 1893 г., в военном министерстве (при Ванновском) был принят новый проект устава о воинской повинности в Финляндии, построенный на основаниях общеимперского. Однако тогда этот проект движения не получил, — быть может потому, что встретились возражения со стороны финляндского генерал-губернатора гр. Гейдена, предвидевшего, что проект, в случае его принятия, вызовет разные весьма неприятные последствия [1]). Но, отклоненный тогда, новый проект снова возник при Николае II, причем решительно вопрос этот был двинут в ход в начале 1898 г. Куропаткиным, только что перед тем ставшим военным министром. В связи с этим 19 июля 1898 г. было объявлено (рескрипт Николая II финляндскому генерал-губернатору) о созыве на 19 января 1899 г. чрезвычайного сейма, который должен был обсудить проект нового военного закона, вызываемого необходимостью «согласовать военный закон великого княжества Финляндского с основами военного дела империи».

Известие о введении нового военного закона вызвало в населении Финляндии чрезвычайное волнение, которое еще более усилилось, когда 30 августа был назначен финляндским генерал-губернатором ген. Бобриков, известный за ярого «обрусителя». Настроение финляндского населения, вызванное проектом нового военного закона, вскоре однако заставило правительство убедиться, что новый закон (уже встретивший возражения финляндского сената) сеймом принят не будет. Чтобы избежать как-либо этой перспективы, правительство решилось сделать еще один решительный шаг: 3—15 февраля 1899 г., когда сейм уже открылся, был издан особый манифест относительно порядка разрешения тех, касающихся Финляндии, вопросов, которые имеют общегосударственное значение, а вместе с этим манифестом были выпущены и «Особые положения о составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для империи со включением великого княжества Финляндского». Эти акты были выработаны особой комиссией, где главную роль играл Победоносцев. Акты эти, поводом для издания которых была необходимость провести военный закон, были, однако, по своему значению гораздо важнее и этого последнего: манифест и «положения», если и не уничтожали, то, во всяком случае, резко умаляли и без того весьма небольшие конституционные привилегии Финляндии. Сущность этих актов состояла в том, что, согласно им, сейму предоставлялась лишь законосовещательная роль во всех тех вопросах, которые русским императором будут признаны вопросами общеимперского значения, причем текст закона, принятого сеймом, мог быть изменен и Государственным Советом и в последней стадии императором (согласно конституции, последний имел право или утверждать или отклонять — но не изменять — решения сейма).

Естественно, что манифест 3 февраля вызвал в Финляндии взрыв негодования, и вся сила общественного внимания была прикована теперь уже не столько к частному вопросу о новом военном законе, а к вопросу основному — об изменении или (как находили финляндцы) даже уничтожении конституции. На практике первым делом с этим вопросом приходилось столкнуться финскому сенату, который, согласно закону, должен был обнародовать новые акты. Сенат, после длительных колебаний, несмотря на общие протесты против этих актов, решил все же их обнародовать [2]), но вместе с тем обратиться к царю с петицией о разъяснении их, ввиду того, что «народ финский в целом, — как было сказано в петиции, — видит в манифесте нарушение гарантированной ему конституции». С подобной петицией решил обратиться и сейм; и сенат и сейм постановили отправить, в связи с этим, делегации к царю.

Между тем, видимо, и сам генерал-губернатор Бобриков, вполне поддерживая изданные 3 февраля акты, сомневался все-таки в том, согласны ли они с финскими законами. По крайней мере, докладывая 9 февраля Николаю об упомянутом решении сената и об отправке им депутации к царю, Бобриков, между прочим, писал:

«Осмелюсь всеподданнейше доложить, что, может быть, было бы лучше и осторожнее еще до высочайшего приема [делегации] настоящее представление сената повелеть передать на предварительное заключение совещания под председательством великого князя Михаила Николаевича, выработавшего высочайший манифест, дабы затем уже, всесторонне выяснив степень основательности сенатских домогательств, постановить окончательное по ним высочайшее решение. Настоящие претензии сената были предусмотрены совещанием по существу, и, с своей стороны, оно признало их, как и я вторично признаю, неподлежащими удовлетворению» [3]).

Однако Николай решил поступить проще: он отказался принять прибывшие делегации и приказал дело это «оставить без последствий».

Однако в Финляндии вопрос этот продолжал вызывать волнение. После отказа в приеме депутаций сената и сейма, в Гельсингфорсе был организован особый комитет с целью отправить царю новую петицию (адрес) от широких слоев населения. Для передачи царю адреса была набрана грандиозная депутация в 500 с лишком человек. Адрес, под которым подписалась почти четвертая часть всего $2^1/_2$-миллионного населения Финляндии («кресты» неграмотных в расчет не принимались), был составлен в весьма почтительных выражениях и заключал, в существе своем, просьбу, чтобы вновь изданные акты были согласованы «с остальными финляндскими законами». Однако и этот адрес никакого успеха не имел: в приеме прибывшей в Петербург делегации Николай, конечно, также отказал.

Печатаемые здесь три письма Николая к финляндскому генерал-губернатору Бобрикову и одно — к статс-секретарю по делам Финляндии Прокопе связаны с теми обстоятельствами, которые мы изложили выше. Бобриков (убитый в 1904 г. Шауманом) был главным действующим лицом в предпринятой Николаем борьбе с финляндской автономией, и Николай в своих письмах, не находя слов, как благодарить своего слугу, старается влить в него новые силы для успеха предпринятой кампании.

Подкрепляемый поддержкой Николая, Бобриков, не ограничиваясь тем шагом, который делало правительство, вводя новый военный закон, намечал (в письме к Николаю от 11 марта 1899 г.) и ряд других мер, изложенных в десяти пунктах. Приводим выдержку из соответствующего письма к Николаю Бобрикова.

«Всем сердцем разделяя, — писал Бобриков, — необходимость предначертанных вашим императорским величеством мер к мирному закреплению за нами Финляндии, осмеливаюсь всеподданнейше доложить еще о следующих десяти, государственное крайне важное значение которых, по глубокому моему убеждению, не может подлежать сомнению. Вот они:

«1) Учреждение комиссии для пересмотра программ и учебников, от университета до низших шведо-финских школ. Бог весть, что проповедуется в этих рассадниках просвещения, при отсутствии русского надзора, о России и отношении к ней финляндской окраины. Надо, чтобы молодежь приобретала в школе знания, отвечающие общегосударственным интересам. Чем это запущенное дело будет скорее распутано, тем, конечно, лучше. Если, ваше величество, изволите разделять безотлагательность этой меры, то началом ее применения могла бы послужить особая записка к генералу Прокопе, проект которой при сем всеподданнейше представляю.

«2) Издание законодательного акта, разъясняющего великому княжеству государственную связь его с прочими частями империи и самодержавные права верховной власти в крае. Под влиянием упорных заблуждений, финляндд-

ский сенат и его единомышленники, извращая истинный смысл высочайше дарованных Финляндии прав и привилегий, постоянно проявляли и ныне проявляют преступный ропот и противодействие в применении мероприятий, предначертываемых вашим императорским величеством в целях сближения окраины с центром. Признаю необходимым положить конец такому заблуждению. С появлением испрашиваемого разъяснения, надо полагать, прекратится распространение в Финляндии явно ложных политических теорий, противоречащих несомненным фактам истории и самому началу единства империи. Тогда скорее могло бы исчезнуть извращенное понятие о существовании какой-то конституции или какого-то автономного государства, под влиянием которого даже сенат с единомышленниками осмеливается разделять мнение преступников, имеющих дерзость подозревать возможность нарушения всероссийскими самодержцами тех удостоверений, какие излагались в особых манифестах при вступлении их на престол.

«Ввиду чрезвычайно важного значения настоящего акта, составление его, осмеливаюсь всеподданнейше доложить, было бы соответственным возложить на особое, по высочайшему благоволению вашего императорского величества, совещание при Государственном Совете.

«3) Введение во все местные финляндские управления русского языка, о чем я буду иметь счастье войти с особым всеподданнейшим докладом чрез министра статс-секретаря.

«4) Выделение из-под финляндской опеки православных школ, о чем я уже вошел в сношение с нашим архиепископом. Мы достигли независимости от финлядских властей школ ведомства народного просвещения, — теперь остается распространить эту благодетельную меру и на православные русские школы, где государственный язык почти забыт.

«5) Объединить монету и таможни *).

*) В сущности этот вопрос уже предрешен. [*Примечание в подлиннике.*]

«6) Усовершенствовать цензурный устав и привлечь к надзору за прессой губернаторов.

«7) Улучшить экономический быт безземельных крестьян на средства финляндских штатных сумм, чем упрочится к России их преданность.

«8) Пересмотреть финляндское уголовное уложение с точки зрения интересов и, главное, достоинства империи.

«9) Издание русской газеты, о чем я буду иметь счастье всеподданнейше представить мои по сему предложения, и

«10) Ввиду общего недостатка в Финляндии преданных России людей необходимо в общегосударственных целях открыть всем российским подданным, имеющим право на вступление в гражданскую службу в силу законов империи, свободный доступ на все гражданские должности в великом княжестве. Предстоящее, с введением нового военного закона, более успешное распространение русского языка облегчит применение настоящей меры, благодетельной для самой же окраины.

«Всеподданнейше представляю настоящую программу, в предупреждение возможных случайностей и для успокоения своей совести. Если ваше императорское величество соизволите одобрить в существе эти предположения, то, в таком случае, я буду приступать к приведению их в исполнение отнюдь не вдруг, а постепенно, с большою осторожностью и в строгой системе».

Эта «обрусительная» программа, которую Николай сразу же «всею душой» разделил (см. ниже письмо от 19 марта 1899 г.), и послужила в ближайшее время основой русской политики в Финляндии.

Что касается, собственно, нового закона о воинской повинности, которым царское правительство начало борьбу с автономией Финляндии, то этот закон, пройдя через сейм, внесший в него ряд коренных изменений, был затем представлен Николаю и после этого опубликован, но не в порядке, предусмотренном конституцией Финляндии, а путем, основанным на манифесте 3 февраля; при этом изменения финского сейма не были, конечно, приняты во внимание, за исключением, впро-

чем, единственной уступки — сохранения трехлетнего срока службы. Как известно, проведение этого закона в жизнь встретило упорное «пассивное сопротивление» финляндского населения, благодаря которому русскому правительству пришлось лишиться значительного количества финских новобранцев.

Бобриковская обрусительная программа постепенно проводилась в жизнь, уничтожая все более и более все остатки политической автономии. Но революция 1905 г. повернула ход дела совсем в другую сторону: под влиянием вооруженного рабочего восстания, Николай не только должен был манифестом от 22 октября 1905 г. возвестить «о восстановлении закономерного порядка в крае», но и ввести вместо прежнего сословного сейма новый порядок организации финляндского народного представительства на началах всеобщего и равного избирательного права.

Таким образом борьба царского правительства с финляндской автономией сыграла, в результате, ту положительную роль, что она ускорила победу финляндской революции.

В. Семенников.

I [4]).

Петербург. 7 марта 1899 г.

Любезный Николай Иванович.

Давно хотелось мне написать вам и поблагодарить вас за обстоятельные и живо интересующие меня письма ваши. Нынешние обстоятельства заставили меня, наконец, взяться за перо.

Начну с того, что откровенно признаюсь вам в том, что я постоянно благодарю бога, направившего мой взор на вас. Действительно, в вас я получил неоценимого помощника, крайне знающего, усердного, настойчивого, хладнокровного во всех своих действиях. Не имей я вас в Финляндии, едва ли я справился бы с нынешними сложными делами, — говорю вам это прямо, потому что таково мое глубокое убеждение. Получили мы с вами наследство в виде уродливого криво выросшего дома, — и вот выпала на нас тяжелая работа — перестроить это здание или, скорее, флигель его, для чего, очевидно, нужно решить вопрос: не рухнет ли он (флигель) при перестройке? Мне думается, что нет, не рухнет, лишь бы были применены правильные способы по замене некоторых устаревших частей новыми и по укреплению всех основ надежным образом.

Все переживаемые треволнения и вы и я предвидели, — стало быть, особенно неожиданного ничего не случилось, разве нелепое и упорное сопротивление сената по поводу замедленного обнародования им последнего манифеста и почти явное, с его стороны, сочувственное отношение к поднятому печатью и вожаками шуму. Очень полезно было бы в этом году никого не наградить из состава этих господ. Когда прибыла сюда самозванная депутация в 500 чел., я написал Прокопе [5]) прилагаемое письмо (копия для вас). Всю вину и ответственность я приписываю сенату в деле тайного сбора подписей, за спиною местных властей. И это в хваленом благоустроенном крае! Тем более отрадным является одиночное заявление того доброго фермера, о котором вы мне доносили, — думаю, было бы хорошим примером отличить его, если признаете это желательным, медалью [6]). Вполне разделяю ваше мнение о неотложной необходимости теперь же приступить к составлению проекта положения о расширении власти генерал-губернатора, усиления и повышения авторитета губернаторов, в ущерб влиянию сената и своевременности распространения жандармского надзора, а также необходимости коренного улучшения местной полиции. Благополучно разрешив эти дела и покончив с военным законом, мне кажется, нам можно будет удовлетвориться достигнутым результатом: Финляндия будет достаточно закреплена за Россиею.

Вообще я спокойно отношусь к настоящему и с верою в полный и окончательный успех нашего безусловного правого дела — к будущему.

Прошу вас продолжать писать мне, — с особым удовольствием читаю ваши

письма. Помните, что во мне вы всегда найдете полную поддержку и защиту, ибо за мной — вся Россия!

Дай вам бог здоровья и сил продолжать ваше тяжкое служение родине, служение, столь успешно начатое, сулит счастливое продолжение.

Еще раз спасибо вам от души за все!

Искренно уважающий вас
Николай.

Копия письма Николая Романова к Прокопе.

5 марта 1899 г.

Два дня тому назад я узнал о прибытии весьма многочисленной депутации из Финляндии. Раньше того я слышал о тайных сборах подписей под какое-то коллективное прошение, которые происходили по всем приходам. Удивляюсь тому, как могли местные власти допустить такое небывалое явление?

Объявите участникам этой депутации в 500 чел., что я их, разумеется, не приму, хотя и не сердит на них, потому что они не виноваты. Они должны возвратиться по домам и затем уже могут подать свои прошения губернаторам, кот[орые] представят их ген.-губ[ернатору], а он, наконец, перешлет их ходатайства вам для доклада мне, если они признаны будут уважительными.

Всю вину я всецело возлагаю на сенат.

Вместо того, чтобы разъяснить истинное значение манифеста 3 февраля, сенат сам первый показал дерзкий пример неповиновения, не желая тотчас обнародовать манифеста. Такое отношение к своим обязанностям высшего правительственного учреждения края меня глубоко огорчает и возмущает. Я искренно люблю свой финский народ, но, к сожалению, вижу недобрые поползновения со стороны высших кругов Финляндии посеять недоверие между этим добрым народом и мною.

Отпустите приехавшую сюда депутацию с миром, разъясните ей значение манифеста 3 февраля и передайте все касающееся ее в этом письме!

2.

Царское Село. 19 марта 1899 г.

Любезный Николай Иванович.

Искренно благодарю вас за последующие письма, в которых вы продолжаете описывать состояние умов финляндцев и происки шведской интеллигенции. Неужели этим господам не стало ясною вся бесцельность и даже преступность их темной и дерзкой игры в оппозицию? Повидимому, нет, — по крайней мере, я лично убедился в том из последнего моего разговора с Прокопе. Прочитав ему проект известной вам резолюции по вопросу о воспрещении составления прошений и жалоб скопом [7]), я спросил его, согласно ли то с финляндскими законами, на что он разразился целым потоком общих фраз о преданности финского народа, о его единодушии, в смысле отсутствия розни между шведской аристократией и остальными сословиями и т. д. в том же духе; в конце концов, он даже разрыдался и стал у м о л я т ь не издавать такого повеления, которое, по его словам, больно и незаслуженно тяжко поразит сердце каждого финна. Я ответил, что верю ему (лично), подчеркнув еще раз мое неодобрение всего происходящего в Финляндии и в особенности настроение и действия сената *). Прямо на вопрос мой он не ответил. Поэтому, не придавая пока большого значения запрещению составлять адресы и прошения, я этому делу не дал хода. Лучше, мне кажется, пока мы их не забрали окончательно в руки, дать им потешаться пустяками, наподобие маленьких детей; современем, разумеется, мы не будем спускать им так безнаказанно всех их проделок. Что касается вашего вопроса о том, что делать в случае получения вами адреса тем или иным путем, то я, конечно, присоединяюсь к предположению вашему о направлении его к статс-секретарю с заключением не в пользу просителей. В исходе этого дела, т.-е. в отклонении его мною, нечего сомневаться!

С некоторого времени я думал о способе разъяснения манифеста 3 февраля

*) Так в подлиннике.

и нахожу такого рода объявление желательным, но никак не могу уговорить К. П. Победоносцева составить проект такового.

Всею душою разделяю ваш правильный взгляд, ясно изложенный в письме от 11 марта, состоящий из десяти пунктов, намечающий ряд необходимейших мер, которые нам безусловно следует будет принять для бесповоротного мирного закрепления финляндской окраины за Россиею. Повторяю сказанное мною в первом письме — для приведения этих благих мер к осуществлению необходимы строгая постепенность, терпение и настойчивая твердость, но последовательность — прежде всего.

Прошу вас, Николай Иванович, беречь свое здоровье, вы слишком занялись письменными работами. Ведь перелом в финляндском вопросе совершился, можно бы немного и отдохнуть, а впоследствии приняться за дальнейшую работу со свежими силами. Дай вам бог всего лучшего!

Николай.

Вполне одобряю проект циркуляра губернаторам [8]).

3.

Царское Село.
26 марта 1899 г.

Любезный Николай Иванович!

Пользуюсь отъездом генерала Шипова [9]), чтобы написать вам несколько строк о вопросах, затронутых вашим последним письмом. К сожалению, еще ранее получения его, я на докладной записке Прокопе назначил Шипову содержание из сумм госуд. казначейства всего в размере 15 тыс. рублей, а на подъем 8 тыс. марок из моей финляндской суммы. Что сделано — лучше не менять, в особенности по нынешним временам. Финляндской казне придется сильно раскошелиться через несколько лет, когда новый наш военный закон войдет в полную силу. Тем не менее я вполне согласен с вашим взглядом и сожалею только, что он опоздал. Я вам уже писал, что всецело одобрил циркуляр ваш к губернаторам и, разумеется, положу соответствующую резолюцию на докладе статс-секретаря. Приветствую временное прекращение вами издания двух газет, — давно пора, больно уж зарапортовались!

Я поручил военному министру, Фришу [10]) и Плеве заняться составлением сообщений, для нашей и заграничной печати, в смысле изложения исторических событий, начиная с завоевания Финляндии, отношения этой окраины к России и объяснения логически необходимого манифеста 3 февраля. Надеюсь, что это положит конец продолжающейся агитации!

Повторяю вам мое непременное желание, чтобы вы берегли себя — вы мне очень и очень нужны!

Дай вам бог сил, здоровья и душевного спокойствия.

Искренно вас уважающий
Николай.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Доклад гр. Гейдена Александру III по этому поводу от 31 июля 1893 г. сохранился в финляндских бумагах Николая (Центрархив, Архив Октябрьской Революции). Приводим выдержку из этого доклада:

«В случае одобрения проекта военного министерства и утверждения его вашим императорским величеством, должно быть объявлено о новом уставе воинской повинности в Финляндии к исполнению.

«Приведение сего в действие встретит немалые затруднения. Вместо содействия местных органов администрации, можно предвидеть равнодушное отношение к исполнению нового закона. Жители, до коих будет касаться воинская повинность, будут всеми средствами уклоняться от сего. Эмиграция, доходившая в последние годы до 6 000 человек в год, дойдет до весьма больших размеров. Против уклонения от воинской повинности придется принять принудительные меры. Могут возникнуть столкновения и, не дай бог, дойти до кровавых стычек.

«Если бы возможно было изменить те параграфы нового устава, которые касаются сроков службы и контингента, то подлежащие повинности лица не имели бы интереса сопротивляться исполнению ее, а что касается параграфов организации и политических, то по государственной важности их они должны быть изменены, и все благомыслящие финляндцы не могут не согласиться на эти нововведения».

[2]) Вопрос об обнародовании актов 3 февраля рассматривался в сенате 6 февраля; голосовало 20 сенаторов, причем за обнародование было подано 11 голосов и против 9. Тогда сенатор Шауман заявил, что он изменяет свой вотум; голоса, таким образом, разделились, но вопрос был решен перевесом голоса вице-председателя, высказавшегося за обнародование. Сенатор Шауман, генерал-лейтенант генер. штаба — отец убийцы Бобрикова, — после этого убийства был обвинен русскою властью в том, что он участвовал в организации тайного стрелкового обучения населения для свержения самодержавия.

[3]) Цитируемый доклад, как и другие доклады Бобрикова, сохранился в финляндских бумагах Николая. В целом, доклады Бобрикова, принятые нами во внимание в настоящей статье, не представляют большого интереса: они излагают факты, частью теперь уже известные, частью весьма мелочные; кроме того, они наполнены многословными соображениями Бобрикова на общие темы о борьбе с Финляндией и т. п.

[4]) Письма Николая к Бобрикову печатаются с копий, весьма тщательно сделанных, сохранившихся в финляндских бумагах Николая. АОР, ос. отдел.)

[5]) Ген. Прокопе — министр статс-секретарь по делам Финляндии.

[6]) В докладе Николаю, от 5 марта 1899 г., Бобриков, между прочим, сообщал о некоем владельце фермы, который явился к нему с доносом о сборе подписей, происходящем в том приходе, где он живет. Из приложенного к докладу опроса этого фермера видно, что он считал это «оскорблением для государя императора» и, указывая, что «народ подписывает этот адрес по глупости, но без злого намерения», просил довести до сведения царя, «что в адресе не заключается вовсе мнения всего финского народа, а лишь шведской бюрократии», что «финский народ отлично понимает, что Финляндия должна иметь одну армию с Россией», что «манифест нисколько не нарушал основных законов империи», и пр.

[7]) Резолюция Николая, о которой говорится здесь, была заготовлена для него Бобриковым, который и обычно представлял Николаю проекты желательных резолюций; Николаю оставалось только их переписывать.

Упоминаемая здесь резолюция была следующего содержания:

«Генерал-лейтенанту Прокопе.

«Порядок принесения нам всеподданнейших прошений, указанный высочайшим объявлением 30 июня 1826 г., необходимо согласовать с последующим законодательством и, в особенности с сеймовым уставом, по § 1 которого земские чины, собранные на сейм, представляют финский народ. До издания новых по сему правил объявите генерал-губернатору мое повеление, чтобы: 1) отклонялись впредь всякие домогательства финляндцев, в какой бы форме таковые ни проявлялись, если только они направлены к отмене или изменению высочайших манифестов или иных нами утвержденных законодательных актов, сила которых, во всяком случае, должна оставаться непоколебимой, и 2) воспретить впредь в великом княжестве сборища и сходки для составления скопом всеподданнейших просьб и жалоб без разрешения на то генерал-губернатора по особым ходатайствам губернаторов, сохранив право подачи тех и других лишь за отдельными общинами, семьями и их членами».

Представляя Николаю проект этой резолюции, Бобриков при этом писал:

«До вручения генералу Прокопе, при ближайшем его докладе, настоящей резолюции, не соизволите ли признать соответственным, в видах большей осторожности, предложить ему вопрос: согласна ли она с финляндскими законами?

«Искренно желал бы избегнуть даже и случайного недоразумения».

[8]) Секретный циркуляр губернаторам, о котором здесь говорится (от 7 марта 1899 г.), обращал их внимание на допу-

щение в стране демонстраций и даже выборов депутации для представления адреса об отмене манифеста 3 февраля, «вопреки высочайшего постановления от 30 июня 1826 года». Предполагая, что обо всем этом не было известно губернаторам, генерал-губернатор предупреждает их, что дальнейшее проявление «преступного бездействия» со стороны подчиненных губернаторам будет отнесено на личную ответственность губернаторов и, в особых случаях, об этом будет представляться «на высочайшее воззрение».

[9]) Ген. Шипов был только что назначен помощником Бобрикова, и в письме своем к Николаю от 24 марта 1899 г. Бобриков ходатайствовал о назначении Шипову содержания из финляндских сумм в размере 40 тысяч марок. Назначением Шипову жалованья из финских сумм Бобриков думал «уязвить» финляндцев. Однако Николай, как видно из настоящего письма, еще ранее назначил Шипову содержание из русского государственного казначейства и лишь поденные — из финской казны.

[10]) Член Госуд. Совета Фриш и Плеве, бывший в то время государственным секретарем, состояли, вместе с Победоносцевым и другими пятью лицами, членами того комитета, которым были выработаны финляндские акты 3 февраля 1899 г.

Неизвестный отклик на процесс 193-х.

Публикуемая рукописная прокламация была препровождена в копии министру внутренних дел костромским губернатором, при «представлении» от 13 февраля 1878 г. за № 9 (ЛЦИА, дело канцелярии м-ра вн. дел. № 2029, т. IV, л. л. 421—424). Как видно из губернаторского сообщения, прокламация была найдена в Костроме 12 февраля сторожем литейного завода Шипова Головиным наклеенной на заборе завода. Полицмейстер, получив известие о прокламации в 12 ч. ночи, распорядился об осмотре всех мест, посещаемых народом, так как 13 февраля — день торговый. При этом в торговых рядах было обнаружено еще 2 экз. «Все три экземпляра, — как гласит сообщение, — писаны полууставом, очевидно, одним лицом, на бумаге Сумкина № 6».

«Городские работники и крестьяне!

«Послушайте, что делается на земле русской. В Оренбургской губернии в Илецком городке есть тюрьма; в этой тюрьме потолок готов обрушиться, пол провалился; стены от сырости покрыты густым слоем слизи, залиты кровью и поддерживаются подпорками. В больнице всего 5-ть кроватей, и больные валяются на полу рядом с мертвыми, уже начинающими гнить. Смотритель этой тюрьмы — выгнанный за взятки бывший становой, из-за денег, говорят, готовый зарезать родного отца. Вот что он проделывает с арестованными: на площади среди большого собрания народа их так били, что народ крестился и плакал; бьют, бьют, пока память потеряют, тогда обольют водой и снова бить начинают, чем попало: замками, кандалами, ружейными прикладами; на том месте, где били, столько крови, точно скотину кололи. Потом их связали всех одной веревкой и за ноги волокли по земле в тюрьму. Несчастные представляли окровавленные массы синей опухоли, так что нельзя было различить одного от другого. Обыкновенное наказание — привяжут ремнями к кобыле и секут колючими розгами, размоченными в соленой воде, нанося от 25 до 135 ударов. Священник не лучше. Что на духу скажешь, обо всем кричит, да еще вдобавок ругается и насмехается. Однажды смотритель зимой поставил всех арестантов на несколько часов на дворе на колени, без шапок, и держал к ним такую речь: «Я здесь бог, я — царь, я — губернатор. Здесь ваша могила и гроб». Потом показался на крыльце поп с криком: «Бейте их, убивайте» и выругался по-матушке. За 50 сажен до квартиры смотрителя всякий обязан снимать шапку, как перед храмом божиим, а если ослушаешься — секут колючими розгами.

О больнице говорят,что там смерть каждому. Больных гоняют на работу. Один больной арестант Лебедев понес было ушат, да тут же и умер. И ни суда, ни управы на этих злодеев! Губернатор этого изверга себе еще в имение управляющим взял, а одного человека, который пожаловался на смотрителя за его злодейство, из службы выгнали, да надругались, обыскивать стали, ты, мол, человек вредный. Исправники без всякого суда мучат крестьянок раскаленными щипцами за то, что они вступались за своих мужей. Человека ни в чем неповинного закуют в кандалы, посадят в острог, и сидит он там, ждет суда. Вот он высидит два года, а то и больше, суд его оправдает (и то редко), ступай, мол, ты теперь волен, иди... умирай! и умрет, потому входит в тюрьму краснощекий, здоровый, а выходит — в чем душа держится. А что же наш батюшка царь-освободитель? А он воюет себе с туркой, — благо, народ за мученье за свое ему и солдатиков и деньги дает, — да вино пошивает, да кошель набивает, — и знает он, что делается, да ему того и надо! Он сам недавно упрятал в тюрьму 200 человек без суда за то, что за народ вступились, и теперь вот разослал их: кого в каторгу, кого в Сибирь на поселенье на веки-вечные. А и виноваты-то они были только в том, что бросили барство, надели армяки и стали работать сами, как мужики, и деньги свои тоже на крестьянские нужды обратили, а денег у других было много, тысяч 20. Много бы еще порассказал я вам, да пока и этого довольно. А вы читать читайте, да на ус себе мотайте. Кстати, пожалейте бедных арестантиков: ведь и они тоже люди, да подумайте: как бы горю пособить?

Друг рабочего народа».

Сообщил *Ш. Левин.*

Ответственная редакция: В. Адоратский. В. Максаков. М. Покровский. В. Фриче.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Ставка и министерство иностранных дел *(продолжение)*. . . . . 3— 57

Московская Городская Дума после Октября. С предисловием *М. Ф. Владимирского*. . . . . 58—109

Дневник Николая Романова *(окончание)*. . . . . .110—138

Из отчета о перлюстрации департамента полиции за 1908 г. . . . .139—159

Бакунин и Дрезденское восстание. *В. П. Полонский*. . . . . .160—190

Письма Ф. М. Достоевского. . . . . .191—214

Из записной книжки архивиста.

Речь ген. Скобелева в Париже в 1882 г. С предисловием *Е. В. Тарле* . .215—225

Николай Романов и Финляндия. Сообщил *В. П. Семенников*. . . .225—233

Неизвестный отклик на процесс «193». Сообщил *Ш. Левин*. . . . . 233—234

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Институт К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

ПРИСТУПИЛ К ИЗДАНИЮ

СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ

Г.-В.-Ф. ГЕГЕЛЯ

В 15 ТОМАХ

ИЗДАНИЕ БУДЕТ ЗАКОНЧЕНО В 1931 г., К СТОЛЕТИЮ СМЕРТИ ГЕГЕЛЯ
ЕЖЕГОДНО БУДЕТ ВЫХОДИТЬ 4 ТОМА

ПЛАН ИЗДАНИЯ

Том I. — Феноменология духа.
Том II. — Энциклопедия философских наук. **Часть I.** Логика.
Том III. — Энциклопедия философских наук. **Часть II.** Философия природы.
Том IV. — Энциклопедия философских наук. **Часть III.** Философия духа.
Тома V — VI. — Наука логики.
Том VII. — Философия истории.
Том VIII. Философия права.
Тома IX — XI. — Эстетика.
Тома XII — XIV. — История философии.
Том XV. — Философская пропедевтика. Разные статьи. Библиография сочинений Гегеля и литература о нем.

ИЗДАНИЕ БУДЕТ ВЫХОДИТЬ ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЯМИ
А. М. ДЕБОРИНА и Д. Б. РЯЗАНОВА.

В ТЕЧЕНИЕ 1928 г. ВЫЙДУТ Т. Т. II, V, VII и VIII.

Том II. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ФИЛОСОФСКИХ НАУК
Часть I. ЛОГИКА

ВЫЙДЕТ ИЗ ПЕЧАТИ К 1 ИЮЛЯ С. Г.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ Т. Т. III, VI, IX и XII.